

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – IX

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

20–22 июня 2005 г.

Санкт-Петербург
«Наука»
2005

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-IX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Отв. редактор
Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. – 2005. – 286 с.

ISBN 5-02-027050-4
отв. редактор Н. Н. Казанский
отв. за выпуск Е. Р. Крючкова

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОВОДИТСЯ В РАМКАХ
Постоянно действующей Школы индоевропейского
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 03-04-00223а
«Индоевропейский компьютерный тезаурус»,
гранта № НШ-697.2003.6 Президента РФ
«Школа сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)
и
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2001 г.
Подписано к печати 01.06.05 г. Формат 60х90/16. Тираж 300 экз.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

ООО «АкадемПринт». Санкт-Петербург, ул. Миллионная, 19.
Лицензия ПЛД № 69-924 от 30 октября 1998 г.

ISBN 5-02-027050-4

© Коллектив авторов, 2005
© ИЛИ РАН, 2005

Ал. Вл. Андреев

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС:**ДАТИВ + ПРИЧАСТИЕ *πειθόμενος* В ЭЛЕГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ**

Элегический стих, основанный, как и все древнегреческое стихосложение, на чередовании долгих и кратких слогов, накладывает определенные ограничения на естественный порядок слов в предложении. Именные и, особенно, глагольные формы могут занимать в стихе ограниченное число мест; при этом, возможность употребления используемой словоформы в той или иной позиции обуславливается просодической структурой ее суффиксов и флексий. Интересно, что зачастую определенная словоформа начинает появляться в одной из нескольких метрически равноценных позиций значительно чаще, чем в других. В этом случае возможно образование особых, свойственных только элегическому дистиху синтаксических последовательностей.

Так, в ранней элегии чрезвычайно распространена синтаксическая схема, при которой гекзаметрический стих содержит описание главного действия (подлежащее, сказуемое, дополнение и т. п.), пентаметрический же – побочного, связанного или (чаще) с субъектом главного высказывания, или с каким-либо другим членом главного предложения (например, с прямым дополнением), и выраженного причастным оборотом с *participium coniunctum*, замыкающим синтагму в целом.

Примером популярности описанной синтаксической конструкции может служить хотя бы тот факт, что из четырех сохранившихся дистихов из знаменитой элегии Солона «Саламин» три устроены именно по указанному принципу:

αὐτὸς κῆρυξ ἦλθον ἀφ' ἱμερτῆς Σαλαμῖνος,
κόσμον ἐπέων ᾠδὴν ἀντ' ἀγορῆς θέμενος.
εἶπεν δὴ τότε ἐγὼ Φολεγάνδριος ἢ Σικινήτης
ἀντί γ' Ἀθηναίου πατρίδ' ἀμειψόμενος·
 αἶψα γὰρ ἂν φάτις ἦδε μετ' ἀνθρώποισι γένοιτο·
 "Ἀττικὸς οὗτος ἀνὴρ, τῶν Σαλαμιναφετέων".
ἴομεν ἐς Σαλαμίνα μαχησόμενοι περὶ νήσου
ἱμερτῆς χαλεπὸν τ' αἰσχος ἀπώσομενοι.

В ходе данного исследования нам хотелось бы рассмотреть один частный (но по частоте употребления превосходящий все остальные) случай использования описанной синтаксической

схемы – появление в элегическом тексте причастия *πειθόμενος* («подчиняющийся, повинующийся»).

I. Использование причастия *πειθόμενος* в поэмах Гомера и памятниках раннегреческой элегии

В тексте гомеровских поэм исследуемое причастие встречается трижды. В двух случаях оно открывает гекзаметрический стих, а оставшуюся предцезурную часть стиха занимает почти неизбежный при глаголе *πέιθομαι* датив (подчиняющийся кому/чему-л.). Представляется интересным, что оба раза мы встречаем в тексте «женскую» цезуру – случай, не особенно удобный для конструирования на основе такого гекзаметра пентаметрического стиха:

ἡμεῖς καὶ Θήβης ἔδος εἶλομεν ἑπταπύλοιο
παυρότερον λαὸν ἀγαγόνθ' ὑπὸ τείχος ἄρειον,
πειθόμενοι τεράεσσι θεῶν καὶ Ζηνὸς ἀρωγῆ
(II., IV, 406–408)

ὦ πόποι ἦ μοι ἄχος μεγάλητορος Αἰνεΐαο,
ὃς τάχα Πηλεΐωνι δαμείς Ἄϊδος δὲ κάτεισι
πειθόμενος μύθοισιν Ἀπόλλωνος ἐκάτοιο
νήπιος, οὐδὲ τί οἱ χραϊσμήσει λυγρὸν ὄλεθρον.
(II., XX, 293–296)

Последний случай появления разбираемого причастия в тексте гомеровских поэм внешне мог бы оказаться более значимым для нашего исследования:

αἰ δ' ἐπιπειθόμενα στόρεσαν λέχος ὡς ἐκέλευσε
κῶεά τε ῥῆγός τε λίνιοί τε λεπτὸν ἄωτον.
(II., IX, 659–660)

Впрочем, здесь следует обратить внимание на две вещи: во-первых, в данном случае при причастии отсутствует датив, во-вторых, сама синтаксическая структура (а, следовательно, и фразовая интонация) в данном случае совершенно не соответствует изложенному выше принципу. Действительно, в данном случае причастие, являющее собой почти всю группу подлежащего, открывает синтагму, затем следуют предикат и объект, замыкает же стих начало придаточного предложения, продолжающегося и в следующей строке.

В элегическом тексте причастие *πειθόμενος* впервые (трижды) засвидетельствовано у Солона. Приведем эти места:

αὐτοὶ δὲ φθείρειν μεγάλην πόλιν ἀφραδίησιν
ἄστοι βούλονται χρήμασι πειθόμενοι <...>
(Solo, 4, 5–6)

πλουτέουσιν δ' ἀδίκους ἔργμασι πειθόμενοι
(Solo, 4, 11)

ὄν δ' ἄνδρες τιμῶσιν ὑφ' ὕβριος, οὐ κατὰ κόσμον
ἔρχεται, ἀλλ' ἀδίκους ἔργμασι πειθόμενος
οὐκ ἐθέλων ἔπεται, ταχέως δ' ἀναμίσγεται ἄτη·
(Solo, 13, 11–13)

Мы видим, что во всех трех случаях исследуемое причастие располагается в конце пентаметра. Более того, во всех трех случаях причастию предшествует (занимая при этом оставшуюся часть второй половины пентаметра) существительное в *dat. pl.* (функция этого датива описана выше). Еще более значимым является то, что употребленные существительные (*χρήμασι* и, дважды, *ἔργμασι*) просодически и морфологически абсолютно идентичны. Действительно, оба они представляют собой двусложные отглагольные образования на *-μα* (*-ματος*) с долгим первым слогом. В первом примере согласованный с подлежащим причастный оборот (*χρήμασι πειθόμενοι*) замыкает предложение (в следующем стихе происходит смена подлежащего), в то время как субъект (*αὐτοὶ* <...> *ἄστοι*), предикат (*φθείρειν* <...> *βούλονται*) и вся группа сказуемого (*μεγάλην πόλιν ἀφραδίησιν*) располагаются выше. С определенной долей вероятности мы можем предполагать подобную структуру и для второго приведенного нами фрагмента (стих Solo, 4, 11 дошел до нас без контекста). В третьем случае (Solo, 13, 11–13), также как и в двух предыдущих, начало пентаметрического стиха занято предикатом (*ἔρχεται*), однако интересующее нас *participium coniunctum* связано по смыслу не с ним, а с однородным ему сказуемым *ἔπεται*, расположенным в предцезурном положении следующего (гекзаметрического) стиха. Таким образом в данном примере причастный оборот (*ἀδίκους ἔργμασι πειθόμενος*) предшествует остальной части синтагмы (*οὐκ ἐθέλων ἔπεται*).

Следующим (с хронологической точки зрения) текстом, где может быть обнаружен оборот с причастием *πειθόμενος*, является Феогнидов корпус. Важно, что в этом тексте лишь в двух случаях из девяти исследуемое причастие располагается не в конце пентаметрического стиха. Мы по разу находим данную глагольную форму, открывающей гекзаметр и пентаметр:

εἰ δ' ἦν ποιητόν τε καὶ ἔνθετον ἀνδρὶ νόημα,
οὐποτ' ἂν ἐξ ἀγαθοῦ πατρὸς ἔγεντο κακός,
πειθόμενος μύθοισι σαόφροσιν·
(Theogn., 435–437)

Μῆποτ' ἐπὶ σμικρῶι προφάσει φίλον ἄνδρ' ἀπολέσσαι
πειθόμενος χαλεπῆι, Κύρνε, διαβολίηι.

(Theogn., 323–324)

В первом случае с достаточной долей уверенности можно говорить о влиянии эпического текста. По крайней мере, именно на такие мысли наводит следующий за πειθόμενος датив μύθοισι, – словосочетание, которое уже встречалось нам при рассмотрении текста «Илиады» (II, XX, 295)¹. При этом в данном случае, также как и в процитированных выше гомеровских стихах причастный оборот с *participium coniunctum* следует за главными членами, а, следовательно, и за главной идеей предложения, замыкая его и словно бы очерчивая ситуацию, при которой центральная идея высказывания становится возможной.

Во втором случае причастный оборот также расположен в конце высказывания, занимая весь пентаметрический стих. Вместе с тем, причастие в этом случае не замыкает, а открывает конструкцию. Такая позиция является сравнительно редкой, и ниже мы посвятим разбору сходных случаев отдельный пассаж. На данный момент стоит лишь отметить тот факт, что места в конце первой и второй половин пентаметра в разбираемом стихе занимают согласованные между собой дативы с долгим окончанием -η: такая расстановка форм косвенных падежей с долгими окончаниями является одним из излюбленных приемов поэта-элегика. При этом выбор указанной фигуры в данном случае может быть обусловлен и формальными соображениями: вряд ли для шестисложного и очень неудобного в просодическом отношении слова διαβολίηι (для того, чтобы просто уместить его в стихе, поэту приходится прибегать к искусственному удлинению краткого ᾶ) можно использовать какую-либо другую позицию в стихе.

В остальных случаях, как уже было отмечено, причастие располагается в конце пентаметра. При этом по крайней мере дважды мы можем предполагать прямое влияние на текст Феогнида разобранных выше стихов Солона:

πῶς δὴ σευ, Κρονίδη, τολμᾶι νόος ἄνδρας ἀλιτρούς
 ἐν ταύτῃ μοίρῃ τόν τε δίκαιον ἔχειν,
 ἦν τ' ἐπὶ σωφροσύνην τρεφθῆι νόος ἦν τε πρὸς ὕβριν
 ἀνθρώπων ἀδίκοισ' ἔργμασι πειθομένων;

(Theogn., 377–382)

¹ На это, в частности указывает в своем издании Феогнида Д. Янг (Theognis / ed. D. Young. Lipsiae, 1971. P. 29).

Αὐτός τοι ταύτην εἰδὼς κακόπατριν ἐοῦσαν
 εἰς οἶκον ἄγεται χρήμασι πειθόμενος
 εὐδοξὸς κακόδοξον, ἐπεὶ κρατερὴ μιν ἀνάγκη
 ἐντύνει, ἦτ' ἀνδρὸς τλήμονα θῆκε νόον.

(Theogn., 193–196)

Собственно говоря, предположение о влиянии элегий Солона на произведения Феогнидова сборника не является чем-то новым. Случаи прямого цитирования стихов афинского поэта (зачастую с элементами литературной игры) многократно отмечались комментаторами². Впрочем, то, с чем мы имеем дело в приведенных выше примерах, вероятно, не может быть названо цитированием в прямом смысле этого слова. Цитирование предполагает осознанное и оправданное с точки зрения авторского замысла повторение чужих слов, в то время как в данном случае речь, как кажется, может идти только об использовании поэтом синтаксически и метрически чрезвычайно удобной находки Солона.

К сожалению, мы практически ничего не знаем о том, что происходило с элегическим жанром в период между Солоном и Феогнидом, однако, возможно, за это время исследуемая конструкция закрепилась в языке элегии настолько, что по сути уже тогда превратилась в формулу. По крайней мере, именно таковой она является все для того же Феогнида, который, сохраняя общую структуру обсуждаемой синтагмы, начинает использовать ее гораздо шире, подставляя в начало второй половины пентаметра все новые и новые дативы. Действительно, мы сталкиваемся с двумя случаями появления в тексте Феогнидова сборника формы ρήμασι, морфологически абсолютно идентичной Солоновым дативам:

Μῆποτε τὸν παρεόντα μεθεὶς φίλον ἄλλον ἐρεῦνα
 δειλῶν ἀνθρώπων ρήμασι πειθόμενος.

(Theogn., 1151–1152)

ἰκτίνου γὰρ ἔχεις ἀγγιστρόφου ἐν φρεσὶν ἦθος
 ἄλλων ἀνθρώπων ρήμασι πειθόμενος.

(Theogn., 1261–1262)

Интересно однако, что на указанном месте не всегда появляются именно *dat. pl.* слов на -μα (-ματος); поэт использует и

² О том, что Феогнид активно пользовался стихами Солона, зачастую, впрочем, наполняя их новым смыслом, см., например: Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 48–49.

внешне похожий dat. pl. ἀνδράσι, и даже dat. sg. III склонения σῶφρονι, также прекрасно укладывающийся в размер:

πατρίδα κοσμήσω, λιπαρὴν πόλιν, οὐτ' ἐπὶ δῆμωι
τρέψας οὐτ' ἀδίκοισ' ἀνδράσι πειθόμενος.

(Theogn., 947–948)

εἰς δὲ τελευτῆν

αἰνήσεις μύθωι σῶφρονι πειθόμενος. (Theogn., 755–756)

II. Развитие конструкции датив+πειθόμενος в эпиграмматической лирике

Дальнейшую историю разбираемой синтаксической формулы можно проследить на основании эпиграмматической лирики, являющейся практически единственным и потому важнейшим источником для исследования развития элегического дистиха в классическую и эллинистическую эпохи. Вероятно, в первую очередь здесь следует обратить внимание на эпigramмы Симонида Кеосского, поэта, которого сами греки считали творцом этого жанра, чьи произведения воспринимались как эталонные и вызвали массу подражаний, так что до нашего времени под именем Симонида дошло немалое число подделок. В эпigramмах Симонида исследуемая конструкция появляется дважды; при этом она продолжает развиваться (в первую очередь за счет появления в позиции перед причастием все новых дативов), становясь более общей и пригодной для большего количества ситуаций. Действительно, в текстах греческого поэта помимо датива ῥήμασι, с употреблением которого в связке с причастием πειθόμενος мы уже сталкивались в Феогнидовом корпусе³, мож-

³ Это соответствие отмечает, например, Б. ван Гронинген, см.: Theognis. Le premier livre / édité avec un commentaire B. A. van Groningen. Amsterdam, 1966. Относительно датировки жизни Феогнида идут споры. Одни ученые считают 40-е годы VI века (цифра, фигурирующая в сложном для трактовки месте словаря Суды (Suida s. v. θέογνις)) периодом расцвета творчества поэта, другие – временем его рождения (об этом см.: Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 25–26). Во втором случае (этого мнения придерживается, например, В. Али: Aly W. Theognis // RE, Bd. VA,2. Sp. 1973) Феогнид должен быть современником Симонида. Впрочем, даже в этом случае эпigramма Симонида (время создания 480–479 гг. до н. э.) вряд ли была написана раньше, чем соответствующее стихотворение из Феогнидова сборника. Вместе с тем, гипотетическая возможность влияния эпи-

но обнаружить и dat. sg. λήματι (что, кстати, является первым засвидетельствованным случаем появления в разбираемой формуле dat. sg. слов на -μα (-ματος), формы, метрически абсолютно идентичной dat. pl.):

ᾠ ξεῖν', ἀγγέλλειν Λακεδαιμονίοις, ὅτι τῆδε
κεῖμεθα τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι.

(Anth. Pal., VII, 249)

Τόνδε ποθ' Ἑλληνας ῥώμη χερὸς ἔργω Ἴαρος,
εὐτόλμω ψυχῆς λήματι πειθόμενοι,
Πέρσας ἐξελάσαντες, ἐλεύθερον Ἑλλάδι κόσμον
ἰδρύσαντο Διὸς βωμὸν Ἐλευθερίου.

(Anth. Pal., VI, 50)

Исследование других эпigramм Палатинской Антологии, содержащих данную конструкцию, также позволяет выявить большую группу «новых» дативов.

Οὐκ ἔσθ' οὖτος ἔρωσ, εἴ τις καλὸν εἶδος ἔχουσαν
βούλετ' ἔχειν, φρονίμοις ὄμμασι πειθόμενος.

(Anth. Pal., V, 89, 1–2)

καὶ βίωτος καθαρὸς σοφίας ἐπὶ θεῖον ἐκόσμη
αἰῶν' ἀστρέπτοις δόγμασι πειθόμενος.

(Anth. Pal., VII, 103, 5–6)

<...> πρίονα, μιλιεῖω στάγματι πειθόμενον <...>

(Anth. Pal., VI, 103, 4)

Ζωγράφε, τὰς μορφὰς κλέπτεις μόνον· οὐ δύνασαι δὲ
φωνὴν συληῆσαι χρώματι πειθόμενος.

(Anth. Pal., XI, 433)

Τὸ ξίφος ἐκ κολεοῖο τί σύρεται; οὐ μὰ σέ, κούρη,
οὐχ ἵνα τι πρήξω Κύπριδος ἀλλότριον,
ἀλλ' ἵνα σοι τὸν Ἴαρον, καὶ ἀζαλέον περ ἔοντα,
δείξω τῆ μαλακῆ Κύπριδι πειθόμενον.

(Anth. Pal., V, 238, 1–4)

σὸν δ' οὐ τοῦτον ἐγὼ τίθεμαι τάφον, ἀλλὰ τὰ Βάκχου
βήματα καὶ σκηνὰς ἐμβάδι πειθομένας.

(Anth. Pal., VII, 51, 5–6)

Γαῖαν τὴν φερέκαρπον, ὅσην ἔζωκε περίχθων
ὠκεανὸς μεγάλω Καίσαρι πειθομένην <...>

(Anth. Pal., IX, 778, 1–2)

граммы Симонида на разобранное выше место из Феогнида никак не отразится на общих выводах нашего исследования.

ὦ ἴτ' ἐπ' ἐμπορίην πίσυνοι χαρίεντι Πριήπῳ,
ὦ ἴτε δὴ λιμένων δαίμονι πειθόμενοι.

(Anth. Pal., X, 6, 7–8)

ἀλλ' ἀπὸ τύμβων

φεύγετε, νεκροκόμοι, Μάρτυσι πειθόμενοι.

(Anth. Pal., VIII, 174, 3–4)

Это обстоятельство, так же как и сам факт столь частого и последовательного использования поэтами одной и той же схемы, должен в очередной раз свидетельствовать о ее популярности. Более того, большое разнообразие тематики при сохранении общей структуры и жизнеспособность на протяжении многих веков (среди приведенных выше эпиграмм можно обнаружить даже текст с христианской тематикой – Anth. Pal., VIII, 174) позволяют говорить о возможном закреплении конструкции в языке вообще, а не только в языке элегической поэзии.

Впрочем, перед тем, как делать какие-либо окончательные выводы, следует остановиться на тех (немногочисленных) случаях, когда причастие *πειθόμενος* располагается не в конце пентаметра, а в какой-либо другой части стиха, тем самым как будто ломая привычную структуру разбираемого синтаксического оборота. Помимо двух упомянутых нами выше мест из Феогнидова корпуса, к этой группе следует отнести и несколько эпиграмм из Палатинской Антологии:

ἴλαος ἀλλὰ δέχοιτο καὶ αἰνήσειεν αἰοιδόν,
Ζεὺς μέγας ὡς ὀλίγῳ πειθόμενος λιβάνῳ.

(Anth. Pal., IX, 93, 3–4)

τίκτετε, πόρνοι,

τίκτετε τῷ Μόσχῳ πειθόμεναι στεφάνῳ.

(Anth. Pal., XI, 363, 5–6)

ἄνθεα δ' ἀντέλλουσι κατὰ χθόνα· τῷ σὺ Πριήπῳ
πειθόμενος πάσης ἄπτεο ναυτιλίας.

(Anth. Pal., X, 4, 7–8)

τὴν ἰδίην γνώμην κατεμέμψατο καὶ τὸ μάθημα
καὶ τοὺς πειθομένους ἄστρολόγοις ἀλόγοις.

(Anth. Pal., VII, 687, 3–4)

Καὶ τὸν ἀρουραῖον γυρητόμον αὔλακα τέμνει
μηροτυπεῖ κέντρῳ πειθομένη δάμαλις
καὶ μετ' ἀροτροπόνους ζεύγλας πάλι τῷ νεοθηλεῖ
πινομένη μόσχῳ δεύτερον ἄλγος ἔχει.

(Anth. Pal., IX, 274, 1–4)

Стоит, однако, сразу отметить существенную разницу между двумя группами примеров. Действительно, во всех приведенных выше случаях косвенное дополнение при причастии выражено

дативом слов с основами на -ο- и -ᾱ-. Данное обстоятельство, по видимому, и является причиной слома устоявшейся конструкции. С одной стороны, эти формы, имеющие долгое окончание, по формальным обстоятельствам не могут располагаться в позиции перед *πειθόμενος*, с другой – такого рода формы, при наличии приемлемой просодической структуры тяготеют к тому, чтобы занимать место в конце пентаметрического стиха. Более того, при наличии согласованного (dat. sg или pl.) или несогласованного (gen. sg или pl.) определения, выраженного прилагательным или существительным слов первого и второго склонения, занятой, как правило, оказывается и позиция перед цезурой (ср. примеры 1 и 2). В этом случае причастие располагается в начале второй половины пентаметра, общая же структура синтагмы (главное предложение → причастный оборот с обстоятельным оттенком) сохраняется.

Пример 3, напротив, представляет собой чрезвычайно редкий случай, когда причастный оборот открывает синтагму. Впрочем, объяснением этому может стать тот факт, что датив *Πριήπῳ* (с просодикой краткий-долгий-долгий) неудобен для расположения в пентаметре. Вместе с тем, следует отметить, что позиции в конце каждой из двух половин пентаметра в разбираемом тексте (равно как и в двух приведенных выше примерах) занимают формы первого склонения с долгими окончаниями (на этот раз это gen. sg., зависящий от *ἄπτεο*).

В случае с примером 4, следует, с одной стороны, повторить аргументацию, касающуюся примеров 1 и 2, с другой – обратить внимание на определенные особенности данной синтагмы, следствием которых является несколько другой порядок слов. Действительно, субстантивированное причастие *τοὺς πειθομένους* (снабженное артиклем прямое дополнение при глаголе *κατεμέμψατο*) находит в исследуемом примере соответствия в виде расположенных в гекзаметрической части дистиха двух однородных прямых дополнений (также предворяемых артиклем): *τὴν ἰδίην γνώμην* и *τὸ μάθημα*. Возможно, в том числе и в этом следует искать ответ на вопрос почему автор не предпочел реально существующему тексту *καὶ τοὺς πειθομένους ἀστρολόγοις ἀλόγοις*. (Anth. Pal., VII, 687, 3–4) вполне допустимую (впрочем, лишь синтаксически, но не эвфонически) строку: ****καὶ τοὺς ἀστρολόγοις πειθομένους ἀλόγοις**.

В последнем примере особенно существенным для порядка слов в синтагме, на наш взгляд, оказывается употребление в качестве подлежащего существительного *δάμαλις*. Поэты-элегики

склонны располагать слова, состоящие из трех кратких слогов в позиции в конце пентаметра (с естественным удлинением последнего слога). В данном же случае существенным может оказаться и то, что существуют примеры аналогичного расположения исследуемого слова в текстах других эпиграмм Палатинской Антологии.

Εἰ μή μου ποτὶ τῶδε Μύρων πόδας ἤρμοσε πέτρα,
ἄλλαις ἂν νεμόμαν βουσὶν ὁμοῦ δάμαλις.
(Anth. Pal., IX, 720)

Ἦνίδε καὶ χέρσου τὸ γεωτόμον ὄπλον ἐρέσσει
καὶ τὸν ὑπουθατίαν μόσχον ἄγει δάμαλις,
βούταν μὲν τρομέουσα διάκτορα, τὸν δὲ μένουσα
νήπιον, ἀμφοτέρων εὖστοχα φειδομένη.
(Anth. Pal., X, 101, 1–4)

III. Конструкция датив+πειθόμενος в элегии (выводы)

После того, как закончен разбор случаев, не вписывающихся в общую схему, следует подытожить наши знания об употреблении исследуемой конструкции в элегическом дистихе.

1. Лишь однажды интересующее нас причастие располагается в гекзаметрическом стихе (Theogn., 435–437), что, как было показано выше, скорее всего, объясняется влиянием Гомера, ср. πειθόμενος μύθοισιν Ἀπόλλωνος ἐκάτοιο – II, XX, 295.

2. Причастный оборот обычно располагается в конце синтагмы; причастие – в конце пентаметрического стиха.

3. Во всех процитированных выше случаях (включая и «исключения») при причастии πειθόμενος обязательно присутствует датив⁴. В прозаическом тексте абсолютное употребление глагола πείθομαι является обычным⁵.

4. В прозе (в частности, в тексте «Истории» Геродота)⁶ в дативе при πείθομαι регулярно появляется личное или указатель-

⁴ Нам удалось обнаружить только один пример с абсолютным употреблением причастия (Anth. Pal., VI, 80, 5–6):

αἰτεῖ δ' ἀντὶ πόνων, ἵνα οἱ διὰ σεῖο παρείη
ἢ τινα μὴ φιλέειν ἢ ταχὺ πειθομένην.

Интересно, что и в этом случае причастие занимает позицию в конце пентаметра.

⁵ См.: Powell J. E. A lexicon to Herodotus. 2. ed. Hildesheim, 1977. P. 297–298 (s. v. πείθω).

⁶ Там же. P. 297.

ное местоимение (ἐμοί, οἱ, σφι, τοῖσι и т. п.). В элегии вместо этого мы всегда обнаруживаем существительное, причем зачастую осложненное согласованным или несогласованным определением.

5. Конструкция, вероятно, введенная в арсенал элегической поэзии Солоном, первоначально особенно подходила для общественно-политической лирики (ср. χρήμασι/ἔργμασι/ῥήμασι πειθόμενος). Позднее круг возможных дативов расширился. Помимо датива мн. ч. слов на -μα (-ματος) появляются сходные дативы мн. ч. III скл. (ср. ἀνδράσι), а также трехсложные дативы ед. ч. III скл. с просодикой долгий-краткий-краткий (Κύπριδι и т. п.). Соответственно, расширяется и круг ситуаций, для описания которых конструкция может использоваться, что может объяснять ее необыкновенную жизнеспособность. В связи с этим не представляется невероятной возможность влияния исследуемой синтаксической структуры на прозаический текст (см. ниже).

6. Детальный разбор показывает, что лишь в пяти случаях исследуемая конструкция ограничивается двумя словами (датив+причастие) и занимает лишь вторую половину пентаметра:

ἄστοι βούλονται χρήμασι πειθόμενοι (Solo, 4, 6)

εἰς οἴκους ἄγεται χρήμασι πειθόμενος (Theogn., 194)

φεύγετε, νεκροκόμοι, Μάρτυσι πειθόμενοι (Anth. Pal., VIII, 174, 4)

φωνὴν συλῆσαι χρώματι πειθόμενος (Anth. Pal., XI, 433, 2)

βήματα καὶ σκηνὰς ἐμβάδι πειθομένους (Anth. Pal., VII, 51, 6)

В большинстве случаев конструкция распространяется и на первую часть стиха, в которой в этом случае располагается согласованное или несогласованное (выраженное генитивом мн. ч.) определение:

πλουτέουσιν δ' ἀδίκους ἔργμασι πειθόμενοι (Solo, 4, 11)

ἔρχεται, ἀλλ' ἀδίκους ἔργμασι πειθόμενος (Solo, 13, 12)

βούλετ' ἔχειν, φρονίμοις ὄμμασι πειθόμενος (Anth. Pal., V, 89, 2)

τρέψας οὐτ' ἀδίκους ἀνδράσι πειθόμενος (Theogn., 948)

αἰνήσεις μύθω σώφρονι πειθόμενος (Theogn., 756)

δείξω τῇ μαλακῇ Κύπριδι πειθόμενον (Anth. Pal., V, 238, 4)

κείμεθα τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι (Anth. Pal., VII, 249, 2)

ὦ ἴτε δὴ λιμένων δαίμονι πειθόμενοι (Anth. Pal., X, 6, 8)

πρίονα, μιλιεῖω στάγματι πειθόμενον (Anth. Pal., VI, 103, 4)

ἀνθρώπων ἀδίκους ἔργμασι πειθομένων (Theogn., 382)

αἰῶν' ἀστρέπτοις δόγμασι πειθόμενος (Anth. Pal., VII, 103, 6)

В нескольких случаях причастный оборот занимает весь стих (при этом появляется дополнительное определение):

δειλῶν ἀνθρώπων ῥήμασι πειθόμενος (Theogn., 1152)
 ἄλλων ἀνθρώπων ῥήμασι πειθόμενος (Theogn., 1262)
 ὠκεανὸς μεγάλῳ Καίσαρι πειθομένην (Anth. Pal., IX, 778, 2)
 εὐτόλμῳ ψυχῆς λήματι πειθόμενοι (Anth. Pal., VI, 50, 2)

Небезынтересным является и следующий факт: в тех случаях, когда начало пентаметра не занято причастным оборотом, там зачастую располагается глагольная форма. Обычно это соответствующая форма спрягаемого глагола, с которым по смыслу связано исследуемое нами *participium coniunctum*.

IV. Следы влияния конструкции датив+πειθόμενος на прозаический текст

Отметив выше чрезвычайную частотность употребления исследуемой конструкции в элегии, мы предположили, в частности, возможность ее проявления в прозаическом тексте. В данной части работы нам хотелось бы рассмотреть ряд фактов, которые могут в той или иной степени подтвердить наше предположение.

1. В случае если при глаголе *πείθομαι* имеется зависящий от него датив, в прозаическом тексте отсутствует какая бы то ни было закономерность, касающаяся расположения этого датива относительно исследуемого глагола. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании данных, полученных при анализе текста «Истории» Геродота⁷. Вероятность появления датива в пре- или постпозиции к исследуемой глагольной форме равна здесь 50%, при этом в препозиции обычно располагаются дативы местоимений (*ἐμοί, οἱ, σφι*), в то время как существительные чаще могут быть обнаружены в постпозиции. Тем неожиданнее появление в тексте «Истории» разбираемой нами конструкции датив существительного III склонения на *-μα (-ματος)* + причастие *πειθόμενος*.

Ξέρξης μὲν ταῦτά οἱ ἔλεγε. Ἀρτάβανος δὲ οὐ τῷ πρώτῳ οἱ κελεύσματι πειθόμενος, οἷα οὐκ ἀξιούμενος ἐς τὸν βασιλῆιον θρόνον ἴζεσθαι, τέλος ὡς ἠναγκάζετο εἶπας τάδε ἐποίηε τὸ κελευόμενον· (Herodot., VII, 16)

Несмотря на лишний краткий слог в начале формы *κελεύσματι*, в результате чего словосочетание *κελεύσματι*

⁷ Анализ производился с помощью: Powell J. E. A Lexicon to Herodotus. 2. ed. Hildesheim, 1977. P. 297–298 (s. v. πείθω).

πειθόμενος не может быть размещено в пентаметрическом стихе (и, следовательно, не может быть заимствовано непосредственно из некоего элегического произведения), нам кажется возможным предположить в данном случае влияние поэтического текста. Об этом, как кажется, свидетельствует и выбор существительного, и порядок слов во фразе: в прозаическом тексте Геродота, также как и в основной массе разобранных выше поэтических примеров, группа датив + *πειθόμενος* замыкает синтагму.

2. Нам удалось обнаружить еще несколько примеров, схожих с разобранным выше. При этом ни одного случая употребления дативов слов III склонения на *-μα (-ματος)* в постпозиции к причастию *πειθόμενος* нами обнаружено не было:

τὰ μὲν οὖν εἰς Ἰταλίαν ὑπ' Αἰνείου κομισθέντα ἱερὰ τοῖς εἰρημένοις ἀνδράσι πειθόμενος γράφω τῶν τε μεγάλων θεῶν εἰκόνας εἶναι, οὓς Σαμοθράκες Ἑλλήνων μάλιστα ὀργιάζουσι, καὶ τὸ μυθεύμενον Παλλάδιον, ὃ φασὶ τὰς ἱεράς φυλάττειν παρθένους ἐν ναῶ κείμενον Ἑστίας, ἔνθα καὶ τὸ ἀθάνατον διασώζεται πῦρ· (Dionys. Halicarn., Antiquitates Romani, I, 69);

ὅθεν οὐ πάντα πάντων ἐστίν, ἀλλὰ δεῖ τῷ Πυθικῷ γράμματι πειθόμενον αὐτὸν καταμαθεῖν, εἶτα χρῆσθαι πρὸς ἓν ὃ πέφυκε, καὶ μὴ πρὸς ἄλλον ἄλλοτε βίου ζῆλον ἔλκειν καὶ παραβιάζεσθαι τὴν φύσιν· (Plutarch., de tranquill. animi, 472C);

Ἐπεὶ δὲ καὶ ἡμεῖς τῷ δόγματι πειθόμενοι παρήειμεν ὃ Τραχίνος τῆς Χαρικλείας ἐπιλαβόμενος «Οὐδὲν» ἔφη «πρὸς σὲ ὅδε ὁ πόλεμος, ὦ φιλότατη, ἀλλὰ διὰ σὲ γεγένηται καὶ σοὶ πάλαι καὶ ἐξ οὗ γε ἀπολελοίπατε τὴν Ζακυνθίων ἔπομαι, τοσοῦτον ἔνεκα σοῦ καὶ πέλαγος καὶ κίνδυνον ἀναδεξάμενος· ὥστε θάρσει καὶ ἴσθι δέσποινα σὺν ἡμῖν τῶνδε ἀπάντων ἐσομένη». (Heliodor., Aethiop., V, 26);

πάντες δὲ πρὸς τὸν θεὸν ἀποβλέπουσι κοινῶ τῷ παρ' αὐτοῦ προστάγματι πειθόμενοι. (Galenus, Adhortatio ad artes addiscendas, 5);

[καὶ] σὺ μὲν γὰρ πάντα τὰ καθήκοντα τοῖς πολίταις συνεβούλευσας καὶ ἐπραξας, οὐκ ἰδιωτεύων ἀλλ' ὑπατεύων, οὐδ' ἰδίᾳ τι πολυπραγμονῶν ἀλλὰ τοῖς τῆς βουλῆς δόγμασι πειθόμενος, οὐ κατὰ στάσιν ἀλλ' ἐπὶ τῷ βελτίστῳ γενομένοις· (Cassius Dio, Hist. Roman., XXXVIII, 25);

<...> ἐπὶ πλέον πρὸς τοὺς βασιλεῖς ἐθρασύνετο χαιρεκάκοις ἀνδράσι πειθόμενος <...> (Anna Comnena, Alexias, V, 2);

ῥυθμίζεται, καὶ καταφερῆς ἢ ἀνωφερῆς γίγνεται φύσις (Theodoret., de providentia orationes decem, 565).

Интересно, что из приведенных выше примеров, как минимум, в трех последних можно говорить о прямом цитировании фрагмента пентаметрического стиха. Такое цитирование нескольких слов, насколько об этом можно судить на основании данных русского языка, далеко не всегда является осознанным. По крайней мере, оно зачастую не предполагает знания цитирующим источника используемой цитаты (особенно, если принять во внимание необычайную частотность и вариативность исследуемой конструкции).

3. Суда, цитируя фрагмент из приведенной выше эпитафии Филиппа (Anth. Pal., VI, 103), заменяет в интересующей нас конструкции датив одного слова на подходящий по смыслу датив другого:

ἐν Ἐπιγράμμασιν· ἰθύδρομόν τε πρόιονα, μῆτις βάρματι πειθόμενον. καὶ αὐθις· (Suda s. v. πρόιον) – πρόιονα, μῆτις στάγματι πειθόμενον (Anth. Pal., VI, 103, 4)

Данный факт, как кажется, также может свидетельствовать о проникновении исследуемой нами конструкции из поэтического текста в обыденную речь. Действительно, именно этим может объясняться легкость при замене в цитируемом тексте одного слова другим. Причиной же этого может служить уже неоднократно отмечавшаяся нами частотность разбираемой синтаксической схемы.

Е. В. Антонец

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ ГРАММАТИКИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ФРАГМЕНТЫ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ МГУ

1. Начиная с эпохи античности грамматики латинского языка было принято писать прозой. Однако в конце XII – начале XIII в. появились два сочинения, нарушившие сложившуюся традицию прозаических грамматик и представлявшие собой стихотворные грамматики, – это «Доктринале» Александра из Вильдьё и «Грецизм» Эбергарда Бетюнского. Уже в XIII в. два эти сочинения пользовались такой популярностью, что отчасти вытеснили из преподавания нормативный труд Присциана и стали в позднесредневековых университетах обязательным чтением. Со временем они стали самыми распространенными руководствами по латинской грамматике.

2. Известный средневековый грамматик и математик Александр из Вильдьё (лат. Alexander de Villa Dei) родился между 1160 и 1170 гг. в Вильдьё (под Авраншем), учился в Париже, умер в 1240 или в 1250 г. в Авранше в должности каноника. Произведение под названием Doctrinale (ruerogum) объемом в 2645 гекзаметрических стихов было составлено им в 1199 г.

О жизни знаменитого в средние века филолога Эбергарда Бетюнского (лат. Eberhardus Bethuniensis) неизвестно почти ничего, кроме того, что он родился в Бетюне (графство Артуа, совр. департамент Па-де-Кале); преподавал латинскую грамматику, по-видимому, в церковной среде; некоторое время жил в Анжу. Дата его смерти (1212 г.) вычисляется на основании стихотворения неизвестного средневекового автора. Написанная Эбергардом стихотворная латинская грамматика после его смерти получила общеизвестное название Graecismus, а самому Эбергарду нередко придавали в последующие века прозвище «грецист» (Graecista).

3. Одним из основных источников «Доктринале» Александра из Вильдьё была грамматика Присциана; в качестве источников «Грецизма» Эбергард использовал «О варваризмах» Доната, «Риторику к Гереннию», первую книгу «Курса грамматики» Присциана и комментарий Петра Гелиэ (Petrus Helie, кон. XI – нач. XII) к Присциану.

Поэтические достоинства «Доктринале» и «Грецизма» даже на общем уровне средневековых дидактических поэм невелики,

но ясно, что авторы и не стремились к совершенству. Обе стихотворные грамматики были предназначены для продолжающих учеников, уже прошедших курс элементарной латинской грамматики по учебнику Доната. Их главной целью было способствовать закреплению, углублению и расширению грамматического материала; стихотворная форма хорошо подходила для этой цели. С филологической точки зрения «Доктринале» и «Грецизм» важны тем, что они внесли большой вклад в нормирование средневековой латыни.

Рукописная традиция, традиция комментирования обеих поэм и их дальнейшее бытование тесно связаны. Самая ранняя рукопись «Доктринале» датируется XIII в., всего известно более 250 рукописей этого сочинения. Рукописей «Грецизма» также известно около 250; больше половины из них снабжены глоссами или комментарием. Большая часть рукописей «Грецизма» написана в немецкоязычных странах, второе место по числу рукописей занимает Франция.

4. Среди материалов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ мы обнаружили фрагменты из рукописей «Доктринале» и «Грецизма». При этом краткое описание фрагмента «Доктринале» было опубликовано мною ранее, а идентификация фрагментов «Грецизма» вводится в научный оборот впервые в настоящем сообщении. Фрагменты обоих этих произведений входят в собрание документов, происходящих из библиотеки соборной гимназии города Гальберштадта¹.

5. По крайней мере два из трех московских фрагментов относятся к так называемым «макулатурным» фрагментам – листам рукописей, извлеченным из переплетов. Благодаря невероятной популярности «Доктринале» и «Грецизма» число копий было огромно, и неудивительно, что с возникновением книгопечатания рукописи обеих средневековых стихотворных грамматик использовались в переплетах книг. Немало подобных фрагмен-

¹ Описание Гальберштадтского собрания рукописей в библиотеке МГУ см. в работе: Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. «Коллекция документов Густава Шмидта» в собрании Московского университета. Описание фонда // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2004. С. 7–18. В этой работе фрагменты «Грецизма» не идентифицированы, а атрибуция фрагмента «Доктринале» принадлежит автору настоящего сообщения (см. Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Ук. соч. С. 19).

тов хранится в библиотеках Европы (ср., напр., *Fragm. Lat. Jen.* 43 = *Universitäts- und Landesbibliothek Jena*).

6. Фрагмент рукописи «Доктринале» (Фонд 40. Описание 1, № 29) датируется XIV–XV в. и содержит текст *Doctrinale* 2268–2524 (с лакуной). Фрагмент представляет собой два пергаменных листа размером 209 x 86–120 мм, текст написан готическим письмом и украшен красными инициалами, на каждом листе 26 строк, на л. 1 лиц. находятся маргинальные глоссы. Наряду с многочисленными ошибками во фрагменте наличествует ряд разночтений, отсутствующих в критическом аппарате издания Д. Рейхлинга², большая часть которых представляют собой дополнения недостающих частей строк в некоторых местах «Доктринале».

7. Два фрагмента «Грецизма»³ значительно отличаются друг от друга и отражают разные этапы бытования этого сочинения. Первый фрагмент (Фонд 40. Описание 1, № 11: *EBERHARDVS BETHVNIENSIS, Graecismus VIII*, 194–265; X, 45–113 (с лакунами)) датируется XIV в. – временем наивысшего распространения и наибольшего успеха «Грецизма», давшим наибольшее число глоссированных рукописей этого произведения. Фрагмент состоит из четырех пергаменных фрагментов листов (л. 1: 129 x 197 мм, л. 2: 17 x 197 мм, л. 3: 135 x 197 мм, л. 4: 14 x 197 мм). Л. 2 (содержит 4 строки текста) отрезан снизу от л. 1 (24 строки) и содержит продолжение его текста; аналогичным образом л. 4 (3 строки) отрезан снизу от л. 3 (26 строк) и продолжает его текст. Текст написан коричневыми чернилами мелким книжным готическим письмом, украшен синими инициалами, заглавные буквы отмечены красным штрихом. На полях находится подробный комментарий, выполненный хотя и мелким, но четким и легко читаемым письмом глоссы; каждая глосса выделена красным или синим знаком параграфа. Текст снабжен также интерлинейными глоссами.

² *Das Doctrinale des Alexander de Villa-Dei. Kritisch-exegetische Ausgabe mit Einleitung, Verzeichniss der Handschriften und Drucke nebst Registern.* Bearbeitet von Prof. Dr. Dietrich Reichling. Berlin, 1893 // *Monumenta Germaniae Paedagogica. Schulordnungen, Schulbücher und pädagogische Miscellaneen aus den Landen deutscher Zunge. Band XII.*

³ Критическое издание «Грецизма»: *Eberhardi Bethuniensis Graecismus.* Edidit Ioh. Wrobel. Vratislaviae, 1887 // *Corpus grammaticorum medii aevi.* Vol. I.

Второй фрагмент (Фонд 40. Опись 1, № 28: EBERHARDVS BETHVNIENSIS, *Graecismus*, XXII, 14–93; XXIII, 1–25), относящийся к XV в., представляет собой два пергаменных листа размером 195–204 x 112–120 мм. На каждом листе 27 строк; текст написан коричневыми чернилами готическим письмом с элементами курсива, украшен красным инициалом, заглавные буквы отмечены красным штрихом⁴. Текст содержит множество сокращений и не имеет глосс, что характерно для большинства поздних (XV в.) рукописей «Грецизма»⁵. Текст обоих фрагментов «Грецизма» будет проанализирован нами в докладе.

⁴ Следует отметить, что на верхнем поле каждого листа рукой XV в. написано название соответствующей главы «Грецизма»: (л. 1об.) «De coniunctionibus» и (л. 2об.) «<De prae>positionibus».

⁵ *Grondeux A.* Le *Graecismus* d'Évrard de Béthune à travers ses gloses. Entre grammaire positive et grammaire spéculative du XIIIe au XVe siècle. Paris, 2000 (Studia Artistarum. Etudes sur la Faculté des arts dans les Universités médiévales. 8).

В. А. Бондарь, М. Л. Кисилиер

О ЛАТИНСКОМ ВЛИЯНИИ НА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ ТЕКСТЫ В ОБЛАСТИ МЕСТОИМЕННОГО СИНТАКСИСА

Литературный язык, как известно, никогда не возникает на пустом месте; у него обычно есть, по крайней мере, две опоры — фиксация устной эпической традиции и перевод с языка с разработанной литературной нормой — которые, трансформируясь определенным образом, и формируют литературную норму. Мы не будем касаться здесь вопроса о том, что должно произойти с языком устной традиции, чтобы он стал частью литературного языка, а остановимся на проблеме влияния языка с развитой литературной традицией на язык, где такая традиция только формируется. Подобное влияние может быть двояким: во-первых, образованные люди начинают писать на чужом «более литературном» языке, а, во-вторых, делают переводы образцовых в стилистическом (или смысловом) отношении текстов, причем в ряде случаев структура переводного текста близка к оригиналу даже на синтаксическом уровне. Известны примеры влияния древнееврейского оригинала на греческий перевод Ветхого завета [Janse 2000: 238]:

Εἰς τὴ ἐγκατέλιπές με ‘За что [ты] покинул меня’ (Мк. 15.34), при более обычном для языка «ваккернагелевского» типа

Εἰς τί με ἐγκατέλιπες; ‘За что [ты] меня покинул’ (Мк.15.34).

Если следовать логике закона Ваккернагеля, местоименная энклитика *με* должна была бы находиться перед глаголом (*με ἐγκατέλιπες*), т. к. в противном случае местоимение значительно удаляется от второй позиции в предложении, уготованной, согласно закону Ваккернагеля, для безударных элементов, а также разрывается цепочка энклитик *τί με*. Марк Йансе справедливо объясняет появление столь «негреческого» порядка слов влиянием древнееврейского языка, где именуются местоименные аффиксы, примыкающие (сзади) к управляющему глаголу: *lā-mā ‘āzavtā-nī?* ‘Почему [ты] оставил-меня?’ (Ps. XXII. 2)¹.

¹ Окончание *-nī* в ‘*āzavtā-nī* является местоименным суффиксом.

Естественно, если даже столь несходный по своей синтаксической структуре язык, как древнееврейский оказывает влияние на позицию местоименного дополнения в греческом переводе, то что ожидать, если речь идет о типологически более близких языках, например, таких, как древнеанглийский и латынь?

Если оставить в стороне вопрос о порядке слов вообще в этих языках и ограничиться только синтаксическими функциями личных местоимений (далее ЛМ), можно указать целый список сходных черт:

а. В латыни и древнеанглийском возможно опускание ЛМ в функции подлежащего (Pro-Drop).

б. И латынь, и древнеанглийский можно считать языками «ваккернагелевского» типа, т. к. и в том, и в другом соблюдаются следующие параметры²:

ЛАТЫНЬ	ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ
Вторая позиция в предложении:	
<i>quam te in bellicis rebus habere novimus</i> (DVV XI) ³	<i>þe him lysteð Godes andweardnysse</i> (DVV XI)
Сдвиг со второй позиции под влиянием запрета на разрыв составляющих	
<i>#tu ipse# me munda</i> (Sol 1.6)	<i>forðam #þe Apollonius# him ondræt þines rices mægna</i> (HART XII) ⁴
Сдвиг со второй позиции под влиянием барьера	
<i>#Et# quanti me proscrispit</i> (HART VIII)	<i>#and# getæc me þider</i> (Sol I)

с. В отличие от многих языков «ваккерналелевского» типа и латынь, и древнеанглийский не имеют формального противопоставления сильных и слабых форм ЛМ.

Все эти типологические сходства кажутся достаточным основанием ожидать, что синтаксис местоимений в переводе никак или почти не будет отличаться от оригинала. На это, в частности, указывают данные, полученные В. Коопманом [Коопман 1990: 116–120] при анализе Евангелия от Марка, переведенного аббатом Эльфриком. Согласно Коопману местоименные допол-

² Подробнее о параметрах языка «ваккернагелевского» типа см. [Циммерлинг 2002: 72–77].

³ См. список сокращений в конце статьи.

⁴ *forðam* — барьер.

нения часто появляются в постпозиции к глаголу именно благодаря влиянию латинского языка.

Если древнееврейский и греческое койне не являются типологически близкими языками в синтаксическом отношении, то славянский и греческий, несомненно, являются, причем влияние греческого на славянский несопоставимо сильнее, чем влияние древнееврейского на греческий. Тем не менее, и здесь переводчик может проявлять значительную самостоятельность, как это происходит в славянском переводе «Луга Духовного» Иоанна Мосха, известном, как «Синайский патерик»⁵.

Древнеанглийские переводные тексты ни в коем случае нельзя считать исключением. Даже Коопман, постулируя влияние латинского текста на перевод Эльфрика, замечает, что, с одной стороны, постпозиция местоименного дополнения (относительно управляющего глагола) не противоречит древнеанглийскому синтаксису, а, с другой стороны, на 76 случаев постпозиции имеется 128 примеров, где расположение ЛМ не совпадает с латинским текстом⁶.

⁵ Издано [Гольштенко, Дубровина 1967]. Не исключено, что перевод делался не непосредственно с греческого, а с несохранившегося болгарского перевода.

⁶ Вопрос о влиянии латинского языка на древнеанглийский в области синтаксиса рассматривалась давно и по-разному: мнения варьировались от признания того, что категории латыни должны быть представлены во всех языках [Kohonen 1978: 10–11; Blatt 1957: 56–58, 61 et passim] до предположения об опосредованном влиянии на развитие собственно-древнеанглийских по происхождению синтаксических конструкций [Brown 1970: 13–17]. И действительно, в отличие от лексического влияния латинского языка, который оставил в этом плане значительный след в истории английского языка, влияние на уровне синтаксиса не столь эксплицитно выражено. И если относительно таких синтаксических структур как *dativus/instrumentalis absolutus* или *nominativus/accusativus absolutus* можно выдвигать различные аргументы в пользу того, были ли данные конструкции привнесены извне под влиянием в частности латыни или были присущи для древнеанглийского и значительное развитие получили благодаря все тому же латинскому языку, то для особенностей позиционного синтаксиса мы вправе говорить лишь о тенденциях, о возможном следовании латинскому синтаксису в силу того, что данный конкретный пример, по крайней мере, не противоречит грамматике древнеанглийского. Таким образом, в нашем случае утверждение о влиянии на текст синтаксиса оригинала вполне приемлемо лишь тогда, когда рассматриваемое явление обнаруживает

В своей статье мы хотим проследить, как проявляется влияние латинского языка в области синтаксиса ЛМ на материале следующих текстов: «Монологи» Августина (Soliloquium = Sol), «О пороках и добродетелях» Алкуина (De virtutibus et vitiis = DVV), «Об утешении философией» Боэция (De Consolatione Philosophiae = DCP), а также «История Аполлония из Тира» (Historia Apollonii Regis Tyri = HART) и «Парижская псалтырь» (= ПП.⁷ Выбирая эти тексты, мы стремились избежать двух крайностей: использование текстов, заведомо полностью совпадающих с латинским оригиналом (интерлинейные глоссы), тех, где проявляются расхождения даже в структурном членении текстов (парафразы).

1. Pro-Drop:

В древнеанглийском и латыни ЛМ в функции субъекта могло опускаться. Оба языка можно отнести к группе pro-drop языков. Если pro, обобщающее неанафорическое местоимение, обязательно присутствует в языке, то его относят к типу non-pro-drop, каковым является, например, современный английский язык. Древнеанглийский, наряду с древнескандинавским относится к языкам pro-drop [Циммерлинг 2002: 168]⁸. Однако между латинским и древнеанглийским имеется существенное различие, связанное со степенью обязательности pro-drop'a: в латинском употребление субъектного ЛМ связывается с логическим выделением или противопоставлением лиц/предметов. Древнеанглийский, хотя и допускает опущение pro, все же в большинстве случаев сохраняет ЛМ в позиции субъекта. Если

высокое процентное соотношение примеров в обоих текстах. Такого рода влияние скорее является результатом совпадения коммуникативно-прагматических интенций текста-источника и текста-цели [Артамонова 2002: 132]. В некоторых случаях не исключено и проявление стилистических предпочтений автора, в силу определенных субъективных причин выбирающего такую периферийную модель, которая наиболее рельефно отражает латинскую модель, хотя при этом очевидно и является малоупотребительной.

⁷ В последней рассматривался прозаический глоссированный перевод 50 латинских псалмов; остальные с 51 до 150, переведенные в поэтической форме, анализу не подвергались.

⁸ Здесь уместно вспомнить определение Б. Джозефа: о том, что всякий язык, в котором опускание местоименного подлежащего не невозможно, не следует считать не pro-drop языком [Joseph 1994: 27].

представить шкалу pro-drop, на которой крайние позиции будут занимать языки с pro-drop и non pro-drop, то древнеанглийский займет скорее место ближе к середине. Так, для примера, рассмотрим употребление субъектных ЛМ в HART.

Лицо	Лат.	Др.-англ.
1Sing	12	103
2Sing	13	140
3SingM	11	139
3SingF	4	46
1Pl	0	11
2Pl	0	12
3Pl	2	21

Из таблицы видно, что и в переводном древнеанглийском гораздо чаще заполняется субъектная позиция ЛМ, чем в латинском оригинале, в котором употребление ЛМ плеонастично, т. к. категория лица находит однозначное выражение во флексии глагола. Глагольные флексии древнеанглийского языка не столь однозначно могли передавать категорию лица и во многих случаях приводили к двусмысленности [ср. Mitchell 1985: 628f, 34]. Тем не менее, в ряде случаев древнеанглийский все же допускает опущение субъекта, который может оставаться невыраженным как в главном, так и в придаточном предложении. Исследуя случаи невыраженного субъекта, А. Погачер приходит к выводу, что «опущение субъекта представляет собой скорее общезападногерманское явление, чем обособленно языковое» [Pogatscher 1901: 278], что, естественно, не позволяет говорить о появлении pro-drop'a в древнеанглийских текстах под непосредственным влиянием латыни. Кроме того, предложения с невыраженным субъектом присутствуют в непереводах произведений, таких как, например, англосаксонские хроники [Mitchell 1985: 629–630]. И все же соотношение текстов оригинала и перевода по принципу выраженности/невыраженности субъекта не всегда однозначно. Как правило, латинской бессубъектной синтагме соответствует древнеанглийский перевод с употреблением ЛМ в нужном лице:

(1) *Confitebor tibi, Domine, in toto corde meo; narrabo omnia mirabilia tua.* 'Буду славить тебя, Господи, во всем сердце моем; расскажу о всех твоих чудесах'

Ic andette Drihtne on ealre minre heortan, and ic bodige ealle ðine wundra. ‘Я восхваляю Господа всем своим сердцем и я повествую о всех твоих чудесах’ (ПП 9,2)

Однако, такое соответствие прослеживается не всегда. Часто в тех случаях, когда субъект одновременно употребляется для нескольких простых предложений или сочинительных клауз, ЛМ используется один раз. Примеры такого рода можно схематически обозначить следующим образом: (Sn(Spr)...and pro): *þa wendon hi me heora bæc to & me mid ealle from gewitan* (DCP, II). При этом количество сложносочиненных предложений может варьировать и достигать трех-четырёх примеров без субъекта, соединенных обычно союзом *and* ‘и’ или *ac* ‘но’. Подобного рода примеры ни в коей мере не отражают латинскую структуру, хотя формально с ней и совпадают. Данное утверждение доказывается не только наличием аналогичных примеров в других древнеанглийских текстах [Mitchell 1985: 697–701], но и разнообразным варьированием субъектных и бессубъектных клауз в рамках одного сложного предложения: при гипотаксисе в главном и придаточном предложении, даже если подлежащее выражает один и тот же объект, субъектная позиция в отличие от паратаксистических предложений всегда заполняется:

(2) *...quadam die prima luce vigilans intrumpit cubiculum filiae suae, famulos longe excedere iussit, quasi cum filia secretum conloquium habiturus...* ‘...однажды рано утром, бодрствуя, [он] ворвался в комнату своей дочери, приказал, чтобы слуги вышли, словно собиравшись поговорить с дочерью о тайне’

...ac sume dæge on ærnergen þa he of slæpe awoc, he abraec into ðam bure þar heo inne læg and het his hyredmen ealle him aweg gan, swilce he wið his dohtor sume digle spæce sprecaþ wolde... ‘...но однажды утром, после того, как он пробудился ото сна, он вошел он в комнату, где она лежала и приказал своим слугам удалиться, так как будто он хотел поговорить со своей дочерью о какой-то тайне...’ (HART III).

Соотношение сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, а, следовательно, и наличие или отсутствие подлежащего может быть разнообразным. Схематически можно представить следующие виды:

(ConjSpr...Spr...and...pro...ConjSpr),

(Spr...Conj...Spr...and...pro...and...pro etc),

(Spr...and...pro...and...pro...Conj...Spr) и др.

Что касается глаголов, перед которыми субъектное ЛМ не употребляется, то в анализируемых примерах наиболее частотны глаголы говорения: *segan, cwædan, ascian, andswarian*; глаголы просьбы или приказа: *hetan, biddan*; глаголы движения: *astigan, adrifan, becoman, acuman*.

Однако существуют случаи, когда вместо ожидаемого отсутствия выраженного субъекта в предложении все-таки употребляется ЛМ. Такие примеры прослеживаются в HART, DVV, ПП:

(3) *Deus vitam meam nuntiavi tibi; posui lacrymas meas in conspectu tuo* ‘Господи, о жизни моей возвестил тебе, [я] представил слезы мои пред взором твоим’

min lif ic cyððe þe & mine teares ic sette beforen þinre gesihðe ‘Жизнь свою я открываю тебе и свои слезы я представляю пред лицом твоим’ (DVV XI)

На первый взгляд подобные предложения являются буквальный переводом с латинского. Тем не менее, представляется, что наличие ЛМ во втором придаточном предложении, в котором, как уже говорилось, субъектное ЛМ зачастую опускалось, стилистически маркировано и используется для эмфазы, нарочитого выделения агенса. Так, например, в DVV аналогичные примеры характерны для тех случаев, когда описывается гнев или милость Бога, подчеркивается его всемогущество.

Удалось также обнаружить несколько примеров, когда в латинском оригинале употребляется субъектное ЛМ, а в переводе подлежащее опускается:

(4) *Quoniam in te, Domine, speravi. Dixi: Tu exaudies, Domine, Deus meus* ‘Потому что на тебя, Господи, [я] надеялся. [Я] сказал: Ты выслушай, Господи, Бог мой’

Forþam ic hopode to þe, Drihten, and cwæð to þe: Gehyr ðis, Drihten ‘Потому что я надеялся на тебя, Господи, и сказал тебе: выслушай это, Господи’ (ПП XVI)

(8) *Tu autem, Domine, ne longe facias auxilium tuum a me;* ‘Ты же, Господи, не отвращай свою помощь от меня’

Ac la, Drihten, ne afyr þinne fultum fram m; ‘Но все же, Господи, не отвращай свою помощь от меня’ (ПП 21, 20)

Таким образом, нет оснований говорить о влиянии латинского языка на употребление субъектных или бессубъектных предложений в древнеанглийских переводных текстах. Исключение

составляет ряд случаев, обнаруженных нами в HART, которые вполне можно было бы трактовать как влияние латинского:

(5) *ingressusque ad regem sic ait* ‘и подойдя к королю, так говорит’
Bewænde hine þa to ðam cynincge and cwæð ‘Повернулся тогда к королю и сказал’ (HART VIII)

(6) *ingressusque ad regem* ‘и подойдя к королю’
Eode þa into ðam cyninge ‘Вошел он тогда к королю’ (HART VI)
 Очевидно для более адекватной передачи латинского *ingressus[que]*, автор HART счел необходимым опустить местоименное подлежащее. Интересно отметить, что древнеанглийское *bewænde*, но при другом латинском оригинале, переводится с субъектным ЛМ:

(7) *Et ostendit ei Tharsiam et dixit ei* ‘И показал ему Фарсию, т сказал ему’
He bewænde hine þa to Thasian and cwæð ‘Повернулся тогда [он] к Фарсии и сказал’ (HART XXXIII)

Очевидно, авторы переводов осознают различие в структурах обоих языков и используют стилистический потенциал древнеанглийского для того, что произвести соответствующий эффект на читателя, не прибегая к рабскому копированию латинского синтаксиса. Подтверждением этому могут стать примеры, являющиеся одним из проявлений метода дублирования составляющей, а именно местоименные повторы [Циммерлинг 2002: 50–51]. Некоторые исследователи полагают, что древнеанглийские конструкции с местоименным повтором являются свидетельством того, что перед англосаксонскими писателями возникали трудности при передаче сложноподчиненных предложений и именно данная конструкция позволяла им их преодолевать [Kohonen 1978: 181]. Однако не следует упускать из виду тот факт, что если даже причиной возникновения этой конструкции и явились особенности древнеанглийского синтаксиса, то в анализируемых нами примерах этот прием используется скорее в стилистических целях. Так, именно благодаря такой конструкции в фокус выносятся тема высказывания, происходит ее контрастное выделение, противопоставление тому, что было сказано выше.

(8) *Saulus male coepit, sed bene finivit* ‘Савл плохо начал, но хорошо закончил’

Paulus he ongan ærest swyðe yfele, ac he eft geendode swiðe wyl his lif ‘Павел, он начал сперва очень плохо, но он потом окончил свою жизнь очень хорошо’ (DVV XXVI)

Характерен и тот факт, что в латинском ни в одном из примеров дублирование местоимением подлежащего повтор не обнаружено, т. е., этот феномен является сугубо древнеанглийским и отражает скорее стилистические предпочтения автора перевода, т. к. данное явление встречается лишь в DVV и Sol.

2. Позиция местоименных энклитик:

Как уже отмечалось, и древнеанглийский, и латынь являются языками «ваккернагелевского» типа, т. е., такими, где вторая позиция в предложении или колонне отводится под безударные элементы. Как и в латыни, в древнеанглийском местоименные энклитики еще входят в разряд сентенциальных, т. е., их позиция в предложении абсолютна и никак не обуславливается синтаксической позицией управляющего глагола:

(9) *and him fram adryfan þa ðe hyre girndon to rihtum gesynscipum* ‘и прогонял от себя тех, кто желал ее взять в законный брак’ (HART V)

В обоих случаях, ЛМ стремится занять вторую позицию в предложении или колонне (если не сдвигается под влиянием барьера или запрета на разрыв составляющих), немало не «заботясь» о том, какую позицию занимает относительно управляющего глагола.

Столь ярко выраженная близость к латинскому, как ни странно не приводит к полному соответствию в порядке слов с латинским оригиналом:

(10) *Miserere mihi, Domine, quoniam infirmus sum. Sana me* ‘Пожалей меня, Господи, ибо слаб. Исцели меня’

Ac miltsa me, Dryhten, forþam ic eom unhal; and gehæl me ‘И, пожалей меня, Господи, ибо я слаб, и исцели меня’ (ПП, 6, 3)

В латинском варианте ЛМ оба раза стоит на второй позиции тогда, как в древнеанглийском переводчик чувствует себя достаточно свободным, чтобы поставить барьер и сместить ЛМ дважды на третью позицию.

Другое отличие связано с цепочками энклитик: в латинском варианте они попросту отсутствуют, в то время как древнеанглийский текст широко их использует. Мы не будем вдаваться

здесь в рассмотрении цепочек⁹, лишь отметим, что цепочки энклитик могут включать до четырех или более элементов:

(11) *swa swa ic nu ne gyt ne dyde* 'так, что я теперь все еще не делаю' (Sol Pref)

По-видимому, внутри цепочки действует правило рангов, однако в рамках этой работы вопрос о правиле рангов рассматриваться не будет

Встречаются случаи, когда объектное ЛМ находится на первой «неваккернагелевской» позиции в колонне:

(12) *and het his hyredmen ealle him aweg gan* 'и приказал всем своим слугам уйти прочь' (HART III)

По нашему мнению, этот и подобные (крайне редкие) примеры, не свидетельствуют от том, что закон Ваккернагеля иногда «давал сбой», а свидетельствуют о том, что и в тех языках, где нет графического противопоставления сильных и слабых форм ЛМ, это противопоставление, тем не менее, реально существует, и проявляется, прежде всего, на уровне позиции: слабое ЛМ ставится, как ваккернагелевская частица, сильное ЛМ стремится к началу¹⁰.

Таким образом, на основании сказанного выше можно утверждать, что влияние латинского языка на местоименный синтаксис на примере переводных текстов не прослеживается. На это указывает, прежде всего, тот факт, что ЛМ в сопоставляемых древнеанглийских текстах ведут себя по правилам данного языка. Позиции и употребление ЛМ зависят как от структурных особенностей самого языка (допущение невыражения субъекта ЛМ, расположение местоимений в соответствии с законом Ваккернагеля), так и стилистических предпочтений автора, которые могли сближать позиции ЛМ в древнеанглийском тексте к латинскому оригиналу, но при этом не противоречили грамматике языка.

⁹ Высказывалось предположение о том, что древнеанглийский соблюдает не все критерии языка «ваккернагелевского» типа, т. к. позволяет разрывать цепочку энклитик полноударной словоформой [Циммерлинг 2002: 160].

¹⁰ Сходная ситуация встречается в среднегреческом, где формальное противопоставление сильных и слабых ЛМ затрагивает не все местоимения; подробнее Кисилиер М. Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койне // Труды ИЛИ РАН. Т. 2.

СОКРАЩЕНИЯ

Spr	– местоименный субъект
Conj	– союз
Pro-drop	– опущение местоименного субъекта
Sol	– Монологи (Soliloquiorum)
DVV	– О добродетелях и пороках (De virtutibus et vitiis)
DCP	– Утешение философией (De Consolatione Philosophiae)
HART	– История Аполлона из Тира (Historia Apollonii Regis Tyri)
ПП	– Парижская псалтырь
ЛМ	– личное местоимение

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонова 2002 – М. А. Артамонова. О принципах определения базового порядка слов в древнеанглийском языке // Язык и речевая деятельность Т. 5, 169–185.
- Гольшенко, Дубровина 1967 – Гольшенко, В. С., В. Ф. Дубровина. Синайский патерик. М., 1967.
- Кисилиер М. Л. – Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койне. (Принято в Труды ИЛИ РАН)
- Циммерлинг 2002 – А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Blatt 1957 – F. Blatt. Latin Influence on European Syntax. In: Travaux du Cercle linguistique de Copenhague, 11, 1957, pp. 33–69.
- Brown 1970 – W. H. Brown, Jr. A Syntax of King Alfred's Pastoral Care. *Janua Linguarum*, 101, 1970, pp. 91.
- Janse 2000 – Janse, M. 2000. "Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns"— R. Sornicola, E. Poppe, A. Shisha Ha-Levy (eds.). *Stability and Change of Word-Order Patterns over Time*. Amsterdam, 231–258.
- Joseph 1994 – Joseph B. D. On Weak Subjects and Pro-Drop in Greek // *Themes in Greek Linguistics. Papers from the 1st International Conference on Greek Linguistics, Reading, September 1993* / Ed. by I. Philippaki-Warbuton, K. Nikolaidis, M. Sifianou. Amsterdam, 1994. P. 21–32.
- Kohonen 1978 – V. Kohonen. On the Development of English Word Order in Religious Prose around 1000–1200. Abo, 1978.
- Koopman 1990 – W. Koopman. *Word Order in Old English (With Special Reference to the Verb Phrase)*. Amsterdam, 1990.
- Mitchell 1985: Mitchell B. *Old English Syntax*. Oxford, 1985.
- Pogatscher 1901 – A. Pogatscher. *Unausgedrücktes Subjekt im Altenglischen*. *Anglia*, 23, 261–301.

Н. В. Брагинская

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ХРАМА ОНИИ И ИСПРАВЛЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВА: ИСАИЯ, 19:18.

Библеисты давно связали текстологические проблемы Исаяи 19:18 с возникновением в Египте так называемого «раскольнического» храма Онии. Проблемный текст в Синодальном переводе таков: «В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется ...». Имя одного города, выделенного из других, безымянных, варьирует, причем варианты семантически отрицают друг друга: Город Солнца, Город Праведности, Город Разрушения или Гибели. Сначала мы изложим точки зрения на смысл и направленность этих вариаций, существующие в библеистике, а затем сопоставим с древней полемикой, приведшей к вмешательству в текст пророка, образы ветхозаветного апокрифа «Иосиф и Асенет», который, как нам представляется, являлся одной из сторон в этой «тяжбе».

Как известно, вторжения в текст Исаяи происходили даже в III–I вв. до н.э.¹ Вопрос о том, что в нашем стихе написал сам древний пророк, в данном случае мною не обсуждается. Во-первых, весь фрагмент 19:16–25 как прозаический, а не стихотворный, в настоящее время относят к позднейшим вставкам. Упоминание особого города Г. Вилдбергер считает и вовсе вставкой уже в эту вставку². Но даже если бы 19:18–22 принадлежало изначальному тексту, в перспективе настоящей работы не очень важно, что имелось в виду у древнего пророка: еврейская диаспора в Египте или обращение египтян к единобожию? некий реальный город, и какой именно?, город символический, мессианский и т.д.? С уверенностью можно утверждать, что около середины II в. до н. э. чтение

¹ См. Ulrich E. The Developmental Composition of the Book of Isaiah: Light from 1QIsa^a on Additions in the MT // Dead Sea Discoveries. 2001. Vol. 8. 3. P. 288–305. Seeligmann, I.L. The Septuagint Version of Isaiah. A Discussion of Its Problems. Leiden, 1948. P. 76–94.

² Wildberger H. Isaiah 13–27. A Continental Commentary. Minneapolis, 1997. P. 270.

«Город Солнца» существовало, поскольку оно засвидетельствовано в самом древнем известном нам тексте Исаяи из Кумрана. И мы попробуем реконструировать историю текста, начиная с этого времени.

В LXX один из пяти городов в Египте, исповедующих Саваофа, назван πόλις ασεδεκ, что является транслитерацией еврейского слова ḥšēdēq – «праведность», вместе с артиклем и без передачи буквы хей в артикле, которая могла восприниматься как греческое придыхание, которое на письме не отражалось. Это название переключается с тем, как именуется Иерусалим в начале Книги Исаяи: Город Правды, или Правосудия, или Праведности (1:21, 26, πόλις δικαιοσύνης). Выделенность одного города в тексте пророчества тем самым понятна: это город, который должен стать египетским Иерусалимом, центром служения Богу. Эсхатологический характер такого города может как предполагать реальное поселение, так и не предполагать такового.

Хотя LXX не переводит, а транслитерирует еврейское слово, тем самым указывая на еврейский оригинал, в еврейских рукописях такого чтения нет. В Масоретском тексте и большинстве еврейских рукописей 'ir hāhēgēs, «Город Разрушения» или «Разрушенный». То же в Пешитте и Алеппском кодексе. Как в LXX было записано греческими буквами еврейское слово ḥšēdēq «праведность», так у Аквилы и Теодотиона было записано греческими буквами αρες, т.е. heres/haheres «разрушение», а у Иеронима ars или ages³, у Евсевия же, который уточняет, что Ἀρεόπολις – это чтение именно еврейского текста, присутствует, однако, его греческое осмысление: город Ареса, войны, разрушения с отрицательными коннотациями омонимичного реального топонима⁴.

³ Hieron. Comm. in Isaiam. VII. 19. 1, 21: «Пять городов, которые говорят в Египте языком хананейским, из которых один в LXX называется g-asedek. У других переводчиков – город ars или ages, или город солнца».

⁴ Так называлась по-гречески столица моавитян Раббат Моав, которая упоминается у Евсевия многократно во многих его сочинениях. В комментарии на Исаяю Евсевий приводит несколько версий названия города, включая 1) asedec, что означает *праведность*, 2) солнце, со ссылкой на Симмаха, причем *солнце* символизирует праведность, и 3) «точное слово по-еврейски»: Ἀρεόπολις (Euseb. Comm. In Is. I. 76. 338).

Но в древнейшем полном кумранском свитке Исаяи (1QIsa^a, а также 4QIsa^b), датированном серединой II до н.э., в некоторых других еврейских рукописях, у Симмаха, в Вульгате, в Вавилонском Талмуде (Menaḥot 110a), у Саадии Гаона ᾿ġ hāḥērēs – Город Солнца. Выражение, которое почти не отличается на письме и в произношении от предыдущего, но по семантике скорее подобно Городу Праведности. В Синайском кодексе LXX (8) сохранилось чтение ασεδ ἡλίου – сочетание или “невыбор” между *праведностью* и *солнцем*, того и другого из «позитивных» вариантов чтения. С другой стороны, Город Солнца можно понимать и просто как топоним, как отсылку к египетскому городу, где поклонялись богу солнца, то есть к Ону–Гелиополю. Но в любом случае задача автора пророчества не просто раскрыть имя одного из пяти городов, а остальные скрыть, скорее имя «одного из городов» должно сказать нечто об исключительной его особенности. И даже если Город Солнца реальный, его имя символически нагружено: утопический остров Ямбула назывался островом Солнца, а в последней трети II в. до н. э. Андроник в Пергаме дал своему чаемому справедливому государству имя «Гелиополь».

Разрушение едва ли может быть исходным значением, появление этого слова в тексте Исаяи давно связали с полемикой против египетского храма Онии, который использовал пророчество Исаяи для легитимации своего раскольниковства⁵. Историю изменений текста исследователи видят по-разному.

Можно, например, попробовать расположить имеющиеся варианты текста как следы полемики, как обмен репликами в споре, каждая из которых оставляет свою редакцию текста пророка. Примем за исходный, согласно древнейшему кумранскому свитку, Город Солнца (географически неопределенный). Город Солнца осмысляется как египетский город Он, или по-гречески Гелиополь, и Ония создает храм в Гелиополе,

⁵ Ср. понимание разночтений в Ис 19:18–20 как результата полемики вокруг храма Онии: *Schmitt J.J.* Sun, City of the. The Anchor Bible Dictionary / Ed. D. N. Freedman. New York, 1992. Vol. 6. P. 239; *Gray G.B.* Critical and Exegetical Commentary on the Book of Isaiah. Edinburgh, 1980². Vol. 1. P. 336; Kaiser O. Isaiah 13–39. A Commentary. Trowbridge, 1987. P.106–108; Wildberger. Op. cit. P. 272–274; *Blenkinsopp J.* Isaiah 1–39. A New Translation with Introduction and Commentary. New York–London–Toronto–Sydney–Auckland, 2000. P. 319–320.

опираясь при этом еще и на созвучие топонима Он и собственного имени. Затем недоброжелатели Онии вмешиваются в текст пророчества и путем минимальной замены буквы *хет* на букву *хей* меняют *солнце* в тексте Исаяи, на *разрушение* и *руину*. *Руина* как образ ада встречается еще в угаритском эпосе⁶, и за подобным переименованием стоит универсальная мифологема двух спорящих городов/миров — Доброграда и Злограда, Града Преисподней и Града Небесного.

Как воспринимают это сторонники храма Онии и истинности пророчества? Они обращаются к другому пророчеству о Городе Солнца, к Иеремии, у которого в Доме Солнца, названному по-еврейски иначе, Бет-Шемеш, уничтожаются языческие идола⁷, и сочиняют «этиологический» мидраш об Асенет такого содержания: святилище языческих богов в городе Солнца Гелиополе было разрушено, это произошло, когда Асенет разбила своих богов, а Ония бывшее египетское святилище переделал в храм своего Бога. Мы знаем, что для Иеронима имя Асенет еврейское и значит оно ruina⁸. Имя на самом деле не еврейское, а египетское, Иероним мог узнать его еврейскую «этимологию» от своих учителей еврейского только вместе с историей, в которой разворачивалась реконструированная В. Аптовицером игра в превращение Асенет-Руины в Хасенет-Крепость. Аптовицер сначала обнаружил в самой иудейской традиции образец игры с именем этого библейского персонажа. Раввинистический нотарикон Асенет, т. е. чтение имени как аббревиатуры, раскрытие которой составляет всю историю носителя имени отсылает к истории, сходной с нашей: место, где Асенет выросла – ’wn (город Он), она была скрыта из-за своей красоты – «скрывать» – štyrh, она плакала и умоляла, чтобы ее освободили от руки Потифара – «стенать» – nhmt, все ее поступки были богобоязненны – «непорочность», «удивлять», «совершенство» – tmh⁹. Последний

⁶ См. О Ба’лу. Угаритские поэтические повествования / Пер. с угаритского, введ., коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1999. С. 145. Стб. II. сткк. 15–16. Комментарий. С. 180.

⁷ Иер 43:13=50:13 LXX.

⁸ Иероним знал такое значение имени Асенет и так его переводил, как он считал, с еврейского: *Hieron.* De nomin. hebr., de Gen., s.v. Aseneth: aseneth ruina..

⁹ Mid. Agada I. 97 (ed. Buber), см. *Aptowitzer.* Op. cit. P. 258.

элемент нотарикона, возможно, указывает на преобразование Асенет.

В самой же нашей повести В. Аптовицер усмотрел некий сакральный «каламбур», который убедил его в том, что греческий текст переведен с еврейского. Небесный посланник сообщает героине, что ее имя отныне будет не Асенет, а Град Убежища. Убежище, по-еврейски *ḥāsenet/ḥāsanet/ḥāsanat, образует пару с близким по звучанию (отличие только в придыхании) именем Aseneth/Asnath/Asanath. Еврейское āson – означает «развалина», «руина», «беда», а ḥsn – «покрывать», «охранять», «прятать», часто «прятать под крыльями». В. Аптовицер видит в этом изменении явную игру слов – 'snṯ/ḥsnṯ. Слово 'snṯ напоминает 'swp – «разрушение», «несчастье». Это имя было заменено на ḥsnṯ, корень которого mḥsh – «убежище»; ḥsn – «собираться вместе», «быть укрепленным», а ḥshṯ – «место убежища», «укрепленный город» (ср. Псалом 91:2).

Сюжетный центр нашей истории создан из разницы и сходства двух имен: Асенет, т.е. Разрушение (причем, возможно, разрушение египетской богини Нейт, и тогда играют обе части имени¹⁰), переименована в (Х)асенет, т.е. Убежище, Приют, Крепость. Имя героини описывает, что героиня делает с египетскими богами и со своей прежней верой: она разрушает Нейт, а ее новое имя содержит эсхатологический смысл: она Град Убежища для праведных, т.е. Город Праведности или Праведных.

Еврейские слова для разрушения-гибели в пророчестве и в реконструкции Аптовицера разные, хотя и близкие семантически. Возможно, тема разрушения в Исайте внесена противниками храма Онии, а тема разрушения в ИА его сторонниками, потому что имеется в виду разрушение языческого храма. «Разрушение» позитивно в контексте обращения Египта к Богу, в контексте чаемого спасения всех обратившихся язычников, такое «разрушение» получает смысл покаяния. Как Асенет преобразуется в повести в Град Убежища, так в тексте пророка *руина* заменяется на *праведность*, на город Садока,

¹⁰ Библейское имя Ἀσένυεθ имеет египетское происхождение и значит «Принадлежащая (богине) Нейт». О чертах Нейт в облике Асенет см. *Philonenko M. Joseph et Aséneth: Introduction, Texte Critique, Traduction et Notes. Leiden, 1968. P. 61–78.*

Праведного, из рода которого происходит Ония IV¹¹. Резюмирую: сначала Город Солнца из пророчества Исая, который Ония понял как Он-Гелиополь тем охотнее, что египетское название города в Библии звучало так похоже на имя его отца и его собственное¹². Противники Онии и его храма, о существовании которых достаточно свидетельств, переименовали город, внося минимальные изменения, в Город Руину. Ониады ответили на это переименование историей Иосифа и Асенет, где Город Руина становится эсхатологическим Городом Убежищем для праведных. Разрушение они отнесли к языческим идолам и святилищам, в чем им помогало пророчество Иеремии о Бет-Шемеш, Городе Солнца, Гелиополе, которому предсказано разрушение идолов. После этого город становится Городом Праведности (или Солнца Правды, как в Синайском кодексе LXX?). Первая фаза истории Асенет в сущности записана в Таргуме на Исаяю, где в нашем месте привлечено

¹¹ Связь Праведности и Онии III достаточно «эксклюзивна», потому что после библейских праведников «титул» праведника был дан только его отцу Симону и ему самому, см. *Бикерман Э. Дж. Евреи в эпоху эллинизма. Москва–Иерусалим, 2000. С. 170.*

¹² Территория, где были еврейские поселения, носила название «Земли Онии» по имени ее основателя (*Jos. Flav. Bell. 1. 190; 7. 421; Ant. 14. 132*). Но впоследствии и египетское название города Он стали воспринимать как происходящее от имени первосвященника. Клавдий Птолемей (*Geog. 4. 5. 53*) полагал, что Гелиополь «переименован» в город Онии; Евсевий и Иероним утверждают, что «город Онии» (не Он, потому что используются родительные падежи имени Онии) был назван в честь священника эмигранта Онии (*Euseb. Chron. 2. 126 (Schoene); Hieron. Comm. In Dan. III. XI. 14*). Параллельно с этим, видимо, возникло представление об Оне как о городе, основанном евреями, и в LXX появилось упоминание его среди городов, построенных евреями для фараона во времена перед рождением Моисея (*Исх 1:11*), тогда как в еврейском оригинале Он-Гелиополь в этом месте не упоминается. Противоречия своей «Хронике», Евсевий пишет: «Он: Гелиополь в Египте, который, согласно Семидесяти, построили сыны Израиля. Еврейская книга его не упоминает, и с полным основанием, потому что он был там до прихода Израиля, и там был жрец города, отец Асенек» (*Euseb. Onom. 176. 3–6*). Существовала традиция, объявлявшая Моисея гелиопольским жрецом (*Jos. Flav. Contra Ap. I. 250, ср. Redford D.B. Pharaonic King Lists, Annals, and Daybooks. Toronto, 1986. P. 284–288*).

пророчество Иереми и сказано так: «Город Дома Солнца, который будет разрушен»¹³.

Так завершается круг переименований, параллельно которому в ИА Асенет-Руина разрушает Дом языческого Солнца и становится сама (Х)асенет-Крепостью и Убежищем праведных¹⁴. Преобладание *праведности* в LXX, распространенной в грекоязычной диаспоре Египта, и преобладание *разрушения* в еврейских рукописях дает основания предпочитать такой ход контрверзы, следы которой осели в рукописной традиции.

¹³ The Targum of Isaiah / Ed. J. F. Stenning. Oxf., 1953; *Gray*. Op. cit. P. 335. В Вавилонском Талмуде исходным считается чтение Город Солнца, которое трактуется, однако, как Город Разрушения, иными словами различия осознаны и проинтерпретированы (Menahot 110 a).

¹⁴ Внебиблейская традиция предлагает и иные варианты имени Асенет: Асенек и Асеннек. Нет ли здесь попытки связать имя героини со странным городом Аседек, который стал восприниматься как имя собственное женского рода? См. *Euseb*. Onom. P. 176, 3–6; ср. *Arnobius Iunior*. Liber ad Gregoriam in Palatio constitutam. cap. 2, 36; 23, 12 (Ase-nec); *Petrus Diaconus*. Liber de locis sanctis. cap. Y, l. 1617 (asennec).

А. Ю. Братухин

ТЕРТУЛЛИАН И КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

В науке было высказано мнение, что Тертуллиан, первый писавший по-латыни христианский автор конца II – начала III века из Карфагена, «не знает или не хочет знать» труды своего современника Климента Александрийского¹. Попробуем выяснить, было ли возможно такое знакомство в принципе. Известно, что Тертуллиан следил за происходящими в мире событиями: его заметки в «Апологетике» (далее — Apol.) об одном эпизоде войны с маркоманнами и о смерти Марка Аврелия около Сирмия говорят в пользу того, что он был осведомлен в международных делах (Apol., 5, 6; 25, 5)². О том, что он знал о положении вещей в Империи, можно заключить также из его слов о соперниках императора Септимия Севера Нигере, Альбине и их сторонниках³, (Apol., 35, 9–11). Тертуллианом интересовался новостями и в церковной жизни: доказано использование им сочинений Иустина, Татиана, Теофила и Иринея⁴; следовательно, он не оставлял без внимания творчество своих старших современников-апологетов.

«Увещательное слово к эллинам (то есть язычникам)» Климента (Προτρεπτικὸς <λόγος> πρὸς Ἑλληνας, далее – Protr.) появилось около 192-го года: в «Строматах», которые, вероятно, были написаны позднее «Протрептика», Климент говорит о смерти императора Коммода (192 г.) как о недавнем событии (Строматы, I 144, 1–145, 5). «Апологетик» же Тертуллиана (Apologeticum <verbum>, то есть Ἀπολογητικὸς λόγος) увидел свет в 197-м году: Й. В. Ф. Борлефс на основании слов о продолжающихся преследованиях сообщников Альбина и Нигера (Apol. 35, 11) заключает, что «Апологетик» был написан немно-

¹ См.: Hagendahl H. Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schrifttum // *Studia Graeca et Latina Gothoburgensia*. 1983. Vol. 44. P. 22.

² Ср.: Jung J. Zu Tertullians auswärtigen Beziehungen // *Wiener Studien. Zeitschrift für classische Philologie*. Vol. 13. Heft. 2. 1891. P. 241.

³ Ср.: Borleffs J. W. Ph. De Tertulliano et Minucio Felice. Groningae, 1926. P. 6–9.

⁴ Hagendahl. Op. cit. P. 13.

го позже июня 197-го года, после возвращения императора Севера в Рим⁵. На основании ссылки на «мавров, маркоманнов и самих парфян», которых христиане, распространившиеся по всему свету, якобы превосходят численностью и при желании могли бы быть более опасными (Apol. 37, 4), можно заключить, что Тертуллиан работал над «Апологетиком» до начала войны с парфянами, которая началась осенью 197-го года и оказалась несложной⁶. Итак, Тертуллиан мог быть знакомым с «Протрептиком» Климента. Был ли он знакомым с этим сочинением в действительности?

Более раннее сочинение Тертуллиана, которое Хагендаль называет «несовершенным эскизом» «Апологетика»⁷, называлось «К язычникам» (Ad nationes, далее — Ad nat.). Из известных карфагенскому автору греческих апологий похожее заглавие имело «Слово к эллинам» Татиана (Ὁ πρὸς Ἑλλήνας λόγος). Кроме названия, существует несколько других общих черт у сочинений Тертуллиана и Татиана, в том числе, малое количество библейских цитат, использование риторических примеров и другое. Вообще надо заметить, что из всех ранних греческих апологетов ближе всего Тертуллиану именно Татиан. Оба писателя заявляли о своем неприятии языческой культуры вообще и философии в частности. Оба в конце концов отошли от ортодоксального христианства. В. Френд называет Тертуллиана западным двойником (Western counterpart) Татиана⁸. По всей видимости, при создании своего первого труда Тертуллиан в некоторой степени ориентировался на «Слово» Татиана.

Причина изменения названия у переработанного сочинения не может заключаться только в изменении содержания: в более поздней работе выдвигается не меньше обвинений против язычников и приводится не больше доводов в защиту христиан, чем в более ранней. Для Тертуллиана были важны, вероятно, ассоциации, которые возникали при прочтении заглавия. «Апологетик» отсылает нас, с одной стороны, к двум «Апологиям» Иустина

⁵ Borleffs. Op. cit. P. 7–9.

⁶ Borleffs. Op. cit. P. 9–10. Согласно Т. Д. Барнесу, «Апологетик» был написан осенью 197 года или некоторое время спустя (Barnes T.D. Tertullian: a historical and literary study. 2nd edition. Oxford, 1985. P. 34).

⁷ Hagendahl. Op. cit. S. 13.

⁸ Friend W. H. C. Martyrdom and persecution in the early Church. Oxford, 1965. P. 285.

(ориентировавшегося, вероятно, на платоновскую «Апологию Сократа»⁹) и к «Апологии» Апулея; с другой стороны, к «Протрептику» Климента. Следует отметить, что названия тертуллиановских сочинений довольно однотипны: 4 из дошедших до нас начинаются словом «К...» (Ad...), 5 — словом «Против...» (Adversus...), 20 — словом «О...» (De...); «Апологетик» и «Скорпиак» (ср. «Θηριακά» Никандра) — два единственные неповторяющиеся названия.

Сопоставив тексты «К язычникам» и «Апологетика», посмотрим, не повлияло ли прочтение Тертуллианом «Протрептика» в период между написанием этих двух латинских сочинений на внесение им некоторых изменений в свою работу. Поскольку одни и те же элементы в трудах греческих и латинских апологетов могли появляться благодаря использованию ими некоего общего автора или авторов¹⁰, во внимание будут приниматься лишь те похожие детали в «Протрептике» и «Апологетике», которые отсутствуют у других защитников христианства. При сопоставлении текстов следует иметь в виду, что Тертуллиан изменял все, что брал у других христианских и языческих писателей, «так как все подчинял совершенно новой системе защиты»¹¹. Поэтому не следует ожидать появления в «Апологетике» буквальных заимствований из «Протрептика».

Размеры статьи не позволяют отметить все исправления, внесенные Тертуллианом в новое произведение. Отметим, что из «Апологетика» исчезли пассажи, в которых содержалось противоречие со словами Климента. Так, в этом сочинении нет слов о похищении жрицы Цереры (Ad nat. II 7, 15; у Климента Элевсинским мистериям уделено большое внимание); нет рассказа о Псамметихе и младенцах (Ad nat., I 8, 2–9, ср.: Protr., 1, 6, 4: «Пусть на фригийцев как на древнейших людей указывают вещи козы») и отсутствует отождествление библейского Иосифа

⁹ Ср.: Большаков А.П. Раннехристианские апологии: происхождение и содержание // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 5. М., 2002. С. 154–156.

¹⁰ Ср.: Agahd R. M. Terenti Varronis Antiquitatum rerum divinarum libri I XIV XV XVI / Praemissae sunt quaestiones Varronianae auctore R. Agahd. Lipsiae, 1898. P. 44–45.

¹¹ Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. T. 1: Tertullien et les origines. Paris, 1901. P. 221.

с Сераписом (Ad nat. II 8, 10–19, ср.: Protr., 4, 48, 1–6). Климент приводит версию Афинодора, согласно которой ваятель Бриаксид создал для египетского фараона Сесостриса статую его предка Осириса, используя при изготовлении средство, оставшееся от погребения Осириса и Аписа. В результате получился Серапис (Protr., 4, 48, 4–6)¹². Истолкование божества как библейского персонажа для Тертуллиана является чрезвычайно редким. Существует мнение, что здесь он идет в русле иудейской апологетики, поскольку Сераписа с патриархом Иосифом отождествил живший в Тивериаде в эпоху Антонинов раввин Иуда бен Илай¹³. Тертуллиан отступил от своего правила видеть в богах обожествленных преступников скорее всего потому, что он просто не знал иных историй о происхождении этого эллинистического божества. Прочитав у Климента другую, более соответствующую разоблачению Сераписа версию, Тертуллиан предпочел не исправлять свою «ошибку», а просто убрать ее из текста.

По мнению Т. Д. Барнеса, при написании сочинения «К язычникам» Тертуллиан не до конца осознавал необходимость соединять материал, заимствованный у христианских и языческих авторов, и ссылался лишь на Вергилия, Геродота, Платона, Гомера, Тацита и Ктесия. В «Апологетике» он называет уже более тридцати языческих имен¹⁴. Климент, ссылающийся на огромное количество античных писателей и поэтов, вполне мог послужить здесь образцом для Тертуллиана.

Рассмотрим отрывки, появившиеся в «Апологетике», но отсутствовавшие в первом сочинении карфагенского автора, и сравним их с похожими отрывками из «Протрептика».

1. В словах Тертуллиана «<...> чтобы устыдились, обвиняя, — не говорю, худшие лучших, — но уже равных себе (non dico pessimi optimos)» (Apol. 4, 1) можно услышать отголосок пасса-

¹² В другом месте Климент приводит еще два варианта мифа о Сераписе. (Строматы, I 21, 106, 4–6; ср.: Августин. О граде Божием, XVIII 5).

¹³ Lévy I. Sarapis // Revue de l'histoire des religions. 1909. Т. 60. P. 297. n. 1. Ср.: Vermander J.-M. La polémique de Tertullien contre les dieux du paganisme // Revue des sciences religieuses. 1979. Т. 53. P. 118. n. 38. Pépin J. Christianisme et mythologie. Jugements chrétiens sur les analogies du paganisme et du christianisme // Pépin J. De la philosophie ancienne à la théologie patristique. Variorum reprints. London, 1986. VIII. P. 30.

¹⁴ Barnes T. D. Op. cit. P. 105.

жа из «Протрептика»: «Вы же, во всех отношениях лучшие (ἀμείνους), боюсь сказать, худшие (ὄνῳ δὲ εἶπεῖν χείτους), чем египтяне» (Protr. 2, 39, 6).

2. Оба приведенные ниже пассажа помещены в главы, где речь идет о демонах:

«В самом деле, место не делает из жертвы убийства жертвенное животное. Если кто-нибудь Артемиде и Зевсу на жертвеннике, в священном месте, а не на большой дороге Гневу и Сребролюбю, другим похожим на этих демонам, заколет человека, объявив его жертвенным животным, — не священнодействие такая жертва, но душегубство и человекоубийство» (Protr. 3, 42, 9).	«Различие мест, думаю, приводит к тому, что вы считаете богами благодаря храмам тех, которых в другом месте богами не называете; что по-иному вам кажется безумствующим тот, кто носится по священным башням, по-иному тот, кто прыгает по соседним крышам; что иная сила объявляется в том, кто рассекает половые органы или руки, иная в том, кто рассекает себе горло. Одинаков итог безумия и одна побуждающая причина» (Apol. 23, 3). Ср.: «<...> относительно детоубийства нет отличия, совершается ли оно в таинствах или произвольно <...>» (Apol. 9, 6).
--	---

3. Климент следующим образом заменяет культовые эпитеты Зевса: «Хорош же Зевс-Прорицатель, Ксений, Гикесий, Мейлихий, Паномфей, Простропей! Скорей уж он — Обидчик, Беззаконник, Преступник, Нечестивец, Бесчеловечный, Насильник, Раствлитель, Прелюбодей, Сладострастник» (Protr. 2, 37, 1). Кроме того, александрийский писатель, как было сказано выше, «придумывает» новых богов, «Гнев и Сребролюбие» (Protr. 3, 42, 9). Такой авторский прием очень напоминает создание Тертуллианом «богов» Сокордия (от латинского слова *socordia* «нерадивость; тупоумие») и Танатия (от греческого *θανατικός* «смертельный; роковой») (Apol. 23, 6). Вероятно, так он именуется спутников Эскулапа, среди которых были Ὑγίεια («Здоровье») и Τελεσφόρος (букв.: «Приносящий конец»).

4. И в «Апологетике» (50, 1–2) и в «Протрептике» (11, 116, 2–4) христианин сравнивается с солдатом.

Далее представлены отрывки из сочинений Тертуллиана и из «Протрептика», под влиянием которого могли возникнуть изменения в «Апологетике»:

1. В сочинении «К язычникам» речь идет о вздорности мнения, согласно которому власть над миром римлянам за их набожность дали боги. В «Апологетике» упоминание о Крезе появляется в контексте демонологии.

«<...> подданный Адмета увеличивает империю для римских граждан и одновременно подводит своего достойного почитателя Креза, обманывая его двусмысленным предсказанием» (Ad nat. II 17, 9).	«С какой изобретательностью демоны в оракулах подгоняют двусмысленность <ответа> к результату, знают Крезы, знают Пирры» (Apol. 22, 10).
--	--

В главу, посвященную демонам, анекдот о Крезе был помещен и у Климента: Феб «предал своего друга Креза и <...> привел его через реку Галис на костер. Проявляя так свое благорасположение, демоны ведут своих почитателей в огонь» (Protr. 3, 43, 3).

Тертуллиан в первом своем сочинении не упоминал Солона и Кира: «Фалес Милетский Крезу, донимавшему его вопросами о том, что он думает о богах, ответил ‘ничего’ после того, как несколько раз получал отсрочку для обдумывания» (Ad nat., II 2, 11). У Климента встречается противопоставление Кира и Солона «Аполлону прорицателю» (Protr. 3, 43, 2 и 4). В «Апологетике» появляются оба этих имени: «Захария жил в царствование Кира и Дария, при которых Фалес, первый естествоиспытатель, не смог ответить донимавшему его вопросами Крезу ничего достоверного о Божестве, будучи смущенным словами пророков. Солон этому же царю объявил, вторя пророкам, что нужно иметь в виду конец долгой жизни» (Apol., 19, 4). Климент словно бы напоминает Тертуллиану об известном античном анекдоте, пропущенным тем в раннем сочинении. Заметим, что Тертуллиан, согласно Т. Д. Барнесу, заимствовал у греческих апологетов «не их вялое красноречие, не их искреннюю и трогательную наивность или скучное описание христианской жизни и философии», но конкретные факты и имена¹⁵.

В первой своей работе Тертуллиан говорит, что его оппоненты отдадут посмертный суд в руки Миноса и Радаманта, отвергая более справедливого Аристиды (Ad nat. I 19, 5). В «Апологетике» смертным противопоставляются уже боги (Apol., 11, 8 и 15–16).

¹⁵ Barnes T. D. Op. cit. 1985. P. 107

У Климента, как мы видели, Кир и Солон были противопоставлены Аполлону.

2. В сочинении «К язычникам» сказано: «<...> не имеет значения облик, раз мы почитаем лишённые облика (deformia) изображения. Есть у вас боги с собачьей головой и львиной <...>» (Ad nat. I 14, 4). В «Апологетике» появляется интересный образ богов-гибридов: «<...> тотчас были должны поклониться двубразному божеству (biforme numen) те, которые принимают помесей (commixtos) с собачьей и львиной головой <...>» (Apol. 16, 13). Климент сопоставляет «полубогов» с «полуослами»: «Таковы у вас демоны и боги, и какие-то полубоги (ἡμίθεοι), названные наподобие полукровок-мулов (ἡμίονοι), ибо у вас нет недостатка в словах для составления кощунственных названий» (Protr. 2, 41, 4).

Отметим следы возможного влияния Климента на Тертуллиана, обнаруживающиеся в трактате «О душе». Тертуллиан пишет: «Глаза сов не знают солнца; орлы же выдерживают его сияние и судят о родovitости своих детей по бесстрашию их взора и не будут кормить как выродившегося птенца, который отвернется от солнечных лучей» (8, 4). Очень похожее сообщение находим к Климента: «<...> как подлинные ‘дети света’ поднимем глаза и воззрим на него, чтобы Господь не изобличил нас словно незаконных, — подобным образом солнце испытывает орлов» (Protr., 10, 92, 5).

Вероятно, «отрицательным» влиянием «Протрептика» можно объяснить исчезновение из «Апологетика» словосочетания «христианские мистерии (Christiana mysteria)» (Ad nat. I 7, 25). Если александрийская традиция, к которой принадлежал Климент, допускала сравнение в «педагогических» целях христианского богослужения с мистериями язычников (см., например: Protr. 12, 120, 1–2), то Тертуллиан был в этом вопросе был осторожнее. В сочинении «О прескрипции против еретиков» (40, 2) он противопоставляет христианские «божественные таинства (res sacramentorum diuinorum)» «идольским мистериям (idologum mysteriis)».

О предчувствии истины философами в более раннем сочинении апологет сказал следующее: «некое дуновение истины (nonnullus <...> afflatus veritatis) поднимает их <философов> против богов» (Ad nat., I 10, 41). В соответствующем месте «Апологетика» (14, 7) уже ни о каком «дуновении» речи нет. Вероятно, Тертуллиан не перенес в свой второй труд эти слова, потому что считал их выражающими чуждую ему концепцию откровения.

Внимание же к ним мог привлечь, например, такой пассаж из «Протрептика»: «Для познания Бога теми, кто способен хоть немного разглядеть истину, достаточно и этого, по вдохновению (ἐπιπνοία) Божьему записанного философами и отобранного нами» (Protг., 6, 72, 5).

Итак, в тертуллиановском «Апологетике» мы обнаруживаем следы как «положительного» (исправление своих «ошибок», использование понравившихся образов), так и «отрицательного» влияния «Протрептика»: Тертуллиан, не желая, очевидно, вступить в открытую полемику с авторитетным александрийским ученым, убирает из своего сочинения те слова, которые показались ему сближающими его позицию с позицией более терпимого к языческой культуре Климента.

В. В. Василик

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОНЕТИКИ ИТАЛИЙСКОГО ДИАЛЕКТА ВИЗАНТИЙСКОГО ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ ТРИОДИ IX в. (БАН Р.А.И.К. 109)

1. Рукопись БАН Р.А.И.К. 109, происходящая из Археологического Института в Константинополе – палимпсест IX–X в. Верхний текст написан южноиталийским минускулом, по своему содержанию является менологием с рядом памятней западных и италийских святых (св. Сильвестр, св. Луция, св. Мартин Турский)¹. Нижний текст – унциал, по классификации Барбары Рут – т. н. «костистый стиль», по-видимому, южноиталийского типа². Содержание нижнего текста – Триодь, сборник церковных песнопений Великого поста и периода от Пасхи до Пятидесятницы. Судя по ряду литургических черт, эта рукопись была создана в Южной Италии³.

2. Terminus post quem рукописи – 843 г., поскольку в рукописи содержится канон Торжеству Православия ((Л. 110). С другой стороны, terminus ante quem – 867 г., поскольку в каноне Торжества Православия имена царей Михаила и Феодоры не подверглись цензуре, в отличие от некоторых памятников Македонской династии⁴. Следовательно, с определенной долей осторожности, мы можем датировать этот памятник серединой IX в. и локализовать его Южной Италией.

¹ Описание см. И. Н. Лебедева. Каталог греческих рукописей Библиотеки Академии Наук. Л., 1975. С. 10–11.

² Barbour Ruth. Greek literary hands from 400 to 1600. Oxford, 1981. P. 11–12. Почерк рукописи имеет определенное сходство с Codex Camprianus (M021 E72 – IX в. и с Codex Mosquensis (V 031 075 – IX в.).

³ К ним относятся сочетание явно палестинских черт (например т.н. «блаженны» на великие праздники) с константинопольскими.

⁴ Так в Триоди IX–X века П.Б.Греч. 712 в каноне торжества Православия одном случае выпущено имя Феодоры и заменено на «всех Творца» (Вместо νεύσει Θεοδώρας τῆς ἀξιοπρεποῦς βασιλίδος стоит νεύσει καὶ βούλει τοῦ παντὸς δημιουργοῦ)⁴, в другом, еще более характерном месте «согласие Феодоры царицы и ее сына благочестивого Михаила самодержца» заменяется на «молитвами Богородицы, Апостолов со священномучениками» Вместо νεύσει Θεοδώρας τῆς ἀξιοπρεποῦς βασιλίδος стоит νεύσει καὶ βούλει τοῦ παντὸς δημιουργοῦ.

3. Для изучения фонетики византийского греческого особый интерес представляет орфография памятника. Она является ненормативной: в ней постоянно присутствуют смешение ω и o , α и ϵ , ϵ и η и i . Весьма частотны примеры типа ΕΟΡΟΝ (16 л., 22), ΕΥΦΡΕΝΕΤΑΙ (л. 15, стр. 21) ΓΥΝΙ (л. 15 стр.7), Η ΚΤΗΣΙΣ (л. 15, стр. 6). Зачастую в одном слове встречаются по две, и даже по три ошибки относительно нормативного написания: ΦΕΔΡΕΥΩΝΤΗ (л. 11, стр. 5) ΦΕΔΡΟΣ (л. 11, строка 6) ΔΗΣΗΜΕΡΕΥΗ (л. 13, строка 5). Уровень грамотности напоминает скорее глухую провинцию, чем столицу. Вероятно, копирование происходило также с плохой рукописи, выполненной неграмотным писцом. Например, ошибка ΦΙΛΑΡΓΥΡΙΑΣ ΚΑΙΡΟΝ (лист 61) – в то время, как требуется *φιλαργυρίας ἔρων* – вероятно связана с чтением ΦΙΛΑΡΓΥΡΙΑΣ ΑΙΡΩΝ. Встречаются гиперкорректные написания, например – ΔΟΞΟΛΟΓΟΥΝΤΑΙΣ. Употребление написания -ΑΙΣ в окончании именительного падежа множественного числа 3 склонения -εσ вероятно связано с аналогичным влиянием окончания -αις дательного падежа множественного числа 1 склонения⁵. Характерна частотная замена окончания Praesens Indicativi Activi 3 лица -ει на -η, вероятно связанная с влиянием конъюнктива. Суффикс существительных первого склонения -ι- регулярно передается через -η- например ΠΡΟΘΕΣΜΝΑ, вероятно для того, чтобы дополнительно акцентировать первое склонение. Окончание -εως родительного падежа единственного числа 3 склонения существительных с основой на -ι- (таких как πίστις) регулярно передается как ΕΟΣ – ΠΙΣΤΕΟΣ, очевидно под влиянием окончания -ος в большинстве существительных 3 склонения.

4. Благодаря ненормативной орфографии мы можем получить ряд фактов живого произношения Южной Италии IX в. В области вокализма, помимо тривиальной иотизации и слияния дифтонгов, следует отметить несомненный факт сохранения произношения v как \ddot{u} . В тексте памятника v никогда не смешивается с i или с η . Встречаются случаи смешения v с oi и наоборот. С одной стороны встречаются примеры типа ΔΑΚΡΟΙΩΝ (л. 15 об. строка 5), ΣΟΙΜΠΑΝΤΑ (л. 15 об., строка 17). С другой стороны, имеются примеры типа ΜΕΤΑΝΥΑ.

⁵ Возможно, Dativus Pluralis 1 склонения также повлияло на распространение в среднегреческом языке окончания εσ и на Nominativus Pluralis 1 склонения.

В рукописи oi не смешивается с i и с η . Поэтому, следует предположить, что oi произносился как \ddot{u} , что вполне вероятно для ряда византийских областей в IX в. Следует отметить, что византийский греческий делился на ряд зон – в одних палестинско-египетской и, возможно малоазийской переход v в i произошёл достаточно рано и начался как минимум в VIII в. Напротив, северная – балканская и италийская – зоны сохраняли v достаточно долго. Италийский по происхождению памятник Р.А.И.К. 109 подтверждает факт произношения v как \ddot{u} .

5. В области консонантизма Р.А.И.К. 109 предоставляет ряд интересных свидетельств:

а. Упрощение удвоенных согласных. Часто встречаются примеры типа ΑΓΑΛΕΤΩ, ΑΛΑ. Упрощение двойных согласных происходит не только внутри отдельной лексемы, но и на стыке лексем, например ΠΡΟΣΕ вместо *πρὸς σέ*.

б. Ассимиляция v с заднеязычным в потоке речи: встречаются написания ΕΓΓΑΣΤΡΙ вместо *ἐν γαστρὶ*.

с. В ряде случаев заднеязычный сонант η выпадает: встречаются формы ΣΠΛΑΧΝΗΣΘΗΣ

д. Встречаются случаи выпадения v – ΣΥΖΕΥΞΑΝΤΕΣ.

е. Есть случаи диссимиляции μ – ΣΥΝΠΛΕΞΑΝΤΕΣ.

ф. Встречаются чередования θ с t – ΣΠΛΑΧΝΙΤΗΤΙ⁶.

Все эти факты дают нам ценную информацию о фонетике византийского греческого языка и его италийского диалекта.

⁶ Окказиональное смешение θ с t вообще характерно для северной зоны среднегреческого языка и в частности, балканской. Возможно, именно благодаря этому явлению ряд греческих слов с θ в славянских заимствованиях устойчиво дает t . Например имя Феодор (*Θεόδωρος*) в болгарский язык заимствовано в форме Тодор (и т.д.).

А. Ю. Виноградов

**SUB SPECIE SAPIENTIAE:
КОМПОЗИЦИЯ «ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА»**

«Премудрость Соломона» всегда привлекала внимание исследователей, как произведение, стоящий на границе иудейской и эллинистической культуры. Одним из проявлений последней традиционно считается композиция памятника. В современной науке почти каноническим стало деление текста «Премудрости» на три части по принципу *inclusio*: 1–6.21, 6.22–11.1, 11.2–19 (Риз и др.). Между тем, эти части оказываются слишком разными и по объему и по структуре. Для того, чтобы затушевать эту разницу ученым приходится прибегать к осмыслению больших отрезков текста как отступлений. Взамен этого мы предлагаем деление «Премудрости» на 5 практически равных по объему разделов с одинаковой структурой: пролог/эпилог и три (в разделе V – пять) пары противопоставлений/сопоставлений.

	тема	стихи	знаки	тема	стихи	знаки
I	Нечестивые и праведные	1.1-5.24	8501	V	Египтяне и Израиль	16.1-19.21
1	Пролог	1.1-1.15	1256			
2	1 противопоставление	1.16-3.9	2802	1	1 противопоставление	16.1-14
a	Нечестивые (против праведного) >	1.16-2.24	2181	a	Наказание для египтян	16.1 65
б	Праведные	3.1-3.9	621	б	Награда для евреев	16.2-14
3	2 противопоставление	3.10-4.14	1769	2	2 противопоставление	16.15-29
a	Нечестивые >	3.10-4.6	1333	a	Наказание для египтян	16.15-19
б	Праведный	4.7-14	436	б	Награда для евреев	16.20-29
4	3 противопоставление	4.14-5.24	2674	3	3 противопоставление	17.1-18.4
a	Нечестивые (против праведного) >	4.14-5.14	1921	a	Наказание для египтян	17.1-20
б	Праведные	5.15-24	753	б	Награда для евреев	18.1-4

4	4 противопоставление	18.5-25	1978			
a	Наказание для египтян	18.5-19	1344			
б	Награда для евреев	18.20-25	634			
5	5 противопоставление	19.1-12	1123			
a	Наказание для египтян	19.1-5	488			
б	Награда для евреев – стихи	19.6-12	635			
6	Эпилог	19.13-21	986			
a	Наказание грешников	19.13-17	511			
б	Стихи	19.18-21	475			
II	Премудрость и автор	6.1-9.12	6845	IV	Служение идолам и их изготовление	13.1-15.9
1	Пролог	6.1-11	783			
2	1 сопоставление	6.12-7.21	2485	1	1 сопоставление	13.1-16
a	Премудрость ~	6.12-27	955	a	Служение идолам =	13.1-9
б	Автор и премудрость	7.1-21	1530	б	Изготовление идолов	13.10-16
3	2 сопоставление	7.22-8.21	2577	2	2 сопоставление	13.17-14.21
a	Премудрость ~	7.22-8.8	1528	a	Служение идолам =	13.17-14.11
б	Автор и премудрость	8.9-21	1049	б	Изготовление идолов	14.12-21
4	3 сопоставление – молитва	9.1-12	1000	3	3 сопоставление	14.22-15.13
a	Автор и премудрость ~	9.1-8	594	a	Служение идолам =	14.22-31
б	Премудрость и автор	9.9-12	406	б	Изготовление идолов	15.1-13
				4	Эпилог – египтяне	15.14-19

III	Священная история	9.13-12.28	6529
1	Пролог – суды Божьи	9.13-19	421
2	Премудрость и Израиль	10.1-11.4	2028
a	Премудрость и праведник	10.1-14	1293
б	Премудрость и праведные	10.15-11.4	735
3	Неразумие египтян	11.5-12.2	1710
a	Египтяне и Израиль	11.5-15	666
б	Суд Божий	11.15-12.2	1044
4	Неразумие хананеян	12.2-21	1827
a	Хананеи и Израиль	12.3-11	842
б	Суды Божьи	12.12-21	985
4	Эпилог – наказание	12.22-28	543

При таком делении мы получаем симметрическую композицию памятника, построенную, как и другие эллинистические и римские произведения («Жизнь Аполлония Тианского», «Херей и Каллироя»), по принципу зеркального отражения: раздел I соответствует разделу V, раздел II – разделу IV. Причем параллелизм проявляется здесь не только в отношении структуры (противопоставление или сопоставление), но и в отношении темы (неправедные-праведные и египтяне-евреи, премудрость и идолослужение). Центр композиции – раздел III, священная история, которая, в отличие от античной структуры с ее осью симметрии – шарниром композиции, является сердцевинной текста и, в этом качестве, осуществляет переход от первой половины ко второй, сопровождающийся знаменательными изменениями (напр., почти полным исчезновением термина «премудрость»).

Н. А. Ганина

НАДПИСЬ НА ШЛЕМЕ В ИЗ НЕГАУ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. Надпись на бронзовом шлеме из Негау традиционно рассматривается как древнейшее эпиграфическое свидетельство о древних германцах [Kretschmer 1929, Neckel 1933, Arntz 1944, Reinecke 1950, Pokorny 1959, 615, Reichardt 1953, Lehmann 1986, 179, Nedoma 1995]. Тем не менее, при видимой убедительности германских этимологических соотнесений материал надписи оказывается весьма многозначным в своих деталях, и потому дискуссия о языковой и культурной принадлежности памятника не может считаться завершённой.

2. В 1811 г. в деревне Женяк, принадлежавшей к владению Негау (Нижняя Штирия, ныне Словения), на небольшом земельном участке при корчевании пней Георг Слатшегг (Иржи Слатчек) наткнулся на клад из 26 бронзовых шлемов, вложенных один в другой и находившихся сравнительно недалеко от поверхности земли. Один из шлемов сильно пострадал при извлечении и не вошел в общий состав клада (в общей сложности были утрачены три экземпляра). Восемь шлемов были орнаментированы процарапанными граффити, на полях одного сохранился ряд неясных знаков, сходных как с граффити, так и с остатками буквенной надписи – и, наконец, два шлема, обозначенные в описании К. Марстрандера как Негау А, В [Marstrand 1925]¹, несли на себе отчетливые краткие надписи, выполненные североиталийским письмом.

Шлемы этого типа, ранее определявшиеся как «шлемы-шапки с полями», ныне обычно обозначаются как «тип Негау». Специфику их составляют отчетливые поля и навершие в виде колпака с продольной гранью (возможно, служившей для закрепления гребня или металлического украшения) и желобком у основания. При этом шлемы обнаруживают определенные различия в деталях, указывающие на принадлежность к разным мастерским [Nedoma 1995, 8].

¹ Первое научное описание шлемов из Негау было дано Т. Моммзенном [Mommsen 1853].

Клад из Негау исторически соотносится с древней пограничной зоной между Нориком и Верхней Паннонией. Датировка шлемов долгое время была неверной, поскольку ряд исследователей не соблюдал строгих археологических критериев. Даже П. Рейнке, давший исчерпывающее описание клада, датировал все шлемы временами заката Римской республики или первых императоров [Reinecke 1950, 148 *passim*, 167], тогда как современные археологи усматривают ближайшие аналоги многих экземпляров в находках гальштатской эпохи. Установлено, что по крайней мере часть негауских шлемов юго-восточноальпийского типа восходит к эпохе позднего гальштата (вскоре после 500 г. до Р.Х.) и тем самым никак не может соотноситься с Римом [Gabrovec 1966, 114-115, Egg 1986, 66, 111, 129, Nedoma 1995, 16]. По заключению М. Эгга, весь клад состоит из предметов разных эпох. Так, шлем В принадлежит к древнейшей группе негауских шлемов юго-восточноальпийского региона (италийско-словенский тип) и мог быть изготовлен еще в первой половине V в. до Р.Х., шлем А относится к подвиду следующего поколения шлемов (словенский тип, вариант Ваче), а наиболее поздние экземпляры, типологически близкие позднелатенскому шлему из погребения 18 в Идрия-при-Бачи, могут датироваться концом II – серединой I в. до Р.Х. [Egg 1986, 66, 78, 86, 129, Nedoma 1995, 17–18].

Таким образом, клад из Негау объединяет предметы разных эпох, однако мы имеем здесь дело не с совокупностью слоев, а с единой крупной находкой. По состоянию бронзы (насечки, царапины) можно судить, что древнейшие шлемы клада находились в употреблении несколько веков. Потому надпись на шлеме В соотносится со всем периодом его бытования (450 г. до Р.Х. – ок. 100 до Р.Х.) [Nedoma 1995, 20]. Представляется, что единственный перспективный путь к уточнению датировки – обращение к данным эпиграфики, тогда как привязка к той или иной конкретной дате (будь то сокрытие клада в I в. до н.э. или поход кимбров через Норик в 113 г. до Р.Х.) может оказаться произвольной (ср. критику традиционных версий: [Nedoma 1995, 20–21]).

3. Надпись на полях шлема В начертана североиталийским алфавитом справа налево и «вверх ногами» по отношению к внешнему краю (для того, кто носил шлем, буквы не были перевернутыми). Знаки наносились тонким острым предметом, уверенной рукой. Указанный алфавит более детально охарактеризован А. Просдочими как локальный венецкий, применявшийся

в области Изонцо («тип Идрия», вариант А), с чем согласились другие исследователи [Istenič 1985, 322, Nedoma 1995, 24]. Помимо надписи, на шлеме имеются четыре группы знаков – последовательности, состоящие из косых крестов и вертикальных штрихов и представляющие собой орнаментальные или, что вполне возможно, магические граффити.

Буквенная надпись на шлеме В состоит из 19 знаков. Четырнадцать начальных имеют признанную большинством исследователей расшифровку: **harigastiteiva** (лишь знак 9 иногда трактуется не как графема, соответствующая звуку *i*, а как вертикальная разделительная черта)². Интерпретация последующих пяти знаков дискуссионна. Знаки 15–17 представляют собой три параллельные наклонные вертикальные черты, знак 18 выглядит как прямая вертикальная черта (= *i*?), а знак 19 условно читается как [I], но может быть и небуквенным завершением надписи – не до конца прочтенным крестом или вариантом знака V, графическая валентность которого в венецких и ретийских надписях неясна. Примечательно, что именно этот знак встречается в составе небуквенной надписи на одном из шлемов негауского клада [Nedoma 1995, 28].

4. Германисты увидели в надписи «**harigastiteiva**» двучленное германское имя собственное Harigast [Marstrander 1925], что повлекло за собой трактовку всей надписи как германской. П. Кречмер³ предложил реконструкцию «Harigasti Teiwa» ‘Харигаст(и) – богу [Тиу]’: ср. общегерм. *harjiz (гот. harjis и др.) < *и.-е. koṛjos ‘войско’, общегерм. *gastiz (гот. gasts и др.) < *и.-е. ghostis ‘гость’ (лат. hostis и др.), общегерм. *tīwaz (ди. Týr ‘Тюр, бог войны и победы’, tíwar мн.ч. ‘боги’, да. Tīwes-dæg = лат. ‘Martis dies’, ‘вторник’, двн. Ziu ‘Циу’) < *и.-е. deiwos ‘бог’ (др.-инд. dēva-h и др.)⁴. Для этой и всех иных реконструкций, пред-

² Транслитерация Т. Моммзена: harixastiteivaiiup. Расшифровка К. Паули: harinastite (с толкованием надписи как этрусской) [Pauli 1885, 44 ff]. Если предполагать здесь ретийский алфавит (тип Магрэ), надпись должна читаться как harixastiteiva [Nedoma 1995, 25].

³ Для работ Кречмера характерна «пангерманская» интерпретация языковых реликтов, впоследствии отвергнутая Э. Полеме и др. исследователями [Polomé 1952, Nedoma 1995, 6].

⁴ Сочетав это истолкование с гипотезой В. Пизани о чтении конца надписи как «hil», А. Просдочими и П. Скардильи предложили расшифровку: «harigasti Teiwa hil[m]» ‘Харигаст богу [Тиу] шлем (вин.п.)

полагающих в надписи германскую основу *hari- ‘войско’⁵, сразу следует указать на основную проблему, неоднократно отмечавшуюся исследователями. Общегерм. *harjiz принадлежит к основам на -ja- (и-е. -jo-), и в ранней письменной фиксации йот должен был сохраняться: ср. Chariovalda у Тацита, относящееся прим. к 100 г. по Р.Х. (при том, что надпись на шлеме В датируется по крайней мере веком ранее!) Привлекаемые в качестве контрпримеров имена Hari-ulfus, Ali-gildus (IV–V вв. по Р.Х.), равно как и этимологически темное «*deae Harimellae*» (Dat. sg.; CIL VII 1065; II–IV вв. по Р.Х.), принадлежат другой эпохе развития германских языков. Вторая существенная неувязка – предполагаемое для *teiwa* сохранение и-е. дифтонга *ei*, в германском весьма рано стянувшегося в *i*. Дело даже не в том, что в общегерманском могли сохраняться формы с дифтонгом, но в том (и этого исследователи не замечают), что сочетание «*harigast*» образца IV по Р.Х.⁶ и протогерманского «*teiwa*» хронологически немыслимо. Разумеется, соображения о «чуждой письменной фиксации» (итоговое заключение Р. Недомы) служат знаком к прекращению дискуссии, но вопросы остаются неразрешенными.

Не менее противоречива морфологическая интерпретация надписи. Именительный падеж м.р. ед.ч. должен иметь в эту

[жертвует]’. Эта версия не выдерживает критики. Три косых черты были истолкованы Пизани как один знак *h*, при том, что *h* передается в надписи другой графемой. Интерпретация надписи: *harigastiteiwahil* = общегерм. **Harigasti Teiwa-hilaz* (два германских имени-композиата в им.п.) [Pisani 1959, 382] произвольна, т.к. об исторически мыслимых германских падежных формах здесь говорить не приходится, а личное имя **Teiwa-hil(-a-z)* не имеет аналогов в древнегерманском ономастике и явно сконструировано *ad hoc*. Кроме того, по справедливому замечанию Р. Недомы, для раннегерманской эпохи мы вправе ожидать лишь общегерм. **helman* (вин. п.), а не сомнительного (квази-готского) «*hilm*» [Nedoma 1995, 27].

⁵ Другая версия – возведение к общегерм. **harigaz* ‘воинственный’ (реконструкция по модели рун. **WagigaR*); толкование всей надписи – «*Harigaz bi Teiwa*» ‘*Harigaz qui Teiwa*’ с предположением о германском спиранте, переданном через венецкое *t* [Nedoma 1995, 47]. Остроумная, но весьма некомпактная и шаткая гипотеза, в итоге не принятая самим Р. Недомой.

⁶ То есть эпохи существования отдельных германских диалектов, стяжения общегерманских дифтонгов *ai*, *au* в остготском и т.д.

эпоху (общегерманскую или позднеобщегерманскую) окончание -z. Отсутствие такового свидетельствует не в пользу версии об имени в номинативе, почему П. Кречмеру и поддержавшим его версию А. Просдочими и П. Скардильи приходится говорить здесь о «протозападногерманском номинативе» с утратой конечного -z. Если учесть указание А.И. Смирницкого, что общегерм. -z отпадало в западногерманском ареале, пройдя начальные стадии ротацизма и потому будучи нестойким в исходе слова, гипотеза о «протозападногерманском номинативе без -z» предстает как грубое игнорирование хронологии (ротацизм для общегерманской эпохи еще неактуален). Итак, морфологическая прозрачность «*harigast(i)*» оказывается столь же мнимой, как и фонетическая.

В рамках версии о германском «*teiw-*» как обозначении бога или теониме П. Кречмер выдвинул другую гипотезу, согласно которой надпись могла представлять собой два германских слова в дательном падеже: «*Harigasti teiwa*» ‘Харигасту богу [войны]’, с чем согласился Г. Неккель, привлечший для сравнения такие имена Одина, как *Herjann*, *Herfaðir*. Тем самым «*Harigast*» трактуется как имя-эпитет бога войны (= *Tiu*), которому был посвящен шлем. Однако и эта версия весьма уязвима, ибо оформление германского датива предстает здесь как фантастическая смесь разнодиалектных форм («протоскандинавского» *gast-i* и «готского» *teiw-a*)⁷. К. Рейхардт, подробно рассмотревший проблему падежных соотношений, заключил, что в «*harigasti teiwa*» можно видеть лишь два винительных падежа [Reichardt 1953, 310], однако план содержания такой конструкции (самостоятельного прямого дополнения?) совершенно неясен⁸. Генитив вполне приемлем по смыслу (владельческая надпись), но невозможен формально, почему К. Марстрандер и предложил интерпретацию *harigasti* как кельтского генитива германского имени ([Marstrander 1925, 59]. К. Райхардт не отверг этой гипотезы в принципе, но отметил, что в данном случае остается необъясненной форма *teiwa*. Следует также заметить, что при уче-

⁷ Готская флексия д.п. ед.ч. м.р. а-основ не имеет параллелей в скандинавском и западногерманском.

⁸ К. Райхардт: «[X призывает] Харигаста бога» [Reichardt 1953, 313]. Помимо того, что подобная конструкция не имеет аналогов в эпиграфике, ср. ниже данные, свидетельствующие о не вотивном характере надписи.

те *венетского* алфавита надписи предполагаемое языковое смешение выглядит в высшей степени экзотичным. Версия о звательном падеже также неудовлетворительна с формальной точки зрения [Reichardt 1953, 310]. В итоге выясняется, что представленные в надписи формы не сводятся ни к одному из германских падежей.

Р. Недома признает, что формальным требованиям удовлетворяют лишь три возможности: два винительных / два звательных / творительный + винительный. Однако в рамках концепции о владельческой надписи исследователь всё же принимает положение о двойном именительном и интерпретирует целое как «*Harigast* [знак 9 = разделительная черта] *Teiwa* [знаки 15–19 = небуквенные знаки конца надписи]» [Nedoma 1995, 55–57]. О невозможности «протозападногерманского именительного» с отпавшим *-z* было сказано выше. В форме *teiwa* Р. Недома увидел германское имя собственное **Teiwa* (м. р. *-n*)⁹; двуименность возможна в древнегерманской традиции, но вопиющая разновременность фонетического облика «*harigast*» и «*teiwa*» по-прежнему свидетельствует не в пользу версии. Потому наиболее надежным оказывается вывод о владельческом, а не вотивном характере надписи. Как подчеркивает Р. Недома, идее о вотивной надписи противоречит, во-первых, целостность и сохранность шлемов (предметы, посвящаемые высшим силам, обычно разламывались или деформировались) и, во-вторых, типичность владельческих надписей как для шлемов Северной Италии в целом¹⁰, так и для ближайших аналогов негауского шлема В (клад из Ветулонии).

5. Шлем не являлся исконным боевым снаряжением древних германцев и был заимствован ими у кельтов; о крайне ограниченном применении или даже отсутствии шлемов свидетельствует ряд античных источников (Тас. Germ. 6, Ann. II, 21, 1, Cass. Dio XXXVIII, 50, 2). Более того, старшерунические надписи¹¹ на

⁹ Разумно модифицированный вариант версий А. Просдочими, П. Скардильи (**Teiwa-hilaz*) и Х. Розенфельда (**Teiwa-wulfilo*).

¹⁰ Единственный памятник, гипотетически рассматриваемый как вотивный – надпись на шлеме из Сандзено [Nedoma 1995, 43].

¹¹ В настоящее время никто уже не считает надпись на негауском шлеме В «недостающим звеном» между североиталийским и старшеруническим алфавитом.

оружии крайне редки, а на шлемах не представлены вообще [Nedoma 1995, 21–22, 42–43].

При этом рассматриваемая надпись имеет целый ряд убедительных негерманских параллелей. 34 этрусских шлема из Ветулонии снабжены одной и той же надписью «*haspnaś*», в которой исследователи видят родовое имя с суффиксом *-na-*. На шлеме, аналогичном негауским, но более раннем (VI–V вв. до Р.Х., Италия, место находки неизвестно), имеются надписи «*kavelnaś*»/«*kamelnaś*», передающие этрусское родовое имя. Надпись на шлеме из Ваче, выполненная методом пунктирования, предположительно является ретийской и в настоящее время расшифровывается как «*xerisna*» (значение неизвестно; если признавать бытование в Реции этрусских именных моделей, можно также видеть в лексеме суффикс *-na-*)¹². И наконец, шлем А из Негау также считается ретийским и несет на себе целый ряд кратких надписей, ни одна из которых не содержит германского лексического материала. Наиболее известная надпись на этом шлеме, в которой ранее видели указание на племя герулов («*kerul*»), ныне имеет признанное чтение «*kerup*» [Nedoma 1995, 18–19, 33–36]. Таким образом, надпись на шлеме В хорошо вписывается в контекст североиталийской эпиграфики, ретийских и немногочисленных венетских памятников¹³, но не имеет никаких убедительных соотношений с германской практикой.

6. Если настаивать на германском характере надписи, то в ее авторе по необходимости придется признать германца, весьма тесно связанного с чуждым этническим окружением – «наемника на службе венетской *civitas*» [Nedoma 1995, 74]. Однако этот гипотетический германец, с одной стороны, не смог корректно передать свое имя средствами чужого алфавита [Nedoma 1995, 61–62], с другой – хорошо владел навыками письма и был билингом [Nedoma 1995, 24, 61]. Каким образом этот пионер древнегерманской эпиграфики успел укорениться в области Но-

¹² В рамках «пангерманской интерпретации» П. Клингенберг предлагал расшифровку «*ansiret*» (германское имя собственное), однако эта версия основана на произвольном чтении надписи.

¹³ Венетская культура Эсте (надпись на бронзовом стилосе, Es 46), надписи, соотносимые с алфавитом типа Идрия [Nedoma 1995, 24–25, Ann. 35].

рика (или, что вполне вероятно, в северной Италии¹⁴) и почему он был единственным (а других германских надписей этого круга нет) – неясно. Кроме того, в своем стремлении снабдить шлем владельческой надписью он следовал традиции негерманских племен, носил два имени, что в куда большей степени характерно для италийцев, нежели для германцев – и наконец, запечатлел на шлеме столь противоречивый лексический материал, что истолкование его как германского сопряжено с неразрешимыми трудностями. Возникает закономерный вопрос – а мог ли быть автор такой надписи германцем?

7. Г. Маст, изначально разделявший точку зрения о германской принадлежности надписи, впоследствии счел противоречия неразрешимыми и выдвинул гипотезу о том, что надпись является ретийской (алфавит Магрэ) и содержит два имени собственных: личное «harixas» м.р. (< и.-е. *gheg-/ghog- ‘сиять’ + суфф. -ix- < *-ik-) и родовое «titeiva» (этруск.-ретийск.). Несмотря на то, что Р. Недома отнесся к этой реконструкции в высшей степени критически [Nedoma 1995, 48], она значительно экономнее германских версий. Поскольку до сих пор достоверно неизвестно, ретийская это надпись или венетская¹⁵, решение Маста вряд может считаться окончательным, но сама модель (имя собственное с исходом на -as + родовое имя) заслуживает внимания. Конкурирующей версией в данном случае будет не германская, а этрусская этимология имен собственных¹⁶.

Очевидно, что в науке надпись на шлеме В из Негау еще долгое время будет выступать в двух обликах, имея свой «аверс» и «реверс». Ясно также, что для германистов она неизмеримо более важна, нежели для исследователей североиталийских язы-

¹⁴ Исторические пути шлемов, оказавшихся в составе негаускогоклада, неизвестны. В любом случае, Негау – лишь условная конечная точка линии, берущей для данной традиции начало в Ветулонии и пролегающей через крупный культурный регион (область расселения венетов, Магрэ, Идрия, Ваче и др.).

¹⁵ Алфавит с большей степенью вероятности определяется как венетский, хотя в венетской эпиграфике принято пунктирование слогов (лишь на границах ареала встречаются надписи с некоторыми отступлениями от правил, а иногда и вовсе не имеющие пунктуации) [Nedoma 1995, 25].

¹⁶ Если принять чтение знака 5 («g») как «п» (а графика дает к тому определенные основания), можно вспомнить давнюю версию К. Паули об этруских именах «harinas» и «tite» (= «titeiva» по Г. Масту).

ковых реликтов – в древней германистике такое свидетельство уникально, тогда как находка этрусской, ретийской или венетской надписи с одним или двумя именами собственными лишь продолжает ряд известных, содержательно ограниченных и отнюдь не сенсационных памятников. Неудивительно, что на германской принадлежности надписи приходится настаивать¹⁷, тогда как отказ от этой точки зрения выглядит как некая капитуляция. Однако круг мнимых «германских параллелей» негауской надписи в настоящее время распался, и все аналогии свидетельствуют за соотнесение с иной традицией – фрагментарной и герметичной, но реально засвидетельствованной. Потому наиболее перспективным в дальнейшем исследовании надписи на шлеме В из Негау представляется обращение к данным североиталийской эпиграфики¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Arntz H. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944.
 Gabrovec S. Chronologie der Negauer Helme // Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche. Roma 1962. Vol. III. Roma, 1966. P. 114–120.
 Egg M. Italische Helme. Studien zu den alteisenzeitlichen Helmen Helmen Italiens und der Alpen. Mainz, 1986. (Monographien der Römisch-Germanischen Zentralmuseums 11).
 Kretschmer P. Das älteste germanische Sprachdenkmal // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1929. Bd 66. S. 1–14.
 Lehmann W. P. A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
 Marstrander C. J. S. Les inscriptions des casques de Negau, Styrie // Symbolae Osloensis. Oslo, 1925. Bd 3. S. 37–64.
 Marstrander C. J. S. Remarques sur les inscriptions des casques en bronze de Negau et de Watsch. Oslo, 1927 (Avh. Utg. Av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. 2. Hist.-filos. Klasse. 1926. № 2).
 Mommsen T. Die nordetruskischen Alphabete auf Inschriften und Münzen // Mittheilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich. 1853. Bd 7. S. 197–260.
 Must G. The Problem of the Inscription on Helmet B of Negau // Harvard Studies in Classical Philology. 1957. Vol. 62. P. 51–59.

¹⁷ Решающий довод – «проведенное первое передвижение согласных». Однако индоевропейские основы в данном случае – всего лишь условное транспонирование основ предполагаемого «германского имени собственного».

¹⁸ Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект № 04-04-00019).

- Neckel G. Zur Inschrift des Helmes von Negau // Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft. 1933. Bd 60. S. 282–284.
- Nedoma R. Die Inschrift auf dem Helm B von Negau. Möglichkeiten und Grenzen der deutung norditalischer epigraphischer Denkmäler. Wien, 1995 (Philologica Germanica 17).
- Pauli C. Altitalische Forschungen. I. Die Inschriften nordetruskischen Alphabets. Leipzig, 1885.
- Pisani V. Nachträgliches zur Chronologie der germanischen Lautverschiebung // Mélanges de linguistique et de philologie. F. Mossé in memoriam. Paris, 1959. P. 379–386.
- Reichardt K. The inscription on helmet B of Negau // Language. 1953. Vol. 29. P. 306–316.
- Reinecke P. Der Negauer Helmfund // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. 1942 [1950]. Bd 32. S. 117–198.
- Pokorny J. Indogermanisch etymologisches Wörterbuch. Bd 1. Bern-München, 1959.

Л. Г. Герценберг

О ВНУТРЕННЕЙ ДЕРИВАЦИИ

Идея внутренней деривации восходит к старой гипотезе о происхождении тематических имен из генитива атематических имен.

Современная концепция внутренней деривации как бы уточнила и рафинировала эту идею; в её рамках сформулировано положение о том, что *акростатический* генитив при определённой семантической ситуации мог функционировать в качестве *протерокинетического* номинатива – в значении *относительного* производного: «то, что относится к исходному понятию».

Естественно, к этому новому номинативу *подстраивалась* новая парадигма слабых падежей. Для этого использовались просодические средства, косвенные слабые падежи образовывали единые акцентные комплексы с управляющими синтаксическими компонентами – зарождался количественный аблаут. При этом, для *акростатической* (колумнальной) парадигмы было характерно *начальное* просодическое выделение – по видимому, праязыковая синтагма имела принципиально препозитивную структуру; так, например, синтагма со значением «ночь солнца» в ту отдалённую эпоху должна была иметь последовательность «солнца ночь», а именно:

$$*sh_2-úén-s \sim *nok^u-t-s.$$

Но на этом «внутренняя деривация» не остановилась. Новый *протеродинамический* генитив от субстантивированного номинатива (который сам по себе был ничем иным как старым *акродинамическим* генитивом) снова, в свою очередь мог функционировать как номинатив, а к нему «подстраивалась» новая парадигма с соответствующим акцентным сдвигом: так появился *гистеродинамический* тип.

Так, синтагма «неба отец» имела такой вид:

$$*di-ú-és \sim *p^o h_2-tēr$$

Но *гистерокинетический* генитив, естественно, тоже мог субстантивироваться – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, он не утрачивал своей генитивной семантики. Поэтому к нему также «подстраивалась» новая словоизменная парадигма с «новыми» сильными прямыми падежами.

Например, «скалистая земля» должно было быть «скалы земля»:

$*h_2k-(m)n-és\sim d^h eg^h om-s.$

То есть, первоначально существовал лишь *акростасис* (и *амфикинесис*), из него развились все другие парадигмы.

Полученный таким путем результат конгруэнтен известной реконструкции В. А. Дыбо – его исчислению *доминантных* и *рецессивных* морфем (ср. аналогичное исчисление у У. Шмольстига, различающего *weak* и *strong* морфемы/слоги и помечающего их соответственно надстрочными “w” или “s”). Напомним, что в основе «исчисления» В. А. Дыбо лежит установленное им контурное правило, согласно которому динамическое ударение падает на первую более сильную морфему – в цепочке морфем. Соответственно, восстанавливается следующее состояние (за таблицей соответствий между реконструкциями В. А. Дыбо и Й. Шиндлера приведены примеры переходов из одного акцентного типа в другой):

реконструкция В. А. Дыбо					термины Й. Шиндлера
термины	тип падежа	первая (слева) морфема	вторая (слева) морфема	акцентная схема слова	
колум- нальный	сильный	<i>доминант- ная</i>	<i>рецессив- ная</i>	↑ (> [-])	«акростасис»
	слабый	<i>доминант- ная</i>	<i>доми- нантная</i>	↑↑ (> [-])	
подвиж- ный	сильный	<i>рецессив- ная</i>	<i>рецессив- ная</i>	↓↓ (> [-])	«амфи- кинесис»
	слабый	<i>рецессив- ная</i>	<i>доми- нантная</i>	↓↑ (> [-])	

пахистасис → лептостасис

им. пад. **W(ē)S(ø)D(ø)**

род. пад. **W(ø)S(ø)D(ø)** μ им. пад. **W(ó)S(ø)D(ø)**
род. пад. **W(é)S(ø)D(ø)**

прям. пад. $*h_1\mu\acute{e}su-$ / косв. пад. $*h_1\mu\sigma su-$ ⇒

⇒ прям. пад. $*h_1\mu\sigma su-$ / косв. пад. $*h_1\mu\acute{e}su-$

др.-ирл. *fíu* (< $*h_1\mu\acute{e}su-$) «достойный, стоящий» ⇒

⇒ др.-ирл. *fó* (< $*h_1\mu\sigma su-$) «господин»;

лептостасис → протерокинесис

им. пад. **W(ó)S(ø)D(ø)**

род. пад. **W(é)S(ø)D(ø)** μ им. пад. **W(é)S(ø)D(ø)**
род. пад. **W(ø)S(é)D(ø)**

прям. пад. $*h_2\acute{o}\acute{i}\mu-$ / косв. пад. $*h_2\acute{e}\acute{i}\mu-$ ⇒

⇒ прям. пад. $*H\acute{e}\acute{i}\mu-$ / косв. пад. $*h_2\acute{i}\acute{e}\mu-$

др.-инд. *áyu-* «жизнь» (< $*h_2\acute{o}\acute{i}\mu-$) ⇒

⇒ др.-гр. " **Αἴν** «всегда» (< дат. пад. ед. ч. $*h_2\acute{i}\mu-é\acute{i}$);

протерокинесис → гистерокинесис

им. пад. **W(é)S(ø)D(ø)**

род. пад. **W(ø)S(é)D(ø)** μ им. пад. **W(ø)S(é)D(ø)**
род. пад. **W(ø)S(ø)D(é)**

прям. пад. $*n\acute{e}ku-$ / косв. пад. $*\eta k\acute{e}\mu-$ ⇒

⇒ прям. пад. $*\eta k\acute{e}\mu-$ / косв. пад. $*\eta k\mu\acute{o}-$

др.-гр. < **Χθῆν** «труп» (< $*n\acute{e}ku-$) ⇒

⇒ тох. В *enkwē*, А *oik* «муж < смертный» (< $*\eta k\mu\acute{o}-$).

В общем виде описанные изменения могут быть представлены следующим образом¹:

акростасис
«пахистасис»

акростасис
«лептостасис»

им.п. **W(ē)S(ø)D(ø)**

р.п. **W(ø)S(ø)D(ø)** > им.п. **W(ó)S(ø)D(ø)**

р.п. **W(é)S(ø)D(ø)** > им.п. **W(é)S(ø)D(ø)**

р.п. **W(ø)S(é)D(ø)** > им.п. **W(ø)S(é)D(ø)**

р.п. **W(ø)S(ø)D(é)**

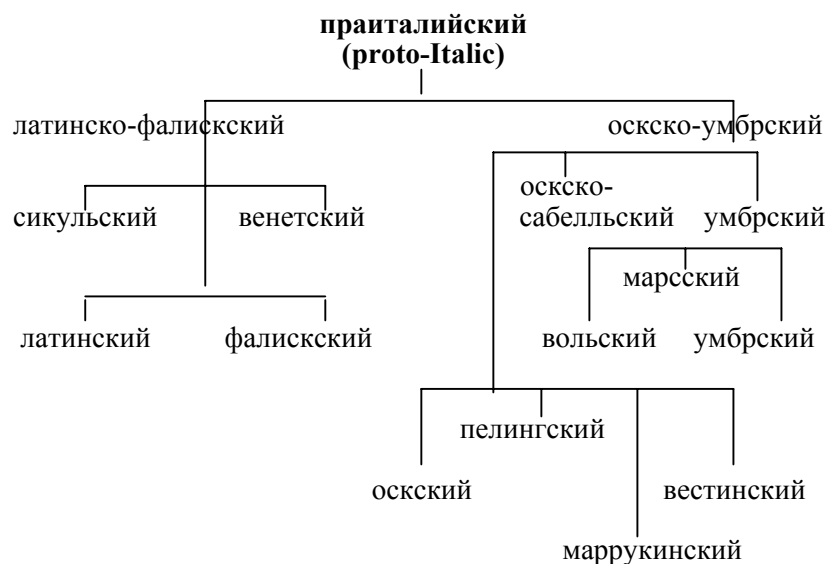
р.п. **W(ø)S(ø)D(é)**

¹ Расширенная версия данной статьи с другими примерами вошла в доклад, прочитанный на Президиуме РАН (публикация ожидается в № 5 Вестника РАН за 2005 г.).

Е. А. Глебова

**ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ
ИТАЛИЙСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОНТИНУУМА
КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА
ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ**

1. Монографии об Игувинских таблицах J. W. Poultney предшествует схема развития италийских языков:

2. Фалисский язык занимает промежуточное положение между латынью и умбрским (G. R. Solta); несмотря на незначительное количество памятников фалисского языка, можно с уверенностью отнести его к языкам, генетически родственным классической латыни вследствие морфологической близости систем склонения и спряжения и идентичности лексики; диалектные различия носят в основном фонетический характер.

3. Согласно установившейся в науке точке зрения, сикульский язык занимает промежуточное положение между италийскими языками и иллирийским. Но общепринятой является точ-

ка зрения о том, что в сикульском языке присутствует неиталийское влияние, особенно в этнопонимике (G. R. Solta, И. М. Тронский).

4. Особое место венетского языка и его принадлежность к индоевропейской языковой среде неоднократно подчеркивалось, начиная с работ профессора В. И. Модестова и заканчивая исследованиями по истории венетского языка G. Devoto, A. Mancini и A. L. Prosdocimi. В статье А. А. Королева «Новые данные о венетском языке» приведены две (из приблизительно десяти обнаруженных после опубликования корпуса венетских надписей) содержащие наиболее важный материал надписи, а также обзор относящихся к ним мнений и гипотез и кельто-венетские лексические параллели, где данные венетского и древнеирландского языков дополняют друг друга.

Венетский язык необходимо рассматривать не только в его отношении к латыни и италийским языкам, но также исследовать его связи с германскими и иллирийскими диалектами; по отношению к иллирийским венетский язык находится на таком же расстоянии как к латинскому и другим италийским языкам.

5. Согласно мнению представителей итальянской нелингвистической школы латинский и оскско-умбрский языки принадлежали в древности не к италийскому языку, а входили в италийский языковой союз. Известно положение G. Devoto о том, что древним является не сходство, а различие латинского и оскско-умбрских языков; эту же идею подчеркивает V. Pisani, отмечающий проникновение ряда черт классического латинского языка в оскско-умбрский и влияние диалектных особенностей италийских диалектов на латинский язык.

6. Представители итальянской нелингвистической школы возводят оскско-умбрские языки к древнему языковому союзу, существовавшему некогда на территории Македонии и Фракии и объединявшему предков осков, умбров, армян, фригийцев и в известной мере кельтов и в качестве доказательства приводят фонетические, морфологические, синтаксические и лексические изоглоссы, общие для оскско-умбрского языка и эолийского диалекта греческого языка.

7. При последовательной классификации глаголов латинского языка и оскского, умбрского, маррукинского, фалисского,

вольского, сикульского и пикенского языков и сохранившихся фрагментов языков вестингов и марсов, а также венецкого, этимологический принцип выявления соответствий данных сохранившихся глагольных форм латыни и других италийских языков подтверждается морфологическими параллелями в образовании форм презенса и перфекта.

8. Все глагольные типы, имеющиеся в латыни и засвидетельствованные об италийских языках, восходят к общеиталийской эпохе.

А. А. Григорьева

ПОБЕДА ОМЛЕТА-ПРОТЕЯ ИЛИ К ВОПРОСУ О РОЛИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАНИИ ЛАТИНСКОЙ КУЛИНАРНОЙ ЛЕКСИКИ

Для римской профессиональной лексики (будь она риторическая, архитектурная или кулинарная) древнегреческий всегда оставался языком письменной *auctoritas*, так что неудивительно, что сохранившиеся до нашего времени технические тексты Древнего Рима изобилуют греческими заимствованиями. Однако, если говорить о кулинарной лексике, уже по самым ранним дошедшим до нас рецептам видно, насколько органично и продуктивно слова этого языка «вписывались» в латынь. Так у Катона Старшего ('*De agri cultura*') во II в. до н. э. половина названий блюд в рецептах – греческого происхождения, а некоторые из них, такие как *panis depsticius* (Cat. 74, греческое δέψω «месить» и латинский формант *-icius*) дополнительно латинизированы. Это, особенно если учитывать пресловутую ксенофобию и консерватизм Катона, может служить доказательством того, что к тому времени эти греческие названия были уже успешно ассимилированы латинским языком.

Лучше всего процесс ассимиляции греческих кулинарных *termini technici* можно проследить на материале Апициевского корпуса (499 рецептов, с I по V в. н. э.). Хотя у Апиция содержится немало греческих слов, многие из них латинизированы, как, например, *oenogaratus* (поданный или приготовленный в винно-рыбном соусе, греческое οἰνόγαρον и латинский формант *-atus*). Здесь можно встретить также греко-латинские композиты, такие как *tractogalatus* (приготовленный с лапшой и молоком, латинское *tracta*, греческое γάλα) или *oenococtus* (приготовленный в вине, греческое οἶνος и латинское *coctus*).

Греческий служил бесконечным источником для образования новых названий блюд и кухонных процессов в римской кулинарной лексике, греческие корни активно взаимодействовали с латинскими суффиксами, образуя слова, которые воспринимались как свои носителями обоих языков. Интересный пример этого – судьба Апициевского рецепта «губчатых яиц» *ova sfongia* (Apic. 303, от греческого σπογγία, губка), некоего прамомлета из яиц, молока и оливкового масла, обильно сдобренного

медом и черным перцем (у Апиция этот рецепт приводится в разделе сладких блюд, *dulcia*).

Несмотря на то, что, насколько мне известно, подобное использование слова σπογγία гапакс как для греческих, так и для латинских текстов, на Крите до сих пор делают замечательный губчатый омлет с молодыми кабачками, который называется σφογγάτο. У Оноре де Бальзака и в великосветских итальянских меню XIX века встречаются упоминания *spungato*, что-то типа замороженного пунша взбитого до пористого состояния с яичными белками, на Сицилии сейчас этим словом называют некоторые виды мороженого. На Сицилии же в Палермо местный вид пиццы на особенно пышном тесте называется *sfincione* (многие диалектологи считают, что это название тоже связано с греческим σπογγία), тогда как в Трапани и Марсале словом *sfincione* называют яично-овощную запеканку.

В северной Италии Лигурия славится пирогом с медовой начинкой *spungata*, а Эмилия-Романья – похожим пирогом *spongata*. Так греческий корень σπογγ-, латинский формант *-atus* и губчатый омлет-Протей породили многовековую средиземноморскую кулинарную традицию, намного пережившую большую часть латинских и древнегреческих кулинарных текстов

А. В. Грошева

ЛАТ. *CORPUS* И *TRUNCUS* (МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СБЛИЖЕНИЯ)

1. Роль соматической лексики как одной из базисных областей словарного состава языка в процессах метафорического обозначения предметов окружающей среды.

2. Особенность латинской соматической лексики – широкое употребление соматизмов в качестве ботанических терминов и названий растений.

3. Физические значения лат. *corpus* ‘тело’ и их метафорическое использование в сфере растениеводства.

4. Семантика лат. *truncus* ‘ствол’; ‘туловище’.

5. Перекрещивание сходных соматических и растительных значений у *corpus* и *truncus* как особый случай метафоризации (взаимовлияние).

6. Отражение семантической двойственности имени *truncus* в глагольных образованиях (*truncare* и его композиты).

7. Соотношение именных и глагольных образований от *corpus* и их семантика.

8. Развитие эмоционально-экспрессивного значения у *truncus*.

9. Отражение лат. *corpus* и *truncus* в романских языках и в албанском (сохранение латинского наследия; развитие новых значений).

А. А. Евдокимова

БЫЛА ЛИ “σωφροσύνη” ЖЕНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛЮ? (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТИЧНЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Верилак и Луи Робер¹, а также издатели надписей в своих комментариях к упоминаемому в тексте понятию “σωφροσύνη”, указывают, что “σωφροσύνη” (благоразумие) – женская добродетель. Это отражает общую тенденцию толкования значения разбираемой категории в надписях, и в данном исследовании² мы обратимся к этой проблеме и посмотрим, насколько это утверждение справедливо.

При разборе отношений агенс-адресат, представленных в почетных надписях отметим следующие особенности: в роли адресата выступают: эфебы, косметы, софронисты, таксиархи³, жрецы (Аполлона, Тихи), отцы, юноши и просто лица мужского пола без уточнения рода занятий, из женщин: жрицы (Тихи, Севастов, Арете, Геры, Артемиды), жены, дочери и матери. Отметим, что в IV–III вв. до н. э. все надписи происходят из разных областей Аттики и адресатами их являются мужчины, имеющие отношение к эфебам, т. е. сами эфебы или их наставники. Данная тема затрагивалась Хелен Норт, в разделе “Литература и общепринятое употребление”, где она, вкратце говоря о значении слова “σωφροσύνη” в эпиграфических источниках, вспоминает и о почетных надписях, замечая, что разбираемая нами лексема встречается в тех из них, которые посвящены эфебам и особому Афинскому институту “софронистов” и позднее “ипософрони-

¹ L. Robert. Hellenica. Recueil d'epigraphie, de numismatique, et d'antiquités grecques, 13 vols. Paris 1965, стр. 38–39, 222, 226–228; А.-М. Verilhac. L'image de la femme dans les epigrammes funeraires grecques // La femme dans le monde mediterraneen. Lyon, 1985.

² Материалом для исследования послужили 382 надписи античного времени, содержащие в своем тексте слово “σωφροσύνη”.

³ косметы, софронисты, таксиархи – должностные лица, занимающиеся эфебами, юношами 18–20 лет, готовящимися стать полноценными гражданами полиса. Подробнее см. М. Guarducci. Epigrafia Greca. Т. II., р. 381–410.

стов”⁴. Далее она описывает этот институт и его историю с возникновения⁵ в 335 году, подчеркивая, что слово “σωφροσύνη” значит в почетных надписях надписях ничто иное, как “самоконтроль”, которому и должны научиться эфебов, будущих граждан полиса, их сороколетние наставники, “софронисты”.

Для посвячительных надписей картина окажется близкой, с той лишь разницей, что при характеристике мужчин указание на их семейное положение будет встречаться чаще, а эфебы и их наставники “софронисты” не будут представлены вовсе.

В надгробных надписях в качестве адресата:

- мужчины: сын, отец, муж, брат, хороший воин, погибший на войне, достойный воин и гражданин, архонт, 60 лет работал, “никому не уступающий в упражнениях”, наместник, жрец, судья (агонотет), “стал бы возницей трагического искусства”, сравнение с Ахиллом и Ипполитом

- женщины: мать, бабушка, жена, дочь, хорошая гражданка, молодая мать с ребенком, прожила в супружестве 8 лет, 10 лет и пять месяцев, 10 лет, 13 лет, оставила детей/ребенка, занималась медициной наравне с мужем, сравнение с Пенелопой.

- возраст: молодой, юная, 14 лет, 16 лет, 18 лет, 19 лет, 20 лет, 21 год, 22 года, 24 года, 25 лет, 30 лет, 32 года, 7 месяцев, 5 дней; 40 лет, 56 лет, 64 года, 70 лет, почтенного возраста, старик, 90 лет

Проанализируем определения, относящиеся к понятию “σωφροσύνη” в надписях, характеризующие ее по принадлежности:

1. “ἐφήβων | σωφροσύνης” (243/4 г. до н.э., IGH/III² 3768, “σωφροσύνη” эфебов)

2. “ἐπίσημος ὀρφανὸς ΑΠΟΛΕΙ[– ἀπὸ] τῆς πρώτης ἡλικίας τῆς περὶ νε[ous σωφροσύ]νης” (40 г. до н.э., IMyI 135, славный сирота лишился (?) с детства юношеской “σωφροσύνη”)

⁴ ibid стр. 390, Гвардуччи пишет о том, что около II в.н.э., когда количество эфебов увеличилось, появился подчиненный институту “софронистов” институт их помощников, “ипософронистов”, равный по числу членов.

⁵ реорганизации, согласно мнению Е. В. Никитюк, выраженному в ее статье “Афинская эфебия IV–III вв. до н.э.” // Военно-исторический журнал. Parabellum. №12, январь, 2001, т. к. в 335 году Эпикрат издал закон, который превратил уже существующий институт эфебов в двухгодичную военно-образовательную подготовку.

3. “πολὸν δὲ ἀρετῇ διενέγκασα καὶ σωφροσύνη γυναικῶν” (I в.н.э., TAM V, 688, весьма отличившаяся добродетелью и женской “σωφροσύνη”)

4. “[τῆς τ]ῶν πολειτῶν σωφροσυ[ν]ης” (I/II в.н.э., IG V₂ 465, хранитель “σωφροσύνη” граждан)

5. “σωφροσύνης κουριδίης ἀλόχου” (к. II – I пол. III вв. н.э., МАМА 10, 76, 5, о “σωφροσύνη” законной супруги)

6. “Λ]ακωνικῆ σωφροσύνη” (154 г.н.э., SEG 28, 1566, 48, 2057, лаконская “σωφροσύνη”)

7. “σωφροσύνης παίδων” (ок. 200 г. (?), IG II/III² 2193, “σωφροσύνη” юношей)

8. “σεμνῆς μητρὸς σωφροσύνην” (IGBulg III, 1, 1026, “σωφροσύνη” скромной матери)

Объединенные под этой рубрикой контексты показывают, с кем в представлении носителя языка было связано разбираемое нами понятие. Первый контекст возвращает нас к уже упомянутому институту эфебов и подчеркивает неразрывную связь добродетели “σωφροσύνη” с этим институтом. Второй, третий, пятый, седьмой и восьмой примеры свидетельствуют в пользу о необходимости выделять для каждой гендерно-социальной группы свою “σωφροσύνη”, давая пример существования в сознании носителей специфической “σωφροσύνη” и для женщин (супружеской (5) и материнской (8)), и для юношей. Четвертый напоминает о гражданском характере данной добродетели. Шестой контекст маркирует наше абстрактное имя, как присущую определенной местности добродетель и связывает ее со спартанскими идеалами, связь с которыми, по мнению Хелен Норт⁶, закономерна и в литературе.

Таким образом, подытоживая данные, характеризующие адресата в надгробных надписях, можно сказать, что по мере уменьшения степени официальности надписей увеличивается количество личных характеристик адресата. При этом наблюдается дифференциация характеристик по половому признаку: для мужчин характерно указание на род занятий и на то, что были достойными гражданами и воинами. Для женщин обычно уточняется протяженность супружеской жизни и указывается наличие детей. Иногда указывается, что была хорошей гражданкой и иногда уточняется протяженность супружеской жизни и указы-

⁶ H. North. Sophrosyne. Self-Knowledge and Self-Restraint in Greek Literature. New York: Ithaca, 1966.

вается наличие детей, отсюда сравнение с Пенелопой представляется закономерным. Иногда указывается, что была хорошей гражданкой и несколько раз уточняется род занятий. При этом представлены все возможные родственные отношения с преобладанием супружеских, возраст адресата колеблется от 14 до 90 лет, но преобладают молодые, до 30 лет.

В V–III в. до н.э. (для погребальных надписей VI–II вв. до н.э.) среди адресатов преобладают мужчины, с II в. до н.э. до II века н.э. адресатами надписей в равной степени являются как мужчины, так и женщины, II–III вв. н.э. среди адресатов преобладают женщины. Кроме того, в недатированных надписях большая часть адресатов – женщины. Общее число надписей, адресатами которых являются мужчины – 130, женщины – 202, в 49 надписях нельзя точно определить пол адресата и 8 относятся к лицам обоего пола. Эти цифры наглядно показывают несостоятельность “мифа” о том, что “σωφροσύνη” – исключительно женская добродетель.

С. К. Егорова

ГОРАЦИЙ В ИЗДАНИИ ЛУКИАНА МЮЛЛЕРА

Лукиан (в России Лукиан Адамович) Мюллер (Миллер) родился в 1836 г., окончил Базельский университет, преподавал в Голландии и Германии, а в 1870 г. принял приглашение от кафедры римской словесности в Историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге. Также он преподавал в Санкт-Петербургской Римско-католической академии, и интересно отметить, что в обоих учебных заведениях он читал лекции исключительно на латинском языке согласно своим воззрениям на классическое образование. Кроме этого в течение 70–90 гг. XIX века им были подготовлены многочисленные труды по истории римской литературы и в частности по латинской метрике, а также издания римских авторов (Федра, Катулла, Проперция, Луцилия, Энния, Нония Марцелла). Многие из них вошли в знаменитую серию *Bibliotheca Teubneriana*. Однако некоторые работы были переработаны Мюллером для школьных изданий и снабжены русским или реже немецким комментарием¹.

К творчеству Горация Лукиан Мюллер обращался часто, и кроме других им были подготовлены три критических издания Горация для *Bibliotheca Teubneriana*: в 1869, 1879 и 1885 годах. Принципы, которым он руководствовался при издании этого автора, он изложил также в статьях «Об основах критики в стихотворениях Горация»² и «Жизнь и сочинения Горация» (также вышло отдельным изданием³). Этими двумя источниками – критическими изданиями и статьями – мы и воспользовались для исследования работы, проведенной Мюллером над текстом Горация⁴.

¹ Биографический материал, включающий список основных работ, доступен в энциклопедиях, например: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XIX. СПб., 1896. С. 302.

² ЖМНП. Часть ССІ. 1879, февраль. С. 65–74.

³ Жизнь и сочинения Горация. Литературный очерк Лукиана Миллера. СПб., 1880.

⁴ Работа велась по наиболее позднему изданию 1904 года (третье переиздание издания 1885 г.).

В целом издание Мюллера соответствует основным направлениям в текстологической критике второй половины XIX века. С одной стороны для него характерно еще довольно свободное обращение с рукописным текстом, тогда как в дальнейшем исследователи любой ценой пытались сохранить рукописное чтение; с другой стороны видна вера в непогрешимость мнения ученых нескольких предшествующих веков – в данном случае прежде всего Ричарда Бентли (1662–1742), чьи конъектуры и другие изменения рукописного текста охотно включались в текст издателями XIX века⁵. Таким образом, введение чужих и изредка своих конъектур⁶, перестановки строф и стихов и удаление довольно многих пассажей как интерполированных не выделяет изданный Мюллером текст на фоне общей картины изданий того времени.

Отличительной же чертой критического аппарата Мюллера является большое количество постулируемых лакун – пометки *post hunc versum quaedam videntur hausta* или *post hunc versum quaedam videntur excidisse* встречаются довольно часто⁷. Между тем вопрос о числе лакун является важным для любого античного текста, дошедшего в рукописной традиции: это один из показателей общей достоверности традиции, и ее качество во всех остальных аспектах обратно пропорционально числу явных лакун. Если ко всем замеченным Мюллером шероховатостям действительно привели потери в тексте, сохранность горацианского текста вовсе не так хороша, как о ней принято отзываться.

Однако большинство «лакун», постулированных Мюллером, находятся в тех местах текста, где переход поэта от одной темы к другой кажется исследователю слишком резким, тогда как другие ученые, и прежде всего представители следующего столетия, видят лишь продуманный переход к новой теме. Часто такой переход оправдан с точки зрения содержания, и не оставляет неясностей, как должно было быть в случае выпадения фрагмента. В качестве примера таких пассажей можно указать 11 эпод: после 22 стиха Гораций вдруг переходит от рассказа о

⁵ Также Мюллер обращался к изданиям и комментариям Перлкампа, Мейнеке, Лахманна и др.

⁶ Например, Carm. 3.15.11 *cogat* вместо рукописного чтения *cogit*.

⁷ Carm. 1.13.9, 1.20, 3.5.4, C. S. 36, Epod.11.22, Serm.1.5.33, 1.6.22, 1.6.126, 1.10.35, 2.3.280, 2.4.11, 2.6.17, Epist. 1.12.24, 1.16.54, 1.16.59 и 68, 1.18.93 и 95, 1.19.39, 1.20.18, Ars 310.

прошедшей любви к нынешней, причем первая тема выглядит полностью исчерпанной, а новая нисколько не противоречит сюжету всего стихотворения. Большинство исследователей не только не видят в этом переходе порчи текста, но даже не отмечают никакой шероховатости или непоследовательности⁸.

Другой вид вмешательства в рукописный текст – перестановка стихов в произведении. Часто это исправление также имеет своей целью создание более гладкого и последовательного изложения. Обычно при этом несколько, как правило, около двух стихов переставляются несколько ниже или выше в том же пассаже. Таких исправлений в издании Мюллера довольно много⁹, причем многие из них сделаны на основании мнения других издателей (в нашем перечне их имена указаны в скобках).

Между тем две единственные общепринятые перестановки в тексте Горация постулируются в 16 эподе и в 45–47 стихах *De arte poetica* (см. любое издание произведений Горация). Еще одно место, где некоторая непоследовательность может быть устранена при помощи перестановки 2 стихов чуть ниже – во 2 Эподе (стихи 11 и 12 перемещаются после 14), однако здесь Мюллер занимает обособленную позицию: он ставит эти стихи после 16.

Примеры отдельных чтений и конъектур, принимаемых Мюллером в текст, также делают его издание обычным для своего времени. В текст оказываются приняты конъектуры, которые в следующем столетии никто не отваживался считать основными чтениями, например, *Laurens* вместо *currens* (aper) в Epod. 5. 28 или *medicumque* вместо *mihi cumque* в Carm. 1.32.15.

Однако при таком положении дел с практическими текстологическими вопросами внимания наших современников заслуживает мнение Лукиана Мюллера по поводу **возможности классификации рукописей Горация**.

⁸ Mankin D. *Horace, Epodes*. Cambridge, 1995. P. 203–204; Watson L. C. *A Commentary on Horace's Epodes*. Oxford; New York, 2003. P. 379; Q. Horatius Flaccus. *Oden und Epoden*. Erkl. von A. Kiessling, 9. Aufl., besorgt von R. Heinze. Berlin, 1958. S. 355 и др.

⁹ Carm. 1.36.13–16 (Peerlcamp); Epod. 2.11–2; 3.15–6; 16.61 (Abresch); Serm. 1.10.4; 2.1.48–9; 2.6.18–9 (Kirchner); Epist. 1.14.14 (Ribbeck); 1.20.8 (Luetiohann); 2.1.101 (Lachmann); Ars 45–47 (Bentley); 200–201; 240–243.

Во второй половине XIX века была проведена классификация рукописей Отто Келлером и Альфредом Холдером. Они разделяли все дошедшие рукописи произведений Горация на 3 класса, а следующий издатель Тейбнеровской серии Ф. Фолльмер объединил 1 и 2 классы Келлера в один, и этим двойственным разделением рукописей пользовались ученые конца XIX – начала XX века. Следующая классификация – ее подготовил Фридрих Клингнер – во многом напоминает первую: Клингнер только исключил из рассмотрения некоторые ненадежные рукописи и ввел новый формальный критерий, использовав т.н. стилистические характеристики од и эподов и вообще схолии¹⁰. Клингнер делит все дошедшие рукописи на 2 класса Ξ и Ψ, которые, прочем, очень быстро подверглись контаминации, что привело к возникновению смешенной семьи Q. В дальнейшем, в середине XX века, а часто и по сей день, именно эта классификация используется на практике.

Между тем во второй половине XX века появилось пессимистическое отношение к классификации рукописного наследия многих античных авторов, в том числе и произведений Горация. В частности Чарльз Бринк¹¹ считал, что рукописи Горация не могут быть классифицированы прежде всего из-за отсутствия устойчивых различий между различными рукописями или их семьями, причиной чему послужила ранняя контаминация. Определенный пессимизм высказывали также последние «тейбнеровские» издатели Горация Иштван Боржак и Д. Р. Шакелтон-Бейли.

Между тем Лукиан Мюллер писал в 1879 году следующее:

*По моему мнению, совсем нельзя классифицировать рукописи Горация, потому что составлять классы рукописей возможно только в том случае, если есть признаки ясные, надежные и, главное, постоянные, которыми отличаются чтения лучших рукописей от чтений худших. А таких признаков совсем нет в рукописях Горация*¹².

¹⁰ Этот критерий использовался и до Клингнера, например, В. фон Христом. О рациональности метода Клингнера см. С. Brink, см. Прим. 11.

¹¹ Brink C. O. *Horace on Poetry. The Ars Poetica*. Cambridge, 1971. P. 12, 21 (раздел *Введения* “Can the Horatian Manuscripts be Classified?”).

¹² «Об основах критики в стихотворениях Горация», см. выше.

Далее Мюллер вспоминает слова Бентли, весьма подходящие, по его мнению, к истории текста Горация: «Ratio centum codicibus potior», и высказывается в пользу срединного направления: ни консервативного метода, представители которого держатся за рукописные чтения, но и не слишком смелого подхода некоторых издателей, который Мюллер называет «произволом»¹³.

Таким образом, мы видим, что в области общих принципов текстуальной критики Лукиан Мюллер уже в конце XX века высказывал мнения, к которым пришли современные исследователи после того, как в течение почти столетия работа над текстом Горация проводилась на основании классификации рукописей, которая впоследствии оказалась несостоятельной.

¹³ На наш взгляд, наиболее близко к высказанным здесь идеалам Мюллера издание Боржака (Q. Horati Flacci Opera. Ed. S. Borzsák. Lipsiae, 1984).

А. Ю. Енбекова

THEOGN. 579–582.

Доклад посвящен разбору стт. 579–582 Феогнидова корпуса, к которым, возможно, примыкает дистих 583–584.

579 Ἐχθαίρω κακὸν ἄνδρα, καλυψαμένη δὲ πάρειμι
580 σμικρῆς ὄριθος κοῦφον ἔχουσα νόον. –
581 Ἐχθαίρω δὲ γυναῖκα περίδρομον ἄνδρα τε μάργον,
582 ὅς τὴν ἀλλοτρίαν βούлет' ἄρουραν ἀροῦν.

583 Ἀλλὰ τὰ μὲν προβέβηκεν, ἀμήχανόν ἐστι γενέσθαι
584 ἀεργά· τὰ δ' ἐξοπίσω, τῶν φυλακῆ μελέτω.

Сценка в занимающем нас катрене представляет собой короткий диалог, где первая реплика, как очевидно, принадлежит женщине: даже если принять вслед за М. Вестом исправление трудного ἔχουσα на ἔχοντα, остается причастие женского рода καλυψαμένη. Однако как следует понимать это καλυψαμένη: идет ли речь о скромности героини или, напротив, о двусмысленности ее положения; какой глагол лежит в основе πάρειμι (579); наконец, кто подразумевается под κακὸν ἄνδρα в этом же стихе — не остающийся в долгу собеседник или какое-то другое лицо? Какая ситуация очерчена во всем этом стихотворении?

Я. Л. Забудская

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОПИСИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ЭСХИЛОВСКОГО «АГАМЕМНОНА»
Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом)**

Традиция перевода античной трагедии в России прослеживается с конца 18 в. Первые переводчики, как правило, опирались на французские переводы Лагарпа, а греческая основа оказывалась вторичной. Переводы осуществлялись либо прозой, либо александрийским или белым стихом. Первым из афинских трагиков был переведен Софокл, а переводы Эсхила появились только в конце 19 в. Предшествовавший рассматриваемым текстам Вяч. Иванова и С. И. Радцига перевод «Агамемнона», выпущенный в 1893 г. Н. Котеловым, был прозаическим.

Вяч. Иванов, работавший над полным переводом Эсхилых драм с 1911 г. по поручению издателя М. Сабашникова, закончил «Агамемнона» в феврале 1913 г. В том же году вышел перевод С.И. Радцига. Попытка общего анализа обоих переводов показывает, что в целом перевод Радцига находится в русле установившейся традиции – белый стих, ремарки, рифмы в хоровых частях, – с той только разницей, что Радциг гораздо более строг в соблюдении точности передачи смысла текста Эсхила, чем его предшественники в отношении текстов Софокла. Перевод Иванова имеет более экспериментальный характер: традиция эквиметрического перевода греческой лирики тогда только складывалась, создание искусственного «жанрового» языка для перевода античного текста удалось только Гнедичу; тем не менее, очевидно стремление Иванова создать особый «трагедийный» язык и стиль, все с той же целью – точности в передаче оригинала¹.

¹Влиянию мировоззренческих установок Иванова на его переводческие принципы была посвящена часть выступления С. С. Аверинцева «Единство общечеловеческого культурного предания в поэзии и мысли Вяч. Иванова» на конференции «Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура». Языковая сущность переводческой деятельности Иванова, в том числе в сопоставлении вариантов перевода «Агамемнона», рассмотрена в работе Н.Н. Казанского «Вячеслав Иванов как переводчик Эсхила». См.: Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура:

Звукопись как важный компонент эсхилевского стиля стала признанным фактом с середины XX в., а разрозненные наблюдения звуковых соответствий присутствовали в комментированных изданиях Эсхила и раньше². Однако, изучение звукоповторов может вызвать определенные затруднения – критерий выделения аллитераций и ассонансов достаточно субъективен, а вопрос о преднамеренности вообще приходится оставить в стороне в связи с невозможностью эту преднамеренность доказать, как, впрочем, и опровергнуть.

Редкий случай, когда звукопись очевидна – это игра слов и корней вокруг имени Елены, т.н. звукообраз, в Ag. 686 и сл. Радциг ограничивается аллитерацией «Злая язва заела», а Иванов разворачивает звукопись на всю строфу, добавив к «плону», «пленять» и «пленнице» еще и отсутствующего в тексте оригинала «еленя»: здесь звуковой и смысловой организации служит уже не просто аллитерация, но и амплификация, и паронимасия.

Еще один контекст, где звуковая аранжировка сходна у обоих переводчиков – пророчество Кассандры (1125–1127). Правда, аллитерация $\beta\omicron\upsilon\varsigma - \lambda\alpha\beta\omicron\upsilon\sigma\alpha$ передана посредством звучания, отличного от оригинала: звук *p* 5 раз повторяется у Радцига, 7 – у Иванова; у первого еще добавляется ассонанс на *o*, у второго – звуковой повтор «плоть, полотнами обвитая».

Помимо совпадений, в рассматриваемых переводах есть и расхождения в представлении «фонической» картины оригинала. Так, в переводе Радцига не передается близкая к рифмовке звукопись, основанная на сходстве падежных окончаний (genitivus pluralis, accusativus singularis) и подкрепленная единоначатием $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\kappa\lambda\alpha\acute{\iota}\omicron\nu - \acute{\upsilon}\lambda\omicron\lambda\epsilon\acute{\iota}\beta\omicron\nu$ в анапестах хора в Ag. 68-70. Не отмечает он и обилие окончаний генитива чуть ниже, в строках 88-90. У Иванова эта звукопись передана рифмовкой окончаний, как существительных, так и глаголов: «ни маслам не смягчить, ни слезам не залить» и «всем родимым богам, что царят в вышине/ и живут в глубине,/ что врага стерегут и свой град берегут...». Возможно, Радциг не рассматривал скопление G.PI. в

Материалы международной научной конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск - Москва: Водолей Publishers, 2003.

² Систематизация этих разрозненных наблюдений проводится в статье Л.Б. Сумм. Звук – значение: аллитерации в образном языке Эсхила. В: ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Вып. XII. Сб. статей в честь А.А. Тахо-Годи. М., МГУ, 2002. С. 232–248.

оригинале как звукопись, либо не считал уместной рифмовку окончаний вне лирических строф (лирические части Радциг, напротив, последовательно передает рифмованными строфами, следуя уже установившейся на русской почве традиции). Иванов же и в других своих переводах передавал их рифмой (Choeph. 719–720).

Не отмечает Радциг и единоначатия-ассонанса на *ευ*- в сочетании с полиптомом в 262–266. Иванов же передает не просто сам факт звукописи, а весь рисунок звуковых и лексических повторов, довольно причудливый, сочетая однокоренные слова с паронимами

Зато Радциг (осознанно либо нет, сказать трудно) передает семантически значимый звуковой повтор в 337. Клитемнестра, навязчиво повторяя *ευ* в рассказе о действиях ахейцев в побежденной Трое, будто пытается их «сглазить»³. Во всяком случае, т.н. прием трагической иронии тут очевиден. В переводе Радцига 7-кратный повтор звука *с* создает звуковое обрамление слову «счастье».

Конечно, в тексте оригинала количество звукоповторов не ограничивается вышеперечисленными. Эвфоническая техника Эсхила, возможно, обусловлена архаичностью поэтического языка «отца трагедии»; насколько она функционально обусловлена, можно судить по распределению звукоповторов в тексте. Звуковая аранжировка в «Агамемноне» сопутствует каждый раз специфическим частям текста: это ситуация обращения к богам (44–48, 55–57, 68–70, 89–90, 169–173, 184–190, 356–361), а с точки зрения сюжетосложения – структурирующие моменты сюжета (первый диалог хора и Клитемнестры (262–266), хоровая песнь, предшествующая появлению Агамемнона (686 и сл.), диалог хора и Кассандры (1070 и сл.), описание гибели царя (1125–1127), оплакивание Агамемнона (1410, 1430). Таким образом, звукопись у Эсхила выступает не просто как стилистический, но как структурирующий и смыслообразующий прием (здесь прежде всего примером служит уже упомянутое смысловое и звуковое обыгрывание имени Елены и звукоповтор, формирующий анаграмму имени Агамемнона в 357–361 *μήτε μέγαν μέτ' ... μέγα... γάγγαμον*).

³ Сумм Л. Б. *ibidem*. С. 243.

Конечно, субъективность в выделении и определении фонетических соответствий в оригинале влечет за собой и субъективность в оценке их передачи переводом, но в рассмотренных случаях вполне можно говорить о системе, специфичной для каждого из переводчиков. В рассмотренных контекстах оба переводчика пользуются по большей части эквивалентной передачей звуковых повторов оригинала. Радциг не выходит за рамки фонетики как таковой; Иванов усиливает собственно звуковые повторы посредством стилистических приемов, близких звукописи – амплификации и паронимии.

При поэтическом переводе адекватная и/или эквивалентная передача таких характеристик оригинала, как звукопись, является факультативной. Однако передача именно стилистических характеристик прежде всего свидетельствует о стремлении переводчика к точности. В нашем случае это стремление совпало с особенностями эпохи: интересу к истокам поэтического языка и реставрации поэтами «серебряного века» древнейших элементов поэтической техники⁴, к которым относятся и аллитерационные связи.

⁴ Гогешвили А. А. Еще раз об анаграмме в начале «Энеиды». В сб. *Colloquia classica et indo-europeica II*. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000. Стр. 263–265.

В. В. Зельченко

SEN. EPIST. 56, 4: ЗАБЫТОЕ РЕШЕНИЕ

56-е письмо Сенеки к Луцилию¹ призвано доказать, что человека, который находится в согласии с собой и научился отличать истинное благо от ложного, никакой шум не способен отвлечь от размышления и философских занятий. Письмо знаменито в первую очередь благодаря своим начальным параграфам: колоритное описание звуков, доносящихся из терм, прямо над которыми поселился философ, многократно цитировались историками римского быта. Далее Сенека предлагает классификацию слуховых раздражителей, иллюстрируя ее примерами (56, 4): «Magis mihi videtur vox avocare quam crepitus: illa enim animum adducit, hic tantum aures implet et verberat. In his, quae me sine avocatione circumstrepunt, et essedas transcurrentes pono et fabrum inquilinum et serrarium [pL; ferrarium V] vicinum, aut hunc qui apud metam sudantem tabulas experitur et tibias, nec cantat, sed exclamat». Meta sudans – это разновидность фонтана с мраморным основанием конической формы, по которому вода стекает таким образом, что у зрителя создается впечатление водяной горы²; человек, расположившийся возле этого фонтана и поиме-

¹ Его литературоведческому анализу посвящена специальная работа: A. L. Motto, J. R. Clark. Epistle 56: Seneca's Ironic Art // Classical Philology. 1970. Vol. 65. P. 102–105.

² Фонтан такого рода, воздвигнутый при Петре I и в обиходе именуемый «Пирамидой», донныне можно увидеть в Петергофе. Иногда издатели пишут Meta Sudans с большой буквы, отсылая к знаменитому монументальному фонтану неподалеку от Колизея (недавний пример: Seneca. Moral Epistles / Sel. and ed. with introd., notes and voc. by A. L. Motto. Chico, 1985 [2001²]. P. 187), – который, однако, был открыт только в 96 г. (см.: S. B. Platner. A Topographical Dictionary of Ancient Rome / Compl. and rev. by Th. Ashby. Oxford, 1929. P. 340–341). Кроме того, как издавна отмечают комментаторы, действие нашего письма скорее всего происходит не в Риме, а в Байях: по пути в Байи, из самого курорта или же из его окрестностей написаны предшествующие Epist. 49, 51, 53 и 55 (локализовать Epist. 50, 52 и 54 нет возможности), а в следующем Epist. 57 речь идет о возвращении Сенеки из Бай в Неаполь.

нованный последним в ряду представителей шумных профессий, и будет нас интересовать.

Сразу же скажем, что приведенный выше текст, который (за исключением разночтения ferrarius / serrarius) согласно засвидетельствован всеми рукописями «Нравственных писем», печатается в неприкосновенном виде исключительно редко. Коньектура *tubas* experitur ac tibias была предложена уже к началу XVI в.³; во второй половине того же столетия Ян Грутер придал этой идее заключительный штрих, исправив *tabulas* не на *tubas*, а на уменьшительное *tubulas*, что легко объясняет источник искажения⁴. В самом деле, *tubula* не только практически неотличимо от *tabula* в минускульном письме, но еще и представляет собой слово, в латыни не засвидетельствованное – а следовательно, имеющее тем больше шансов затруднить переписчиков. В свою очередь, выбор (или даже изобретение) этого раритета Сенекой⁵ убедительно мотивируется созвучием с *tibias*: ср. чуть выше гомотелевт *inquilinum* / *vicinum*⁶.

С тех пор коньектура Грутера *tubulas* прочно утвердилась у издателей «Нравственных писем» (вариация Юста Липсия *tubula se experitur* успеха не имела), а соответствующее слово заняло место в словарях. При этом современные комментаторы и пере-

³ В критических аппаратах ее приписывают М.-А. Мюре, издавшему «Письма» в Риме в 1585 г., или, в лучшем случае, Ф. Пинциану (он же Фернандо Нуньес; см.: F. Pincianus. Annotationes in Senecae philosophi opera. Venetiae, 1556, ad loc.). Укажем, однако, что уже в труде «Commentarii de honesta disciplina» (кн. VIII, гл. 5) флорентийского гуманиста П. Кринита (Petrus Crinitus, или Pietro Domenico del Riccio Baldi, 1474–1507; 1-е изд. – 1504), при обсуждении вопроса о том, что такое Meta Sudans, наш пассаж без каких-либо оговорок цитируется с чтением *tubas*.

⁴ J. Gruteri Animadversiones in L. Annaei Senecae Opera <...>. S. I., 1594 (1595²). [T. 1]. P. 232 («In vulgatis mss. meis quinque est *tabulas*; ex eo fabricaveram olim *tubulas*...»).

⁵ Ср. внушительный перечень редких и уникальных деминутивов у Сенеки: A. Bourgery. Sénèque prosateur. Études littéraires et grammaticales. Paris, 1922. P. 262–263.

⁶ У римских писателей, и в том числе у самого Сенеки, *tuba* и *tibia* несколько раз сочетаются в насыщенных созвучиями пассажах. Ср. Prop. II, 7, 11–12: a, mea tum qualis caneret tibi tibia somnos, / tibia, funesta tristior illa tuba! Sen. Epist. 90, 26: ...nec varios per tubam ac tibiam cantus, quibus exceptus spiritus aut in exitu aut in transitu formatur in vocem.

водчики понимают место двояко: речь идет либо о мастере, изготавливающем и продающем духовые инструменты⁷ (в Риме мастерская и лавка, как правило, были совмещены), либо о настройщике⁸. Кем бы ни был этот человек, он проверяет флейты и трубы (*experitur*), не играя на них (*nes cantat*), а просто выдувая отдельные громкие звуки (*exclamat*).

Между тем это изменение текста не только не представляется нам необходимым, но и вызывает возражения по сути. Разделение труда, принятое у античных ремесленников, делает неправдоподобной картину мастерской, где одновременно изготавливаются и металлические трубы, и деревянные (или костяные) флейты⁹. Кроме того, всякий, кому довелось покупать флейту или трубу, знает, что для проверки ее качества достаточно просто издать звук – нужно сыграть какую-нибудь мелодию; а именно этого, как считает нужным специально подчеркнуть философ, раз с разом отчего-то не происходит. Что касается *настройщика духовых инструментов*, то эта профессия существует только в воображении комментаторов Сенеки.

Обратимся теперь к двум альтернативным версиям. В начале XX в. У. Саммерс, резонно заметив, что за упоминанием о *meta sudans* должен скрываться «some special point» («почему настройщик должен находиться возле такого фонтана?»), предложил читать *tubulos experitur ut tibias*. *Tubus* и его деминутив *tubulus* – обычное слово для водопроводной трубы; перед нами, таким образом, *circitor* (*Frontin. Aqued.* 117), т. е. смотритель водопроводов, который с громким свистом продувает трубки фонтана одну за другой, словно флейты (*ut tibias*), – чтобы про-

⁷ E. g.: *Sénèque. Lettres à Lucilius*. T. II / Texte ét. par F. Préchac, trad. par H. Noblot. 6ème tirage / Rev. par C. Rambaux. Paris, 1993, ad loc.: «ou ce marchand qui, près de la Meta Sudans, essaie ses trompettes et ses flûtes, ne musiquant pas, piaillant». Привлекаемая при этом надпись *CIL VI, 9935*, в которой упоминается *tibiarius*, держащий лавку как раз в районе Домициановой *Meta Sudans*, иррелевантна по причинам, изложенным выше в прим. 2.

⁸ E. g.: *Seneca. 17 Letters* / With transl. and comm. by C. D. N. Costa. Warminster, 1988. P. 39: «the man who tunes horns and pipes near the Cone Fountain – he isn't making music, just a loud noise».

⁹ Каждая из этих профессий обозначалась по-латыни особым словом: см. *OLD*, ss. vv. *tibiarius* et *tubarius*.

верить (*experitur*), не засорились ли они¹⁰. Эта гипотеза, однако, обесмысливает последующее *nes cantat, sed exclamat*: ведь никто и не ожидает от зрителя «ноктюрнов на флейте водосточных труб», и поэтому оговорка о том, что он *не исполняет мелодии*, оказывается решительно ненужной.

Наконец, в 1987 г. Дж. Мэй (насколько нам известно, последний, кто подвергал наш пассаж оригинальной трактовке) вступился за рукописное *tabulas*, предложив следующее решение: виновник шума, упоминаемого Сенекой, «конструирует, настраивает или чинит» гидравлический орган – инструмент, популярный в Риме эпохи Нерона¹¹. Мэй привлекает место из Витрувия (X, 8, 3), описывающего устройство такого органа; из него следует, что одна из многочисленных деталей механизма – а именно пластина с отверстиями, куда вставляются органные трубы, – именовалась по-гречески *πίναξ*, что сам же Витрувий переводит как *tabula summa*. На наш взгляд, главным недостатком этой остроумной конструкции является то, что она превращает весь пассаж в подобие оракула или загадки: трудно объяснить, почему Сенека, которому здесь нужна просто яркая бытовая деталь, вдруг заговорил темными синекдохами – намеренно избегая ключевого слова *hydraulus*, которое сразу прояснило бы ситуацию.

В этих обстоятельствах кажется излишним напомнить об интерпретации, предложенной чуть более двухсот лет назад. Фридрих Эрнст Рухкопф (1750–1821), издатель многотомного собрания сочинений Сенеки, сохранил чтение *tabulas*, снабдив его примечанием: «*Temptat quaestus causa: cf. Hor. AP 21; Iuv. XIV, 302*»¹². Версия Рухкопфа почти не удостоилась обсужде-

¹⁰ *Selected Letters of Seneca* / Ed. with introd. and explanatory notes by W. C. Summers. London, 1910. P. 62 (in app.); 237. Эту интерпретацию принимает и автор статьи: *Den Adel R. L. Seneca the Younger and the Meta Sudans* // *Classical Bulletin*. 1984. Vol. 60. P. 1–4 (нам было доступно только резюме в *Année philologique*); наконец, и Д. Коста, в чьем тексте стоит *tubulas* Грутера, в комментарии выказывает сочувствие версии Саммерса (Op. cit. in n. 8. P. 172).

¹¹ *J. M. May. Seneca's Neighbour, the Organ Tuner* // *Classical Quarterly*. 1987. Vol. 37. P. 240–243.

¹² *L. Annaei Senecae philosophi Opera omnia quae supersunt* / *Recogn. et illustr. F. E. Ruhkopf*. T. 2. Lipsiae, 1800. P. 243–244.

ния¹³ и вскоре оказалась забытой: современные интерпретаторы Сенеки (в том числе и Мэй, специально разбирающий историю вопроса) не упоминают о ней вовсе, а в подробном аппарате названного выше издания Ф. Прешака утверждается, что *tabulas* последним печатал в тексте Эразм.

Для того, чтобы прояснить и подкрепить идею Рухкопфа, обратимся к ряду свидетельств из римской поэзии I в. н. э. Главным из них нам представляется то, которое немецкий филолог не назвал, – а именно литературно-критический пассаж Персия, младшего современника Сенеки (1, 88–91). Персий развивает горацянскую идею о том, что автор, желающий вызвать у публики ту или иную эмоцию, должен сам испытывать ее в момент сочинения и исполнения своего произведения. Рассказав историю некоего Педия, который, будучи уличен в воровстве, построил свою защиту не на фактах, а на пустых риторических ухищрениях, сатирик восклицает:

Mene moveat? Quippe et, cantet si naufragus, assem
Protulerim. Cantas, cum fracta te in trabe pictum
ex umero portes? Verum nec nocte paratum
plorabit qui me volet incurvasse querela.

В схолиях разъясняется: *apud veteres passi naufragia tabulam, qua fuerant liberati, pingebant, ne omnibus cladem suam mendicantes cogerentur narrare.*

Итак, жалобно поющий или, вернее, ноющий попрошайка (*cantet si naufragus*) носит на шее табличку (*tabula*) с красочным изображением несчастья, в результате которого он потерял

¹³ Так, один из издателей, указав, что Грутер предложил конъектуру *tubulas*, а Рухкопф защищал рукописное *tabulas*, заканчивает характерным признанием: «*Retinui tubulas, cum alterius sensum percipere non potuissem*» (*L. Annaei Senecae Ad Lucilium epistularum moralium libri XX / <...> Rec., comm. crit. subiecit C. R. Fickert. Lipsiae, 1842. P. 216*). Ранее И. Швайгхойзер (вообще порицавший Рухкопфа за консерватизм и отказ от эмендационных достижений великих предшественников) отклонил эту гипотезу с иронией, которая, однако, не заменяет аргументов: «*Vulgatum tabulas et defendit et interpretari conatus est Ruhkopf; quas ei tabulas, quoniam placent, non invidio. Equidem tubulas cum Grutero corrigere <...> non dubitavi*» (*L. Annaei Senecae Ad Lucilium epistolae morales / <...> Rec., emend. notisque criticis illustr. I. Schweighauser. Vol. 2. Argentorati, 1809. P. 329*).

имущество и чудом сохранил жизнь¹⁴. Эту деталь римского быта эпохи империи Персий упоминает еще раз (6, 32–33): *...largire inopi, ne pictus oberret / caerulea in tabula* (схолиаст дает аналогичное пояснение). То же полвека спустя находим у Ювенала (14, 301–302; параллель, отмеченная, как мы помним, Рухкопфом): *...mersa rate naufragus assem / dum rogat et picta se tempestate tuetur*¹⁵. Еще один современник Сенеки, Федр (IV, 23, 24–25) излагает нравоучительную легенду о Симониде, который, оказавшись на терпящем бедствие корабле, со словами «*Omnia mea mecum porto*» отказался спасти нажитое добро и не прогадал. Достигнув берега налегке, Симонид тут же нашел состоятельного поклонника своего таланта и получил все необходимое; напротив, его корыстные товарищи по несчастью, потеряв богатства частью в волнах, а частью из-за поджидавших их на суше разбойников, вынуждены теперь просить подаяния: *ceteri tabulam suam / portant rogantes cibum*¹⁶.

Для нас будет важна сама конспективность поэтических свидетельств, перечисленных только что: так, Персий в 6, 32–33 не называет слова *naufragus*, а Федр и вовсе ограничивается выражением *tabulam suam portant*, не упоминая даже о характере изображения. Все это показывает, что «человек с картинкой» в римской толпе I в. н. э. был узнаваемой фигурой, которую можно однозначно идентифицировать по одной этой детали без дополнительных разъяснений. Более того, в эпиграмме Марциала XII, 57, 12 этот горе-мореплавателю называется (кстати, вновь наряду

¹⁴ Иногда предполагают, что такие картины для пушей убедительности малевались прямо на обломке доски, уцепившись за которую несчастный будто бы спасся из пучины. Это само по себе правдоподобно, но, как кажется, надежно не засвидетельствовано: ведь слова схолия *tabulam, qua fuerant liberati*, откуда выводится это представление, явным образом порождены синтаксически двусмысленным сочетанием *fracta in trabe* в тексте Персия, которое схолиаст предпочитает относить к *portes*, а не к *te*.

¹⁵ Еще на рубеже XX в. комментатор этого пассажа отсылал читателей к современным реалиям: «*We often see the same thing in England*» (*Thirteen Satires of Juvenal / With a comm. by J. E. B. Mayor. Vol. 2. London, 1900. P. 343*).

¹⁶ Ср., кроме того, *Ps.-Acro ad Ars poet.* 19 (сами горацянские стихи, *pace Ruhkopf et alii*, скорее всего имеют в виду рисунок на вотивной табличке: *C. O. Brink. Horace on Poetry. Vol. 2: «Ars poetica». Cambridge, 1971. P. 100–101*).

с кузнецом и медником) в числе постоянных источников городского шума.

То, что персонаж Сенеки не только демонстрирует расписную доску, но и пытается музицировать для привлечения гуляющей у фонтана публики, соответствует обыкновению римских нищих, которые нередко принимали на себя роль уличных музыкантов, певцов и даже фокусников¹⁷; в связи с игрой на флейте ср., напр., *Verg. Ecl.* 3, 26–27: *non tu in triviis, indocte, solebas / stridenti miserum stipula disperdere carmen?* В нашем случае эта деталь представляется не просто орнаментальной. Поскольку нищий вооружен не только табличкой, но и флейтой, он, вопреки обыкновению, не испускает жалобного нытья (*nes cantat*; ср. употребление того же глагола у Персия, 1, 88–89); именно поэтому, специально оговаривает философ, издаваемый им шум не переходит из разряда *crepitus* («*sine intellectu sonantia*»), как уточняется в *Epist.* 83, 7) в разряд отвлекающих внимание *voces*¹⁸.

Остается сказать о двух частностях грамматического толка, которые, на наш взгляд, и затруднили истолкование места. Первая связана с *experitur*: как верно отметил Рухкопф в своей перифразе «*tentat quaestus causa*», этот глагол означает здесь не ‘пробовать’ или ‘проверять’, а ‘испытывать действие чего-л.’ – иначе говоря, ‘пускать в ход, использовать’. *Thesaurus linguae Latinae* определяет это значение как «*cum vi adhibendi, utendi; sc. tamquam temptando quid sibi in usum capere*» и отмечает его широкое употребление в медицинских текстах, где оно почти превращается в *terminus technicus*, а также в поэзии и *Kunstprosa*¹⁹. Образчик такого *experior* у Сенеки находим, к примеру, в самом начале соседнего *Epist.* 57: *cum a Baiis deberem Neapolim repetere, facile credidi tempestatem esse, ne iterum navem experirer.*

Вторая трудность связана с множественным числом *tabulas et tibias*. Здесь кажется естественным понимать *pluralis* в обобщающем смысле – речь идет не столько о конкретном нищем,

сколько об одном из многих. Грамматическую конструкцию, в которой *singularis collectivus* подлежащего сочетается с *pluralis* прямого дополнения, можно *exempli gratia* проиллюстрировать хрестоматийным пассажем *Ov. Met.* I, 493–495: *ut facibus saepes ardent, quas forte viator / vel nimis admovit, vel iam sub luce reliquit, / sic deus in flammas abiit etc.*

В заключение переведем весь отрывок: «Мне кажется, что голос мешает больше, чем шум: ведь первый приковывает к себе внимание, тогда как второй всего лишь наполняет и терзает слух. К тому, что звучит вокруг меня, не отвлекая, я причисляю и проезжающие туда-сюда экипажи, и кузнеца, живущего в этом же доме, и соседа-скобаря, и одного из тех, кто возле Сочащейся меты пускает в ход свои размалеванные доски и дудки – при условии, что он не поет, а только восклицает». Думается, что рукописное чтение *tabulas* заслуживает того, чтобы вернуться в текст Сенеки с пометой *defendit Ruhkopf*, а слово-призрак *tubula* может быть исключено из латинских словарей.

¹⁷ Свод свидетельств см.: *G. Fougères. Mendicatio, mendici // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines / Ed. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. T. III, 2. Paris, 1904. P. 1713–1714.*

¹⁸ Слово *crepitus* приложимо к звукам музыкальных инструментов и, в частности, флейты; ср. *Suet. Cal.* 54: *magno tiliarum et scabellorum crepitu.*

¹⁹ *ThLL. Vol. V, 2. Col. 1672–1673 (s. v. experior B 1–2).*

Е. В. Илюшечкина

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ПОЭМЫ ДИОНИСИЯ ПЕРИЭГЕТА

В недавно опубликованной статье Х. Уайт возвращается к вопросу о времени жизни Дионисия Периегета и пытается радикально изменить общепринятую датировку его географической поэмы «Описание ойкумены»¹. Уайт стремится доказать, что годы жизни и творчества Дионисия следует относить ко времени правления императора Октавиана Августа или его пасынка Тиберия Клавдия Нерона, т.е. к первой половине I в. н.э.

В качестве доказательств, подтверждающих ее точку зрения, Уайт приводит следующие источники: 1) два места из поэмы Дионисия, представляющие собой аллюзии на исторические события, которые якобы указывают на принадлежность поэмы ко времени правления Августа или Тиберия (ст. 1051–1052 о парфянах и ст. 209–210 о племени насамонов); 2) сведения схолиастов и Евстафия Солунского; 3) свидетельство Плиния Старшего (nat. hist. VI 31), на основании которого Уайт идентифицирует упоминаемого в нем Дионисия с автором нашей поэмы и тем самым связывает время его жизни с периодом правления Августа. Кроме того, решающим аргументом в пользу пересмотра общепринятой даты создания произведения Дионисия (II в., период правления Адриана) стало новое толкование одного из акростихов поэмы. Рассмотрим подробнее основные аргументы автора статьи в свете дошедших до нас античных свидетельств.

Уайт считает, что стихи Дионисия о парфянах, потерпевших поражение от римлян, являются аллюзией на историческое событие 20 г. до н.э. (φέρβονται δ' ἄγρησι δορικτήτου βίοτοιο / ἀλλ' ἔμπης κατὰ δῆριν ἀραιμακέτους περ ἐόντας / Ἀυσοίου βασιλῆος ἐπεπρήυνεν ἀκωκή «они (sc. парфяне) питаются тем, что добывают своим копьем. Однако же, как ни неукротимы они [были] в битве, меч авсонийского царя покорил и их», *Dion. Per.* 1050–1052). Как известно, в результате переговоров, ведущихся по поручению Августа, Тиберию удалось тогда получить от парфянского царя Фраата IV знамена, которые при отступлении

¹ White H. On the Date of Dionysius Periegetes // *Orpheus*. T. XXII, 1–2. 2001. P. 288–290.

с поля битвы при Каррах в 53 г. до н.э. были оставлены армией Красса и захвачены парфянами. Возвращенные из Парфии знамена были помещены в одном из capitoлийских храмов, а в честь этого в Риме были установлены ежегодные празднества, сооружена арка и выпущены монеты с изображением сцен передачи знамен.

В своей версии Уайт опирается на сведения

1. из схолий (по поводу слова Ἀυσοίου 1052 P. 456 Müller):

Ἀυσοίου] τοῦ Νέρωνος Ἐπὶ τούτου γὰρ ἤκμαζεν ὁ Διονύσιος Κράσσου γὰρ Ῥωμαίων στρατηγὸν ἀνείλον, ὃν ἐξεδίκησεν Ἀύγουστος ὑποτάξας αὐτοῦς, ὡςμηδὲ δίχα Ῥωμαίων βασιλέα ἴσταυτο. Χρόνῳ δὲ πολλῷ ὁ νόμος λέλυται «Авсонийского: Нерона (sc. Тиберия Клавдия Нерона). Поскольку при нем процветал Дионисий. После того, как римский стратег Красс был разбит [парфянами], за которого отомстил Август, подчинив их, когда они без согласия римлян учредили правителя. [Лишь спустя] длительное время этот закон был нарушен» и

2. Евстафия Солунского, который связывает стихи о парфянах со временем правления императора Августа (*Eust. ad Dion. Per.* 1039):

Φασὶ γὰρ τὸν Αὔγουστον κακῶς αὐτοῦς διαθέσθαι, τὴν τοῦ Κράσσου ἦτταν ἀναπαλαίσαντα, ὃν στρατηγὸν ὄντα Ῥωμαίων οἱ Πάρθοι ἀνείλον ἠττήσαντες. Οὕτω δὲ φασὶ ταπεινωθῆναι αὐτοῦς βασιλέας ἑαυτοῖς ἐφιστάν, ἀλλ' ἢ γνῶμι η τῆς συγκλήτου τῶν Ῥωμαίων βουλῆς. «Передают, что Август с трудом договорился с ними [относительно] возмещения поражения [римской армии] во главе с Крассом, которого парфяне, когда тот был в плену, убили. Говорят еще, что они настолько пали духом, что Август приказал, чтобы цари ни о чем ином не постановили ему, как о решении римского сената».

Уайт совершенно упускает из виду, что, если считать стихи Дионисия аллюзией на исторические события, то гораздо более правдоподобной выглядит версия о связи этого пассажа с сокрушительной победой римлян под предводительством Траяна над парфянами в 115 г., по поводу которой Адриан устроил триумф в честь своего приемного отца².

Стихи Дионисия о североафриканском племени насамонов Уайт связывает с периодом гражданской войны между Цезарем

² Cp. SHA, Vita Hadr. VI 3; Knaack G. Dionysius (94), der Perieget // RE. 9. Halbbd. 1903. Sp. 917.

и Помпеем и, в частности, с военным походом помпейца Катона Младшего через ливийскую пустыню (κεῖνον δ' ἄν περὶ χῶρον ἐρημωθέντα μέλαθρα/ ἀνδρῶν ἀθρήσειας ἀποφθιμένων Νασαμώνων, / οὓς Διὸς οὐκ ἀλέγοντας ἀπώλεσεν Αὐσονίς αἰχμῆ. «[Далее] в этом месте ты мог бы видеть опустошенные жилища насамонов, мужей погибших – их, не почитавших Зевса, погубило авсонийское копье», *Dion. Per.* 208–210). Содержание самих стихов не дает никаких оснований для подобного вывода и поэтому Уайт ищет опоры в комментарии Евстафия, включающем, однако, не одну – приведенную Уайт, а две версии событий: «Он (*sc.* Дионисий) говорит, что их (*sc.* насамонов), недостаточно заботящихся о Зевсе, поразило авсонийское копье из-за того, что они положили начало несправии; ведь [именно] они убили Лентула, одного из римских вождей, который туда пришел. Потому римляне и обратили их в рабство. Другие же передают, что они (*sc.* насамоны) потерпели сокрушительное поражение в то время, как вспыхнула гражданская война, потому что приняли сторону Катона [Младшего] против [Гая Юлия] Цезаря» (*Eust. ad Dion. Per.* 209). Ссылка Уайт на упомянутых вскользь в «Фарсалии» Лукана насамонов и Катона (*Phars.* IX 444 и 459) ничего не дает, поскольку не содержит никаких сведений об их противостоянии и, соответственно, не истолковывает стихи Дионисия в нужном для автора статьи свете. Настаивая на собственной точке зрения, Уайт отсылает читателя к историческим событиям, происходившим задолго до периода правления Августа и Тиберия, и пренебрегает тем, что стихи Дионисия не содержат ни единого намека на события гражданской войны, а скорее воспроизводят события 85–86 гг., когда в период правления императора Домициана римская армия усмиряла североафриканские племена (*Zonaras XI 19*)³.

Цитируя свидетельства схолиев, Уайт приводит лишь те места, которые подтверждают ее предположения. Автор статьи использует чтение лишь одной рукописи и совершенно не учитывает разночтения в рукописях схолиев, которые подвергают сомнению ее точку зрения: Διονύσιος ὁ περιηγητῆς γέγονεν υἱὸς Διονυσίου [Δίωνος et Διώνου var. lect.] Ἀλεξανδρέως (υἱὸς Διώνου Ἰ Αλεξάνδρου ἢ κατὰ τινὰς Διονυσίου Codex C). Γέγονε δὲ ἐπὶ τῶν Ῥωμαϊκῶν χρόνῳ μετὰ Αὐγουστοῦ Καίσαρα ἢ ἐπ' αὐτοῦ. [Οἱ δὲ

³ *Bowie E. Denys d'Alexandrie: un poète grec dans l'empire romain // REA. 2004 (1). T. 106. P. 181.*

κατὰ Νέρωνα τὸν Ῥωμαίων βασιλέα φασὶ γενέσθαι. Ἄδηλον δὲ πόθεν γέγονε καὶ τίνων γονέων. Haec addit codex Ω] «Дионисий Перизгет, сын Дионисия-александрийца. Родился во времена Римской [империи] после или во время [правления] императора Августа. [Другие передают, что он родился в правление римского императора Нерона. Таким образом, неясно когда он родился и чьим потомком был]» (*Schol. ad Dion. Per.* S. 427, 1–12 Müller).

Это свидетельство схолиев о Дионисии Александрийском Уайт связывает с упоминаемым у Плиния Старшего Дионисием, не принимая, однако, во внимание того, что если даже речь здесь и идет об одном и том же человеке, то едва ли он является автором географической поэмы «Описание ойкумены»⁴. После внимательного рассмотрения сообщения Плиния видно, что в нем подробно излагаются основные этапы истории крупного торгового центра эллинистического Востока – г. Спасину-Харакс, ле-

⁴ *Charax, oppidum Persici sinus intimum, a quo Arabia Eudaemon cognominata excurrit, habitatur in colle manu facto inter confluentes dextra Tigrim, laeva Eulaeum, II p. laxitate. conditum est primum ab Alexandro Magno, colonis ex urbe regia Durine, quae tum interit, deductis, militum inutilibus ibi relictis; Alexandriam appellari iusserat (...) hoc in loco genitum esse Dionysium, terrarum orbis situs recentissimum auctorem, quem ad commentanda omnia in orientem praemiserit Divus Augustus ituro in Armeniam ad Parthicas Arabicasque res maiore filio, non me praeterit nec sum oblitus sui quemque situs diligentissimum auctorem visum nobis introitu operis [III 2]: in hac tamen parte arma Romana sequi placet nobis lubamque regem, ad eundem Gaium Caesarem scriptis voluminibus de eadem expeditione Arabica (Mayhoff). «Харакс, самый дальний город в Персидском заливе, от которого начинается Аравия, прозванная Счастливей; население его живет на насыпном холме в месте слияния [двух рек] Тигра справа и Евлея слева, шириной в две мили. Он был основан Александром Великим, в результате чего сюда переселились колонисты из разрушенного тогда царского города Дурина, здесь были оставлены также недееспособные солдаты; [Александр] приказал назвать [город] Александрией (...) В этом месте родился также, насколько мне известно, Дионисий, современный автор «Расположения круга земель» (=Перизгезы), которого Божественный Август послал вперед на Восток, чтобы тот все разведать, когда старший сын [Августа] собирался в Армению по поводу парфянских и аравийских дел. Я не забыл, что в начале этого труда [III 2] мы верно пришли к выводу, что каждый подробнее пишет о своей родине; но в данном случае я бы предпочел следовать за римским оружием и за царем Юбой, который написал целые тома о той аравийской экспедиции для того же Гая Цезаря».*

жащего в районе Персидского залива и изначально названного Александрией⁵. Известно, что из этого города вышли два знаменитых греческих ученых-географа: Дионисий, составивший на рубеже нашей эры описание стран Востока, и Исидор Харакский, которого часто путают с вышеупомянутым Дионисием, и из произведений которого сохранился труд «Парфянские стоянки». Плиний пишет: «В этом месте родился также, насколько мне известно, Дионисий, современный автор “Расположения круга земель” (=Перизгезы), которого Божественный Август послал вперед на Восток для описания всего, когда старший сын [Августа] собирался в Армению по поводу парфянских и аравийских дел» (*Plin. nat. hist.* VI 31, 141). Таким образом, в сообщении Плиния говорится о географе Дионисии родом из Харакса-Александрии, которому Август поручил описать посольство и миссию Тиберия, так как тот хорошо знал эти места. Ошибка Уайт состоит в том, что она отождествляет двух разных Дионисиев, создававших свои произведения в разных местах и в разное время – Дионисия из Александрии у слияния р. Евфрата и р. Евлея, знатока местных обычаев и языков, а также автора труда по географии Востока, и Дионисия из египетской Александрии, автора стихотворной географической поэмы (ср. акrostих в поэме Дионисия Перизгета: ΔΙΟΝΥΣ[Π]ΙΟΥ ΤΩΝ ΕΝΤΟΣ ΦΑΡΟΥ «[труд] Дионисия, [из живущих] по сю сторону Фароса», ст. 112–134).

Основную цель своей статьи Уайт видит в новом истолковании обнаруженного Г. Лойе в конце XIX века в поэме Дионисия Перизгета акrostиха (ст. 513–532: ΘΕΟΣ ΕΡΜΗΣ ΕΠΙ ΑΔΡΙΑΝΟΥ). Слово сочетание ἐπὶ Ἀδριανοῦ Уайт предлагает понимать не в хронологическом, а в географическом – по аналогии с первым акrostихом – значении: «на побережье Адриатического моря» (“on the shores of the Adriatic”), ссылаясь на пример из словаря к Новому Завету⁶ ἐπὶ τῆς θαλάσσης в значении «на побережье», и на место из Палатинской антологии, где

⁵ Дройзен И. История эллинизма. М., 1893. Т. 3 (глава «Города, основанные Александром и его преемниками»); *Tscherikower V.* Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander der Grossen bis auf Römerzeit. Leipzig, 1927 (Philologus, Supplbd. XIX, H. 1); Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 98–101.

⁶ *J. H. Moulton, G. Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament.* London, 1949, s.v. ἐπί.

Ἀδριανός употребляется в качестве прилагательного «Адриатическое (ср. море)»: Ἀδριανόν (...) πόντον (АР XII 252, 3). Пропуск подразумеваемого слова «море» в акrostихе ἐπὶ Ἀδριανοῦ Уайт считает оправданным и обосновывает использование этого стилистического приема ссылкой на ст. 763 перизгезы, где Дионисий употребляет апеллатив «Евксин» без существительного «море». Таким образом, Уайт основывает свои выводы на одном, извлеченном из множества других, значении предлога ἐπί и нетипичном употреблении Ἀδριανός в качестве прилагательного. В результате автор статьи предлагает переводить акrostих следующим образом: «бог Гермес – на побережье Адриатического моря». За ошибочным переводом акrostиха следует не менее фантастическое его объяснение: якобы Гермес, являющийся божеством поэзии, обитающим на Геликоне или Олимпе, надиктовывает Дионисию Перизгету поэму, которую тот записывает на побережье Адриатического моря.

В отличие от предлагаемого Уайт «революционного» толкования акrostиха, гораздо более приемлемым и достоверным представляется общепринятое чтение «бог Гермес при/ во времена Адриане/-а», позволяющее датировать географическую поэму Дионисия Перизгета II в.⁷ Таким образом, аргументы Уайт представляются весьма искусственными и малоубедительными. Как видим, нет достаточных оснований для пересмотра общепринятой датировки написания перизгезы временем правления императора Адриана, т.е. первой половиной II в.

⁷ Обоснованием такого прочтения служат многочисленные случаи употребления предлога ἐπί во временном значении в сочетании с именем императора Адриана у греческих авторов: *Acus.* III 9 F 5 D.–K. = *Suid.* s.v. Sabinas (ἐπὶ Ἀδριανοῦ); *Athan. Theol.* W. 71 (ἐπὶ Ἀδριανοῦ); *Euseb. Praeparatio evang.* IV 16, 7 (ἐπὶ Ἀδριανοῦ τοῦ αὐτοκράτορος); *Demonstratio evang.* II 3, 86 (Dindorf); *Georgius Monachus, Chronicon* 311 M (=Muralt) (p. 415 de Boor), 313 M (p. 417 de Boor), *Chronicon breve* v. 110, p. 488 (ἐπὶ Ἀδριανοῦ); *Suid.* s.v. Hermippos (ἐπὶ Ἀδριανοῦ τοῦ βασιλέως), s.v. Paulos Turios (ἐπὶ Ἀδριανοῦ τοῦ βασιλέως); *Ioann. Chrys. Adversus Iudaeos* V, 645, 646 (D. Bernardi de Montfaucon, T. 1, 2, p. 788–789. Parisiis, 1834) (ἐπὶ Ἀδριανοῦ); *Ioann. Lydus, de mens.* IV 89 (ἐπὶ Ἀδριανοῦ); *Sopater Rhet., Scholia ad Hermogenis status seu artem rhetoricam* v. 5, p. 8 (ἐπὶ Ἀδριανοῦ).

М. Н. Казанская

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ ОДНОСЛОЖНОГО СЛОВА В АБСОЛЮТНОМ КОНЦЕ ГЕКСАМЕТРА У ПРОПЕРЦИЯ

Использование односложного слова в абсолютном конце гексаметра у Проперция отличается от практики его современников. У него почти не встречаются такие строки как знаменитое горациевское «parturient montes, nascetur ridiculus mus» (Hor., A. P., 139) или вергилиевское «...saepe exiguus mus» (Verg., Georg., I, 181), которые уже с античности стали классическими примерами на использование моносиллаба в конце гексаметрической строки¹. Единственной строкой у Проперция, где в конце строки встречается многосложное и односложное слово является следующая:

at nullo dominae teritur sublimine amor, qui... (II, 25, 17).

Обычно руководства по античной метрике видят в таких строках цезуру на шестой стопе. Этот тип цезуры не выделялся античными грамматиками (что вполне естественно, так как основной паузой в стихе она быть не может). Курциус – Рубенбауэр и Постгейт² отмечают, что строки с многосложным и односложным словом в конце использовались у Энния и Луциллия в подражание греческой поэзии (особенно Гомеру), а последующие авторы пользовались ими либо опять же для архаизации, либо в шутку. Относительно же строк, оканчивающихся на два односложных слова, «Метрика» Курциуса и Рубенбауэра говорит, что цезура в таком случае менее заметна, и – приводя в пример Hor., Serm., I, 9, 5³ – утверждает, что в таком стихе «wird niemand einen Einschnitt nach der 6. Hebung empfinden, wie etwa in

¹ Силу этих строк отмечает Квинтиллиан: At Vergili miramur illud 'saepe exiguus mus'; nam epitheton 'exiguus' aptum <et> proprium effecit ne plus expectaremus, et casus singularis magis decuit, et clausula ipsa unius syllabae non usitata addidit gratiam. Imitatus est itaque utrumque Horatius: 'nascetur ridiculus mus.' (Quint., I. O., VIII, 3, 20).

² F. Curtius, H. Rubenbauer. Römische Metrik: eine Einführung. München, 1955. § 58. J. P. Postgate. Prosodia Latina. An Introduction to Classical Latin Verse. Oxford, 1923. § 211.

³ 'suaviter, ut nunc est,' inquam 'et cupio omnia quae vis'.

dem oben zitierten Vers (Hor., ars, 139)»⁴. Бесспорно, строки, оканчивающиеся на два моносиллаба «эффект мыши» произойти не будут, но и согласиться, что пауза – хотя бы и небольшая – совсем отсутствует, также не получается.

У Проперция строк, оканчивающихся на два моносиллаба много. В большинстве случаев «основной» цезурой в этих строках является пятиполовинная. Почти всегда с этих двух моносиллабов начинается новая мысль (чаще всего простое предложение в составе сложного): таким образом естественно, что одно из этих слов является союзом, а другое местоимением. Также естественно, что перед началом нового предложения неизбежно будет пауза, т. е. мы будем видеть и дизерезу после пятой стопы.

quid si non esset facilis tibi copia! nunc tu
insanus medio flumine quaeris aquam. (I, 9, 15).

nec tibi me post haec committet Cynthia nec te
quaeret; erit tanti criminis illa memor... (I, 4, 19).

at tu, seu mollis qua tendit Ionia, seu qua
Lydia Pactoli tingit arata liquor... (I, 6, 31)⁵.

Не кажется справедливым утверждение, что два односложных слова в конце строки сливаются во что-то единое, не разделяемое паузой. Односложные слова в большинстве своем являются служебными частями речи и как клитки примыкают к ближайшему значимому слову (т. е. составляют с ним единое фонетическое слово⁶). При этом фразовое ударение падает на значимое слово. Однако в большинстве случаев⁷ у Проперция мы видим следующую картину: фразовое ударение падает на

⁴ ibid. § 58.

⁵ Как видим, пауза после пятой стопы часто выделяется издателями знаком препинания. И, даже если знака препинания нет, пауза все же ощущается.

⁶ Некоторые явления фразовой фонетики описаны в следующих работах: И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001. § 296–301; F. W. Shipley. Hiatus, Elision, Caesura, in Virgil's Hexameter // Transactions of the American Philological Association, 55 (1924). P. 137–158. § 3; В. П. Смышляева. Фонетическое слово в латинском гекзаметре // Hyperboreus, 2001. Т. 7. P. 207–217 (Studia classica in memoriam A. I. Zaicev).

⁷ За исключением двух, которые будут рассмотрены ниже.

второй моносиллаб (который является более значимым словом, обычно местоимением), сильный же слог стопы (т. е. первый) занимает служебное слово. Таким образом происходит конфликт словесного и стихотворного ударения⁸. Это тем более необычно, что для последних двух стоп гекзаметра, как уже давно было замечено, характерна наоборот “harmony of accent and ictus” (т. е. их совпадение). Таким образом, эти два односложных слова оказываются разделены ударением (фактически, мы имеем два ударных слога подряд, что, конечно, должно требовать хотя бы небольшой паузы между ними⁹; или, по крайней мере очень четкого и раздельного произношения).

Итак, получается, что в строке, оканчивающейся на два односложных слова, два последних слога в стихе произносятся очень четко, и очевидно, что такое дополнительное замедление ритма придает строке особое звучание.

Исключением из этого являются два примера, когда вместе с концом строки, содержащей два односложных слова на шестой стопе, заканчивается и предложение:

mi neque amare aliam neque ab hac desistere fas est:
Cynthia prima fuit, Cynthia finis erit. (I, 12, 19–20)

Caesaris haec virtus et gloria Caesaris haec est:
illa, qua vicit, condidit arma manu. (II, 16, 41–42)

Для этих двух случаев утверждение Крузиуса – Рубенбауэра вполне справедливо. Значимым словом является первый моносиллаб, а глагол-связка примыкает к нему как энклитика, т. е. здесь нет конфликта двух ударений, и пауза между словами не будет ощущаться¹⁰.

⁸ “Clash of accent and ictus” – по терминологии Стёртеванта: E. H. Sturtevant. *Harmony and Clash of Accent and Ictus in the Latin Hexameter* // *Transactions of the American Philological Association*, 54 (1923). P. 51–73; E. H. Sturtevant. *Accent and Ictus in the Latin Elegiac Distich* // *Transactions of the American Philological Association*, 55 (1924). P. 73–89.

⁹ В пентаметре два ударных слога подряд разделены обязательной цезурой, имеющей закрепленную позицию в стихе во многом, как кажется, именно благодаря этому соседству двух ударных слогов.

¹⁰ Пауза не может ощущаться за слог до конца предложения и стиха в целом. Несколько другую ситуацию мы увидим, когда конец предложения и стихораздел не совпадают.

Однако возникает впечатление, что Проперций предпочитал, чтобы в строках оканчивающихся на два моносиллаба был конфликт двух ударений на шестой стопе. Например «sat est», который также не вызвал бы конфликта двух ударений в конце гекзаметра, используется им исключительно в конце пентаметра (где он, естественно, вызывает конфликт):

non ego nunc vereor ne sis tibi vilior istis:
uni si qua placet, || culta puella **sat est**... (I, 2, 26)¹¹

Таким образом, мы видим, что поэт редко пользуется моносиллабами так, чтобы избежать конфликта ударений.

Несколько иначе обстоит дело, когда моносиллабу в абсолютном конце стиха предшествует многосложное слово: пауза в приведенном выше «at nullo dominae teritur sublimine amor, qui...» (II, 25, 17) почти не будет ощущаться. Да и вообще кажется, что архаические и архаизированные строки с односложным словом в конце, которому предшествует многосложное, обладают меньшей «раздельностью», чем те строки, которые рассматриваются в данной работе. Моносиллаб (даже если это полноценное значимое слово) как бы «прилегает» к более длинному слову – опять же во многом за счет того, что словораздел за слог от конца строки сильно ощущаться не будет¹²:

sternitur exanimisque tremens procumbit **humi bos** (Verg., Aen., V, 482).

sic animis iuuenum furor additus. inde, **lupi ceu** (Verg., Aen., II, 482).

¹¹ Cf. II, 6, 40; II, 10, 6; IV, 1, 146; IV, 9, 36. Стёртевант (E. H. Sturtevant. *Accent and Ictus...*) разбирает эти примеры, исходя из того, что постановка односложного слова в конце пентаметра позволила бы избежать конфликта ударений, однако мы этого почти не находим (за исключением нескольких примеров, где моносиллаб используется для создания комического эффекта, как, например, “Non amo te, Sabidi, nec possum dicere quare: ||| Hoc tantum possum dicere, non amo te.” (Mart., I, 32) – и даже в случае с «sat est» возникает конфликт ударений.

¹² В «мышинных» строках у Горация и Вергилия (ощущение от которых Постгейт описывает как “a little mouse popping out upon the scene” – J. P. Postgate. *Prosodia Latina. An Introduction to Classical Latin Verse*. Oxford, 1923, § 211), как кажется, словораздел ощущается за счет двойного повторения -us... -us: **ridiculus mus**, **exiguus mus**. (особенно элегантно, то, что эти гомеотелевты – не грамматические).

unus qui nobis cunctando **restituis rem** (Verg., Aen., VI, 846)¹³.

К строкам, оканчивающимся на односложное слово, в античности относились неодобрительно (признавая, однако, эффект «мышинных» строк)¹⁴. Квинтилиан также предупреждает против чрезмерного необоснованного употребления моносиллабов, ссылаясь на прыгающий ритм¹⁵. Однако Проперция, видимо, это не смущало, и у него встречаются строки, заканчивающиеся на **три** односложных слова¹⁶, например:

O me felicem! nox o mihi candida! et o tu (II, 15, 1)
solus amans novit, quando periturus et a qua (II, 18, 19).

В большинстве случаев эти два моносиллаба являются служебной частью речи и местоимением. С них обычно начинается новая мысль: либо новый однородный (но развернутый) член предложения, либо новое простое предложение в составе сложного, либо вообще новое предложение:

nec tibi me post haec committet Cynthia nec te
quaeret; erit tanti criminis illa memor... (I, 4, 19)
at tu, seu mollis qua tendit Ionia, seu qua
Lydia Pactoli tingit arata liquor... (I, 6, 31)
invidiae fuimus: num me deus obruit? an quae
lecta Prometheis dividit herba iugis? (I, 12, 9).

Это, естественно, требует паузы перед началом новой мысли, поэтому мы хорошо ощущаем диэрезу после пятой стопы. Также такое членение стиха означает, что смысл строки будет «короче», чем в привычном гекзаметре: мысль гекзаметра заканчивается на диэрезу после пятой стопы, а новую

¹³ Окончания двух последних строк являются подражаниями: «lupi seu» восходит к Гомеру (Hom., II, XI, 72: λύκοι ὄς), «restituis rem» – к Энеиду: «Unus homo nobis cunctando restituit rem» (fr. 363, Scutsch).

¹⁴ Ср. Сервий в комментарии к «Энеиде»: est autem hic pessimus versus in monosyllabum desinens. (к Verg., V, 483). И его же очаровательное замечание: sciendum tamen hoc esse vitiosum, monosyllabo finiri versum, nisi forte ipso monosyllabo minora explicentur animalia, ut «parturient montes, nascetur ridiculus mus»: gratiores enim versus isti sunt secundum Lucilium (к Verg., VIII, 83, 3).

¹⁵ Etiam monosyllaba, si plura sunt, male continuabuntur, quia necesse est compositio multis clausulis concisa **subsultet**. (Quint., I. O., IX, 4, 42).

¹⁶ Впрочем, и для него это – редкость.

поэт успевае только ввести (указать, кто или что будет действующим лицом, и в каком отношении с предыдущей мыслью будет мысль, выраженная в пентаметре). Основа же мысли (в первую очередь, конечно, сказуемое) приходится на пентаметр. Такой род несовпадения стихового и синтаксического членения текста – разновидность «заступа» (enjambement) – называется *contre-rejet* или регрессивным *enjambement* (синтаксическая пауза стоит чуть раньше начала стиха). Как известно, любой тип *enjambement* заставляет чувствовать стихораздел острее, чем обычно¹⁷, он оказывается маркированным за счет того, что синтаксис пытается его «обойти». Так, у Проперция первым словом пентаметра часто является согласованное с местоимением определение или приложение к нему:

O me felicem! nox o mihi candida! et o tu
lectule deliciis facte beate meis! (II, 15, 1)
solus amans novit, quando periturus et a qua
morte, neque hic Boreae flabra neque arma timet. (II, 27, 11)

Иногда сразу после стихораздела стоит глагол, и после него сильная пауза (что усиливает синтаксическую связь)¹⁸:

nec tibi me post haec committet Cynthia nec te
quaeret; erit tanti criminis illa memor... (I, 4, 21).

Итак, мы видим, что синтаксис пытается «перешагнуть» через то *inane tempus* (по выражению Квинтилиана) или *κενός χρόνος* (Anonymus de musica), каковым является стихораздел. Значит, в данном случае мы имеем дело не только с необычным членением строки, но и с необычным членением строфы (каковой является элегический дистих). Особенно выделяются случаи «double-rejet» (и прогрессивный и регрессивный *enjambement*), где строфа в корне перекраивается, и мы видим как минимум три синтаксические единицы, наложенные на привычное строение дистиха. В случае простого «*contre-rejet*» также идет перекройка строфы, и мысль гекза-

¹⁷ М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 173–177. Кстати, именно *enjambement* повлиял на возникновение свободного стиха в европейской традиции.

¹⁸ Таким образом получается «double-rejet», то есть две смысловые паузы, из которых одна стоит немного раньше конца одного стиха, а другая – немного позже начала следующего.

метра оказывается «короче», чем мысль пентаметра (в особенности, если дистих представляется собой параллельную конструкцию мы можем ожидать, что общий член будет содержаться в пентаметре¹⁹). Таким образом получается, что цезура на шестой стопе влияет не только на гекзаметрическую строку, но и на строение всего дистиха в целом.

Также, чтобы закончить с формально-метрическим описанием таких строк, следует упомянуть, что зачастую такая концовка гекзаметра «уравновешивается» двумя моносиллабами в его начале – т. е. строка строится, по выражению Варрона «*geometrica quadam ratione*»:

at tu, seu mollis qua tendit Ionia, **seu qua**... (I, 6, 31).

nam me non ullae poterunt corrumpere, **de te**... (I, 8, 21).

Мы видим, что при этом начало и конец стиха часто переключаются: *nam me – de te, tum me – et me* (II, 20, 29: *tum me vel tragicae vexetis Erinyes, et me...*); впрочем, такие смысловые переключки необязательны (Ср. I, 9, 15; II, 18, 19).

Пауза перед двумя моносиллабами (т. е. диэреза после пятой стопы) также обычно подчеркнута – ведь она является как бы «концом» смысла строки. В некоторых случаях это выражено очень ярко: например, на этой позиции заканчивается предложение (причем восклицательное или вопросительное, так что естественно, что конец оказывается даже еще более ярким, чем в обычных повествовательных предложениях):

*invidiae fuimus: num me deus obruit? an quae
lecta Prometheis dividit herba iugis?* (I, 12, 9–10).

*quid si non esset facilis tibi copia! nunc tu
insanus medio flumine quaeris aquam.* (I, 9, 15–16).

Чуть менее сильно – но все же весьма отчетливо – ощущается эта пауза, когда с шестой стопы начинается простое предложение в составе сложного или новый однородный член предложения (эти случаи были разобраны выше). Возникает даже вопрос, не сбѣит ли при исходе строки на два моносиллаба выделять не цезуру на шестой стопе, а диэрезу после пя-

¹⁹ *Quid fles abducta gravius Briseide? quid fles
anxia captiva tristius Andromacha?* (II, 20, 1–2).
*tu licet Antiopae formam Nycteidis, et tu
Spartanae referas laudibus Hermionae* (I, 4, 5–6).

той (не забывая о разделности произнесения двух слогов шестой стопы).

Итак, Проперций сравнительно часто ставит два моносиллаба в конце строки, причем чаще всего это – служебная часть речи (союз, предлог) и местоимение. Таким образом возникает конфликт ударений – стихового и фразового, за счет чего моносиллабы произносятся отчетливо и отдельно, а не объединяются общим ударением, как клитики. При этом, как мы можем предполагать, оказывается подчеркнутой пауза перед шестой стопой. Благодаря всему этому создается замедление ритма в конце строки, постоянно сочетающееся с *enjambement*. В отличие от своих современников, которые этого избегают²⁰, Проперций не чурается исхода гекзаметрической строки на два моносиллаба. Это отражает его индивидуальную интонацию и во многих случаях является стилистическим приемом (Проперций искусно пользуется такими строками, чтобы создать ритмическое разнообразие элегии – ср.: I, 12). В первых трех книгах такие строки составляют в среднем 2%, а в четвертой книге есть всего лишь один пример (IV, 5, 17). Как кажется, на примере использования моносиллаба в абсолютном конце гекзаметрической строки можно наблюдать и эволюцию стихотворной техники Проперция, и изменения интонации в его поэзии.

²⁰ Например, у Тибулла такое строение строки не встречается ни разу, что естественно, если учесть, как аккуратно он соблюдает стихоразделы.

Н. Н. Казанский

КОЙНЕ ДО КОЙНЕ

(О ЯЗЫКЕ СЕЛИНУНТСКОГО ЗАКОНА ОБ ОЧИЩЕНИЯХ)

В 1993 г. был опубликован самый большой из известных сегодня греческий текст на свинце (M. H. Jameson, D. R. Jordan, R. D. Kotansky. *A Lex Sacra from Selinous*. Duke University. Durham, N.C., 1993, см. также L. Dubois. *Une nouvelle inscription archaïque de Sélinonte* // RPh, 1995. Vol. 69. P. 127–144). Текст, написанный в две колонки, датируется 460–450 гг. до н. э. и происходит из города Селинунта в Сицилии. Содержание обеих колонок относится к обрядам очищения и к жертвоприношениям, с ними связанным. Впервые с такой подробностью описывается совершение жертвоприношений с помощью вина, которое проливается на «крышу» гробниц (: τοῖς Τρ¹⁰/ιτοπατρῆσι : τοῖς : Μιαροῖς ἡόσπερ τοῖς ἡερόεσι, φοῖνον ὑπολθείψας : δι' ὀρόφῳ : καὶ τᾶν μοιρᾶν : τὰν ἐνάταν : κατακαίεν : μίαν. 'Тритопаторам, ритуально нечистым, как героям, совершив возлияние вином через крышу, а кроме того, сжечь 1/9 часть'). Как можно видеть, в тексте совмещены жертвоприношение героям и 1/9 часть, которую положено было посвящать скорее подземным богам. Перед Тритопаторами упоминался Зевс Мейлихий. Подробно описывается, как следует готовить пиршественный стол при совершении обрядов очищения (: καὶ τράπεζαν καὶ κλίναν κένβαλέτῳ καθαρὸν ἡἷμα καὶ στεφά¹⁵/νῶς ἐλαίας καὶ μελικράτα ἐν καιναῖς ποτερίδε[σ]ι καὶ : πλάσματα καὶ κρᾶ κάπ/αρξάμενοι катаκαάντῳ 'И стол, и сидение, и пусть наденут чистую одежду, и оливковые венки, и в новые кубки смесь меда с молоком и лепные фигурки (из теста?); и приступая пусть сожгут <немного> мяса'), а также указывается, каким образом следует производить очищение с помощью соли и как приносить очистительные жертвы: В 11–14. διορίξας ἡαλί καὶ χρυσοῖ ἀπορανάμενος ἀπίτῳ.¹²/ ἡόκα τῷ ἐλαστέρῳ χρέζει θύεν, θύεν ἡόσπερ τοῖς ἀθανάτοισι. σφαζέτῳ δ' ἐς γᾶν. 'Проведя границу солью и золотом; рассыпав, пусть уйдет. И что следует приносить в жертву Эластеру [божество, которое, похоже, связано с подземным царством], приносить жертвы как богам; кровь лить на землю'.

Текст находит определенные параллели в других частях греческого мира, так что есть основание говорить о профессиональных жрецах-«очистителях», которые, подобно врачам, в

Древней Греции переходили из города в город по приглашению. При этом текст содержит вполне определенные диалектные черты и некоторое количество фонетических и графических особенностей, небезытересных для рассмотрения.

Например, наблюдается удивительная непоследовательность в обозначении дигаммы: слово ἡἷμα пишется с густым придыханием, а слово Γέτος сохраняет традиционное написание; ἐχεχερία «перемирие» выступает без каких бы то ни было следов действия закона Грасманна. Здесь же обнаруживается форма πενπ[έσθῳ] с употреблением для обозначения носового сонанта одного единственного варианта ν вне зависимости от места образования следующего за ним смычного, т. е. сочетания на письме передаются только как ιπ, ιτ, ικ, ср.: Α⁷/τῶν ἡαρῶν ἡα θυσία πρὸ φοτυτίῶν καὶ τᾶς ἐχεχερίας πένπ[τῳ] / Γέτει ἡἰπερ ἡόκα ἡα Ὀλυμπιάς ποτεῖε. / τῷ Διὶ : τῷ Εὐμενεῖ θ[ύ]εν [καὶ] / ταῖς : Εὐμενίδεσι : 'Принесение в жертву происходит перед Котитиями и перемирием на пятый год, в тот год, в который происходят Олимпийские игры. Пусть приносят жертвы Зевсу Эвмену и Эвменидам'.

Встречается форма κρᾶ, которую первые издатели на с. 36 отметили как не имеющую параллелей:

Α 16–17· πλάσματα καὶ κρᾶ κάπ/αρξάμενοι катаκαάντῳ

Α 18–21 καὶ τρά[πεζα]ν : προσθέμεν καὶ φολέαν καὶ τὰπὸ τᾶς τραπέζας : ἀπάργματα καὶ τὸστέα κα[τα]κᾶαι : τὰ κρᾶ μέχφερέτῳ. 'выставить стол, а бедро передней ноги и то, что со стола – начатки и кости – сжечь, а мясо пусть не выносит'.

На самом деле параллели имеются, в частности, в словаре Гезихия эта форма представлена в виде глоссы κρᾶς· κρέας, τινὲς δὲ κεφαλή (Hesych.) со вполне обычным для дорийских диалектов слиянием е + ᾱ > ᾶ. Можно быть почти уверенным в том, что разбираемый текст надписи не послужил основой для данной глоссы. Скорее, глосса Гезихия восходит к тексту того же жанра. Более того, речь не идет о каком-то просторечии, поскольку уже в поэмах Гомера встречается форма κρέας, производившаяся с синизесой в один слог. П. Шантрэн объясняет гомеровские примеры метрически, обращая особое внимание на стих Od. X, 347 ...ἐπεὶ φάγες ἀνδρόμεα κρέα// (cf. P. Chantraine. *Grammaire Homérique*. T. I. Phonétique et morphologie. Paris, 1942. P. 36). Просодические изменения, превращающие двусложные слова в односложные, часто оказываются более радикальными, чем подобные изменения в многосложных словах.

Очевидно, что засвидетельствованная в этом тексте форма τὰ κρᾶ со слиянием на месте выпавшего -ц-неслогового представляет собой развитие, общее с другими диалектами, при том, что для слова со значением 'год' начальная дигамма традиционно сохранялась, так же как и начальное придыхание. Все эти языковые особенности позволяют говорить о некотором выравнивании диалектных черт. Уже давно на материале значительно более коротких текстов предлагалось ввести понятие «общесцилийское койне», отражающее языковую ситуацию в Сицилии архаического времени (см.: U. Sicca. *Grammatica delle iscrizioni doriche della Sicilia*. Arpino, 1924. P. 148, особенно § 45, озаглавленный «La κοινή dorico-sicula»; в последние годы эти идеи продолжил Р. Арена: R. Arena. *Iscrizioni Grece Archaiche di Sicilia e Magna Grecia*. Vol. I–V. Cisalpino; Goliardica, 1989–1998). Текст Селинунтского закона, как кажется, не только подтверждает возможность постулировать региональное койне в первой половине V в. до н. э., но и позволяет поставить вопрос о существовании общегреческого профессионального койне жрецов-«очистителей». То есть мы обнаруживаем своего рода греческое койне до койне.

Т. А. Карасева

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ К ЛАТИНСКОЙ НАДПИСИ НА «БРОНЗЕ ФУЦИНСКОГО ОЗЕРА»

«Бронза Фуцинского озера» – так обычно называется латинская надпись, найденная в 1877 г. при осушении Фуцинского озера и датируемая концом IV – началом III века до н. э. В древности на берегу Фуцинского озера жило племя марсов.

1. Caso . Cantovio
2. s . Apurafclano . cei
3. p . apurfinem . E
4. salico . menur
5. bid . Casontoni
6. socieque . dono
7. m . atoler [...] ctia .
8. pro . l [...] nibus . Mar
9. tses

Надпись начертана горизонтальным бустрофедоном. В отечественной литературе комментарии к ней представлены в Очерках из истории латинского языка И. М. Тронского (1953, с. 229), в книге Е. В. Федоровой 1991 г. (с. 50–52) и в других ее работах, а также в моей работе 2003 г. (с. 157–159). Перевод надписи на язык классической латыни, принятый мною в 2003 г., гласит: *Kaeso (или Casus) Cantovius Aproficulanus hic apud finem Esallicorum in urbe Casontonia sociique donum attulerunt Angitia pro legionibus Marsis.*

В настоящее время представляется необходимым дать дополнительные комментарии к трем словам этой надписи: 1. Actia, 2. Ceip, 3. Esalicom.

1. Начертание Actia восстановлено. Первые две буквы неясны, т. к. в надписи сохранились только верхушки ^ ^, похожие на остатки А. Следующая буква выглядит или как Т или как Г (гамма, буква, как и вся строка повернута налево). Если принять чтение ААСТИА, то получится Dat. sg. имени местной богини Agtia, которую можно принять за синкопированную форму от Angitia (богиня врачевания и колдовства у марсов и маррубиев; ей была посвящена роща у Фуцинского озера). Её имя упоминается Вергилием (*Te nemus Angitiae virtrea te Fucinus unda*) и содержится в оскской надписи, опубликованной М. Леженом и В. Пизани в 1953 г.: *Anagtiai*, Dat. sg., где буква g, как и в нашей надписи изображена как перевернутая гамма Г.

Обратим внимание на **этимологию имени этой италийской богини**. Вероятно, оно восходит к *anguis* → *angis* «змея» и имеет индоевропейские соответствия: др. прусск. *angis*, лит. *angis*, ирл. *escung*, скр. *ahīñ*, ав. *azis*.

Почитание змей как божеств среди индоевропейцев относится к глубокой древности. Как отметил в 2004 г. Н. Н. Казанский, микенские тексты, в частности, фиванские таблички показывают, что «**почитались змеи**, гуси и другие животные, жертвоприношения которым специально описываются». Интересно, что почитание змей в древней Италии, если говорить о культе богини Ангиции в IV–III вв до н. э., вероятно, не прекращалось в течение всех последующих веков и в несколько ином виде сохранилось в районе Фуцинского озера до наших дней.

В июле 2004г. в журнале «Вокруг света» была опубликована статья «Наследство богини Ангиции» (с. 20), в которой рассказывается, что в 170 км. от Рима в поселке Коккуло в первый четвертая мая ежегодно проходит «змеиная процессия», символический смысл которой – оградить местных жителей от всякой напасти, отвести от поселка злые силы. В древности в этих местах почитали богиню Ангицию, в жертву которой приносили пойманных в округе змей. В течение веков магический ритуал преобразился в религиозное чествование Святого Доминика, исцеляющего согласно легенде от укусов змей и диких животных. Если взглянуть на карту Италии, то *Coscuro* и *Villalago* – местечки, расположенные рядом с осушенным Фуцинским озером (*Copca di Fucino*). Когда статую святого Доминика, – говорится в статье, – выносят на запруженную народом улицу, ловкие змееловы **увешивают фигуру святого змеями**, и они спиралью скручиваются вокруг статуи».

Итак, описание современного культа в том же месте, где был когда-то культ античной богини, дает нам с полным правом реконструировать имя *Actia* в говоре марсов, несмотря на неясное чтение первых букв этого слова в надписи.

2. Уверенность в правильности чтения *Actia* (лат. *Angitia*) *Dat. sg.* позволяет точнее перевести и слово *seip* во второй строчке надписи. Е. Ф. Федорова принимает *seip* за *seip[os]* и дает перевод ‘поставили пограничные столбы’, однако в надписи нет глагола со значением ‘поставить’. Е. Перуцци пишет: «Для *SEIP* предложено бесчисленное количество объяснений, ни одно из которых не является доказательным». Однако И. В. Цветаев еще в 1884 г. предложил два понимания *SEIP* – как ‘*imperator*’ и как ‘*cirrum*’. В работе 2003 г. я, следуя за А. де Розалиа, поняла *seip* как *hic* ‘здесь’. Сейчас я считаю, что име-

ются более веские аргументы в пользу ‘*cirrum*’, предложенного И. В. Цветаевым. Больше *seip* <**sei-pe* как наречие нигде не встречается, в то время как *cirrus*, *i* неоднократно употребляется латинскими авторами в значении ‘**пирамидальный столб, памятник**’ (Гораций, Персий, Луцилий Старший).

Вероятно, Каз (или Казон) Кантовий Апруфклан и его сотоварищи принесли в качестве дара **пирамидальный столб** или колонну «змеиной» богине Ангиции. Не исключено, что этот столб (или колонна) увешивался змеями в день праздника, посвященного богине. Допустить отпадение конечного *-m* в форме *acc. sg.* вполне возможно, удвоения *p* в столь ранний период еще не было. Что же касается места, куда был принесен этот *cirrum*, то оно четко обозначено в надписи: *apud finem Esalicom en urbid Casontoni*. Сама бронзовая пластинка с надписью скорее всего была прикреплена к основанию столба (или колонны).

3. Местность вокруг Фуцинского озера в древности была покрыта густыми лесами. Отсюда вытекает предположение о том, что в слове *Esalicom* тот же корень, что в *salix*, *icis* ‘ива’ и *salicium* «ивняк», т. е. *apud finem Esalicom* можно понимать «у границы Ивняков». Ср. в русском множество топонимов, восходящих к названиям деревьев (березы, дуба, липы, ольхи и т.д.). Граница «Ивняков», несомненно, была поблизости от берега озера. Е. Перуцци понимает *Esalicom* как *Italicum*, у И. М. Тронского и Е. В. Федоровой это слово не объясняется.

ЛИТЕРАТУРА

- Казанский Н. Н. «Микенская словесность» и проблема диалектной стратификации древнегреческой эпической традиции // И.-е. языкозн. и класс. филология–VIII. СПб.: «Наука», 2004. С. 85–97.
- Карасева Т. А. Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I вв. до н.э. М.: «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2003. С. 157–159.
- Наследство богини Ангиции // Вокруг света, июль 2004, с. 20.
- Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 229.
- Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность. М.: Изд. МГУ, 1991.
- De Rosalia A. *Inscrizioni latine arcaiche*. Palermo, 1972, p. 65.
- Lejeune M. *Revue des Etudes Latines*. Paris, 1953, p.100.
- Peruzzi E. *I marsi con Roma* // *Maja*. Nuova serie, fascicolo III, anno XIII, luglio – settembre, 1961, Rocca San Casciano, p. 170.
- Pisani V. *Le lingue de l’Italia antica oltre il latino* (Manuale storico della lingua latina, vol.4). Torino, 1953, p. 104.
- Zvetiaeff I. *Inscriptiones Italiae Mediae dialecticae*. Lipsiae, 1884, p. 37–38.

Н. Л. Кацман

КОНСТРУКЦИИ С ГЕРУНДИЕМ И ГЕРУНДИВОМ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Герундий и герундив – две формы, объединенные общностью морфологических и семантико-синтаксических характеристик должны, по нашему мнению, изучаться одновременно. Хотя происхождение этих форм не установлено и составляет, по словам Ю. В. Откупщикова «одну из нерешенных проблем индоевропейского языкознания» (В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990), это не препятствует изучению их роли и значения в латинском языке. В методическом плане каждая из этих форм в отдельности, сама по себе, не представляет трудностей для понимания. Трудности возникают при чтении текстов, при анализе конструкций с герундием и герундивом, особенно при наличии омонимичных форм. Чтобы достичь адекватного понимания как с практической, так и с теоретической точки зрения, мы сочли целесообразным выделить три аспекта рассмотрения этой общей темы: 1. Герундий; 2. Герундив в предикативной функции; 3. Герундив в функции согласованного определения.

При изучении герундия считаем необходимым охарактеризовать употребление всех падежей герундия с предлогами и без предлогов, включая редко употребляемый *dativus* (дать, в частности, формульные выражения *adesse scribendo* и *solvendo non esse*, которое встречается у Цицерона) и *accusativus* не только с предлогом *ad*, но и с предлогом *ob* (е. г. «... a quo recuniam ob absolvendum acciperis ...» – Cic., in Verg.).

Рассматривая глагольные признаки герундия, в частности, сохранение им глагольного управления, мы обращаем внимание не только на те случаи, когда герундий, образованный от переходного глагола управляет прямым дополнением (заметим попутно, что таких случаев достаточно много, особенно у Ливия; они будут приведены в приложении к докладу), но и формы герундия, образованные от глаголов, управляющих другими падежами, е. г. «*Illud est periculum, ne nimis facile victis ignoscendo ...*» (Liv., XXXI, 31, 16); «*Ad comparandum iuri*» (из юридической терминологии по кн. «Латинские юридические изречения», М., 1996); «*Tempus solvendi poenarum*» (Lucr., цит. по «*Nouveau dictionnaire Latin-Français*. Paris, 1906); «... *dolorem oculis ... insinu-*

ando» (Lucr., IV, 306); «*Ius re familiari utendi*» (юридическая формула).

Рассмотрев затем употребление наречия в качестве определения при герундии и сравнивая по этим двум показателям латинский герундий и русское отглагольное существительное на -ние, -тие, констатируем, что глагольные признаки герундия выражены значительно ярче; напротив, именными признаками более богато русское отглагольное существительное: оно имеет форму именительного падежа и может иметь множественное число (наличие или отсутствие которого зависит исключительно от лексического значения). В группах, изучающих французский или немецкий язык в качестве некоторой аналогии латинскому герундию можно назвать субстантивированный инфинитив: *coucher – le coucher*; *klappen – das Klappen*. Что же касается английского языка, то тут большой простор для сопоставлений. Английский *Gerund* также имеет форму только единственного числа, сохраняет глагольное управление и определяется наречием, но имеет еще более ярко выраженные как именные, так и глагольные признаки. В отличие от латинского герундия он может употребляться в качестве подлежащего (*reading English books improves your knowledge of the language*). Что же касается глагольных признаков, то англ. *Gerund* имеет категорию времени и, если образован от переходного глагола, также категорию залога.

При объяснении герундива надо, прежде всего, обратить внимание на то, что сближает его с герундием и в чем проявляется различие. Тесная связь этих двух отглагольных форм отражена в их названии, способе образования и основном значении: оба обозначают действие. Различия же заключаются в их принадлежности к разным грамматическим категориям и в разном характере обозначаемого ими действия. Герундий это отглагольное существительное, обозначающее действие как активный процесс и не содержащее никакой информации ни о времени действия, ни о его субъекте. Герундив же это отглагольное прилагательное, содержащее информацию о пассивном характере действия и его отнесенности к будущему, а также грамматическую информацию о роде и числе пассивного субъекта действия.

Оставляя в стороне употребление герундива в предикативном значении, в том числе, в инфинитивных оборотах, не содержащем, по нашему мнению, никаких трудностей методического характера, обратимся к самому сложному аспекту этой темы – употреблению герундива в функции согласованного оп-

ределения, которое, по нашему мнению, представляет собой одно из самых своеобразных и интересных явлений латинского языка.

В именительном падеже герундив в качестве согласованного определения употребляется редко, в основном, в страдательных конструкциях, е. г. «... circa forum privatis aedificanda divisa sunt loca» (Liv., 1, 35, 10). Здесь отчетливо видно значение долженствования, которое сближает подобные конструкции с употреблением именительного падежа герундива в предикативном значении в конструкции *nom. cum infinitivo*; ср.: «... urbs ... amplificanda visa est» (Liv., 1, 44, 3). Такое же значение имеет герундив в функции определения к прямому дополнению, е. г. (Caesar) *pontem in Arare faciendum curat* (B.G., I, 13, 10) или в качестве предиката в конструкции *accusativus duplex*, е. г. «... quod (pecus) ... equitibus auxiliariis agendum adtribuit» (Sall., B. J., 90,2). Чаще однако *accusativus* герундия употребляется в качестве определения при существительном или местоимении с предлогом *ad* или (значительно реже) с предлогами *ob* и *in*: *ad diruendam urbem*; *ad conciliandos plebis animos, in arcem obtinendam* (Liv.); *ob suos tutandos* (Sall.) и др. Но если эти предлоги соединяются с существительным или местоимением мужского или среднего рода ед. числа + форма на *-ndum*, то вопрос: герундий ли это с прямым дополнением или герундив-определение, на мой взгляд, не имеет ответа. Можно, конечно, данную форму рассматривать как герундив, во-первых, потому, что конструкции с герундивом вообще значительно более частотны, во-вторых, потому, что существительное или местоимение стоят чаще на первом месте. Но, с другой стороны, и определение в латинском языке может стоять перед существительным (местоимением), и обратный порядок слов не редкость, е. г.: *ad cogendum senatum, ad Tarquinium salutandum* (Liv.), *ob regnum tutandum* (Sall.)

Далее надо показать, что широко распространены герундивные конструкции и в других падежах с предлогами и без предлогов, е. г.: «...in condendis urbibus»; «Elephantorum traicendorum varia consilia fuisse credo» (Liv., 1, 4, 4; XXI, 28, 5); «... gignundis in rebus» (Lucr. I, 778); «... parandi juris et majestatis constituendae gratia ...» (Sall. B. J., 31, 17). Буквальный перевод подобных предложений даже в учебных целях практически невозможен. Чтобы показать функцию герундива как согласованного определения его можно перевести (подчеркнем – в учебных целях!) русским страдательным причастием настоящего времени: «в основываемых городах»; «переправляемых слонов», «в рождаемых

(зарождающихся) вещах» и т. д. Но и такой условный перевод не передает ни отнесенности действия к будущему, ни оттенка долженствования. Таким образом, констатируем, что при переводе словосочетаний с герундивом мы полностью меняем их структуру: герундив переводим существительным, а управляющее слово ставим в зависимость от него, т. е. переводим так, как если бы в латинском языке был употреблен герундий с прямым дополнением. Так мы подходим к объяснению того, что в латинском языке конструкции с герундивом, образованным от переходного глагола, может соответствовать конструкция с герундием и зависящим от него прямым дополнением. Мы показываем это, возвращаясь к приводившимся ранее примерам на употребление герундия с прямым дополнением, а также путем преобразования только что рассмотренных примеров с герундивом: *in condendis urbibus = in condendo urbes*; *consilia elephantorum traicendorum = consilia traicendi elephantos* и т. д. Но при этом мы уже давно отказались от формулировки «замена герундия герундивом» и от соответствующего правила этой «замены», поскольку считаем что надо исходить из реально существующих структур латинского текста, а не из искусственных построений. Вместе с тем считаем возможным и полезным использовать на первых порах в качестве методического приема упражнения в преобразовании конструкций с герундивом в конструкции с герундием. Эти упражнения помогают, в частности, научить студентов дифференцировать совпадающие формы герундия и герундива по их функции. При этом замечаем, что конструкции с герундивом, более распространены, чем конструкции с герундием, что, впрочем, студенты и сами поймут при чтении авторских текстов.

В заключение заметим, что в ряде случаев герундив в косвенных падежах утрачивает свое основное значение, приближаясь к причастию настоящего времени. Поэтому, в частности, нам представляется оправданным рассматривать герундивные конструкции в *ablativus* как оборот *ablativus absolutus*. Ограничимся здесь одним примером (другие будут представлены в Приложении к докладу):

«Ancus ... Politorium, urbem Latinorum vi cepit secutusque morem regum priorum, qui rem Romanam auxerant hostibus in civitatem accipiendis, multitudinem omnem Romam traduxit» (Liv., I, 33, 1).

А. В. Короленков

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРСОНАЖЕЙ *BELLUM IUGURTHINUM* САЛЛЮСТИЯ

В 1992 г. вышла в свет статья Д. С. Ливина «"Югурта" Саллюстия: исторический фрагмент». В ней предложена интересная градация тех персонажей «Югуртинской войны», чьи характеры обрисованы писателем в особых экскурсах – Югурты, Метелла, Мария и Суллы. Автор отмечает, что их характеристика содержит элементы, позволяющие сравнить каждого из них с предшественником и рассматривать каждого последующего в свете предыдущего. При этом каждый новый персонаж из этой четвёрки, вначале характеризуемый Саллюстием вполне положительно, уже исходно уступает предшественнику (исключение – Югурта, ибо он первый в этом ряду). Далее исследователь делает интересные наблюдения над характером речей и высказываний этих лиц: в уста Югурты лишь один раз вкладывается прямая речь – то его знаменитое *urbem venalem et mature perituram, si emptorem venerit* (Iug. 35. 10). Марий в 85-й главе произносит большую речь, но его «классовая ненависть» (*class hatred*) куда сильнее выражена в высказываниях, переданных с помощью *oratio obliqua* (см., напр.: 64. 5). Сравнивая речи Адгервала, Меммия и Мария, Д. С. Ливин отмечает, что все три оратора – не без изъяна: первый слишком очевидно демонстрирует свою слабость, что называется, посыпая голову пеплом, а второй и третий одержимы «классовой ненавистью», Марий же вдобавок хвастлив и слишком предан выгоде¹.

Эти наблюдения представляются чрезвычайно интересными и плодотворными, и было бы, как мне кажется, бесполезно продолжить анализ в заданном Д. С. Ливином направлении. Обратимся к образу Югурты. Исследователь, бесспорно, прав, считая нумидийского царя наиболее положительным из четырёх названных персонажей. Из его уст мы, действительно, не слышим *oratio recta*, за исключением одной реплики, но зато в 81.1 Югурта (уже с помощью *oratio obliqua*) пространно обвиняет

¹ *Levene D.S. Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment' // JRS, 1992. Vol. 82. P. 53–70, особенно 59–65.*

римлян в агрессивных замыслах и действиях (*Romanos iniustos, profunda avaritia, communis omnium hostis esse etc.*) – второй случай такого рода в римской литературе после речи Критоногата у Цезаря (*B. G. VII. 77. 15*)². Казалось бы, какое отношение имеют эти выпады к характеристике царя? Пороки римлян обличал и сам Саллюстий, и нумидиец как будто бы не сообщает ничего нового. Однако примечательна ремарка автора: Югурта произносит эту речь, чтобы воздействовать на Бокха (*oratione ascendit*), что намекает на риторический характер дальнейших слов Югурты – важно добиться своего любыми аргументами, независимо от того, соответствуют ли они истине. Тем более что в случае ораторского успеха Югурты пострадать должны римляне, против которых Бокх обратит своё оружие. В чём, в сущности, главный недостаток героя *Bellum Iugurthinum*, в начале её (6.1) выглядящего «целиком положительно»³? Очевидно, в том, что он стал врагом Рима, и теперь все достоинства Югурты оборачиваются недостатками: «То, что хорошо у "своих", плохо у "чужих"»⁴. Ведь и Метелл использовал против Югурты его же методы (48.1), но они направлены против врага и потому осуждения не заслуживают⁵.

Следующий персонаж – Метелл, представленный Саллюстием вначале как «человек безупречной репутации»⁶. Любопытно, что он, как и Югурта, также не произносит речей, да и вообще какие бы то ни было высказывания в его устах редкость, тем более что таковые носят «технический» характер – разговоры с нумидийскими посланцами, которых он склоняет к измене, ответы Югурте и т.п. (45.4; 47.4; 62.5; 83.1 etc.). Лишь две из них представляют интерес – послание Бокху и ответ Марию. Первому он

² См.: *Hose M. Die Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 113.*

³ *Levene D. S. Op. cit. P. 59.*

⁴ *Егоров А. Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С. 117.*

⁵ Д. С. Ливин считает, что применение Метеллом коварных методов Югурты против него самого является скорее отрицательным моментом (*Levene D. S. Op. cit. P. 59*), но из текста Саллюстия это не вытекает даже косвенным образом.

⁶ *Büchner K. Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum. Wiesbaden, 1953. S. 37.*

советует не поддерживать Югурту, предупреждая, что лучше мир и дружба с Римом, чем война, что развязать её легко, а когда она кончится – на то воля победителей (т.е., очевидно, тех же римлян) и т.д. (*habere tum magnam copiam societatis amicitiaeque coniungundae, quae potior bello esset, et, quamquam oribus suis confideret, tamen non debere incerta pro certis mutare. omne bellum sumi facile, ceterum aegerrime desinere; non in eiusdem potestate initium eius et finem esse etc.*) (83.1). Однако это – стандартный набор фраз, который применялся при переговорах и который мы слышим также из уст Суллы в адрес того же Бокха (см. ниже), поэтому вряд ли он имеет отношение к характеристике Метелла. Куда больше даёт в этом смысле знаменитый ответ Марию, собиравшемуся ехать на выборы в Рим – «не все-де должны желать всего», Марию «не поздно будет добиваться консулата вместе с его [Метелла] сыном» (64. 2–4): *ciperet neu super fortunam animum gereret: non omnia omnibus cupiunda esse, festinaret abire... satis mature illum cum filio suo consulatum petiturum*). Эти рассуждения обусловлены «презрительным высокомерием, общим пороком знати (*contemptor animus et superbia, commune nobilitatis malum*)» (64.1), или, по вновь употреблённому здесь Д. С. Ливиним выражению, «классовой ненавистью»⁷. Именно это определяет дальнейшее поведение Метелла, который отреагировал на последующий успех Мария «сильнее, чем допускали разум и достоинство (*supra bonum aut honestum*)» (82.2). Так что и здесь косвенная речь служит важнейшим средством характеристики персонажа.

В отношении Мария мы уже приводили наблюдение Д. С. Ливина – в косвенной речи «классовая ненависть» полководца выражена сильнее, чем в прямой. Однако это соображение, верное само по себе, требует дополнений, ибо неприязнь Мария к нобилитету его характер не исчерпывается, и здесь *oratio* из 85-й главы *Bellum Jugurthinum* даёт богатый материал. Прежде всего нужно отметить, что это единственная из речей в сочинениях Саллюстия, которая носит чисто декларативный характер, тогда как остальные имеют целью склонить слушателей в пользу того или иного образа действий. В центре рассуждений Мария – его собственная персона, и обличения нобилитета –

⁷ *Levene D.S.* Op. cit. P. 61.

лишь повод для самовосхваления⁸. Однако на поверку полководец проявляет некоторые из качеств, за которые критиковал знать, например *temeritas* (85.47; 94.7)⁹. Он говорит о своей *virtus* (85.4) – «мнимой», по выражению Ф. Вернера¹⁰. И действительно, у Саллюстия *virtus* Мария фигурирует лишь в суждениях окружающих (73.5; 92.2), от собственного же имени писатель её не признаёт¹¹.

И, наконец, Сулла и Бокх. Первый произносит речь перед вторым, используя штампы римской пропаганды, часть которых мы уже слышали из уст Метелла: делами человеческими правит Фортуна, которая помогает римлянам, а потому лучше им содействовать, а не сопротивляться, дружба с римлянами выгоднее вражды с ними и т.д. Но всё же это нечто большее, чем стандартный набор дипломатических фраз: Сулла готов простить мавретанскому царю его выступление против римлян, сваливая случившееся на судьбу, но в то же время заключает речь напоминанием о мощи римского народа: *bello quid valeat, tute scis!* (102. 5–11)¹².

Ответная речь царя передана в форме *oratio obliqua*. Царь говорит, что лишь защищается от римлян, ибо Марий опустошает ту часть Нумидии, откуда Бокх вытеснил Югурту и которой владеет по праву войны. К тому же сенат отказал ему в дружбе, но он готов отправить послов к Марию (102. 12–14).

Спустя какое-то время Сулла вновь прибывает к Бокху, и тот произносит перед ним большую речь (на сей раз это *oratio recta*). Он предлагает Сулле за его дружбу свои услуги, говоря, что не может уступить в щедрости кому бы то ни было и готов выполнить любое требование римлян, если оно достойно его (*dignum*). Что же до Югурты, то он не позволит ему перейти через погра-

⁸ Но лишь пока. Нельзя не согласиться, что в речи Мария проступают черты будущего кровавого «героя» гражданской войны (см.: *Vretska K.* Studien zu Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wien, 1955. S. 120).

⁹ *Brescia G.* La 'scalata' del liguro. Saggio di commento a Sallustio, *Bellum Jugurthinum* 92–94. Bari, 1997. P. 23–25.

¹⁰ *Werner V.* Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995. S. 58.

¹¹ *Короленков А.В.* Сулла в сочинениях Саллюстия // ВДИ. 2004. №3. С. 184.

¹² *Vretska K.* Op. cit. S. 78.

ничную реку и не будет мешать римлянам воевать с ним (гл. 110).

В ответ Сулла (вновь в форме *oratio obliqua*) формулирует требования к последнему, обещавшему быть лояльным по отношению римлянам: царь уже побеждён в бою, а потому римляне не обязаны быть ему благодарны за его обещания, но если он совершит нечто, что выгодно римлянам, а именно выдаст Югурту, то заслужит дружбу и союз с ними и получит часть Нумидии, на которую претендует (111.1).

Как видим, в обоих случаях с помощью *oratio gesta* передаются по преимуществу риторические рассуждения, более же конкретные высказывания – в форме *oratio obliqua*. Правда, для характеристики персонажей скорее имеют значение как раз именно их лицемерные речи, которые подчёркивают их соответствующие качества¹³ – соперники в этом смысле стоят друг друга¹⁴. Что же касается деловых реплик, то они, в сущности, даже не влияют на действие, ибо о причинах того, почему поминутно меняющий свои решения Бокх всё же решил выдать Югурту, Саллюстий так и не пишет¹⁵.

Каков же итог? Мы видим, что персонажи, чьи характеры представлены в более положительном свете, т.е. Югурта и Метелл, не произносят речей от первого лица (исключение – единственная фраза царя о продажном Риме), а их душевные качества обрисовываются либо их действиями, либо *oratio obliqua*. Иная ситуация с Марием, Суллою и Бокхом, в характеристике которых прямая речь играет весьма важную роль. Напрашивается вывод, что Саллюстий таким образом демонстрирует своё отношение к моральному облику персонажей *Bellum Iugurthinum*. Но не будем торопиться с выводами. Мне бы хотелось обозначить проблему, а решения могут быть и иными.

¹³ См.: 88. 6 (Бокх); 95. 3–4 (Сулла).

¹⁴ *Martin P. M. L'étique de la conquête: un enjeu dans le débat entre optimates et populares // Il pensiero sulla guerra nel mondo antico. Milano, 2001. P. 168–169.*

¹⁵ *Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zürich; New York, 2001. S. 120.*

П. А. Кочаров

О МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, ОТРАЖЕННЫХ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ НЕБА И ЗЕМЛИ

1. **djéus* vs. **dʰéǵʰōm*

В качестве общих обозначений неба и земли в индоевропейском выступали лексемы **djéus* ‘небо’ и **dʰéǵʰōm* ‘земля’.

Обозначение неба представляет собой отглагольное существительное на *-u-* от и.-е. **deǵ(h₂)-* ‘сиять’, и его можно, таким образом, этимологизировать как ‘сияющее’ (LIV: 91–92). В значении ‘небо’ эта основа засвидетельствована непосредственно только в др.-инд. *dyauh*, однако употребление в формульном обозначении божества неба **djéu-ph₂tér-* ‘Отец-Небо’ (др.-инд. *dyuás pitā*, др.-гр. - , Ø *BVJ, D*, умбр. *Iupater*, лат. *Iuppiter*) говорит о его индоевропейской древности. И.-е. **dʰéǵʰōm* сохранилось в качестве базового обозначения земли во многих индоевропейских языках, ср. вед. *kṣām-*, мл.-ав. *ziā, zim-*, др.-гр. *χθών*, лит. *žėmė*, лтш. *zeme*, др.-прусск. *semme*, ст.-сл. *ЗЕМЛЯ*, алб. *dhe*, хетт. *tegan-*, тох. А *tkam*, тох. В *keṃ*. ‘земля’, фриг. . . : , *8T*, фрак. *Eǵ X80* ‘Мать-Земля’ (детали формальной стороны реконструкции см.: Kretschmer 1932; Schindler 1977). При том, что значение ‘земля’ для **dʰéǵʰōm* несомненно, дальнейший этимологический анализ самого индоевропейского слова ставит много проблем. Морфологическая структура слова указывает на голокинетическую основу, образованную от глагольного корня **dʰéǵʰ-*. Помимо обозначения земли этот корень может быть отражен в слове **dʰéǵʰuh₂* ‘рыба’ (др.-гр. *ῥέτις* лит. *žūvis*, арм. *jukn*), но с уверенностью восстановить его значение едва ли возможно. Характер гуттурального не позволяет прямо сопоставить рассматриваемый корень с **dʰéǵʰuh-* ‘жечь’ (LIV: 115–116). В отдельных ветвях праязыка известны случаи изменения гуттурального, протекающие вне известных звуковых законов, так, например, мы встречаем обобщение корня **dʰéǵʰuh-* в индоиранском в форме **dǵʰā-*, ср. вед. *kṣāmá-* ‘жженный’, ав. **jāma-* ‘черный’ (LIV: 116, прим. 6). Поэтому можно было бы думать о сопоставлении этого корня с корнем, лежащим в основе **dʰéǵʰōm*. С точки зрения семантики вполне допустимо предположить эво-

люцию значения, с одной стороны ‘жечь’ → ‘жженная’ → ‘черная’ (по модели ав. **jāma*) или ‘сухая’ → ‘земля’ (по модели лат. *terra*, см. ниже), а с другой, ‘жечь’ → ‘искрящаяся’ → ‘рыба’. При этом обозначение земли как ‘черной’ выглядит особенно правдоподобно в рамках противопоставления ‘сияющему’ небу.

Восстанавливаемое словосочетание **dhéghōm meh₂tēr* ‘Мать Земля’ (лтш. *Zemes Māte*, вед. *pṛthivī mātā, bhūmi mātā* ‘Мать-Земля’, др.-англ. *folde, fora mōdar* ‘земля, мать людей’, *Erce, eorþan mōdor* ‘Земля, мать земли’ существовало, по всей видимости, в рамках мифологического мотива о божественной паре прародителей, Небе и Земле.

2. Высокое небо – широкая земля

В древнегреческих и древнеиндийских источниках сохранились следы противопоставления «широкой» земли «высокому» небу.

Ф. Шпехт (Specht 1939: 199–200) привлекает материал Риг-веды: *varṣmāṇān divāh* ‘высокое небо’ наряду с *varimāṇān pṛthivyāh* ‘широкая земля’ (RV 6.74.4), где эпитет неба, *varṣman-*, восходит к и.-е. **uérsmn* ‘высота’ (ср. **ursós* ‘верх’, лит. *viršùs*, лтш. *virsus*, ст.-сл. *врѣхъ* ‘верх’), от которого образовано также и др.-гр. *οὐρανός* ‘небо’ из **uorsmnós*, см. детали этимологии, впервые предложенной В. Шульце (Specht 1939: 199–200), в статье М. Янды (Janda 2004). Могло ли **uérsmn* самостоятельно выступать в индоевропейском в качестве обозначения неба, или следует восстанавливать вслед за М. Яндой синтагму **uérsmn diuélós* ‘небесная высь’, остается неясным.

Эпитет земли, *variman-*, восходит к и.-е. **uérH-mn* ‘ширина’ (ср. **uérH-os* ‘ширина’, др.-инд. *váras-*, др.-гр. *πλάτος* ‘ширина’). При этом рефлексy однокоренного прилагательного **uérH-u* / **urH-éu-* (др.-инд. *urí-*, ав. *vouru-*, оссет. *urux*, др.-гр. *ὕδωρ* ‘широкий’) регулярно выступают в качестве эпитета земли в ведийском, *kṣám urvím*, и древнегреческом *ὕδωρ, ἄρ’ P2f* <. Сходство приведенных синтагм даже дает основания предположить для индоевропейского существование устойчивого словосочетания **urHús dhéghōm* ‘широкая земля’. Субстантивацию эпитета ‘широкая’ в качестве обозначения земли мы встречаем в ведийском

urví- от *urí-*, а также *pṛthiví-* от *pṛthú-* ‘широкий’ и *mahí-*, ж.р. от *mahā-* ‘большой, широкий’.

3. Твердь и земля: небесный свод и его опора

В ряде индоевропейских языков обозначения неба восходят к и.-е. **h₂ékmon*. В индоарийских языках мы находим ав. *asman-* ‘камень; небо’, др.-перс. *asman-* ‘небо’, др.-инд. *ásman-* ‘камень, скала; молот, наковальня; удар молнии; драгоценный камень (с которым сравнивается солнце); (небесный) свод’.

Древнегреческое соответствие, *ἄκμων* ‘наковальня’, у Геси-хия и Алкмана, а также в более поздних источниках сохранило следы значения ‘небо, Бог неба’.¹

Помимо этого, есть свидетельство о том, что верховное божество языческого пантеона литовцев, наряду с *Perkunas* имело имя *Akmo* (Rostowski 1768: 118 – «*Jupiter ille fulminis, vulgo Perkunas... alibi Akmo*»).

Рефлексы и.-е. **h₂ékmon* в других языках передают значение ‘камень’ (ср. лит. *akmuõ*, ст.-сл. *камы*). Это обстоятельство, наряду с полисемией авестийского слова, дает основание считать исходным именно значение ‘камень’, тем более, что морфологическая структура **h₂ékmon* указывает на лежащий в его основе глагольный корень **h₂ék-* ‘быть острым’ (LIV: 232–233). Семантическое же развитие ‘камень’ > ‘небо’ (и далее ‘божество неба’) объяснимо в рамках представления о небе как о каменном своде.

Представления о каменном небосводе хорошо соотносятся с обозначениями земли, этимологизируемыми как ‘та, что несет, поддерживает; опора’ и представленными др.-ирл. *talam* и лат. *tellūs*.

Др.-ирл. *talam* восходит к кельтской праформе **talamon-* из и.-е. **telh₂mōn* (Vendryes 1981: T-23). Связь лат. *tellūs* с др.-ирл.

¹ Неожиданное свидетельство значения ‘небо’ содержится в анализе К. Бэкуиза (Beckwith 1998) фрагмента Илиады (II. 15, 19), повествующем о том, как Зевс подвесил Геру в небе, привязав ей к ногам две наковальни (-Ḷ: @“H. *bT). К. Бэкуиз предлагает видеть в гомеровском обороте ре-интерпретацию архаичной формы двойственного числа *–Ḷ: @g которая в данном контексте означала ‘небо и земля’. Поэтическая фигура употребления двойственного числа для обозначения парных понятий, в частности, неба и земли, засвидетельствована, например, в ведийском, ср. *pṛthivī* ‘небо и земля’.

talam неоднократно подвергалась сомнению из-за геминированного *-ll-* и долгого *ī* латинского слова. Здесь мы опираемся на этимологию М. Петерса (насколько нам известно, еще не опубликованную), согласно которой латинское слово восходит к и.-е. **telh₂-mn-u-h₂*, где сначала по закону Гернота Шмидта в последовательности трех консонантов выпал ларингал, затем упростилась группа **-mn-* (ср. др.-инд. *ásnaḥ* < **ásmnaḥ*, род. пад., ед. ч. от *ásman*) и произошла прогрессивная ассимиляция в группе **-ln-*. Интерпретация **telh₂-mn-u-h₂* как 'то, что относится к земле' (где *-h₂* суффикс принадлежности или женского рода), от **telh₂-mn-u-* 'относящийся к земле', указывает на и.-е. основу **telh₂mn-* со значением 'земля'. Учитывая семантику древнегреческих рефлексов той же индоевропейской основы, *τελαμών* 'ремень, пояс' < **telh₂-mōn* 'то, что поддерживает, несет (одежду)' и *τλήμων* (дор. *τλάμων*) 'выносливый' < **tlh₂-mōn* 'тот, кто переносит (тяжесть обстоятельств)', можно допустить следующее семантическое развитие: 'та, что поддерживает, несет (небосвод)' > 'земля'. Здесь уместно вспомнить, что др.-гр. *Ἰ! Ἰ8" Η* исходно – название горы Киллен в Аркадии (DELG: 134), этимологизируется как **sm₁-tlh₂-nt-* 'со-поддерживающий (небосвод)' с тем же глагольным корнем **telh₂-* 'поднимать' (LIV: 622), что и в **telh₂-mōn*.

4. Влажное небо – сухая земля

Сопоставление др.-инд. *nábhas-* 'облако, туман', ав. *nabah-* 'небо', др.-гр. *νέφος*, лит. *debesis* 'облако', лтш. *debesis* 'облако', *debess*, ст.-сл. **НЕБО**, хетт. *nepiš* 'небо' позволяет реконструировать и.-е. **neb^hes-/*neb^hos*. Интерпретация значения этой формы спорна.

Э. Бенвенист (Benveniste 1935: 12) основываясь на семантике хеттского, старо-славянского и авестийского слов (сюда же можно отнести фрак. **nebelā* 'небо' (Specht 1948: 115), и др.-ирл. *net* (Benveniste 1931: 84)) восстанавливает индоевропейское значение '(облачное) небо', противопоставленное значению '(каменный) небосвод', употреблявшемуся в отношении ясного неба.

Согласно другой точке зрения исходным было значение 'облако' (Szemerényi 1964: 241–243; EWA II: 13). На это же указывают и другие дериваты от этой основы: **neb^h-elā* (ср. др.-гр. *νεφέλη*, лат. *nebula*, д.-в.-н. *nebul* 'облако', но фрак. **nebelā* 'не-

бо'), **nb^h-ro-* 'туча' > **mb^h-ro-* (скр. *abhra* 'облако, дождливая погода', ав. *afra* 'облако, дождь', лат. *imber* 'ливень', арм. *amb* 'облако'), **nb^h-lo-* (ср. алб. *avull* 'облако').

Именное образование от глагольного корня **neb^h-* 'становиться влажным' (LIV: 448) с предполагаемым значением 'влажность' могло характеризовать в равной степени и облако, и небо, посылающее дождь.

Представления об облачном небе или небе, посылающем дождь, хорошо дополняются обозначениями земли как «сухой», которые обнаруживаются в лат. лат. *terra* и алб. *tokë*.

Этимология лат. *terra*, оск. *teer[um]*, *terum* 'территория, принадлежащая храму' (от и.-е. **ters-o-*), *teras* 'земли', др.-ирл. *tír* 'земля, почва' достаточно прозрачна: слово восходит к и.-е. **ters-ā* 'земля' от и.-е. **ters-* 'быть сухим, испытывать жажду' (LIV: 579–580).

Что касается алб. *tokë*, то его, вероятно, следует рассматривать как синкопированный вариант *trokë* 'почва, земля', ср. *ter* 'сушить', *téré* 'суша', тоск. *trúall*, гегск. *trúell* 'почва' (см. Demiraj 1997: 384).

Обобщая рассмотренный материал можно выделить следующие типы обозначений неба и земли, сложившиеся в индоевропейских языках:

- а) мифологическая метафора:
Небо-Отец – Земля-Мать;
- б) пространственная метафора:
каменный небосвод – опора, несущая поверхность;
- в) эпитеты, указывающие на признаки, доступные восприятию:
сияющее (небо) – черная (земля),
высокое (небо) – широкая (земля),
влажное/облачное (небо) – сухая (земля).

ЛИТЕРАТУРА:

- Beckwith 1998 – Beckwith M. C. The 'Hanging of Hera' and the meaning of Greek -i : T < // HSCP, 98 : 91–102.
Benveniste 1931 – Benveniste E. Trois étymologies latines // BSL, 32: 68–85.
Benveniste 1935 – Benveniste E. Origines de la formation des noms indoeuropéens. Paris, 1935.
Demiraj 1997 – Demiraj B. Albanische Etymologien. Amsterdam, 1997.

- EWA = *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoeuropäischen. Erster Teil: Ältere Sprache. 2 Bde. Heidelberg, 1992-1996.
- Janda 2004 – *Janda M.* Von blauen Himmel Griechenlands: Οὐρανός // *Per aspera ad asteriscos*, *Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV / Adam Hyllested (et al.) eds.* Innsbruck, 2004: 235–245.
- Kretschmer 1932 – *Kretschmer P.* O2f < // *Glotta*, 20: 65–67.
- LIV = *Lexikon der indogermanischen Verben.* Ed. H. Rix et al. Wiesbaden 1998.
- Rostowski 1768 – *Rostowski S.* *Lithuanicarum societatis Jesu Historarum.* Vilnae, 1768.
- Schindler 1977 – *Schindler J.* A thorny problem // *Die Sprache*, 23.
- Specht 1939 – *Specht F.* Griechische Miszellen // *KZ*, 66: 199–200.
- Specht 1948 – *Specht F.* Der indogermanische Himmelsgott im Baltisch-Slavischen // *KZ*, 69: 115–123.
- Szemerényi 1964 – *Szemerényi O.* *Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent.* Naples, 1964.
- Vendryes 1981 – *Vendryes J.* *Lexique étymologique de l'irlandais ancien.* Dublin, 1981.

А. Е. Кузнецов

«ЛИРИКА» И «МЕТРИКА» ЦЕЗИЯ БАССА

Сохранившиеся фрагменты лирики Цезия Басса (или то, что считается таковыми), происходят из двух неравных источников.

Присциан — единственный автор, который цитирует поэта, указывая и на автора, и на источник цитаты:

Bassus in II *Lyricōrum*
 Calliopē princeps sapientī psallerat ōre
 (II 527, 16 GLK = Fr 1¹)

— эта строка и будет предметом настоящей работы.

Все остальные фрагменты (2–10) происходят из учебника метрики, который назывался «*Liber dē metrīs*» и был известен под именем Цезия Басса, возможно, уже с конца II века². От этой книги до нас дошел объемный отрывок, содержащий в качестве иллюстраций стихи, некоторые из которых представляются придуманными автором учебника. Поскольку большая часть «*Libri dē metrīs*» утрачена, то можно ожидать, что часть примеров из этой, очень авторитетной на закате античности, книги сохранилась у грамматиков. Действительно, у Диомеда находим пример молосса (*metrum molossicum*), который “дает Цезий Басс” (I 513, 15 GLK = Fr. 10). Что касается анонимных примеров, то они многочисленны, однако вопрос об их атрибуции едва ли может быть разрешен³. Проблема в том, что существующий текст

¹ Стандартный текст: FPL³ = *Fragmenta Poetarum Latinorum Epicorum et Lyricorum praeter Ennium et Lucilium.* Post W. Morel [ed. 1^a anni 1927] novis curis adhibitis edidit Carolus Buechner [ed. 2^a anni 1982]. Editionem tertiam curavit Jürgen BLÄNSDORF. *Stuttgartiae et Lipsiae*, 1995, p. 316; библиография: Fabio CUPAIUOLO. *Bibliografia della metrica Latina.* Napoli, 1995, p. 77.

² «*Liber dē metrīs*» был известен Теренциану Мавру, которого датируют от середины II до начала IV в.: *Terentiani Mauri De Litteris, De Syllabis, De Metris a cura di Chiara CIGNOLO.* Hildesheim: Olms, 2002, I, p. xxv.

³ Стихи, придуманные *metri causā*, не могут принадлежать исключительно Бассу; поэтому сомнительна гипотеза Лео [Friedrich LEO. *Die beiden metrischen Systeme des Alterthums // Hermes*, 24, 1889, S. 294], который полагал, что *nōn ignōbilis poēta*, упомянутый Квинтилианом как автор *versūs reciproci* (Inst. IX 4, 90; FPL³ p. 463), может быть отождествлен с Бассом.

«Librī dē metrīs» не принадлежит Цезию Бассу: он представляет собой позднейшую переработку какого-то раннего первоисточника, о котором мы не знаем ничего⁴. Прямых свидетельств о том, что поэт Басс писал теоретические или дидактические труды по метрике не существует. У Руфина (VI 555, 22 GLK) цитируется Bass[i]us ad Nerōnem, однако это указывает только на то, что грамматик отождествляли автора метрики с поэтом эпохи Нерона, хорошо известным хотя бы по схолиям к Персию: ни посвящение ad Nerōnem, ни содержание цитаты не могут восходить к I веку⁵.

В истории метрики «Liber dē metrīs» известен как, вероятно, основной источник для *деривационных* построения римских грамматиков.

Все фрагменты, происходящие из этого метрического компендия, изданы под рубрикой *Incertae sēdis*.

Происхождение и надежность Fr. 1. Присциан излагает правила образования перфекта глаголов на -lō: стихи Басса дают пример перфектной формы от psallō. Грамматик имел в своем распоряжении список глаголов, образующих перфект по модели vellō – vellī, с примерами из стихов и прозы. Как в этот список попал Цезий Басс? Присциан охотно использовал писателей ранней Империи. Десятки примеров из Лукана, Стация, Ювенала, Персия составляют разительный контраст с сочинениями других грамматиков, которые этими авторами пренебрегают. Раздел о глаголах на -lō не представляет исключения: его иллюстративную часть составляют вместе с выписками из Вергилия и республиканских авторов несколько стихов из Стация и Лукана. Цезий Басс кажется здесь на своем месте. Однако необычным

⁴ Вот суждение Кейля по этому вопросу: ... ea quae nunc legimus a grammatico quodam inferioris aetatis e Caesii libro collecta, non ab ipso nobilissimo artis metricae auctore scripta esse credantur [GLK VI p. 250]. Текст, который принято цитировать под именем Pseudo-Bassus, имеет ложный рукописный титул ATILII FORTUNATIANI ARS, был издан Кейлем под названием «Caesii Bassi fragmentum de metris» (VI 255–272),

⁵ Это относится, прежде всего, к представлению о том, что ямб отличается от дактиля ритмическим ударением (percussio), цитата Руфина представляет собой ухудшенный вариант аналогичного места из Юбы (III 420 GLK).

для Присциана является то, что эта цитата — единственная и более нигде Присциан не цитирует и не упоминает Цезия Басса. Поэтов Империи Присциан изучал по первоисточникам, чем объясняется и то, что цитат из них очень много, и то, что в репертуар цитируемых авторов входят полностью сохранившиеся тексты. Очевидно, что знакомство грамматика с произведением Басса было иным: его стихи взяты Присцианом из вторых рук, из какого-то каталога редких слов, куда цитата из Басса могла попасть только благодаря исключительной редкости перфектных образований от psallō⁶. С большой вероятностью мы можем заключить, что цитата из Басса получила статус грамматического примера задолго до Присциана и вне какой-либо связи с метрическими вопросами. Сам Присциан не видел первоисточника, поэтому название «Lugica» можно принять только bona fide, — однако грамматик редко ошибаются в заглавиях. Надежность цифры 'II' ничем не может быть подтверждена (ясно только, что книг в сборнике Басса было больше, чем одна).

Текст передан в рукописях в двух вариантах. Textus receptus, приведенный выше, дает строку в форме *правильного* гекзаметра. Это (как можно судить по аппарату Герца) чтение группы рукописей **RB ceterique**, которые, как полагал издатель, непосредственно восходят к архетипу VI в. Другая группа **GLK** происходит из того же архетипа, но через посредничество промежуточной островной редакции. Эти рукописи дают *плохой* гекзаметр (бесцезурный стих с диерезой после третьего метра):

Calliorē sapientī princeps psallerat bre

Превосходство **RB** не является абсолютным. Эти рукописи и даже их согласие иногда дают худшее чтение, в некоторых случаях это ошибки, в некоторых — неудачная правка (II 444, 18, 474, 5, 476, 4).

illa stacta] illa est acta **RBG** illa acta **LK** II 444, 18

Musa mihi causas] causa mihi **B** II 449, 24

⁶ Обсуждаемое место, видимо, единственное [Neue³ III, 418]. Не следует думать, что Басс был замечен грамматиками (II в. ?) непременно как языковой авторитет. Он мог быть примером не вполне удачных новшеств или вульгаризмов, — как Авл Геллий цитирует Левия или Сенеку. В связи с лирическими примерами Присциана интересно заметить, что его раздел о глагольной флексии (II p. 484–560 GLK) дает три фрагмента из четырех «Egōtoraegniōn» Левия.

sed valvae] sualde **K** ual*de **L** ualde **RBG** (из ualbe?) II 474, 5
 Sulla in] syllaba (!) **RB** — sylla, silla **GLK** II 476, 4
 Laevius] Livius **RB** Levius **GLK** II 484, 14
 quid ais] agis **RB** II 484, 19 (из /ad^zis/ ?)

Есть примеры, когда группы рукописей разделяются в выборе древнего различия

flagrantia mella **GLK** flagrantia **ceteri**

И в нашем случае реконструкция для архетипа, чтения, тождественного **RB**, представляется далеко не очевидной. В этом случае вариант **GLK** оказывается необъяснимой порчей текста: перестановки слов в стихах не являются чем-то необычным, однако трудно указать примеры, когда перестановка нарушала бы столь резко привычный ритм, ср. 'Musa causa mihi', где все же сохраняется нормальная схема словоделения.

Другая трудность связана с заглавием первоисточника. Если «Lugica» правильно, то неясно, как в этот сборник мог войти дактилический гекзаметр⁷.

Метрика. Сомнительность текста и проблемность заглавия могут быть сняты одним предположением: *текст островной редакции правильный*. Два рукописных варианта представляют не два гекзаметра, ритмически корректный и некорректный, а стихи, которые вовсе не являются гекзаметром (чтение **GLK**), и, с другой стороны, их банальное исправление по ритмическому стереотипу гекзаметра (**ceteri**).

Текст **GLK** разлагается на два метрически тождественных стиха, *каталектических дактилических триметра*:

Calliopē sapientī
 princeps psallerat dōre

Метрическая природа этого искусственного размера будет понятна из *теории деривации*, которой придерживались многие римские грамматика.

Эта теория все размеры объясняла через соединение и модификации сегментов двух основных размеров, ямбического триметра и дактилического гекзаметра.

Важность дактилических триметров в этой системе видна из того, что они позволяют описывать лирические размеры, которые в современной метрике принято называть *эолийскими*, как

⁷ С натяжкой гекзаметр можно объяснить только как часть эпода.

сегменты гекзаметра, при условии, что эти размеры взяты в их горациевой форме, с обязательным спондеем на месте эолийской базы.

Согласно Афтонию (VI 74 GLK) гекзаметр делится на несколько видов начальных (initialēs) и конечных (finalēs) колонов. Trimetrus initialis (по метрической номенклатуре *акаталектический*) совпадает с тем, что Афтоний, как и современные метрики, называют *гликонием*:

	sīc tē	dīva po-	-tēns Cypri
--	--------	----------	-------------

Этот 'триметр' делится на дактилические метры таким же образом, как

	I	II	III
	nimbōr ^{um}	in patri-	-am loca

Trimetrus finalis (*каталектический*) совпадает с *ферекратием*:

	grātō	Pyrrha sub	antrō
	IV	V	VI
Albānīque patrēs atque	altae	moenia	Rōmae

У Цезия Басса

	princeps	psallerat	dōre
--	----------	-----------	------

Сакердот (VI 515 GLK) предлагает более разветвленную терминологию. Под названием hēmidxium он описывает, полный триметр, в котором допустимы все комбинации дактилей и спондеев. Пример — чистый дактилический:

et Chāos et Phlegetōn loca⁸

Ферекратий и гликоний по утверждению Сакердота имеют только строгую эолийскую (горациеву) форму⁹.

Таким образом, схема 'Calliopē sapientī' не описана известными источниками. Однако триметр с первым дактилем вполне соответствует логике деривационной теории.

⁸ Как сообщает Сакердот, этот размер имеет все *восемь* возможных вариантов, включая, следовательно, и схему 'Calliopē sapientī', все же, скорее, эти восемь вариантов — схоластический формализм. В действительности дактиль и спондей не могут чередоваться в исходе стиха.

⁹ Здесь Сакердот упоминает метриков, которым была известна эолийская база, то есть правило по которому первый 'метр' этих размеров может быть заполнен любой двусложной комбинацией. Но этих ученых Сакердот неодобрительно характеризует quidam nōn bene cūgiōsi (VI 515b 13 GLK).

В классическом гекзаметре словораздел после третьего метра не представляет большой редкости. Конечно, этот словораздел не является колометрическим и сочетается с правильной цезурой. Спондей в четвертом метре при этом преобладает, но возможен и дактиль, что дает схему первой строки фрагмента Басса:

I–III	IV	V	VI
nimbōr ^{um} in patriam loca	fēta fu-	-rentibus	Austrīs
	Callio-	-pē sapi-	-entī

Поставив чистую дактилическую форму триметра рядом с ферекратием, Цезий Басс наглядно показал деривационный принцип — происхождение эолийских размеров из дактилического гекзаметра.

«Lyrica» versus «Liber dē metrīs». Предложенная метрическая реконструкция может пролить некоторый свет на происхождение «Liber dē metrīs». Случайно сохранившийся Присцианом отрывок

1) оказывается лирическим в строгом (метрическом) смысле,
2) представляет собой метрический эксперимент, сделанный по предписаниям деривационной теории.

Это позволяет думать, что написанные редкими размерами стихи, известные из метрического учебника, попали туда из лирического сборника Цезия Басса.

Эта гипотеза работает против того, что поэт был автором «Librī dē metrīs» в первоначальной форме. Полный текст «Lyricogum» был утерян, по всей вероятности, задолго до появления известных нам метрических пособий, — об этом говорит молчание грамматиков, которые хорошо знакомы с 'Бассом' как с метрическим авторитетом. В этих условиях многочисленные примеры из лирики Басса уже не отождествлялись с первоисточником. Имя поэта было со временем привязано к учебнику, который был иллюстрирован в значительной степени цитатами из его экспериментальных стихов. Мы могли бы предположить даже, что субстратом «Librī dē metrīs» был относительно ранний метрический комментарий к сборнику «Lyrica» нашего поэта.

М. В. Ленчиненко, А. И. Любжин

ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ ЦИЦЕРОНА В БИБЛИОТЕКЕ М. Н. МУРАВЬЕВА

Муз русских меценат пред тронем Росска Тита;
В творениях его душа его открыта¹.

Н. Ф. Грамматин.

В комплексе книг Михаила Никитича и Никиты Михайловича Муравьевых, подаренных в библиотеку МГУ вдовой М. Н. Екатериной Федоровной Муравьевой после смерти сына († 1843 г.), есть чрезвычайно любопытное лионское издание философских трактатов Цицерона² с многочисленными пометами и записями на полях. Эти тексты, над которыми сейчас работают сотрудники ОРКиР НБ МГУ, вносят существенные дополнения в наши представления о творчестве М. Н. Муравьева как переводчика-новатора и придают книге в целом характер рукописи. Наши заметки имеют целью представить эту чрезвычайно важную находку научному сообществу; работа над ней пока еще далека от завершения.

Чернильные пометы на полях (не считая многочисленных подчеркиваний) можно разделить на две большие группы: иноязычные прозаические реплики самого разного характера — от структурных маркеров до филологических конъектур, критических и жизненно-философских суждений — и стихотворные пе-

¹ Украинский вестник на 1818й год, издаваемый Евграфом Филомафитским и Разумником Гонорским. Ч. 11. Месяц июль. Харьков: В Университетской типографии, 1818. С. 104.

² М. Т. Сис. De Philosophia Pars prima, id est, Academicarum quaestionum editionis primae liber secundus: editionis secundae liber primus. De finibus bonorum et malorum Lib. V. Tusculanarum quaestionum Lib. V. Ex castigatione Ioannis Boulierii. Lugduni, Apud Antonium Vincentium. 1562. Cum Priuilegio Regis. М. Т. Сис. De Philosophia Pars secunda, id est, De Natura Deorum Lib. III. De Diuinatione Lib. II. De Fato Lib. I. De Legibus Lib. III. De Vniuersitate Lib. I. Q. Ciceronis de Petitione consulatus ad Marcum fratrem Lib. I. Ex castigatione Ioannis Boulierii. Lugduni, Apud Antonium Vincentium. 1562. Cum Priuilegio Regis. Конволют в белом кожаном переплете с тиснением. На титульном листе владельческая надпись: Michael Murawieff sergenteant aux Gardes de Sa Majesté Imperiale de toutes les Russies, du regiment Ismailowsky. Шифр 1 La 209; инв. № 381.

реводы поэтических фрагментов, включенных в два трактата из содержащихся в книге — громадное большинство из Тускулан (где переведены едва ли не все фрагменты); из трактата *De natura deorum* переведены замечательная эпиграмма Катула на Росция (I, 79) и несколько отдельных строк; из *De divinatione* — несколько отдельных строк. Кроме того, есть несколько стихотворных переложений на французском и немецком языках; судя по тому, что там, где Муравьев цитирует (ср. французское переложение фрагмента из Солона у Амио³, перевод Опица той же эпиграммы Катула (II, с. 35), афоризм Монтеня (I, 305) и др.), он приводит имя автора, можно предположить, что эти переложения — тоже пробы его пера. Большая часть помет (и все русские переводы) сделана каллиграфическим почерком и легко читается; в самом их виде чувствуется отношение автору к этим переводам как к чему-то законченному и готовому в путь. Напротив, беглые записи — а их тоже немало — весьма неразборчивы.

Предпочтение, отданное Тускуланам, объясняется биографическими обстоятельствами: «Тускуланские вопросы» были взяты поэтом для перевода по заказу Собрания, старающегося о переводе иностранных книг⁴. «Дилетант» Муравьев перевод не осуществил; в XVIII в. вышла только третья книга Тускулан с прозаическими переводами латинских цитат⁵, и латинская стихотворная архаика будет еще около столетия ждать В. И. Модестова с его гептаметрами.

К латинской грамматике Муравьев относится с дворянскими вольностями. Та, которой он злоупотребляет более всего, — формы конъюнктива 3-го спряжения по модели первого. Но качество его латинского языка намного выше, нежели качество

³ Plut. Quomodo adolescens poetas audire debeat, Stephanus p. 24 г. Цитата: сс. 214–215.

⁴ В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 87. Ср. М. Н. Муравьев. Письма отцу и сестре 1777–1778 годов. Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Запалова. В кн.: Письма русских писателей XVIII века. Под ред. Г. Н. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. С. 374.

⁵ Марка Туллия Цицерона О утешении. [Перевод Ф. П. Моисеенкова]. СПб. При Императорской Академии наук, 1775. Изд. Собрания, старающегося о переводе иностранных книг.

грамматики; на фоне гибкости и сложности мыслей эти небрежности кажутся иногда необъяснимыми.

Обратимся к самим пометам. Прежде всего — переводы⁶.

Ранний этап римской драмы — отрывок из «Гектора» Невия (IV, 67, 5; *trag.* 17 WARMINGTON; с. 407 по нижнему полю):

Я радуюсь тому, всемь сердцемъ, отче мой!
Что хвальныймъ мужемъ днесъ, я похваленъ тобой.

Римская комедия представлена Цецилием Стацием и Теренцием. См., напр., IV, 68, 11–14; Caecilius 238–242 WARMINGTON; с. 408 по внешнему полю:

Не должноли почестъ того за дурачка,
Кто смѣетъ унижать вертливаго божка,
у коего в рукахъ бѣсить кого захочетъ;
рехнется всякъ съ ума, съ кѣмъ только похлопочетъ.
По волѣ ранить онъ и рану залечить,
Иль на вѣки въ число балобановъ включить. Цецилій.

III, 300, 15–26; *Ter. Phorm.* 241–246; с. 358 по внешнему полю:

Затѣмъ то надобно, намъ въ самомъ лучшемъ щастье,
Съ собою разсуждать, какъ станемъ несть ненастье,
Въ домъ ѣдучи взять въ умъ, изгнанье, вредъ, бѣду.
Не умерла ль жена, здорову ль дочь найду,
Не промотался ль сынъ: ни въ чемъ не мнилъ бы чуда,
А что не сбудется клади въ барышь покуда.

IV, 76, 4–8; *Eun.* 59–63; с. 410 по внешнему полю:

Въ любви все водится, обиды, подозрѣнья,
вражда, тамъ миръ, война и снова замиренье.
А въ вздорѣ едакомъ хотѣтъ сыскать пути,
Такъ все равно хотѣтъ въ умѣ съ ума сойти. Теренцій. Евн.

⁶ Один из этих переводов — фрагмент из «Ореста» Еврипида — содержится в тетради, хранящейся ныне в РГБ. См. об этом: Л. А. Алехина. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей. В кн.: РГБ. Записки Отдела рукописей. Т. 49. М., 1990. С. 65, перевод № 62. С. 68. Оригинал хранится в Отделе рукописей и представляет собой большой альбом, выполненный писарским почерком (НИОР РГБ, ф.18, к. 11161, ед. хр. 1).

Прекрасны переводы цicerоновских переложений Еврипида. См., напр., I, 37, 4–6; с. 283 на полях:

Се я, се я пришелъ изъ пропасти подземной,
Путемъ, гдѣ нѣтъ стезей, окомъ ночи темной.
Сквозъ бугры пещеръ, изходища пучинъ,
Гдѣ вьется адска мгла и смрадныхъ сонмъ личинъ.

Внизу страницы Муравьев пишет следующее примечание: *Nos est initium Prologi Hecubae, quae prima est, relictarum Tragoediarum Euripidi. Praefatur umbra Polydori, filii ejus a Polymnestore, cui traditus erat, crudeliter interfecti. Sonat vero hoc modo, si ad unguem reddas:*

«Venio defunctorum latebra (sic! — А. Л.) et caliginis portis
«Relicti[s] (ubi Pluto sedibus collocatus est seorsum a Diis
«Polydorus, Hecubae filius Cissei[di]s etc⁷.

Начало «Гекубы» дополняется началом «Ореста» (IV, 63, 4–6; с. 405 по нижнему полю):

Ужасныхъ толь словесъ не можно изрещи
Ни бѣдъ на насъ богамъ толь грозныхъ навлещи
Чтобъ человческа природа чрезъ терпѣнье,
Не одолѣла ихъ судьбъ освирепѣнье. Еврипидъ въ Орестѣ.

На с. 369 по внешнему полю читаем (III, 59, 11–16; «Гипси-пила», *frg. 757 NAUCK*):

Нѣтъ смертнаго къ кому бѣ печаль не прикасалась
И коего бы жизнь, болезнями не терзалась.
Не радъ отецъ, своихъ оплачетъ смерть дѣтей,
И многіе опять на светъ родятся сей.
Смерть всѣмъ скорбямъ конецъ: прахъ къ праху возвратится.
Увянетъ жизнь какъ цветъ: сей рокъ не переменится.

1774. 3. Сентяб.

Еврипидъ.

⁷ «Это начало Пролога „Гекубы“, первой из оставшихся трагедий Еврипида. Выступает тень Полидора, жестоко убитого Полиместором, которому он был отдан. Если воспроизвести точно, звучит это так: „Я прихожу, покойных убежища и мрака врата оставив, (где Плутон размещен во дворце отдельно от богов, Полидор, сын Гекубы, дочери Киссея и т. д.“». По-видимому, Муравьев поменял конструкцию на ходу, начав переводить действительно дословно, а потом ввел *ablativus absolutus*, не вернувшись к началу.

III, 29, 5–10; *frg. 964 NAUCK*; с. 356 по внешнему полю:

Какъ мудрый мужъ мнѣ рекъ, украсень сѣдиною,
О будущихъ бѣдахъ бесѣдоваль съ собою,
иль горку смерть мечталъ иль объ изгнаныи мнилъ.
Иль мысль на сонмъ другихъ несчастій я клонилъ,
Что ежели бѣ въ бѣды судьба мя погрузила,
Но скорбь души моей мгновенно бѣ не сразила.

Евр: [Еврипид]

Немногочисленны, но есть переводы из Энния.

Вот отрывок из «Андромахи» (I, 85, 10–11; 89–90 JOCELYN; с. 302 по внешнему полю):

Средь пышности своихъ сокровищъ драгоцѣнныхъ;
Въ чертогахъ и рѣзбой и златомъ украшенныхъ.

На с. 371 по нижнему полю перевод отрывка из «Медее» (III, 63, 19–20; 222–223 JOCELYN; 3, 63):

Меня моя влечетъ повѣдати охота,
И небу и земли Медеины бѣды. Энній.

Вот из той же трагедии (IV, 69, 5; 224 JOCELYN; с. 408, реплику Язона Муравьев вкладывает в уста Медее):

Не съ тѣмъ меня ты чтить, что честь тебѣ дала,
Затѣмъ что и тебя любовь равно зажгла.

III, 28, 11–16; «Теламон», *trag. 319–322 WARMINGTON*; с. 356 по нижнему полю:

Я зналъ что онъ умретъ, когда родиль его
И зная воспиталь я сына моего,
Когда жъ его послалъ, ко Грекамъ я подъ Трою
Я зналъ что шлю его, не въ пирь а къ смертну бою.

Блестящего перевода удостоена знаменитая эпитафия Энния (I, 34, 3–4; *varia VANLEN 1928, 15*; с. 282 по нижнему полю):

На Еннѣева видъ воззрите вы чела,
Что вашихъ пѣль отцевъ, великія дѣла.

Муравьев (т. II, с. 241) экспериментирует с двусмысленным оракулом Пирру (*div. II, 116, 7; Enn. Ann. 167 SKUTSCH*), придавая ему совершенно другой грамматический вид:

Узреть тебя страна Пирръ Римска побѣждена.

Наконец, приведем уже упомянутую эпиграмму Кв. Лутация Катула (*frg.* 2 MOREL; *Nat. deor.* 1, 79; т. II, с. 34 внизу):

Намнясь я утром зрѣль всходящую Аврору
Какъ Росцій моему предсталъ внезапно взору,
Позвольте, боги! мнѣ чтобъ и сіе изрекъ,
Прекраснѣй зрился мнѣ, богини человѣкъ.

Гомер в двойном переложении выглядит так (III, 18, 14–15; II. IX, 648, 647; с. 352 по нижнему полю):

Тревожну ярость духъ и сердце ощущаетъ
Какъ вспомню, что моихъ дѣль славу похищаетъ.

III, 63, 11–12; II. VI, 201–202; с. 370 по нижнему полю:

Сей (Bellerophon) странствовалъ въ поляхъ Алейскихъ пре-
бывая,

Снѣдая самъ себя и смертныхъ убѣгая.

Вот перевод Цицероновской версии Солона (I, 117, 12–13; Solon *frg.* 27 GENTILI-PRATO; с. 316 по нижнему полю):

Да не лишуся слезъ, когда я опочину,
Почтите плачемъ вы друзья! мою кончину,
Возбодлезнуйте и въ скорбной тишинѣ
Съ стенаньемъ искреннимъ, свершите тризну мнѣ.

Солонь.

В одном случае Муравьев выражает недовольство собственным переводом. Так, на с. 309 по нижнему полю он дает свою версию Цицероновского переложения знаменитой эпиграфии Симионида (I, 101, 6–7):

Скажи, о! странникъ то, что зрѣль ты насъ лежащихъ
Для отвращенья бѣдъ Елладу обдержажихъ.

Далее он добавляет другими чернилами и беглымъ почерком: «Етотъ переводъ совершенно не вѣренъ. Иное перевести древнею и добрую эпиграфию, другое написать двѣ строки съ рифмами».

Теперь приведем несколько примеров собственных помет. Пока нам не удалось расшифровать их до конца; никакие радикальные выводы сейчас не были бы уместны. Вот образчик конъектуры: на с. 367, на полях напротив *Tusc.* 3, 54, 10–14:

«*uulneribus mederetur, sed cicatricibus: *sensim enim & pedetentim progrediens extenuatur dolor*⁸: non quo ipsa res immutari soleat aut possit, sed id, quod ratio debuerat, *usus docet, minora esse ea quae sint uisa maiora*» мы видим примечание: «* **non** credo hic amissum esse». Мысль, надо признаться, сколь лежащая на поверхности, столь же и рациональная.

Иногда Муравьев высказывает в примечаниях выводы своего жизненного опыта и размышлений: на с. 366. напротив 3, 52–53: *primum quod, quanta sint quae accidunt, considerandi spatium non datur: deinde cum uidetur praecaveri potuisse, si prouisum esset, quasi culpa contractum malum aegritudinem acriorem facit. quod ita esse dies declarat: quae procedens ita mitigat, ut isdem malis manentibus non modo leniatur aegritudo, sed in plerisque tollatur*⁹ на полях: «Нос experientia mea scio: nocte quadam aegris agitabar animae contumeliis, curisque maximis, ita ut in lectulo totam noctem apertis oculis peregi at cum nocte evanescente dies illuxit, curae cruciatusque effluxere omnes manente causa afflictionis ita ut postea tempore non longinquo, aerumnae maximae spe adlevatae, uti somnium surgentis e memoria deletae videbantur»¹⁰. На с. 331 Муравьев бросает ироничное замечание напротив пассажа о спартавском воспитании (*Tusc.* II, 34: *itemque Lycurgi laboribus*

⁸ Курсивом в цитатах мы выделяем подчеркнутое у Муравьева одной чертой; жирным курсивом — двумя.

⁹ «Во-первых, потому что нет времени рассмотреть, насколько серьезно случившееся; затем, когда кажется, что можно было бы принять меры предосторожности, если б предусмотреть заранее, несчастье, как бы усиленное небрежностью, делает боль сильнее. То, что это так, показывает время: оно идет вперед и умеряет [боль] так, что, хотя несчастья никуда не деваются, она не только ослабевает, но обычно и вовсе уходит». Мы переводим *dies* в согласии с Форчеллини, ссылающимся именно на это место, *Lexicon totius Latinitatis, ab Aegidio Forcellini... Secunda impressio anastatice confecta quartae ed. 1864–1926 Patavii typis mandatae cum appendicibus... a. 1940 edita. Tom. III. MCMLXV. P. 875.* Муравьев понял как «день».

¹⁰ «Я сие знаю по собственному опыту: как-то ночью я не мог уснуть из-за болезненных душевных обид и величайших забот, так что пролежал в постели всю ночь с открытыми глазами; когда же ночь растаяла, и просиял день, все заботы и мучения ушли прочь, хотя причина огорчения никуда не исчезла; и в течение непродолжительного времени страшнейшее горе, облегченное надеждой, казалось, стерлось из памяти, как сновидение того, кто проснулся».

erudiunt iuventutem, venando currendo, esuriendo sitiendo, algendo aestuando)¹¹: «Ita etiam in illo Gymnasio Nobilium juvenum, quem Petropoli habemus, cuius Betzky praeses est»¹².

Вот изложение его взглядов на с. 382, напротив Tusc. IV, 5: (*quam brevi tempore quot et quanti poëtae, qui autem oratores extiterunt! facile ut appareat nostros omnia consequi potuisse, simul ut velle coepissent*)¹³: Anne hoc non cum jure optimo immo meliore de nostris non audeamus dicere, qui brevior tempore tam multa prosecuti sumus? Lustris nempe circa XIV plures habuimus egregie cordatos, duces optimos, viros doctrina excellenti, instructos oratores, Poetasque clarissimos. Sed nullum Pythagoram habuimus Solum habuimus Petrum magnum, illum sophum, illum principem, illum ducem, illum morum gubernatorem, regni fundatorem¹⁴.

Обнаруженные пометы существенно расширяют наши представления о М. Н. Муравьеве как переводчике, писателе и человеке. Надеемся, они будут способствовать тому, чтобы его дни и труды были оценены по достоинству.

¹¹ «... а также Ликурговы [законы] воспитывают молодежь охотой, бегом, голодом, жаждой, холодом, жарой».

¹² «То же самое творится в учебном заведении для дворян, которым мы располагаем в Петербурге и коего начальник — Бецкий»; по-видимому, имеется в виду Шляхетский кадетский корпус.

¹³ «В какое краткое время сколько и каких талантливых поэтов! а какие ораторы! и стало совершенно ясно, что мы можем все — стоит только захотеть».

¹⁴ «Неужели же мы не отважимся сказать с полным правом — и даже с большим — о наших, мы, которые в столь краткое время сделали такие успехи? За примерно семьдесят лет у нас было более мужей с великим сердцем, прекрасных полководцев, образованнейших людей, умелых ораторов, знаменитейших поэтов. Но Пифагора у нас не было! Был токмо Петр Великий, сей мудрец, сей государь, сей полководец, сей наставник в нравах, сей основатель царства».

А. И. Любжин

**ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ЗНАКОМСТВА РУССКОЙ
ПУБЛИКИ С РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В XVIII СТОЛЕТИИ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Исследуя восприятие античной культуры в России или любой другой европейской стране, мы сталкиваемся с результатами трудов не одного поколения переводчиков, издателей, педагогов. Тот, кто желает ознакомиться с памятниками древней словесности, располагает к этому как многочисленными пособиями, так и достаточными стимулами культурного характера. Но для страны с чрезвычайно молодой высшей школой и неустоявшейся традицией чтения «языческой» литературы важны все пути и каналы, которыми она проникает в общество. Цель этих заметок — указать один из таких каналов, до сих пор, кажется, не привлекавший достаточного внимания. Мы имеем в виду непрофильную литературу учебного и научного характера, которая в XVIII столетии прямо-таки перенасыщена как сведениями о римских древностях, так и прямыми цитатами из античных авторов¹. Кроме того, поскольку использовались не только латинские оригиналы этих пособий, но и русские переводы, то цитаты, воспроизводимые в русских изданиях, необходимо учитывать историкам переводов с латинского языка на русский.

По-видимому, наибольшую роль в знакомстве русского общества с римскими авторами могли сыграть философские и правовые произведения. Мы отметим трёх авторов, чьё влияние в XVIII веке было весьма велико, — юриста барона Самуэля фон Пуфендорфа (1632–1694) и философов Фридриха Христиана Баумейстера (1709–1785) и Иоганна Генриха Винклера (1703–1770). О значимости первого свидетельствует то, что Феофан Прокопович в Духовном Регламенте предлагал отвести на изучение Пуфендорфа целый годовой курс в проектируемых академиях (прежде всего предназначенных для клира, но с общеобразовательными тенденциями)². На Баумейстере и Винклере во

¹ Отметим сразу, что греческая литература и древности представлена в тех изданиях, о которых идёт речь, гораздо скромнее.

² «Чин учения таковой добрый кажется: ... 6. Политика краткая Пуфендорфова, аще она потребна судится быть, и может она присовоку-

многом основывалось преподавание философских дисциплин как в духовных, так и в светских учебных заведениях этого столетия (в первых их влияние продержалось вплоть до первой четверти XIX века)³.

В учебной практике и для индивидуального чтения могли использоваться как оригинальные издания (ради краткости мы не будем их перечислять), так и русские переводы. Перечислим их: О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две. Сочиненныя Самуилом Пуфендорфом. Ныне же на российский с латинского переведенныя, повелением... государыни Екатерины Алексиевны... благословением же Святейшаго правительствующаго всероссийскаго синода. [Перевод И. Кречетовского]. Санктпетерб. тип., 1726. Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями. Ч. 1–2. Переведена с немецкаго Борисом Волковым. СПб., при Имп. Акад. наук, 1767–1777⁴; Христиана Баумейстера Логика с латинскаго на российский язык переведенная Лейбгвардии Измайловскаго полку сержантом и Имп. Московскаго университета студентом Александром Павловым. Печ. при Имп. Моск. университете, 1760; изд. 2-е, тип. Компании типографической, 1787 (пер. исправлен проф. Д. Н. Синьковским); Христиана Баумейстера Метафизика. Перевел с латинскаго языка Лейбгвардии Измайлов-

питися к Диалектике». См. Духовный регламент, тщанием и повелением Всепресветлейшего, державнейшего Государя Петра Первого Императора и Самодержца Всероссийского по соизволению и приговору Всероссийского духовного Чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный. СПб., 1820. С. 65–66. Впрочем, в новосозданном Московском университете профессор Ф.-Г. Дильтей читал студентам «естественные и народные права Пуфендорфиевы» (Объявление, какие лекции и в которые дни и часы быть имеют публично в Императорском Московском Университете в последнюю половину сего 1757. года. Печатано при Императорском Московском Университете Ноября дня 1757. года. С. 3.).

Кажется, это осталось только кабинетной прозой.

³ См. об этом Г. Г. Шпет. Очерк развития русской философии. В кн.: Сочинения. М., 1989. По указателю имён читатель легко восстановит картину.

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. К–П. М., изд. ГБиЛ, 1964. № 5769 и 5768.

скаго полку полковой квартирмейстер Александр Павлов. Печ. при Имп. Моск. университете, 1764; *idem*, Перевод с латинского. Вновь высмотрен и во многих местах исправлен Профессором Дмитрием Синьковским. Издание Второе. М., В Университетской Типографии у Н. Новикова. 1789 (именно на этом издании мы остановимся подробнее); Христиана Бавмейстера Нравоучительная философия в пользу благородного юношества переведена с латинского Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса учителем Иваном Исаевым. [СПб.], тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1783; Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другия вещи, для знания нужныя и полезныя. Перевел с латинскаго языка профессор Дмитрий Синьковский. М., тип. Комп. типографич., 1788; [Винклер И. Г.]. Физика или Естественная философия, в сокращенной Баумейстеровой философии напечатанная и с латинскаго на российский язык переведенная Вятской семинарии латинскаго синтаксиса учителем диаконом Иоанном Ушаковым. [М.], тп. Ф. Гиппиуса. 1785⁵.

Кроме того, мы сталкиваемся с отечественными перепечатками, сделанными с учебными целями (для Баумейстера это два университетских московских издания, M. Fried. Christ. Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris, pluribus sententiis exemplisque ex veterum scriptorum Romanorum monumentis illustrata; nunc vero physica, nec non oeconomica, publica et ecclesiastica jurisprudentia, quibus accessit duplex appendix, exhibens regulas disputandi atque distinguendi, aucta; usibus que juventutis Rossicae adornata. Edidit Nicolaus Bantisch-Ramenski, [M.], typis Imper. Mosq. Univers., 1777. *Idem*, ed. 4. Mosquae, typis Caesareae Universitatis per Rüdiger et Claudii, 1798⁶; Винклер в XVIII веке на латинском языке в России не переиздавался, но в начале сле-

⁵ *Ibid.*, т. 1. А–И. 1962. № 428–432; 982. В XIX в. используются переводы Я. Толмачева (Логика, М., 1807; СПб., 1823; Метафизика, М., 1808; Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 1. А–Д. РГБ, «Пашков Дом», 2000. № 472–474.

⁶ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Т. 1. А–Г. Л., «Наука», 1984. С. 86. Бантыш-Каменский серьёзно переработал книгу, и среди его дополнений есть извлечения и из Винклера.

дующего столетия такие перепечатки есть⁷. Для Пуфендорфа надо считаться и с возможностью знакомства по переводам на французский, а, возможно, и немецкий язык⁸.

Количество цитат из латинских авторов и ссылок на них в *Метафизике* Баумейстера поражает. Мы не будем приводить статистики; но некоторые данные будут полезны. Так, *Cic. off. (О должностях)* в начале книги упоминается на с. 18 (1, 1), 18–19, 20, 21 (3, 19), 25 (3, 33), 29 (3, 17) – «Сей добродетели свойство есть, ничего не бояться, все человеческие нещастия презирать, ничего не почитать, что человеку может приключиться, за несносное»; 1, 1 и 20); 46 (3, 5 и 6); 47 (3, 28); 50 (1, 4 и 10); 57 (кн. 3); 89–90; (3, 13 и 17); 92 (3, 23); в дальнейшем количество ссылок на этот трактат падает).

Другим лидером среди произведений Цицерона является *nat. deor. (о свойстве Богов)*; перевод заглавия точнее, чем современный). Цитаты и ссылки – на сс. 25 (указан только номер главы – 22); 30 (2, 20); 34 (2, 10); этот трактат рассеян практически равномерно по всему тексту. Есть ссылки на *Acad., sen., Cato, Tusc., De or.*, иногда (редко) – на речи и письма. Из латинской риторической прозы отметим ссылки на Квинтилиана (с. 143–144).

Многочисленны ссылки на Плиния Младшего (их несколько десятков). Напр., на с. 33 приведён значительный отрывок из *epist. 5, 8*: «Находится... много различия между стилем речи и Истории, и в самом том, что общим им кажется. Описываются правильно приключения в той, описываются и в другой, но неравным образом. Там (*в истории то есть*) по большей части

⁷ *Institutiones metaphysicae et logicae usibus Academicis accomodatae*. A Io. Henrico Winklero in Acad. Lips. Phys. Prof. Ord., Coll. principalis maioris collegiati, et Societatis reg. Britann. scientiarum sodale. St. Petropoli. Litteris caesar. Academiae scientiarum. MDCCCX.

⁸ Отметим наличие французских переводов Пуфендорфа в библиотеке И. И. Шувалова. В том её фрагменте, который хранится в НБ МГУ, издание *Le Droit de la Nature et des Gens, ou Système général Des Principes les plus importants de la Morale, de la Jurisprudence, et de la Politique*. Par le Baron de Pufendorf, traduit de Latin Par Jean Barbeyrac, Docteur, & Professeur dans l'Université de Groningue. Avec des Notes du Traducteur; & une Préface, qui sert d'Introduction à tout l'Ouvrage. Cinquième Edition, revüe de nouveau, et fort augmentée. Tome second. A Amsterdam, Chez la Veuve de Pierre de Coup. 1734. Avec privilège de N. S. les Etats de Hollande et de Westfrise (шифр Ш-76) – одно из немногих, имеющих читательские пометы. Полагаем, что это не исключительный случай.

предлагаются вещи низкие, подлые, и от наречия простого происшедшие; но здесь (*в речи*) все сокровенное, великолепное и высокое предлагается. Там часто лишнее говорится, здесь кратко и только то, что пристойно. Там что или пребезмерной важности, горести несказанные, нападения ужасные описываются, здесь приятные и увеселительные. Наконец со всем другие слова, другой смысл, и другое расположение слов в речи употребляется».

Среди историков неоспоримым преимуществом пользуется Тит Ливий; представлены Саллюстий и Курций – примерно по десятку цитат из каждого; бросается в глаза отсутствие Тацита и Флора. Приведём цитату из Саллюстия (с. 101, *Catil.* 10: «Когда сребролюбие верность, справедливость, и прочие добродетели истребило, а на место их гордость, свирепость, презрению богов, и все продажным почитать научила, тогда город тотчас переменялся, и государство из справедливейшего и презрядного свирепым и несносным учинилось»). Довольно много цитат из Светония (наиболее интересные о Цезаре и Августе – на с. 191). Под именем Корнелия, более не уточнённого ничем, фигурирует Непот (с. 188, *Mil.* 1). Есть ссылки на Авла Геллия.

Крайне – и удивительно – невелика роль Сенеки. Он фигурирует (без точной ссылки на номер письма и с беглым пересказом содержания) на с. 147, на с. 186 со ссылкой на *epist.* 2 (11?), на с. 188 (*epist.* 16); самый интересный, пожалуй, пример — на с. 196 – большая цитата из начала *О гневе*: «глаза сверкают, все лицо краснеет от внутреннего крови кипения, губы дрожат, стискиваются зубы, волосы становятся дыбом, дыхание тесное, треск в костях; показываются вздохи и мычание, прерывная речь и часто плещущие руки, топот ногами, дрожащее тело, показывающее великие угрозы, страшное и гнусное лицо, на тех, кои безпутно поступают, и пыщутся. Я не знаю, есть ли что сего порока гнуснее и безобразнее?».

Есть и цитата из Боэция на с. 162–163 (без указания места): «Всякая непостоянная приятность причиняет скорбь, сильно трогает и смущает безумных людей, как две летающие пчелы, сладкий мед сложивши, улетают; так тщетная приятность тотчас исчезает, и зараженные ею сердца язвит крайне долговременным угрызением». На с. 106 упоминается Минуций Феликс.

Перейдём к поэтам. Удивляет место, отведённое Теренцию (на с. 137 с цитатой из третьего акта *Братьев* он фигурирует как Терентий). На с. 32–33 автор ссылается на пролог к *Девушке с Андроса* (*Андрия*), на с. 35 – на *Братьев* (*Аделфи*), 46 (*Самоис-*

тязатель – сокращение выглядит как *геавт.* или *геавтонт.*), на с. 84 – *adelph.* 5, 4 (сохраним архаичную систему ссылок с указаниями на действия и явления): «никогда еще на свете никто не был произведен столь совершенного разума, чтоб ему опыт, возраст и употребление не приносило всегда каковую либо новость, и не научило чемунибудь так, что не знаешь ты того, в чем себя почитал знающим, и по испытании отвергаешь то, в чем ты себе полагал первое удовольствие»), 61 (без ссылки: «Представь себе на пр. сию женщину, о которой Теренций говорит, что она была красноволосяя, криворотая, курносыя, малорослая, глупая, губастая, долгорукая, лица грубого и скаредного, уши отвислые, зубы синие и цвет рудожелтый и проч. имела, о которой конечно всякой скажет, что она очень дурна (*heaut.* 1061 sqq., с добавлением частей...»); 92 (*Гецира* 3, 1); 94 (*Andr.* 1, 25; *heaut.* 2, 3, 80); 105 (*Phorm.* 5, 1); 138 (*heaut.* 3, 2, 13); 153 (*adelph.* 4, 7, 12); 164–165 (*heaut.* 1, 2, 19); даже *Евнух*, который поначалу пользуется меньшим расположением автора, упоминается на с. 172–173 и далее (мы ограничимся приведёнными ссылками и отметим лишь, что в дальнейшем их плотность не уменьшается). На с. 92–93 дана и оценка: «в сочинении фабул сей конец себе представлял, и то себе за долг почитал, чтобы их приятными и забавными, купно с нравоучением, людям сделать». Теренций по количеству цитат и ссылок далеко превышает всех прочих поэтов, вместе взятых.

Спорадически встречаются Вергилий, Гораций и Плавт (напр., с. 105, без ссылки, с. 184 *Bakk.* III. 3. 3 (sic!), «я того погибшим почитаю, у кого стыд пропал», с. 185 *Epid.* 2, 1, 1); Лукреций (кн. 4 на с. 136; там же ссылка на Августина *О Троице*); 4 и 2, 45 на с. 178: «Люди, страстью ослеплённые, часто придают иным вещам то, что им отнюдь прилично быть не может. И так весьма не редко видим, то худые и гнусные вещи почитаем в удовольствие, и бывают во уважении»; мало Овидия (с. 179, письм. (= *heroid.*) 12, (37 – А. Л.): «А кто хорошо умеет скрывать любовь? оный пламень наружу выходит по своему знаку»); интересен перевод из *Метаморфоз* со странной ссылкой 1. 2. ст. 761 на с. 181 (правильно – 2, 775 sqq.): «...Видна бледность на лице, сухость по всему телу, беспорядочная острота, желтые зубы, на груди желчь, язык наполнен ядом, никогда не смеется, разве увидит кого в печали, не спит от непрестанных забот, но видит неприятные себе других людей успехи и смотря на то сохнет; рвется, и то ему есть смертная казнь»; есть даже Манилий

(на с. 157 без указания стиха ссылка на кн. 2: «что разум не ошибается и никогда не приводит в погрешность»; правильно – 2, 131), Федр (ссылка без конкретного указания на с. 159), Клавдиан (*bell. Get.* 227) и Стаций («Станций», *Silv.* 5, 1 (75 sqq.; у Стация действующее лицо – Фортуна): «Воззри на того, который все намерения и действия человеческие знает, и воззрев он на своих рабов окружает их отовсюду; и не дивно, потому что видит Он един восхождения и захождения, знает, что делается на юге и на зимнем севере...»; на с. 215 есть ссылка на пролог к сатирам Персия. На этом фоне особенно бросаются в глаза отсутствующие элегики и Катулл.

Однако Баумейстер не ограничивается только ссылками и цитатами. Сообщает он и некоторые сведения о римских древностях. Заслуживает внимания пассаж на с. 175 (раздел, посвящённый психологии), где подробно описывается манера выражать радость: «Римляне радость свою обыкновенно изъявляли таким образом: когда кто из сочинителей для испытания о себе от слушателей мнения читал перед ними изрядно сложенные или стихи, или Историю, или другое какое нибудь слово; тогда во изъявление чувствуемого удовольствия иные восклицали, а другие в знак почитания, благосклонности и похвалы пред витием вставали, иные вспрыгивали, одежду с себя сбрасывали, ногу об ногу били, руками плескали, и все тело на все стороны обращали. Надлежит читать Феррерия о публичных восклицаниях и о биении в ладони: такое его сочинение находится у Гревия в Томе VI» (далее – ссылки на *Cic. fam.* 16, 16 и *Verg. Aen.* 1, 747). Но таких пассажей в *Метафизике* значительно меньше, чем прямых цитат и ссылок.

Надеемся, что намеченный нами путь освоения латинской образованности русским обществом привлечёт к себе внимание исследователей.

Б. П. Маслов

СТОИЧЕСКИЙ ОЙКЕОСИС И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОБОЖЕНИЯ (ТЕОЗИСА) У ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

В исследованиях историков церкви теозис рассматривается как едва ли не самый значимый элемент православной догматики, а иногда даже как основополагающий концепт картины мира восточных христиан¹. В свете этого кажется оправданным попытаться (оставив в стороне позднейшую рецепцию идеи обожения в Византии и Древней Руси) выявить некоторые аспекты предистории этого понятия в греческой интеллектуальной традиции. В основание исследования положены анализ словоупотребления и истолкование отдельных мест в текстах греческих отцов церкви и их современников², поскольку, как представляется, филологический подход может позволить преодолеть изоляцию патристического корпуса. Вместе с тем, внимание к истории слов и понятий, воплощенных в языке, может способствовать уточнению тех идей и концепций, истории которых посвящена большая часть работ по истории ранней церкви. Предлагаемые ниже замечания представляют собой краткое из-

¹ У Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника теозис становится одним из основных принципов божественной икономии, а в период исихазма это понятие получает значение мистического контакта с Богом. Привычный подход к этой концепции представлен в работе: *Bilaniuk, P.* The mystery of theōsis or divinization // *The Heritage of the Early Church. Essays in honor of G. V. Florovsky.* Ed. D. Neiman et al. Rome, 1973. P. 337–359 (там же основная библиография). Новейшая книга Нормана Рассела (*The doctrine of deification in the Greek patristic tradition.* Oxford, 2004) не могла быть учтена на данном этапе исследования.

² В качестве примера применения филологического метода к близкой проблематике можно привести статью И. Шевченко об истории определений философии от стоиков до Патриарха Фотия: *Ševčenko, I.* The Definition of Philosophy in the *Life of Saint Constantine* // *For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday.* Eds. M. Halle et al. The Hague, 1956. P. 449–457. Перепечатано (с добавлением в разделе addenda) в: *Byzantium and the Slavs in Letters and Culture.* Cambridge, Mass., 1991. P. 93–106.

ложение некоторых предварительных результатов этого исследования.

Появление и распространение самого термина «теозис», который не встречается ни у языческих, ни у христианских авторов вплоть до IV в. н. э., не может не требовать объяснений – не только с точки зрения *Begriffsgeschichte*, но и потому, что этот новый термин возник в языке патристических авторов, который был в большой степени ориентирован на подражание установленному (аттическому) узусу. Историки церкви, настаивая на преемственности понятия обожения в первые века существования церкви, как правило, не акцентируют внимание на позднем возникновении этого понятия. В рамках устоявшегося подхода «теозис» выводится из новозаветного учения через концепцию теопозиса у Афанасия Александрийского и Григория Нисского – обоготворения человеческой природы в результате воплощения Христа³. С другой стороны, те исследователи, которые искали источники христианского обожения в греческой философии, указывали на слова Платона в «Теэтете» о восхождении философа к богу через «гомойосис» (уподобление)⁴. Ниже значение этих понятий для формирования интересующей нас концепции будет рассмотрено более подробно, пока же необходимо отметить, что та концептуальная система, которой пользовались греческие отцы церкви и их современники, синтезировала различные элементы, претерпевшие в течение нескольких столетий множество метаморфоз. Поэтому в данном случае перед нами стоит задача не просто указать «первоисточник» или подыскать древнейшие аналоги, но, насколько это возможно, проследить развитие всей системы взаимосвязанных понятий.

Одним из общих элементов языка философии в первые века нашей эры был разработанный стоиками концепт «ойкеосиса»

³ Gross, J. La divinisation du chrétien d'après les pères grecs: Contribution historique à la doctrine de la grâce. Paris, 1938. В своем обзоре христианской догматики Ярослав Пеликан занимает ту же позицию, см.: Pelican, J. The Christian Tradition. A History of the Development of the Doctrine. Vol. 2: The Spirit of Eastern Christianity (600–1700). Chicago, 1974. P. 10, 260.

⁴ Th. 176ab. Судьбе этого понятия в христианской философии посвящено монографическое исследование: Merki, H. ΟΜΟΙΩΣΙΣ ΘΕΟΥ: Von der Platonischen Angleichung an Gott zur Gottähnlichkeit bei Gregor von Nyssa. Freiburg in der Schweiz, 1952.

(букв. «освоение»), который уже у Филона Александрийского применяется к Богу Ветхого Завета. Этот термин, часто в формуле *ἡ πρὸς (τὸν) Θεὸν (τὸ Θεῖον) οἰκειώσις*, употребляется затем Оригеном, Климентом Александрийским и неоплатониками, а также отцами церкви IV в.; упомянутая формула остается в ходу, видимо, на протяжении всего существования Византии⁵. Представляется, что ойкеосис – это упущенное звено в истории развития концепции обожения. Выявить историю этого понятия тем более важно, что оно несет в себе иные коннотации, чем платонический гомойосис и теопозис⁶. Для стоиков ойкеосис – это природная склонность человека к «присвоению» окружающего мира, начиная с естественной привязанности родителей к своим детям и заканчивая самыми парадоксальными проявлениями альтруизма⁷. Конечная цель ойкеосиса – установление гармонии в отношениях личности и космоса. Стоический мудрец, достигший вершины ойкеосиса, взирает на мир с позиций высшего разума-Логоса и принимает неизбежность и конечную благодать любых, даже самых необъяснимых и трагических, событий. Таким образом процесс ойкеосиса соотносится с достижением состояния стоического бесстрастия («апатейи»).

Как у Филона Александрийского, в своих этических воззрениях следовавшего за стоиками, так и у Климента Александрийского (III в. н. э.) – наиболее последовательного стоика из числа отцов церкви⁸ – к этому исходному значению ойкеосиса добавляется идея близости ветхозаветного Бога к избранному народу (библейские указания на прямое общение с ним патриархов истолковываются как аллегории абстрактного ойкеосиса⁹) и тенденция к сближению ойкеосиса и платонических концепций восхождения к Богу и гомойосиса. Очевидны предпосылки ис-

⁵ E.g., *Max. Myst.* 17.6; *Ps. Or. hag.* 3a; *Ioan. Cant. Or. Jud.* 2.22.

⁶ Сложно согласиться с тезисом о полной синонимичности понятий с общим значением приближения к Богу в патристике IV в. (contra, e.g., *Moreschini, C.* Filosofia e letteratura in Gregorio di Nazianzo. Milan, 1997. P. 33; *Merki.* Op. cit. P. 105, 120).

⁷ *Blundell, M. W.* Parental Nature and Stoic οἰκειώσις // *Ancient Philosophy.* Vol. 10. 1990. P. 221–242; *Long, A.* Hellenistic Philosophy: Stoics, Epicureans, Sceptics. 2nd ed. Berkeley, 1986. P. 172.

⁸ *Spanneut, M.* Le stoïcisme des Pères de l'Église: de Clément de Rome à Clément d'Alexandrie. Paris, 1957.

⁹ E.g., *Ph. Cherub.* 18; *Ph. Qu. Ex.* 2. 2; *Clem. Al. QDS* 33.1.

пользования этого понятия в христианской философии: принцип ойкеосиса применим только при том условии, что космос подчинен единому разумному плану, а человек включен в этот план как полноценная (хотя и незначительная) часть мироздания. Эта концепция не предполагает принципиальной ущербности человеческой природы, столь важной для блаженного Августина и позднейшей богословской традиции на Западе.

Григорий Богослов (Назианзин) разделяет в целом характерный для восточного христианства «оптимистический» взгляд на возможность обожения человеческой природы. Согласно Григорию, приобщение божественному порядку через ойкеосис становится возможным в результате индивидуальных усилий и понимается как определенная этическая программа работы над собой¹⁰. С этой точки зрения можно указать на отличие этого понятия от концепции теопозиса у Афанасия Александрийского: для последнего потенциал теопозиса не заложен в природе человека, но является следствием и как бы обратным эффектом вочеловечивания Логоса (Inc. 54). Можно сформулировать различие и между понятием ойкеосиса (присвоения Бога) и гомойосиса (уподобления Богу). Гомойосис в христианской философии связывается с библейским постулатом о создании человека «по образу и подобию» Бога¹¹; «иконичность» человека и божества, таким образом, оказывается заложена в момент сотворения мира. Ойкеосис Григория Назианзина, напротив, предполагает динамичную модель «экстенсивного» развития человеческой личности и овладения «прекрасным» (*τὰ καλὰ*); развитие это мыслится по аналогии с пайдейей¹².

Представляется, что именно Григорий Назианзин впервые вводит термин «теозис» в богословский дискурс (как кажется, в качестве обозначения процесса «присвоения божественного»). Не может быть случайным то, что из трех великих каппадокий-

¹⁰ Cf., e.g., PG 35.584; 35.1084; 35.1176; Ep. 116; Ep. 212.2 (последний пример в сочетании с платоническим «анабасисом»).

¹¹ Vide Merki. Op. cit.

¹² На стоическое происхождение понятия «ойкеозис» у Григория указывается, насколько мне известно, лишь в комментарии А. Курмана к первому Слову против Юлиана (*Kurman, A. Gregor von Nazianz. Oratio 4 Gegen Julian. Ein Kommentar. Basel, 1988. S. 203–204.*)

цев он один употребляет этот термин¹³. Более того, в корпусе TLG обнаружены только два примера употребления этого понятия, которые относятся к более раннему периоду, и в обоих случаях «теозис» имеет отрицательное значение дьявольского искушения, либо языческой выдумки¹⁴. После Григория Назианзина теозис начинает трактоваться позитивно, как процесс обожения христианина; в то же время термин «теопозис» практически выходит из употребления. Таким образом, можно предположить, что именно влиянием Григория – самого цитируемого автора в византийский период – было обусловлено широкое распространение понятия теозиса в позднейший период¹⁵.

¹³ Cf., e.g., Carmina Moral. 957; PG 35.976, 35.1164, 35.1200, 36.353; в сочетании «анабасисом»: PG 35.837, 35.1084.

¹⁴ *Gr. Thaum. Annunt.* (PG 10.1157); *Eus.* PE 5.36 (цитата из циника Эномая II в. н. э.).

¹⁵ В литературе вклад Григория Назианзина в развитие концепции обожения, как кажется, недооценивается. Так, в упомянутом монографическом исследовании Гросса центральная роль отводится Афанасию Александрийскому и Григорию Нисскому, в то время как Григорий Назианзин рассматривается как второстепенная фигура (характерно, что Гросс не проводит границу между теозисом и теопозисом). В новой монографии о космологии и теологии у Григория Назианзина понятия теозиса и ойкейозиса вообще не затрагиваются: *Richard, A. Cosmologie et théologie chez Grégoire de Nazianze. Paris, 2003.*

А. С. Николаев

СООТНОШЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ПРАЯЗЫКЕ:
ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ДЕРИВАЦИИ

Концепция *внутренней деривации* (*internal derivation*), открытая Йохемом Шиндлером и разработанная его учениками (прежде всего, Аланом Нуссбаумом), является одной из центральных тем современного индоевропейского языкознания; внутренняя деривация, без сомнения, являлась важным инструментом словообразования в праязыке (см. тезисы Л. Г. Герценберга в настоящем сборнике). В качестве рабочего определения внутренней деривации примем следующее: “**Die Ableitung eines Stammes A' aus einem Stamm A der Form W(E)-S(E) ohne Suffigierung unter Wechsel der Ablautklasse**”¹. Достижения в области формальной реконструкции позволяют поставить вопрос более общего характера, а именно: как отделить случаи, когда перед нами развитие лексического значения слова (сфера исторической семасиологии), от случаев, когда мы имеем дело со словообразовательной семантикой.

Функции внутренней деривации:

- 1) образование собирательных имен среднего рода (*uodǵ ‘вода’ [хетт. *ua-a-tar*] → *uedōǵ ‘воды’ [хетт. *ú-i-ta-a-ar* ‘множество сосудов с водой’]);
- 2) образование possessивных прилагательных (*piH₂ǵ/en- ‘жир’ [др.-гр. πῖαρ] → *piH₂ǵōn ‘снабженный жиром’ [πῖων, др.-инд. *pīvan-*]);
- 3) образование одушевленных имен с конкретным или абстрактным значением (*tepes- n. ‘жара’ [др.-инд. *tápas-*] → *tepos- m. ‘тепло’ [лат. *tepor*]);
- 4) образование от имен среднего рода одушевленных имен-сингулятивов (*seH₁-mǵ n. ‘семя’ [лат. *sēmen*] → *seH₁-mōñ- m. [лат. *Sēmō*], *kérH₁os- n. ‘произрастание’ [арм. *ser*] → *kerH₁és- [лат. *Cerēs*])

¹ P. Widmer. Zwei keltische t-St@nme // HS 110/2, 1997. С. 124–125.

Отметим, что последняя функция близка к образованию прилагательных, ср.: *H₁óg^wni-, *H₁ég^wni-s ‘огонь’ (ст.-сл. **огнь**) → *H₁ég^wni-, *H₁g^wnéjs ‘относящийся к огню’ (вед. *Agni* ‘бог огня, огонь’) или *krotu-, *kretǵ- ‘сила, духовная мощь’ (вед. *krátu-*, Dat.Sg. *krátve*, г.-ав. *xratu-*, Instr.Sg. *xratū*) → kretu-, *krtéu- ‘снабженный силой’ (др.-гр. *кратύς/карτύς* ‘сильный’).

Рассмотрим внутреннюю деривацию и связанные с ней вопросы на примере и.-е. *ǵenu- (др.-инд. *hānu-*, др.-гр. *γένυς*, гот. *kinnus*), которое в словаре Покорного получает несколько размытое толкование ‘челюсть, подбородок, щека, рот...’ (IEW: 381-382): допустимо задаться вопросом, должны ли мы видеть здесь метонимическое семантическое развитие² или перед нами результат словообразовательных процессов, т. е. несколько разных лексем?

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться к системе классов склонения имен в праиндоевропейском (взаимоотношение между которыми и отражает внутренняя деривация):

акростатический

Nom.Sg. R(\é)-S(r)-D(r)

Gen.Sg. R(J)-S(r)-D(r)

Loc.Sg. R(r)-S(J)-D(r)

протерокинетический

Nom.Sg. R(J)-S(r)-D(r)

Gen.Sg. R(r)-S(J)-D(r)

Loc. Sg. R(r)-S(é)-D(r)

гистерокинетический

Nom.Sg. R(r)-S(J)-D(r)

Gen.Sg. R(r)-S(r)-D(J)

Loc.Sg. R(r)-S(J)-D(r)

амфикинетический

Nom.Sg. R(J)-S(o)-D(r)

Gen.Sg. R(r)-S(r)-D(J)

Loc.Sg. R(r)-S(J)-D(r)

² В принципе, для праязыка можно было бы представить себе и многозначное слово с нерасчлененной семантикой ‘часть лица’, ср. типологически слово из языка маратхи *dhōpar* со значением ‘колено, локоть, плечо, сустав, скула, бедро...’ (R. L. Turner, CDIAL 5580,12).

Перед тем, как определить, к какому классу (или к каким классам) склонения принадлежало слово для 'челюсти', уточним фонетический облик корня, от которого оно образовано.

Данные древнегреческого языка указывают на второй ларингал в исходе корня, ср. очевидно родственные др.-гр. γένυς слова γνάθος (V в. до н. э. +) и γναθμός (Гом.+); возможны два объяснения наличию /a/ в этих словах:

либо γνάθος восходит к *gənat^ho- < *ǵnH₂-d^ho- с реверсией закона Линдемана в трехсложном слове (ср. др.-гр. σάος 'здоровый' < *təaōs < *tuH₂Jōs, ср. вед. tāvīti);

либо γναθμός восходит к *ǵneH₂-d^hmó- (правило *Wetter*³, ср. *H₂ceH₁-d^hr\ > *wedraⁿ > др.-англ. *weder* 'weather', нем. *Wetter*; для древнегреческого ср. μέτρον < *meH₁-tr\ (*mH₁-tr\ дало бы в древнегреческом ἴμητρον) или νόσος/νοδός < *nōd^hsuō- < *noH₃d^hs-uo- *'снабженный усталостью', ср. вед. nādhas- 'стеснение, угнетенность' и др.-гр. νοθής 'усталый').

При любом из решений вокализм /a/ объясняется через реконструкцию конечного *H₂ в корне (одно из этих слов скопировало вокализм второго).

Лит. žándas, лтш. zuòds 'челюсть' восходит к сходному реконструкту *ǵonH₂-d^(h)o- (выпадение ларингала по закону Гирга-де Соссюра, но на выпавший ларингал указывает акутовая интонация).

«Македонская» форма κάναδοι· σταγόνες, γνάθοι (*ǵonH₂-d^ho-/ *ǵnH₂-d^ho-?), видимо, представляет собой древний композит с десемантизованным *d^hH₁- в качестве второго члена и корневым именем *ǵo/enH₂- в качестве первого (это же корневое имя возможно видеть в фриг. ἄ-ζήν 'борода' < *H₂o-ǵēnH₂-; возможно, на него же указывает склонение др.-исл. *kinn* как корневого имени в pl.). Вокализм /a/ можно объяснить вокализацией *H₂.

³ Подробнее см.: А. С. Николаев. Этимология древнегреческого ὑβρις // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 24–26 июня 2002 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2002. С. 126–131.

Арм. *cnawt* 'челюсть' (основа на -i) может восходить к *cinawid- < *ǵenH_x(é)u⁻⁴, тем самым, предполагая реконструкцию *H₂ для объяснения вокализма /a/.

Итак, древнегреческие, балтийские и, с меньшей степенью вероятности, палеобалканские и армянские данные указывают на форму корня *ǵenH₂-. Важным промежуточным результатом является отсутствие часто предполагаемой омонимии этого праязыкового слова с *ǵenu- 'колено'.

* * *

Теперь обратимся к морфологии и.-е. *ǵenH₂u-, чтобы определить, какое лексическое значение ('челюсть', 'щека', 'подбородок'...) сочетается с определенным акцентно-аблаутным типом.

Тохарский сохраняет форму с рефлексом продленной ступени в корне: тох. А Nom. Du. fem. *sanwet* '2 челюсти' < *k'ənuəj +ne < *ǵēn(H₂)uoiH₁⁵; это может указывать на акростатическую парадигму («пахистатический» тип в терминологии Л. Г. Герценберга).⁶

⁴ Возможно и альтернативное объяснение: w-эпентеза перед смычным (ср. *canawt* 'известный', *gewt* 'деревня' < *uelōj, *giwt* 'открытие, находка' < *uejdu-); в этом случае *cnawt* восходит к *ǵnH₂-d^hō, *ǵnH₂-d^hn-es, которое в аллегро-стиле получает вариант *ǵnH₂-dn-es, отсюда *d > арм. t. Наконец, возможно также восстанавливать *ǵnH₂-d^h-ōj, что объяснит склонение на -i.

⁵ Альтернативное объяснение для тохарской формы: *sanwet* < *k'ənuə+na < *ǵēncō-iH₂, где *ǵēncō- представляет собой vřddhi-дериват (с закономерной продленной ступенью аблаута в корне) от *ǵēnH₂u-, ср. *pārśvá-* 'область брюшины, подреберье' от *parśú-* 'ребро' (так G. Klingenschmitt, *Tocharisch (Akten Berlin)*, 1994, С. 384). Однако это решение проблематично с семантической точки зрения: *sanwet* имеет значение 'челюсть', и сложно поверить, что в тохарском произошла вторичная конкретизация того значения, которое мы должны ожидать от vřddhi-деривата *ǵēncō- ('совокупность челюстей' или 'относящийся к челюсти, челюстной' *uel sim.*).

⁶ На что уже указал М. Вайс (M. Weiss. *Studies In Italic Nominal Morphology*. Неопубликованная диссертация. Cornell, 1993. С. 97, прим. 9).

Древнеиндийский дает интересное с морфологической точки зрения слово *hānu-*, f. ‘челюсть’⁷ (начальный согласный *h-* в-м. ожидаемого *j-*, видимо, чтобы избежать омонимии с *jānu-* ‘колено’). В ведийском имеется форма Instr. Sg., а также формы двойственного и множественного числа. Instr. Sg. *hānuvā* RV I, 168, 5b мало что дает нам для определения и.-е. declinationalного типа, поскольку древнеиндийский не сохранил акростатических форм Instr. (например, *-ū* < *-u-H₁, ср. г.-ав. *xratū*), а в протерокинетическом склонении (уже в праязыке) в инструменталисе использовалась форма с нулевой ступенью аблаута в суффиксе (ср. *raśmā* RV 6, 67, 1 от *raśmán-* ‘повод’ вместо ожидаемого **raśmnā*, *krát(u)vā*, мл.-ав. *xraθβa*). Тем самым, мы не можем сделать выбор между акростатическим и протерокинетическим типом склонения.

Тем не менее, существенно следующее обстоятельство: в древнеиндийском алломорфы основ на *-u-*, продолжающих и.-е. акростатическое склонение, часто имеют в основе расширение *-n-* (ср. Loc.Sg. *āyuni* ‘в жизни’ от **H₂o/eju-*, Dat. Sg. *mādhune*, Instr. Sg. *mādhunā* от **mo/ed^hu-* ‘хмельной мед’),⁸ которое отсутствует в протерокинетических парадигмах (*āyú-* ‘живой’ образует *āyáve*, *āyóh*). Итак, форма инструменталиса указывает, скорее, на протерокинезу.

Формы двойственного числа в ведийском (Nom.Du *hānū* IV, 18, 9, Loc. Du. *hānuvos*) могут быть возведены к **ĝénH₂u-H₁* (с нулевой ступенью аблаута в суффиксе) и противоречат тому, что мы видим в мл.-ав. **zanauua* ‘челюсть’ Yt. 1, 27 (эмендация

⁷ Ср. RV VIII, 60, 13c *tigmā asya hānavo ná pratidhīse* ‘остры его челюсти, перед ними не устоять’ (Т. Я. Елизаренкова); RV I, 168, 5b *rējati tmānā hānuveva jihvāya* (сложное место, заставляющее предполагать каузативное значение *rēj-*, ср. “qui (donc pourrait) vous faire trembler au dedans, comme (on tremble) naturellement avec la langue (sise entre) les deux mâchoires” (L. Renou), “wer macht euch selbst im Innern erzittern wie mit der Zunge zwischen den Kinnbacken” (K. F. Geldner), тем не менее, речь, несомненно, идет о челюстях).

⁸ Об этом феномене см. подробнее: А. С. Николаев. Rund um att. γραῦς, hom. γρηῖς: zur Deutung einiger altgriechischer Personennamen // Colloquia Classica et Indo-Germanica III / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003. С. 179–198.

Й. Нартен⁹). Вопрос об образовании двойственного числа довольно сложен: г.-ав. *mañiiū*, мл.-ав. *pasu*, *dañiiu*, *vohū*, вед. *vásū* позволяют реконструировать и.-е. Nom. Du. **menjuH₁*, **desjuH₁*, **H₁cesuH₁*, что значит, что одушевленные акростатические имена в праязыке образовывали двойственное число с нулевой ступенью в суффиксе и в окончании, в то время как протерокинетические имена имели в этой форме полную ступень аблаута в суффиксе (вед. *bāhāvā*, мл.-ав. *bāzauua*, др.-гр. πῆχεε ‘обе руки’). Итак, мл.-ав. **zanauua* говорит в пользу протерокинетического склонения, а вед. *hānū* — в пользу акростатического; однако, в древнеиндийском исход формы двойственного числа *-ū* распространился среди *u*-основ (позже в древнеиндийском форма *bāhāvā* вытесняется *bāhū!*), поэтому авестийским данным (хотя в нашем случае филологически менее надежным) должно быть оказано предпочтение.

Формы множественного числа: *hānavo* RV VIII, 60, 13c < **janauces* прямо соответствует брет. *genou* (и другим кельтским формам); с точки зрения и.-е. реконструкции, **ĝénH₂eu-es* не может быть интерпретировано однозначно, т. к. в праязыке единственное и множественное число склонялись по разным парадигмам: акростатические имена имеют протерокинетический дуалис и плюралис (**-u-s* vs. **-u-H₁*, **-u-es*), а протерокинетические имена имеют гистерокинетический дуалис и плюралис (**-u-s* vs. **-eu-H₁e*, **-eu-es*).¹⁰ Таким образом, **ĝénH₂eu-es* может принадлежать как гистерокинетической парадигме с Nom.Sg. **ĝ(e)nH₂eu-s*, так и протерокинетической. Поскольку для реконструкции гистерокинетической парадигмы для праязыка нет никаких оснований (данные и.-е. языков дают основания для выбора между акростатическим и протерокинетическим типом склонения), форму *hānavo* следует принять за еще один аргумент в пользу протерокинетического склонения.

⁹ J. Narten. Idg. ‘Kinn’ und ‘Knie’ im Avestischen: *zanauua*, *zānu.drājah-* // IF 74. С. 39–53 (перепечатано: М. Albino, М. Fritz (Hrsgg.). Johanna Narten. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1995. S. 157–172).

¹⁰ См.: А. J. Nussbaum. Head and Horn in Indo-European (Studies in Indo-European Language and Culture 2). Berlin; New York, 1986. С. 280–283; К. McCone. Oir. *aub* ‘river’ and *amnair* ‘maternal uncle’ // MSS 53, 1992. С. 107, прим. 10.

Древнеиранский материал уже служил предметом обсуждения выше в связи с мл.-ав. **zapauiša*; также отметим средне- и новоиранские формы, восходящие к **jan-uc-a-*: ман. согд. *znwk*, хот. *ysaniwa*, пшт. *zāna*, бал. *zanūk* < **zaniuca-* (закон Сиверса: **j^(h)anH-uc- > *janš-uc- > *januc-*).

Итак, индоиранские формы имеют значение ‘челюсть’ и продолжают (за исключением среднеиранских форм, которые имеют нулевую ступень аблаута в суффиксе) **протерокинетическую** парадигму.

Древнегреческий: *γένυς*, f. (ῆ) ‘(нижняя) челюсть, подбородок, щека’ (ср. λ 320 *πικᾶσαι τε γένυς εὐανθέϊ λάχνη*: растительность ожидается на щеке или подбородке, но никак не на челюсти).

Тип склонения на *-u/-uc-* — это не вполне то, что мы ожидаем от рефлекса **акростатической** парадигмы (классический рефлекс последней: *γουνός, δουρός* < **ḡonuc-, *doguc-*, где ступень /o/ в корне выдает принадлежность к акростатическому склонению).¹¹

Возможно, что *-u/-uc-* склонение возникло по аналогии к именам с исходом основы на **-H_x*, ср. (σ)ῦς, (σ)ύς ‘свинья’ < **suH_x-*, *μῦς, μύς* ‘мышь’ < **muH_x-*, а также части тела *ὄφρυς* ‘бровь’, *ὄσφυς* ‘ляжки, лоно’, *ἰξύς* ‘талия’ и *ιηδύς* ‘желудок’.

Также возможно, что долгий /ū/ появился в парадигме благодаря ларингальной метатезе в формах наподобие **ḡenuH₂-b^{hi}* (ср. др.-инд. *hanūbhyām* TS IV, 1, 10), так, в древнеиндийском появляется основа *hānū* (AV+). Наконец, возможно влияние со стороны дуалиса **ḡénH₂u-H₁*.

Итак, аблаут *-u/-uc-* возник в древнегреческом слове по аналогии, и занимающее нас слово может продолжать **протерокинетическое** склонение, ср. ἵτυς ‘обруч из ивы, обод щита’ (где протерокинеза видна в деривате ἰτέα ‘щит’) или *participia necessitatis* на *-téo-*, которые представляют собой экзоцентрические дериваты от основы слабых падежей абстрактных имен на **-tu-*

¹¹ Сложный случай представляет собой *μέθυ, μέθυος*, но это имя может продолжать как **акростатическую** парадигму **mód^hu-*, **méd^hu-* ‘сладкое’, так и **протерокинетическое** прилагательное **méd^hu-*, **m^hed^huc^s* ‘сладкий’ (обе отражены в индоиранском).

протерокинетического склонения.¹² Чтобы дополнительно подкрепить этот вывод, следует обратиться к деривату от этого слова, который может указать на принадлежность к определенной и.-е. парадигме словоизменения: однако, для анализа *γένειον*, эол. *γένιον* (Alc. 298, 10) ‘подбородок, щека, борода’ есть несколько взаимоисключающих возможностей:

а) **ḡenH₂uc-* ‘подбородок’ (алломорф протерокинетической парадигмы с аналогической полной ступенью в корне). Проблема заключается в том, что *γένειον* восходит к трехсложному **geneuc-jo-*, а не к ожидаемому **geneuc-ijo-*¹³ (*γένειον* в конце стиха ср.: X 74 *ἀλλ’ ὅτε δὴ πολίον τε κάρη πολίον τε γένειον*). Возможное решение этой проблемы было предложено М. Петерсом¹⁴: морфологически правильная форма **ḡenH₂uc-ijo-* ‘относящееся к подбородку’ получила суффикс *-jo-* (использующийся только в композитах) по аналогии к композиту **p_hH₂-H₂uc^s-jo-* ‘τὸ παρ’ ὡτί, щека’ (это могло произойти до того, сам суффикс *-jo-* был повсеместно в древнегреческом заменен на *-ijo-*, вследствие чего уже у Гомера появляются четырехсложные формы *παρήιον* (Π 159, Δ 142, Ψ 690), *παρήια* (τ 208, χ 404)). Если принять это решение, дериват *γένειον* свидетельствует в пользу существования **протерокинетического** **ḡenH₂u-*, **ḡ_hH₂uc-* ‘подбородок’ (без ларингального окрашивания через морфемный шов).

б) согласно Алану Нуссбауму, *γένειον* говорит, напротив, в пользу **акростатической** парадигмы: локатив от акростатического имени **ḡénH₂u-s*, **ḡénH₂u-s* >> **ḡénH₂ucos* выглядел как **ḡ_hH₂uc-(i)*; после аналогического распространения /e/ в корне по все парадигме мы имеем **ḡénH₂uc-(i)*, и гипостаза этого локатива даст нам трехсложное **ḡénH₂uc-jo-* > **geneucjo-* (ср. **po/ed-* ‘нога’, Лос. **ped-i* ‘на ноге’, **ped-jo-* ‘тот, кто на ноге’ > *πέζος* ‘пеший солдат’).

¹² См.: М. Malzahn. *synestéon* – Zum participium necessitatis des Griechischen // Graeco-Latina Brunensia (FS Antonín Bartonek). SPFFBU N 6-7, 2001–2002 / I. Radová, K. Václavková-Petrovicová (Hrsgg.). Brunn, 2002. С. 135–141.

¹³ В. Forssman. Zur Lautform der lesbischen Lyrik // MSS 33, 1975: 24.

¹⁴ Apud I. Balles. Metrik, Sprachform und die idg. Suffixe **jo* und **ijo*. Неопубликованная магистерская диссертация. Wien, 1996. С. 84.

Итак, данные древнегреческого языка (γένυς, γένειον) не дают возможности формального выбора между **акростатической** или **протерокинетической** парадигмой для и.-е. реконструкции.

Германские данные: геминация в гот. Асс. Sg. *kinnu* (Lc 6, 29; Mt 5, 39) объясняется либо через закон Люр (*Resonantengemination durch Laryngal*), но он более чем сомнителен,¹⁵ либо через ассимиляцию *-нц- > -нп- в основе косвенных падежей, из чего следует, что в парадигме склонения присутствовала форма Gen. Sg. *ĝen(H₂)-u-os; «открытая флексия» может быть указанием на **амфикинетический** тип, но также возможно, что перед нами нормализованная **акростатическая** флексия,¹⁶ т.е. Nom. Sg. *ĝénH₂-u-, Gen.Sg. *ĝénH₂-u-s >> *ĝénH₂-u-os. Семантика: гот. *kinnu* ‘σιαγών, щека’, др.-исл. *kinn* ‘щека’, др.-англ. *cinn*, n. (или f.?), др.-фриз. *kinn* и др.-верх.-нем. *kinni*, n. (*ja*-основа) ‘подбородок, челюсть’.

Кельтские данные для морфологической реконструкции почти ничего не дают: др.-ирл. *gin*, Gen. Sg. *geno*, Dat. Sg. *giun* ‘рот’, валл. *gen* ‘челюсть, подбородок’, *genaw* ‘рот, губы’, др.-корн. *genau* gl. ‘os’ (валлийская интрузия?), ср.-брет. *guen* ‘щека’, *genou* позволяют восстановить Nom. Sg. *ĝen(H₂)u- (который может принадлежать к разным типам склонения) и Pl. *ĝenH₂euces (который не дает информации об акцентно-аблаутном типе, ср. выше об индо-иранских данных).

Италийские данные: латинское прилагательное *genūini* (*dentes: quod a genis dependent*, P. F. 83. 19) ничего не дает нам для определения морфологии интересующего нас слова: довольно поздно засвидетельствованная форма (Cic. +) может восходить к *genaūini (*ĝenH₂uiH₂-no- или *ĝenH₂euīH₂-no-?) или же к

¹⁵ См. критику А. Ю. Николаева: А. Ю. Nikolaev. Spuren der offenen Flexion bei den urgermanischen u-Stämmen? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 16–18 июня 2003 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003. С. 180-195.

¹⁶ Об этом процессе см.: J. Schindler. Alte und neue Fragen zum indogermanischen Nomen // In Honorem Holger Pedersen. [Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft, Kopenhagen 1993] / J. E. Rasmussen (Hrsg.). Wiesbaden, 1994. С. 397.

*genūini. Лат. *gena*, -ae ‘щека’ дает для формальной реконструкции еще меньше: эта форма может восходить к *genaца- или к *genца- (отметим, что мы не знаем, какова судьба *-нц- в праиталийском, единственный пример, который может пролить свет на эту проблему, это *femur, feminis* < *d^hemцV-, однако, реконструкция этого слова не менее проблематична).

Анатолийские данные: К. Уоткинз¹⁷ предположил, что хетт. Instr.Sg. *ganut* (ритуал *Zuwi*, пассаж о *hurkilaš pešneš*, KUB XII 63, Vs. 26) продолжает и.-е. слово для челюсти. Если это так, то перед нами важный пример для определения склонения занимающего нас слова (которое в данном контексте может иметь лишь значение ‘челюсть’: то, чем хватают льва): важен как исход словоформы -u-t (не -aw-at), так и /a/ в корне, которое может продолжать и.-е. *o, что было бы свидетельством акростатической апофонии. Однако мы знаем, что в корне нашего слова сохранился ларингал, и в этом случае мы ожидали бы рефлекс †*ganu-*. Если же /a/ представляет собой рефлекс слогового сонанта */ŋ/, мы ожидали бы †*ganhu-*, ср. *p|H₂i- > *palhi-*.

Филологическая интерпретация этого текста, однако, неоднозначна: Э. Ной¹⁸ привел аргументы (в том числе, изображение) в пользу интерпретации *ganut ēpten* как ‘хватают льва за колено’ (и.-е. *ĝo/enu-). Тем самым, хеттское слово не относится к разбираемой нами группе форм.

Как можно видеть, в и.-е. языках исследуемое слово обозначает как ‘челюсть’, так и другие, смежные с челюстью части лица (‘подбородок, щека, рот’). В и.-е. языках это слово имеет рефлексы, указывающие как на **акростатическое**, так и на **протерокинетическое** склонение.

На основании предпринятого анализа можно предложить реконструкцию следующей деривационной цепочки, которая представляется наиболее экономным решением.

*ĝénH₂u-, Gen. Sg. *ĝénH₂u-s, Du. *ĝénH₂u-H₁e ‘челюсть’
(акростатическое склонение)
→ *ĝénH₂u-, Gen. Sg. *ĝəH₂euš (протерокинетическое склонение)

¹⁷ C. Watkins. Hittite ga-nu-ut and related forms. // Indo-European Studies I / C. Watkins (ed.). Cambridge, Mass., 1972. С. 87-99.

¹⁸ E. Neu. Hethitisch genu-/ganu- “Knie” // KZ 86, H. 2, 1972. С. 288-295.

с основным значением ‘лежащий у челюсти, относящийся к челюсти, ossifying the jaw’, откуда обозначения для различных частей лица, как-то: ‘подбородок’, ‘щека’, ‘рот’, все то, что расположено рядом с челюстью.

Также отметим, что слово для ‘челюсти’ имеет женский род, что необычно, поскольку слова, изменяющиеся по акростатическому склонению, обычно среднего рода (*ġo/enu- ‘колени’); предложенная деривационная цепочка позволяет объяснить этот факт тем, что женский род был перенесен с протерокинетического деривата на акростатическую деривационную базу (*ġēnH₂u- ‘челюсть’, n. → *ġēnH₂u-, Gen. Sg. *ġnH₂eus ‘то, что у челюсти’, f. ⇒ *ġēnH₂u- ‘челюсть’, f.)

Лишь тохарский сохранил форму, продолжающую алломорф акростатического склонения в значении ‘челюсть’; древнегреческий, по крайней мере, частично, сохранил значение ‘щека’ и протерокинетическое склонение; оба деклинационных типа для этого слова сохранены в индоиранском, в то время, как германский материал отчетливо продолжает акростатическое склонение, но при этом совмещает различные значения.

Как мы видим, морфологический подход и использование внутренней деривации позволяет отказаться от расплывчатой семантики, которую дает словарь Ю. Покорного, и предложить взамен четкую формальную реконструкцию, в рамках которой значение оказывается мотивированным и строго соответствует установленным словообразовательным типам.

Дополнение: вспомним древнее и.-е. обозначение зуба (сосуществовавшее с *H₁d-ont-, буквально ‘кусающий’): праформы *ġomb^ho- продолжают ст.-сл. **зѣбъ**, лтш. *zùobs*, тох. А *kam*, В *kete*, др.-инд. *jāmbha-*, а также, с семантическим сдвигом (‘гвоздь’), др.-гр. γόμφος, др.-исл. *kambr*, лит. *žambas*. Лабильное расширение — это либо древний композит с корнем *b^heH₂-, либо десемантизованный суффикс *-b^hH₂o- (наверяд ли мы вправе восстанавливать корень *ġomb^h-).

Итак, мы получаем *ġom- ‘зуб’, которое мы вполне можем сопоставить с *ġonH₂- ‘челюсть’, которое мы уже видели в начале:

- 1) согласно закону Гирта-де Соссюра *ġonH₂-b^h(H₂)-o- переходит в *ġon-b^h(H₂)-o-;
- 2) происходит ассимиляция *-nb^h- > *-mb^h-.

Из этого следует, что за корнем *ġenH₂- стоит и.-е. слово для ‘зуба’, а др.-гр. γνάθος, γναθμός, лит. *žándas*, макед. *kánadoi* ‘челюсть’ восходят к композиту *ġonH₂-d^ho- ‘то, где (рас)положен зуб’.

Что же стоит за *ġēnH₂u-? Перед нами основа с экзоцентрическим значением, образованная при помощи possessivного суффикса *-u-, ср. хетт. *ma/ilittu-* ‘сладкий, медовый’ < *melit-u- от *melit- ‘мед’, др.-гр. μέλι τ-, вед. *patáru-* ‘летающий, имеющий крылья’ < *p(o)ter-u- от *potr̥, *pet-n- ‘крыло’, хетт. *pattar, pad-današ*; этот суффикс часто сопровождается *vṛddhi* в корне деривационной базы, ср. вед. *áp. λεγ. pādú-* RV X, 27, 24 ‘обувь’ (пали *pādukā-*) < *pēd-u- ‘имеющий в себе ногу’ ⇐ *pód-, *péd- ‘нога’ или *nek-, *rk- ‘смерть’ (лат. *nex*, др.-гр. νέκεις νεκροί Hsch.) ⇒ *nék-u- ‘имеющий смерть’ (др.-гр. ион. νέκυσ (ῖ)) → *nék-ou-s, *rk-u-és ‘имеющий смерть’ (ав. *nasāum*, др.-ирл. Nom. Pl. *écaí*).¹⁹

Отсюда следует возможность восстановления внутренней формы для и.-е. слова со значением ‘челюсть’:

*ġonH₂-, *ġenH₂- ‘зуб’ ⇒ *ġēnH₂u- ‘то, что содержит зубы, having a totality of teeth’ > ‘челюсть’

¹⁹ См. подробнее: А. С. Николаев. Рец. на кн.: P. Widmer. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004 // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 2. СПб.: «Наука» (в печати).

А. А. Новохатько

HORATII SAT. 1. 2: О ПРЕЛОМЛЕНИИ ЯМБИЧЕСКО-САТИРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Sat. 1.2 Горация представляет собой яркий пример ямбического стиля в горациевской поэзии, особо ярко демонстрирующий, как виртуозно оперирует Гораций всем богатым корпусом предшествующей ему поэтической традиции. Подчеркнув сначала основные этапы развития инвективы, используемые Горацием в его ямбической и сатирической поэзии, а затем то непосредственно авторское, что привнес в это направление сам Гораций, мы покажем на примере анализа *Sat.* 1.2, что хотя тема инвективы является одной из основных в поэзии Горация и хотя он действует в рамках, заданных Архилохом, Каллимахом, Катуллом и Луцилием, Гораций меняет эту традицию, трансформирует ее. Гораций находится во власти литературной игры с самим собой и со своей аудиторией, интерпретируя самого себя как часть социальной и – в конкретном случае – сексуальной жизни общества, когда группа мужчин сравнивает свои привычки, и одновременно как часть литературной традиции. Результатом становится литературное отражение, «литературный мотив», как называет это Э. Френкель¹.

Место, предоставленное поэзии в рамках современной жизни, существенно отличалось в случае Архилоха от Горация и Луцилия. Весь личный жизненный опыт, воплощенный Архилохом в ямбах, у Горация становится лишь адаптацией литературного мотива. Так, в эподе 16², близком *Sat.* 1.2 и ярком примере такой литературной перегруженности, Гораций, предполагая, что Рим будет покинут, вводит фантастический элемент. Он сочетает мотивы из широкого круга источников: Геродот к фокейцам (25–26), оракул Сивиллы (27–29), Архилох (34 и 39), Вергилий (30–33) в подражание четвертой эклоге. Строка 6, аллюзия на Катилину и аллоброгов, скорее всего, имеет влияние недавнего саллюстиевского «Заговора Катилины».

¹ Fraenkel E. Horace. Oxford 1957 (=1997); 78ff.

² Nisbet R.G.M. Horace's *Epodes* and History // Poetry and politics in the age of Augustus. Ed. by T. Woodman and D. West. Cambridge, 1984; 1–18; 4ff.

Sat. 1.2 изобилует подобными примерами, для иллюстрации приема *variatio* достаточно одного. Строки 105–108 – буквальное переложение эпиграммы 31 Каллимаха, но указывает на заимствование только *hiscine versiculis* в строке 109. С другой стороны, Филодем отчетливо упомянут в строке 121, однако только непосредственно содержание эпиграммы позволяет узнать ее в горациевской аллюзии.

Sat. 1.2 несет в себе также ярко выраженную сатирическую традицию, в первую очередь эллинистической диатрибы³ и Луцилия. Тема инвективы вообще у Горация основана на луцилиевском понимании сатиры⁴.

Наконец, имеет значение и пласт метафорического понимания этого произведения. Так же, как *Sat.* 1.2 сочетает в себе одновременно элементы возбуждающей непристойной песни и поучающей беседы, так она воплощает пронизанный тонким юмором параллелизм разных типов женщин и типов стихосложения (подобный мотив мы находим и в конце четвертой книги Лукреция). Такой символизм добавляет комический эффект, и комбинация тем приводит к «комической инвективе», достигающей баланса, рекомендуя страстному любовнику удобную «золотую середину»⁵. Эта середина является, в конечном итоге, авторским голосом, мудрым горациевским «я», отчетливо выраженным во всем его творчестве, суммирующим некую «коллективную мудрость» предшествующей ямбическо-сатирической традиции.

³ См. сам Гораций о философе Бионе Борисфенском *Ep.* 2, 2, 60.

⁴ См. анализ луцилиевских заимствований у Горация Fiske G. C. Lucilius and Horace: A Study in the Classical Theory of Imitation. Madison, 1920; 248–274.

⁵ «Nil medium est», *Sat.* 1, 2, 28.

Ю. В. Откупщиков

ЗАМЕТКИ К НАДПИСИ «ДУЭНОСА» (CIL, I, 4)

Эта надпись – одна из наиболее загадочных архаических латинских надписей. Судя по тому, что она выполнена на трех небольших соединенных между собой сосудах, надпись эта – магического содержания. Уже датировка надписи у разных исследователей колеблется от VII–VI до IV в. до н.э. К сожалению, аргументы в пользу более ранней или более поздней датировки надписи далеко не всегда убедительны. Текст не имеет знаков словораздела, в отдельных случаях разные исследователи предлагают различные варианты членения текста на отдельные слова. Магический характер текста создает дополнительные трудности для его понимания. По подсчетам Л. Палмера, в тексте полностью понятны менее десяти слов, всё остальное строится на сплошных догадках. К числу понятных Л. Палмер относит слова DEIVOS и MITAT. Между тем, в каком падеже и числе стоит первое слово, а также каковы наклонение и значение слова второго – отнюдь нельзя считать *полностью понятным*.

Вполне естественно, что о содержании надписи мы практически можем строить только гипотезы. Было предложено более 60 интерпретаций и/или переводов надписи «Дуэноса». Ни одна из этих гипотез не может претендовать на полное понимание текста. Не желая увеличивать и без того большое число гипотетических толкований, я не рискну анализировать всю надпись в целом, а остановлюсь лишь на нескольких словах в самом начале надписи.

Уже первое слово нашего текста IOVESAT вызывает серьезные сомнения в правильности, кажется, общепризнанной его интерпретации как соответствия классическому iūrat. Фонетически здесь все получается безукоризненно: после синкопы *e* происходит естественное изменение *ov > ou > ū*, *s* подвергается ротацизму – что и дает в итоге iūrat. Если перед нами, действительно, этот глагол, то форме iūrātus в нашей надписи должно бы соответствовать слово IOVESATOS. Но такого слова нет ни в одной архаической латинской надписи. Зато в надписи на Форуме (CIL, I, 1) в предпоследней строке мы находим прекрасно сохранившееся слово IOVESTOD (Abl. Sg.). Совершенно очевидно, что здесь долгий гласный ā не мог быть синкопирован.

Следовательно, остается единственная возможность для объяснения: IOVESAT – это не индикатив глагола I спряжения (= классич. iūrat), а субъюнктив не сохранившегося в более поздней латыни глагола III спряжения (*iūrere). Подобные пары глаголов хорошо известны в латинском языке: fugāre и fugere, dicāre и dicere и др. Кстати, соотношение форм dicātus и dictus полностью совпадает с соотношением *IOVESATOS (> iūrātus) и IOVESTOS (> iūstus).

Предложенное толкование снимает целый ряд затруднений в интерпретации начальной части надписи. Прежде всего, если видеть в слове IOVESAT Praesens indicativi (= iūrat), то странной представляется постановка сказуемого в самом начале предложения. В то же время, глагол в субъюнктиве в начале предложения – обычное явление (ср., например, Caesar ... vivit или Caesar vivit ... – с одной стороны, и vivat Caesar ... – с другой). Затем, второе слово надписи DEIVOS могло бы быть Nom. sg. или Acc. pl. И. М. Тронский отказывается от первого варианта, ибо «маловероятно, чтобы бог клялся»¹. Однако, как мы видели, в тексте вообще никто не клянется, а IOVESAT DEIVOS означает что-нибудь вроде «Да будет бог справедлив (милостив и т.п.)». Значение глагола определяется на основании его производного IOVESTOS (> iūstus).

Далее следуют слова QOI MED MITAT, определяющие слово DEIVOS: «который меня (т.е. магический сосуд) MITAT». Последнее слово, по словам И. М. Тронского (loc. cit.), «конечно, могло бы быть обычным субъюнктивом от mitto..., но субъюнктив мало оправдан здесь синтаксически». С этим можно было бы согласиться, если бы первое слово надписи стояло в индикативе. Но поскольку оно стоит в субъюнктиве, то по attractio modi в этом же наклонении стоит и глагол MITAT.

Таким образом, предложенная интерпретация глагола IOVESAT устраняет противоречие между IOVESAT (I спряжение) и IOVESTOD (III спряжение), позволяет в слове DEIVOS видеть Nom. sg., а не Acc. pl. и, наконец, объясняет субъюнктивную форму глагола MITAT. Между тем, ряд исследователей, полагая,

¹ И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 151. Ср., однако, в «Метаморфозах» Овидия (I, 188 sqq.), где Юпитер клянется собравшимся богам: Per flumina iuro infima... Кроме того, iūrat per deos едва ли возможно без per – что также говорит не в пользу отнесения слова DEIVOS к Acc. pl.

что MITAT не может быть субъюнктивом, отыскивали, кроме данного места, еще одну надпись, где встречается сочетание MED MITAT (CIL, I, 2658). Однако, эта надпись из Тибура очень плохо сохранилась, о значении глагола MITAT в обоих случаях можно строить только догадки. Так, разные исследователи предлагали для этого глагола значения: 'продавать', 'обменивать', 'отправлять', 'класть', 'ставить', 'приносить в дар', 'опрокидывать' и т.п. Самый глагол в «Oxford Latin Dictionary» приводится под знаком вопроса, а у И. М. Тронского – под звездочкой. В указанном словаре (s. v. mitto) о глаголе MITAT говорится: «Interpretation very doubtful in both places». А ведь именно на таком сомнительном материале базируются многочисленные толкования начальной части надписи «Дуэноса».

Наконец, некоторые сомнения возникают в связи с отсутствием вторичного окончания -d, характерного для субъюнктива. Но всё дело в том, что замена вторичных окончаний -d первичными -t – это не фонетический, а морфологический процесс унификации окончаний². Он протекал достаточно длительно и неравномерно. Причем, фонетически закономерные изменения также могли оказывать на него влияние. Как известно, конечное -d в латинском языке отпадало после долгих гласных, но сохранялось в классическую эпоху и позднее после кратких гласных. Показательно, что формы FHE:FHAKED (надпись на Пренестинской фибуле)³ и FEKED (надпись «Дуэноса») оказались более устойчивыми, чем *MITAD, где по чисто фонетическим причинам конечное -d должно было отпасть, а поэтому здесь раньше, чем в других случаях вторичное окончание -d было вытеснено первичным -t. Характерно, что окончание -d в архаических латинских надписях почти не встречается у глаголов после наиболее открытого долгого гласного /ā/.

² И. М. Тронский. Ук. соч. С. 147.

³ FH произносилось [vh].

А. Е. Павленко

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ НАПИСАН ТЕКСТ? ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Языковая ситуация в равнинной Шотландии (Лоуленде) имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств. Все местные варианты английского языка и диалекты близкородственного ему исконного идиома, скотс, образуют в Лоуленде единую макросистему, имеющую общее ядро, что делает возможным такое явление, как смешение кодов (см. Aitken 1981: 74). В реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент в равнинной Шотландии речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил, поэтому, эпитет «thin Scots» (т.е. буквально «жидкий» или «разреженный» скотс») (McClure 1979: 29–31). Этот диалект представляет собой, скорее, вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лаланс.

Важнейшей проблемой современного скотс является отсутствие у него единого литературного стандарта, что мешает его признанию как языка официальной сферы и образования. В связи с тем, что в шотландских школах письменный скотс как учебный предмет стал вводиться лишь недавно и до сих пор не является обязательным, требуется большая внутренняя мотивация, чтобы научиться хорошо писать на нем, а также основательное знакомство как с разговорной речью, так и с литературной традицией. Образцы правильной письменной речи могла бы дать литература, и прежде всего проза, однако, как отмечают Н. Р. Маккалум и Д. Первес, многих современных авторов пугают трудности, которые необходимо преодолеть на пути к успешному использованию скотс в литературном творчестве (MacCallum, Purves 1995: xii–xiii).

И литературный процесс на скотс, и преподавание этого языка чрезвычайно затруднены тем, что до сих пор отсутствует

его единая грамматическая и орфографическая норма. В этой связи признается, что очень важно изучать язык и обобщать языкотворческий опыт современных шотландских авторов и среди них, в первую очередь, язык классика современной литературы – поэта Хью Макдермида (литературный псевдоним Кристофера Марри Грива). Это тем более важно, что именно за Макдермидом закрепилась репутация создателя наддиалектного литературного варианта скотс, широко известного сейчас как «лаланс».

Как указывает Дж. Д. Маклюр, часто бывает трудно определить, написан ли тот или иной текст на скотс, из-за того, что сам этот термин отличается значительной неопределенностью. Для того чтобы более или менее точно определить содержание понятия «скотс» Маклюр предлагает использовать специальную процедуру. В соответствии с ней язык каждого отдельно взятого текста может быть охарактеризован с помощью следующей диаграммы:

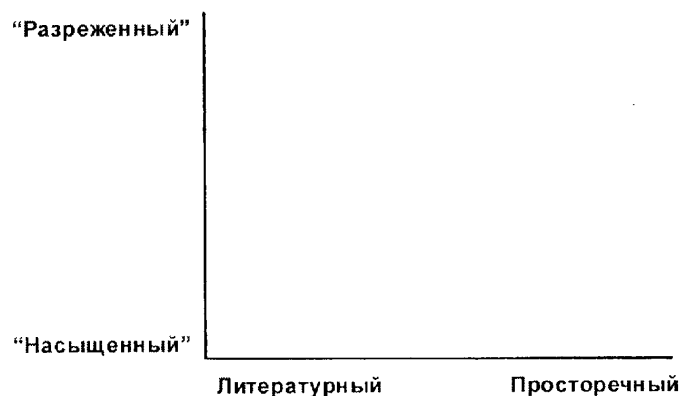

Рис. 1. Диаграмма, позволяющая определить уровень последовательности письменного скотс (по Дж. Д. Маклюру)

Текст помещается на горизонтальной оси у отметки «разговорный», если его язык приближен к реальному разговорному узусу, т.е. если он содержит широко используемую разговорную лексику, грамматические формы и конструкции, а также, если его орфография наиболее точно отражает реальное произношение. Кроме того, неудивительно, что подобные тексты отличаются бедностью таких экспрессивных средств, как метафора, метонимия, сравнение и др. В зависимости от того, насколько

широко представлены упомянутые особенности в тексте, последний может смещаться от «разговорного» к «литературному» полюсу и, наоборот, по горизонтальной шкале (McClure 1995: 173).

«Литературный» письменный скотс, как уже отмечалось, весьма далек от реальной разговорной речи. Его основными отличиями являются

1) более или менее «непрозрачный» словарь, включающий в себя лексику, имеющую более широкую хронологическую и географическую отнесенность, чем это обычно присуще текстам, отражающим разговорную речь; 2) стремление избежать явных грамматических и орфографических регионализмов; а также 3) наличие различных фигур речи, повышающих экспрессивность и образность текста. При этом, однако, степень «литературности» текста не зависит лишь от степени последовательного использования в нем скотс.

Вертикальная шкала диаграммы отражает частотность шотландизмов в тексте или, иначе говоря, показывает, является ли язык текста «насыщенным» или «разреженным» скотс. Степень «насыщенности» или «разреженности» скотс определяется уровнем их дифференцированности по отношению к литературному английскому. Литературный английский избран здесь в качестве нормы, поскольку именно он преподается как родной язык в шотландских школах, а также является основным языком делового общения и СМИ в Шотландии. В силу этого, хотя для большинства шотландцев он и не является первым языком, тем не менее – это единственная четко определенная и, так сказать, «узнаваемая» система в стране. Чтобы охарактеризовать какой-либо текст, как написанный на скотс, а не на английском, он должен быть помещен у нижнего конца оси ординат, т.е. его язык должен быть охарактеризован как «насыщенный». При этом следует учитывать, что язык отрывка смещается в сторону полюса «скотс» не столько благодаря отсутствию англицизмов, сколько – обилию шотландизмов.

Чтобы на практике проверить тезис о более или менее насыщенном скотс, были сопоставлены три варианта перевода на скотс отрывка из Евангелия от Луки, выполненные в разные годы У. У. Смитом, У. Л. Лоримером и Дж. К. Аннандом (см. Low 1985). Сопоставление как минимум трех (а, например, не двух) текстов позволяет получить более детализированную картину дифференциации письменного скотс по степени насыщенности шотландизмами.

Для того чтобы сопоставить тексты Смита, Лоримера и Аннанда, методом сплошной выборки были выявлены все встречающиеся в них на лексическом и грамматическом уровнях шотландизмы в соответствии с критериями, сформулированными на основе авторитетных описаний скотс (см., Grant, Dixon 1921; Wilson 1926; Aitken 1984). Определялось как общее количество таких употреблений, так и относительное (т.е. факт использования каждого данного шотландизма в тексте, а не абсолютное количество его примеров). В данном контексте интерес представляют и такие обобщенные данные, как суммарное количество шотландизмов на лексическом и грамматическом уровне, позволяющие охарактеризовать язык текста как более или менее последовательный скотс. Единство текста оригинала, обуславливает приблизительно одинаковую степень структурной сложности переводных текстов, подразумевающую сходство в использовании сложных предложений, синтаксических оборотов и общем построении текста. Полученные в процессе изучения трех упомянутых текстов данные были обобщены в следующей таблице:

Шотландизмы	Лексические шотландизмы		Грамматические шотландизмы		Суммарное относит. к-во		Суммарное общее к-во	
	Отн. к-во	Общее к-во	Отн. к-во	Общее к-во				
Лоример	52	69	40	57	92	100%	126	100%
Аннанд	38	48	24	38	62	67%	86	68%
Смит	23	36	22	36	45	49%	72	57%

Таблица 1. Сравнительные показатели употребляемости лексических и грамматических шотландизмов в трех вариантах перевода на скотс отрывка из Евангелия от Луки.

Прокомментируем предпочтения авторов переводных текстов, проявляющиеся при отборе ими языковых средств и демонстрирующие колебания как в сторону «идеального» скотс, так и в сторону «идеального» английского языка. Выберем в тексте оригинала несколько знаменательных и служебных слов, а также оборотов, встречающихся во всех трех переводных текстах. Под лексическими шотландизмами здесь подразумеваются как исконные слова, близкородственные английским, и употребленные в традиционном шотландском написании, так и слова, встречающиеся только в скотс.

1. Так, например, в тексте Лоримера повсеместно использу-

ется шотландская форма относительного местоимения *that* – *at*, причем она последовательно заменяет местоимения *who* и *which*, что, согласно описаниям скотс, соответствует реальной речевой практике: ...*Mary, at wis haundfastit til him...* . Это же касается и употребления *at* как союза. Используются формы глагола *be* прош. вр. ед. ч. – *wis* и мн. ч. – *war*, графически передающие особенности произношения: *This wis whan Quirinius wis Governor o Syria...*; ...*an whan they war in Bethlehem...* . В придаточном обстоятельном (причины) используется союз *sin* (вместо ожидаемого здесь общеанглийского *because* или *for*): ...*sin there wis nae room for them intil the inn*. Вводный оборот *there were* последовательно реализуется как *the' war*: *Nou, i that same pairt the' war a wheen herds...* . Для передачи понятия «ясли» (в которых лежал Иисус) используется исконный шотландизм *heck*, а понятие «пелены» передается исконной лексемой *barrie*: *She swealed the bairn in a barrie an beddit him in a heck....*

Можно также выбрать для сопоставления какое-либо предложение оригинала, наиболее полно представленное во всех трех текстах. Таким предложением, например, является следующее: *But Mary kept all these things and pondered them in her heart*. У Лоримера ему соответствует часть сложносочиненного предложения, введенная противительным союзом *but*: ...*but Mary keepit aa thir things lown an cuist them throu her mind her lane*. Синтаксис этого предложения практически не отличается от английского за исключением необычного использования предлога *throu* с группой *her mind*, а также эмфатического употребления *her lane*. Что касается лексики, то здесь встречаются такие шотландизмы как *lown* – «undemonstrative»; *cuist* – зд. «hidden» и все тот же оборот *her lane* – «on her own». Прилагательное *aa* (=all) передано в современной шотландской графике.

2. У Аннанда находим следующие соответствия. Форма относительного местоимения *that* совпадает с английским аналогом. При этом относительное *that* также последовательно, как и у Лоримера, повсеместно заменяет *who* и *which*: ...*his guidwife Mary, that was big-boukit wi bairn*. Формы *was* и *were* повсеместно совпадают с английскими: ...*it was pitten oot by Caesar Augustus...*; ...*the angels were gane awa...* . В придаточных обстоятельных используется союз *for* вместо *sin* у Лоримера: ...*for Joseph was o the kith and kin o David*. Графическая передача оборота *there was/were* идентична английской и не отражает его шотландских произносительных особенностей: ...*for there was nae place for them at the inns*; ...*there were hirds ootby...* . Для обо-

значения понятия «ясли» используется общеанглийская заимствованная лексема *manger*. Понятие «пелены» передается общеанглийской исконной лексемой *swaddlins*, употребленной в шотландской графике, отражающей отсутствие конечного носового звука: *Ye 'll find the bairn in swaddlins, beddit in a manger*.

Предложение, выбранное нами в качестве тестового, содержит всего одну лексему, которая может быть охарактеризована как шотландизм – это прилагательное *mim* (= prim, restrained). К фонетическим (графическим) шотландизмам можно отнести также формы союза *tho* (=though) и существительного *hert* (=heart): *But Mary kept mim, tho her hert was full*.

3. Наконец, те же языковые единицы в тексте Смита имеют следующие особенности. В относительных придаточных, как и в английском языке, местоимение *that* используется наряду с местоимениями *wha* (=who) и *whilk* (=which): *...intil Dauvid's citie, whilk is ca'd Bethlehem...; ...Mary his betrothed wife, wha was a mither-to-be; ...the words that war tell't to them... .* Любопытно, что в реальной речи уже в начале XX в., когда был выполнен данный перевод, *wha* часто заменялось на *that* (at), а *whilk* воспринималось как устаревшее (ср. примеры в Grant, Dixon 1921: 103). Если форма прош. вр. III л. ед. ч. глагола *to be* – *was* совпадает с английской, то форме III л. мн. ч. этого глагола соответствует шотландская форма *war*, как и у Лоримера: *...whan Quirinius was Governor in Syria; And a' war gaun to be enrolled... .* Придаточное обстоятельственное вводит сложный союз *for that*, а не *for*, как у Аннанда, или *sin*, как у Лоримера: *...for that he was o' the hoose and stock o' Dauvid... .* В обороте *there was/were* наречие реализуется дифференцированно в форме *there* с *was*, и в форме *thar* с *war*, ср.: *And a' at ance there was wi' the Angel a thrang o' Heeven's host...; And thar war in the same kintra side herds... .* Понятие «ясли» здесь, также как и у Аннанда, передает лексема *manger*, тогда как понятие «пелены» передает еще один шотландизм *barrie-coat* (ср. *barrie* у Лоримера): *...and row't him in a barrie-coat, and laid him i' the manger... .*

Тестовое предложение переведено как: *But Mary kept a' thae things, ponderin on them in her heart*. Здесь используются такие шотландизмы, как форма прошедшего времени глагола *keep* (*keepit*), являющегося грамматичным для скотс, апострофическое написание прилагательного *a'* (all), указательное местоимение мн.ч. *thae*, а также форма причастия I – *ponderin*, в которой графически отражено отсутствие носового в исходе слова.

Очевидно, что текст Смита представляет собой своего рода компромиссный вариант в плане выбора языковых средств и содержит некоторые признаки намеренной архаизации и, отчасти, следования английским образцам.

Очевидно, что согласно шкале, фактически характеризующей степень структурной автономности различных письменных (равно как и устных) репрезентаций языка скотс, текст Лоримера оказывается наиболее насыщенным шотландизмами и наиболее последовательным в их употреблении. Если принять общую употребляемость шотландизмов в тексте Лоримера за 100%, то соответствующее значение в тексте Смита составит лишь 57%. В этой связи любопытно подчеркнуть, что перевод Евангелия, выполненный Смитом, озаглавлен как *The Four Gospels in Braid Scots*, т. е. «Четыре Евангелия на настоящем (или «насыщенном») скотс». Текст Аннанда по насыщенности шотландизмами (68 %) по сравнению с текстом Лоримера) занимает промежуточное положение.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что даже язык разных вариантов перевода на скотс одного и того же широко известного текста (в нашем случае Евангелия от Луки) способен демонстрировать глубокие различия. Иначе говоря, авторы данных переводов (а, вероятно, и любые другие авторы, пишущие на скотс) вкладывают в понятие «скотс» различное содержание, что проявляется в различиях количественного и качественного соотношения разноуровневых шотландизмов и англицизмов в языке их произведений.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1) Aitken A.J. The good old Scots tongue: does Scots have an identity? // *Minority languages today*. Edinburgh, 1981. P.72-90.
- 2) McClure J.D. Scots and its range of uses // *Languages of Scotland*. Edinburgh, 1979. 26-48.
- 3) MacCallum N.R., Purves D. (eds.) *Mac it new: an anthology of twenty years of writing in Lallans*. Edinburgh, 1995.
- 4) McClure J.D. Scots and its use in recent poetry // *Scots and its literature*. Amsterdam – Philadelphia, 1995. P.171-189.
- 5) Low J.T. The Christmas story in Scots // *Focus on : Scotland. Varieties of English around the world*. General series. Vol.5. Amsterdam – Philadelphia, 1985. P.211-216.
- 6) Grant W., Dixon M.J. *Manual of modern Scots*. Cambridge, 1921.
- 7) Wilson J. *The dialects of central Scotland*. London, 1926.
- 8) Aitken A.J. *Scots and English in Scotland // Language in the British Isles*. Cambridge – London – New York, etc. 1984. P.517-532.

SUMMARY

The principal problem of today's Scots is its lack of standardization what results in its not being recognized as a language of official and mass communication. Besides, there exists a belief that Scots lacks structural autonomy in comparison to closely related English. However, attitudes towards Scots are quite positive, so the elaboration of an interdialect norm would strongly contribute to promotion of this regional language in society.

Despite its low status today Scots has always been a language of literature knowing periods of stronger or weaker influence on behalf of literary English. However it is sometimes not an easy task to say categorically which of the two languages this or that Scottish text is written in. This paper shows, how different literary texts in Scots can be, analysing the consistency level of the three Scots translations of the same extract from the Gospel.

М. И. Петрова

СЮЖЕТ О СМЕРТИ И ВОСКРЕШЕНИИ БРАХМАНСКОГО МАЛЬЧИКА ОБЫЧАЙ «ВЫСТАВЛЕНИЯ» В «МАХАБХАРАТЕ»: «ШАНТИПАРВА», 12, 149

Данный сюжет является одной из самых содержательных вставных историй, включенных в «Шантипарву», и, несомненно, заслуживает пристального внимания. Затронутая тема – смерти и последующего чудесного воскрешения (в том же самом теле и в той же самой жизни) всегда вызывала неизменный интерес и занимает важное место во многих религиях и традициях. В древнеиндийском эпосе этот мотив встречается довольно часто: В «Ади-парве» «Махабхараты» (книга 1) рассказывается о прекрасной Прамадваре, умершей от укуса змеи и воскресшей, когда ее жених Руру отдал ей половину отпущенного ему жизненного срока. В последней книге «Рамаяны» «Уттараканде» излагается история о том, как у одного брахмана умер сын из-за того, что некий шудра Шамбука, занявшись не своим делом, принялся изучать веды и свершать жертвоприношения. Узнав об этом, Рама убивает нечестивого шудру, и юноша оживает. В 149 главе «Махабхараты», о которой пойдет речь в данной статье, есть ссылка на сына «царственного риши Шветы, который встретил предначертанную ему гибель, а на завтра воскрес, так как (при жизни) всегда придерживался дхармы» (3. 149. 63). Немало подобных случаев описывается и в христианской житийной литературе: святитель Спиридон Тримифунтский силой молитвы возвратил к жизни младенца и его мать, преподобный Варлаам Хутынский оживил сына некоего поселянина, известного своим праведным поведением, великомученик Пантелеимон воскресил из мертвых мальчика, укушенного змеей. Во всех этих сюжетах и исследуемом тексте «Махабхараты» имеются некоторые схожие детали, а именно: пол ребенка – почти всегда мужской, обстоятельства смерти и воскрешения, даже отдельные реплики героев.

Рассказ ведется от лица Бхишмы¹ в назидание царю Юдхиштхире с целью убедить последнего, что любое зло и несчастье исправимо при оптимистическом подходе к жизни. Необходимо отметить, что события «Шантипарвы» происходят уже по-

¹ Бхишма – герой Махабхараты, дед и наставник Пандавов и Кауравов.

сле великой битвы между Пандавами и Кауравами на Курукшетре, и царь Юдхиштхира² находится в самом угнетенном состоянии духа, горюя о гибели многочисленных родственников. При помощи поучительных бесед и рассказов Бхишма пытается ободрить внука и напомнить ему о долге царя:

«Выслушай, о Партха³, историю о том, как некогда беседовали шакал и кориун в городе Видиша. Была там одна несчастная семья, в которой умер ребенок, еще не достигший отрочества, единственное достояние рода. Взяв мертвого мальчика, бедные родители, терзаемые горем, рыдая, побрели в сторону кладбища. И там, сидя на земле, по очереди держали его на коленях и горько плакали. Услышав их стенания, к ним подлетел кориун и сказал:

– Оставьте умершего и немедленно уходите отсюда, он всего лишь один из многих в этом мире. Тысячи мужчин и тысячи попали сюда по зову Времени.

Что же, разве у них не было родных? Смотрите, радости и несчастья – хозяева этого мира. Как известно, соединения и разъединения (встречи и разлуки) сменяют друг друга

И у тех, кто идет сюда, взяв своих мертвых, и у тех, кто провождает их, у всех существ свой срок жизни. Вы уже долго пробыли на этом жутком кладбище, кишат стервятниками и шакалами, усеянным скелетами и наводящем ужас на всех живых.

Тот, кто оказался во власти Калы⁴, уже не оживет, будь то друг или враг – таков уж удел смертных. Каждый, кто рожден в мире людей, непременно должен умереть.

Кто оживит мертвеца, вступившего на дорогу Ямы⁵? Люди закончили дневную работу, солнце клонится к закату. Выкиньте же из головы любовь к сыну и идите восвояси.

Здесь можно отметить сближение эпического Калы – воплощения всесильного, разрушительного Времени, и бога смерти Ямы. Так как «все, оказавшись во власти Калы», одновременно «вступают на дорогу Ямы».

Выслушав эти слова кориуна, о царь, родные мальчика с воплями и рыданиями положили его на землю и собрались уходять. Решив, что надежды на то, что их ребенок оживет, нет, они оставили его и пошли в сторону дороги.

² Юдхиштхира – старший из Пандавов.

³ Партха – сын Притхи (применимо к любому из братьев Пандавов).

⁴ Кала – время, в т. ч. и в абстрактном понимании как «высший владыка», персонификация разрушительных сил вселенной, смерти, рока.

⁵ Яма – бог смерти, повелитель подземного царства.

Тем временем шакал, чья шкура была цвета грозовой тучи – черна как вороново крыло вылез из своей норы. Увидев, что они уходят, он воскликнул:

– Как бессердечны люди!

Глупые, солнце стоит высоко, не бойтесь проявить свою любовь. За час⁶ многое может случиться, иногда вы, люди, оживаете. Вы оставили сына лежать на голой земле, забыв о любви к нему. Почему вы уходите, о жестокие, бросив дитя на кладбище?» (12. 149. 1–16).

Из текста совершенно очевидно следует, что семья умершего не собиралась кремировать или хоронить его, а также совершать на кладбище какие бы то ни было погребальные обряды. Это полностью соответствует обычаю «выставления», который был распространен не только в Индии, но и в других странах Азии, например, Индонезии, Тибете, Сиаме. «Выставление» считается одним из самых древних похоронных обрядов, более ранним, чем кремация. Умерших выносили из деревни или селения и оставляли в каком-нибудь отдаленном месте: в лесу, в поле, на возвышенности, где тела становились добычей диких зверей и птиц. Причины возникновения подобного обычая вполне понятны: труп вызывает страх как мистический, так и вполне физиологический – угроза заражения. Упоминания о людях, которые были *paroptāh* (оставлены), *uddhitā* (оставлены на высоком месте или подняты на дерево), *parityaktāh*, *ksiptāh* (брошены) встречаются в ведах, «Чхандогья-упанишаде», «Шатапатха-брахмане», эпосе, буддийской и джайнской литературе и многих других источниках. Причем, эти упоминания, как правило, не носят негативной окраски. Однако постепенно с развитием жертвенного культа сами похороны превратились в жертвоприношение, и наиболее распространенным способом стала кремация, заменившая более ранние формы погребения. Например, в сутрах об обычае «выставления» уже ничего не говорится, поскольку к тому времени в обществе к нему стали относиться с осуждением, особенно в брахманской среде. Однако это не значит, что «выставление» полностью перестало практиковаться в Индии – в ряде мест этот обычай сохранялся, а некоторые племена продолжают оставлять тела умерших на съедение диким зверям и по сей день. Одна ветвь древних ариев – парсы сохранила этот древний обычай даже после того, как они стали стойкими огне-

⁶ Muhurta – тридцатая часть дня равняется 48 минутам.

поклонниками. Огонь казался им священным, и сжигание трупов могло осквернить его. В своей книге «Древнеиндийские домашние обряды» Р. Б. Пандей пишет, что «ведийские арии не разделяли эту точку зрения и, стремясь увидеть дорогих им покойников ушедшими на Небо и соединившимися с предками, они считали нужным отдавать мертвое тело Агни, чтобы он перенес его на Небо и чтобы, обретя сияющий облик, оно соответствовало своему новому окружению» (Пандей 1982: 192). Кроме того, считалось, что если тело человека не кремировать, его душа будет привязана к месту смерти, не находя покоя и даже причиняя вред живым. Впрочем, существовали некоторые категории людей, которых кремировать не полагалось. Для детей до двух-трех лет и удалившихся от мира аскетов и отшельников предписывались «выставление» или какой-нибудь вид погребения, например, в земле или воде. По мнению J. N. Tivari, автора книги «Disposal of the dead in the Mahābhārata» в рассматриваемом сюжете как раз и описывается такой исключительный случай, так как фигурирует в нем маленький мальчик. Однако полной уверенности в этом нет, ибо в тексте несколько раз говорится о тысячах мужчин женщин, стариков и детей, оставленных на этом кладбище: *«Тысячи стариков и младенцев были оставлены здесь родственниками, которые всегда проводят на этом клочке земли в горе дни и ночи»* (12. 149. 68).

Скорее из текста следует, что «выставление» было обычной практикой, причем существующей параллельно с кремацией, так как то же самое кладбище «закопчено от дыма погребальных костров». Судя по тому, что мальчик был «омыт и украшен венками, словно жених перед свадьбой», в нашем тексте отражена более поздняя стадия развития обряда, «когда «выставление» было формализовано – люди оставляли тела умерших нетронутыми и обращались с ними заботливо и бережно. Строго говоря, начиная именно с этого этапа, будет правильным использовать термин погребение» (Tivari 1979: 42).

Возвращаясь к содержанию текста, нужно отметить, что основная сюжетная линия строится на споре коршуна и шакала, первый из которых стремится заставить родственников умершего поскорее уйти, пока не зашло солнце, а второй – остаться и ждать в надежде на чудо. Оба отличаются удивительным красноречием и ссылаются на различные источники и учения, на-

пример, Калаваду⁷. Разумеется, возникает вопрос, какова причина подобной словесной дуэли. Tivari делает вывод, что животные просто голодны, но коршун предпочитает поедать свою добычу днем, а шакал ночью. Однако, есть основания предполагать, что за этой внешней причиной скрывается какой-то другой, более глубокий смысл. В тексте неоднократно подчеркивается, что кладбище является «плохим», «нечистым» местом, где люди превращаются в чудовищ, и нахождение там, особенно после захода солнца, приводит к неминуемой гибели. Сам же шакал «дождался ночи, преследуя свои собственные, отнюдь не праведные цели, и на уме у него было недоброе» (12. 149. 90). Очевидно, что обычный хищный зверь не сможет причинить вред целому клану. Скорее всего, этот шакал представляется персонализацией злых сил, властвующих над кладбищем, особенно активных в ночное время. В этой связи возникает ассоциация с древнеегипетским богом Анубисом, владыкой загробного царства, повелителем и охранителем некрополей и кладбищ. Анубис изображался с головой шакала – хищник считался воплощением этого бога.

Описание самого кладбища весьма ярко, но достаточно типично. Похожие описания встречаются в древнеиндийской литературе неоднократно:

«Этот лес – плохое место, связанное с претами⁸, посещаемое якшиами⁹, ракиасами¹⁰ и оглашаемое криками сов. Он наводит ужас, темен как грозовая туча. Оставьте мертвеца здесь и займитесь исполнением обрядов по умершему. Пока солнце еще высоко и ясен небосвод, идите и сделайте это. Хрипло кричат орлы, жутко воют шакалы, рычат львы, солнце заходит. Деревья здесь закопчены от дыма погребальных костров, а отшельники, не принимающие пищу (нирахары), испускают радостные крики. Те герои, что осмелились войти сюда, превратятся в ужасных чудовищ, пожирающих плоть, и нападут на вас. Дальний лес таит опасность. Бросьте покойника, не обращайтесь к словам этого шакала. Если вы, потеряв разум, будете слушать его пустые, лживые речи, то все погибнете» (12. 149. 91–98).

Надо сказать, что тема страшного, запретного леса характер-

⁷ Калавада – учение о времени, его силе и могуществе.

⁸ преты – злые духи, привидения.

⁹ якши – класс полубогов, спутников бога Куберы, иногда употребляется в значении – злые духи.

¹⁰ ракшасы – злые демоны, чудовища, людоеды.

на также для многих сказок и фольклора. Дети тем или иным образом (увод и оставление родственниками, похищение, самостоятельная отправка) оказываются в лесу, где им грозят страшные опасности: они попадают в плен к ведьме, Бабе-Яге, великану, чудовищу и т.д., которые хотят их съесть, подвергают физическим страданиям, лишениям и пыткам. В. Я. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» возводит этот сказочный мотив к обряду посвящения: детей – исключительно мальчиков, как правило, еще не достигших половой зрелости, уводил в лес отец или брат. «Проводы посвящаемого были проводами на смерть. Посвящаемого особым образом украшали, красили и одевали. Когда женщины видят украшенного таким образом мальчика, они пускаются в плач, и то же делают близкие родственники, отец и братья матери. Они обмазываются грязью и золой, чтобы выразить свое горе, т.е. мы имеем типичную картину первобытного траура» (В. Я. Пропп 1946: 69). Хотя увод мальчиков в лес и воспринимался как бедствие, посвящаемый в результате приобретал великие блага. В лесу мальчики подвергались различным истязаниям: воздействие огня, сдирание кожи, нанесение глубоких ран и т.д. Все это продолжалось в течение долгого времени, сопровождаясь голодом, жаждой, темнотой, страхом, а в некоторых случаях употреблением наркотических зелий, и должно было «отшибить ум» и вызвать то состояние, которое посвящаемый считал смертью. (В. Я. Пропп 1946: 74). Посвящаемый мог забыть свое собственное имя и вполне верил, что он умер и воскрес новым, другим человеком. Формы подобной временной смерти могут быть разными (разрубание тела, варка, сжигание, съедение и т.д.) но результат один и тот же: посвящаемый воскресает, обогащенный некими новыми качествами.

Если рассматривать общую схему, то у исследуемого текста из «Махабхараты» и у волшебных сказок, восходящих корнями к обряду посвящения, есть много общего: мальчик, правда, уже умерший в другом месте, приносится в лес, где его хотят оставить на съедение (коршуну и шакалу), но в самый кульминационный момент перед безутешными родственниками появляется Шанкара¹¹ и предлагает им выбрать дар:

*И молвил Носитель трезубца, обращаясь к людям:
– Я исполнитель желаний.*

¹¹ Шанкара – приносящий благо, один из эпитетов Шивы.

Почтительно склонившись, несчастные отвечали:

– Мы молим тебя о жизни, так как лишились единственного сына. Сблаговоли оказать нам эту милость, вернув к жизни наше дитя.

Тогда Бхагаван, зачерпнув рукой воды, даровал мальчику жизнь на сто лет.

А шакалу с коршуном господь Шива, обладатель лука Пинака, ратующий за благо всех существ, пожаловал дар, утоливший их голод.

Тогда, о могучий, родные мальчика вне себя от радости, что случилось чудо, и их желания исполнились, счастливые, двинулись в обратный путь.

Неослабевающей надеждой (оптимизмом) и нерушимой верой, а также милостью царя богов эти горюющие, плачущие люди быстро обрели желаемое.

Посмотри, как вера и божественное вмешательство осушили их слезы.

О лучший из бхаратов, посмотри, как с помощью веры скорбящие быстро утешились, обретя дар Шанкары (12.149. 107–115).

Мальчик оживляется с помощью воды (один из часто встречающихся сказочных приемов). Его смерть можно тоже рассматривать, как временную. В результате он обретает ценный дар – жизнь, продолжительностью в сто лет. В. Я. Пропп на примере многих сказок также отмечает связь временно умерших с деревьями¹², которые помогают посвящаемому перенестись на время в загробный мир и вернуться обратно. Обряд посвящения мог проводиться именно в лесу как раз по этой причине. Таким образом, есть основание полагать, что в этом данном тексте «Махабхараты» также усматривается отголосок обряда посвящения, правда, с существенными изменениями. Можно сделать вывод, что древний мотив переплетается здесь с существовавшей в те времена традицией погребения.

¹² У братьев Гримм, например, есть сказка о мальчике, сваренном и съеденном злой мачехой. Сестра закапывает его кости под деревом, через некоторое время ребенок воскресает. Пропп приводит в пример якутскую сказку про двух девушек, попавших в плен к страшной старухе. Она кормит их человеческим мясом, отрубает одной из них голову и вешает ее на дерево, причем голова не умирает и плачет (Пропп 1946: 82).

Л. Б. Поплавская

ЭРОТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ В БОЯХ АРЕСА

В эллинистической, а затем и римской поэзии Эрот становится «боевым» богом, а те, кто ему служит, – солдатами бога любви или побежденными им.¹ Такое перераспределение сферы божественного влияния формулируется еще в классической лирике, а позже устанавливается в трагедии. В поэзии Ивика это бог-часовой, он стережет свою жертву, не смыкая глаз, а затем ополчается на нее. 286 fr. Ивика², известный нам по Афинию (XIII, 601 B), V. 6:

...ἐμοὶ δ' ἔρος
οὐδεμίαν κατάκοιτος ὄραν.
«А для меня Эрот не дремлет ни в какую пору».

Далее следуют испорченные стихи, где бог сравнивается с Бореем. Это ураган, противостоять которому невозможно. В конце фрагмента (V. 10–13) действие Эрота передается экспрессивным глаголом αἰσσω с добавлением adverbium ἐγκρατέως – «неудержимо», «властно» он «устремляется с земли» (πεδόθεν), но прежде «сторожит человеческую душу» (φυλάσσει³ ἡμετέρας φρένας). Эрот «мрачный» (ἔρεμνός) и «неустрасимый» (ἀθαμβής) летит от Киприды «безумием, иссушающим душу» (ἀζαλέαις μανίαισιν).

¹ Срав. в эллинистических эпиграммах. Руфин (A. P. V, 22): «Дан я тебе в услуженье Эротом». Пер. Ю. Шульца; (A. P. V, 93): «Против Эрота мне служит оружием верным рассудок». Пер. Л. Блуменау. Здесь жертва Эрота сражается с ним как воин. Приводится по изданию: Эпиграммы греческой антологии / под ред. М. Гаспарова и Ю. Шульца. М., 1999.

Овидий (Amores I, 1) пишет, что его стих, пригодный для военной тематики, похитил Амур, он будет триумфатором на колеснице отчима (т. е. Марса), в его ополчении Соблазн, Зablуждение, Буйство. «Всякий влюбленный солдат, и есть у Амура свой лагерь (Amores I, IX). Пер. С. Шервинского.

² Poetae Melici Graeci /ed. D. Page. Oxford, 1962.

³ Конъектуры для φυλάσσει: Hermann φλάσει, Mueller σαλάσσει, Naeke τνάσσει.

Еще в лирике становится топосом Эрот, сражающийся за души людей. Это подготавливает переосмысление его образа в трагедии.

Эрос может выражать любое сильное и самое заветное желание не только смелых и агрессивных людей, но и тех, кто нуждается в защите. В трагедии Эсхила «Умоляющие» царь Пеласг, уже принявший решение защищать Данаид, уходит за своей дружиной, а им велит обратиться за помощью к богам, чтобы исполнилось их желание (ἔρωος), а оно состоит в том, чтобы избежать ненавистного брака и навязанной любви.

V. 520–521 πρὸς ταῦτα μίμνε καὶ θεοὺς ἐγγυρόριους
λιταῖς παραιτοῦ τῶν σ' ἔρωος ἔχει τυχεῖν.⁴
«Об этом помни, у богов у здешних
Проси в молитвах то, чего добиться тобой владеет страсть».

Парадокс применения слова ἔρωος в данном пассаже заключается в том, что этот «эрос», охвативший душу Данаид (σ' ἔχει), в действительности противоположен «любви», т. е. обычному значению слова.⁵ Спутницей Эрота бывает богиня убеждения Πειθώ, умеющая склонять души намеченных жертв и лишать их сопротивления⁶. Но здесь Пеласг говорит об Убеждении, чтобы помочь выстоять девушкам и не отдать их во власть женихам. Πειθώ нужна ему, чтобы убедить свой народ в божественных санкциях защиты Данаид. Не случайно здесь упомянута и τύχη. Такова судьба.

V. 523 πειθὼ δ' ἔλοιο καὶ τύχη πρακτήριος.
«За мной пусть следует дар убежденья,
Судьбы удача, что исполнит все дела».

У Эсхила ἔρωος – аффект, с которым трудно справиться, неудержимая страсть-отрицание, страсть-ненависть должна принести победу. Так думает Пеласг, хотя по мифу получается наоборот.

Этим словом Эсхил также обозначает и страсть к разрушению и бесчинству. В «Агамемноне» Клитемнестра выражает

⁴ Aeschylus septem quae supersunt tragoedias /ed. D. Page. Oxonii, 1975.

⁵ Срав. с эпиграммой Алкея Мессенского (A. P. V, 10): «Я ненавижу Эрота». Пер. Ю. Шульца.

⁶ См. о Πειθώ эпиграмму Мелеагра (A. P. V, 140).

беспокойство, как бы ахейцы в Трое не совершили святотатства против богов.

V. 341–342 ἔρως δὲ μήτις πρότερον ἐμίλτοιο στρατῶ
πορθεῖν ἢ μὴ χροῖ, κέρδεσιν νικωμένους.
«О только б прежде не обрушилось на войско
Какое бы то ни было желанье у них, корыстью
Побежденных, опустошать, что им не надлежит».

Клитемнестра понимает, что страсть к разрушению воинам Агамемнона не преодолеть, стоит ли с ней бороться, отсюда – νικωμένους.

В этой же трагедии Эрот позитивный оборачивается ностальгией. Он также терзает человеческую душу. Стихомифия хора с вестником, истосковавшимся по родине за годы долгой войны. (V. 540–541): ἔρως πατρώας τῆσδε γῆς σ' ἐγύμνασεν

«Любовь к отеческой земле тебя измучила».

На что он отвечает: ὥστ' ἐνδακρύειν γ' ὄμμασιν χαρᾶς ὕπο.
«Да так, что слезы на глазах от радости».

На разрушительный аспект этой любви указывает выбор глагола: ἐγύμνασεν. γυμνάζω не только «упражнять», но и «изнурять», «мучить».

В данном значении и Эсхил, и Еврипид употребляли его многократно. И так у Эсхила ἔρως обозначает упорство воли, страстное желание добиться своего, пагубную страсть к разрушению, ностальгическую любовь к отчизне. Неудержимый аффект и агрессия стоят рядом. Это доказывает Эрот-боец, заменяющий Ареса в «Эвменидах» Эсхила. Разрушение, производимое им, сравнивается с азартом петушиных боев. Афина в своем монологе просит не стравливать граждан, как бойцовых петухов в междуусобном кровопролитии.

V. 864–865 θυραῖος ἔστω πόλεμος οὐ μόλις παρών,
ἐν ᾧ τις ἔσται δεινὸς εὐκλείας ἔρως.
«Пусть не здесь война, за дверью нашей будет,
А в ней пребудет некий пламень доброй славы».

Эрос – здесь «пыл, пламень». Но он с традиционным эпитетом δεινός – «ужасный». Соседствуя с положительным началом (εὐκλείας), это сочетание превращается в охутогон (δεινός и εὐ-). Его надо понимать как «добро с кулаками», если война нужна для отражения внешней опасности, либо Эрот может

быть так «ловок» (другое значение δεινός), что даже кровопролитие может сделать положительным фактом. «Грозная страсть» может и должна превратиться в «ужасное страдание», но только за доброе имя. Сам Эсхил не может дать точное определение этому Эроту, раз он сопутствует πόλεμος, т. е. Аресу, поэтому нарекает его τις. Также он назван в молитве Клитемнестры, чтобы воины удержались от святотатства (Ag. 341 ἔρως τις). Выражение οὐ μόλις⁷ здесь означает «очевидно», «конечно», «только так». Оно почти равно утверждающей литоте. Арес, спутником которого выступает Эрот, назван междуусобным (V. 862 Ἄρη ἐμφύλιον – асс. sg.), его отвагу люди должны направить против соплеменников (V. 862–863 πρὸς ἀλλήλους θρασύν), тогда она превращается в жестокость, πόλεμος θρασύς – война дерзкая и потому запретная. О запрете такого ἔρως и говорила Клитемнестра: ἢ μὴ χροῖ. Но там была война на чужбине, а здесь распри, к которым подстрекают Эринии. Обращаясь к хору Эриний, Афина говорит:

V. 861–863 μήτ' ἐξελοῦσ ὡς καρδίαν ἀλεκτόρων
ἐν τοῖς ἐμοῖς ἀστοῖσιν ἰδρύσης Ἄρη
ἐμφύλιόν τε καὶ πρὸς ἀλλήλους θρασύν.
«Пусть ты не поместишь, кровавый сделав выбор,
Ареса дерзкого среди моих сограждан
Междуусобным злом, в котором брат на брата,
Как страсть безумной бойни петухов».

При беглом прочтении не совсем понятно, при чем здесь «петухи» (ἀλεκτόρων) и что означает καρδία. Но стих 866 возвращает нас к теме бессмысленности братоубийственного побоища, как к дракам обитателей курятника: ἐνοικίου δ' ὄρνιθος οὐ λέγω μάχην – «не стану говорить о драках птиц домашних». Сингуляризация (ὄρνιθος) важен для Эсхила как попытка обобщения порочной практики первенства с позиций силы. Это отражает и слово καρδία – букв. «сердце». Здесь оно означает выяснение отношений с неистовой страстью («сердито»), такой же самозабвенной как ἔρως. Это новая эмоциональная окраска слова, привычного для выражения аффектов, подтекст такой же, как

⁷ В различных изданиях «Эвменид» Эсхила стихи 858–866 могут помещаться между V. 912 и 913, но их всегда относят к монологу Афины.

в словах Клитемнестры, где рядом с войной соседствует κέρδος – выгода для себя. В словах Афины οὐ λέγω – praesens de conatu вместо futurum, на отсутствие coniunctivus указывает отрицание οὐ. В переводе В. Иванова: «Но в граде петушинных не хочу боев». В трагедиях Эсхила ἔρωσ демонстрирует разные аспекты не только чувств, но и человеческих качеств и поступков: упорство воли, страстное желание добиваться своего, страсть разрушения в чужедальной войне, кровавый Эрот междоусобных страстей, который равен Аресу. Люди сражаются за власть.

В трагедии Еврипида «Геракл» Мегара в разговоре с Амфитрионом вспоминает о былом счастье в родительском доме и о высоком положении своего отца:

V. 63 sg.

...πατέρ'...

ὄς οὐνεκα ὄλβου μέγας ἐκοιπάσθη ποτε
ἔχων τυραννίδ' ἧς μακρὰ λόγχα πέρι
πῆδῶς ἔρωτι σώματα...

«Отца, которого вославили счастливым
За то, что власть имел, из-за нее
От жадного желанья бьется тело
У тех, кто взять ее готов с копьем».

В букв. переводе «длинные копья», т. е. воины с копьем в руках (pars pro toto) потрясают копьями («бьются относительно тел») «от страсти» (ἔρωτι), т. е. желая обладать властью (τυραννίδα). Они готовы добыть ее с оружием в руках, а отец Мегары обладал ею по прихоти судьбы.

В рассмотренных примерах ἔρωσ несет разрушение. Герои Эсхила никогда не борются с этой силой, они воспринимают ее как данность, это их τύχη. Впервые в греческой литературе начинают противиться Эроту герои Еврипида, причем в тех его трагедиях, где арена действия уже не поле брани, а сердца и жизни избранных Афродитой. Эрос выражает не только любовь, а весь пыл крайнего аффекта, вплоть до ненависти, т. е. отрицания любви. Так в трагедии разрушаются привычные стереотипы употребления общеизвестных слов.

М. В. Скржинская

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ НА ПАМЯТНИКАХ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА, НАЙДЕННЫХ НА БОСПОРЕ

Олицетворение абстрактных понятий присутствовало в античной литературе на всем протяжении ее существования. Уже в «Илиаде» (IX, 502–506) появляются могучая быстроногая женщина Обида и идущие за ней хромые морщинистые Молитвы. Греческие колонисты с самого начала своей жизни в Северном Причерноморье были знакомы с персонифицированными абстрактными образами, потому что, как все эллины, с детства знали гомеровские и другие эпические поэмы. Некоторые боспоряне во время застоля устраивали состязания в чтении отрывков из таких поэм, о чем свидетельствует надпись на чернолаковой солонке, полученной в качестве приза¹.

Творчество боспорских писателей можно представить лишь по уцелевшим эпитафиям, в которых изредка встречаются распространенные в подобных стихах тропы; например, Мойра олицетворяет злую судьбу, безвременно похищающую молодого человека (КБН. № 119, 123, 130, 139)². Гораздо больше сведений относительно интересующей нас темы дают привезенные из Аттики расписные вазы VI–IV вв. до н. э. и ювелирные изделия классического и эллинистического времени. Сюжеты изображений на них были понятны местным грекам, и благодаря многочисленности таких ваз и украшений они составляли заметный компонент культуры Боспора.

Приступая к анализу названных археологических находок, напомним, что в искусстве, как и в литературе, пролегает весьма зыбкая грань между персонифицированным образом, символом и аллегорией. Все они выражают отвлеченное понятие через конкретный образ. В отличие от многозначности символа аллегория характеризуется постоянной определенностью, и ее смысл раскрывается путем подведения образа под некое понятие.

¹ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964. С. 93. Рис. 28..

² Доватур А. И. Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 21.

В сохранившейся античной литературе Ника впервые упоминается у Гесиода. В «Теогонии» (ст. 383–385) поэт называет ее дочерью океаниды Стикс и титана Паланта, описывает ее как «прекраснолодыжную» женщину. Подобно своим сестрам Силе, Мощи и Зависти, Ника выступает здесь в качестве персонифицированного отвлеченного понятия. В VI в. до н. э. в греческом искусстве создается зримый образ богини победы в виде молодой женщины, одетой в длинную одежду и с большими крыльями за спиной; на вазах рядом с таким изображением иногда написано ее имя. К древнейшим изображениям Ники на Боспоре относится найденный на Тамани аттический чернофигурный лекиф второй половины VI в. до н. э., на котором вазописец нарисовал ее бегущей между двумя мужскими фигурами в плащах³. В той же роли определенной богини Ника встречается на более поздних вазах и ювелирных изделиях, где она правит колесницей или идет в качестве жрицы, ведущей быка к алтарю для жертвоприношения.

В первой половине V в. до н. э. Ника начинает приобретать характер аллегорической фигуры, символизирующей победу в самых разных видах деятельности людей и богов во время войны и мира, особенно на различных атлетических, мусических и иных состязаниях. Ведь дух соревнования и стремление к победе на любом поприще воспитывались у эллинов с детских лет. Такое значение имеет фигура Ники на пелике IV в. до н. э. из Пантикапея: богиня венчает победителя в беге с факелами, зажегшего огонь на алтаре⁴. В Пантикапее найдено много обломков чаш начала IV в. до н. э. с изображением Ники, подносящей юноше тению — нарядную повязку, вручающуюся победителю. На некоторых рисунках юноша держит стригиль, обычный атрибут атлета. Возможно, эти чаши служили наградами на местных состязаниях в гимназиях и на палестрах⁵.

Редкий образец местного изображения аллегорической фигуры Ники сохранился на известняковом надгробии II в. до н. э.

³ Скуднова В. М. Чернофигурні лекіфи з архаїчного некрополя Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. Т. 7. С. 124. Табл. 6, 12.

⁴ Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1849. С. 17–18. Рис. 7.

⁵ Передольская А. А. Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archaeologia. 1964. № 14. Warszawa. С. 43–44. Рис. 10–15.

из Пантикапея⁶. Умерший представлен в образе воина, которого увенчивает венком подлетающая к нему богиня победы. Таким образом прославляется воинская доблесть усопшего: ведь венок у греков был одной из наград за военные заслуги. Например, в том же веке херсонеситы венчали золотым венком полководца Диофанта (IOSPE I². № 352)

На большинстве vaz с Никой, изображенной в качестве аллегории успеха или победы, представлены мифологические сюжеты, понятные боспорянам. Такова небольшая фигурка Ники на гидрии со сценой мифа о Кадме, собирающемся основать Фивы. Богиня олицетворяет победу Геракла на рисунке пелики, где она парит над героем, поражающим кентавра Несса, а другой пелике она указывает на победу Аполлона в его соревновании с силеном Марсием. С серией мифов о Геракле связана еще одна картина на большом кратере из кургана Бакса. Там изображен апофеоз Геракла. Известно, что Афина просила принять его в сонм богов, а Гера возражала. Художник нарисовал олимпийских богов, к которым на колеснице приближается Геракл. Зевс сидит на троне, по бокам стоят Гера и Афина; Ника, подлетающая к Зевсу со стороны Афины, символизирует перевес ее доводов над возражениями Геры.

В IV–III вв. до н. э. ювелиры часто включали Нику во всевозможные украшения. Мужчины носили перстни с изображением богини, а женщины чаще всего серьги. Гравированный рисунок летящей Ники с венком в руках на золотом перстне из Нимфея мог восприниматься как пожелание успеха в любом деле, которое затевал его хозяин (перстень найден в мужском погребении)⁷. В той же роли богиня выступала в декоре женских серег. В ее руках иногда находились награды победителю венок или наградная повязка тения, которые изображены на золотом перстне из Нимфея и золотых серьгах, найденных в Павловском кургане близ Пантикапея.

На изумительных золотых серьгах из Феодосии Ника правит квадригой, а позади нее стоит вооруженный воин-апобат, готовый прыгнуть с повозки⁸. Здесь мы видим иллюстрацию к мифу о сражении богов и гигантов. Вероятно, апобат представляет Ге-

⁶ Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 89.

⁷ Отчет Императорской археологической комиссии за 1877. СПб., 1878. Табл. 3. (Далее ОАК)

⁸ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб., 1995. С. 264. № 200.

ракла, помогающего богам, он собирается спрыгнуть с колесницы и вступить в бой с гигантами. Ника на этих серьгах не только возница боевой колесницы, но и символ успеха Геракла.

Греки чеканили Нику на монетах как аллегория определенную военной или политической победы того или иного античного государства. Например, Нику постоянно помещали на реверсе статеров Александра Македонского; такие монеты неоднократно встречались при раскопках Боспора. Однако местных монет с Никой немного; на золотых монетах царя Асандра стоящая на корабельном носу Ника с венком в руке символизировала неизвестную сейчас морскую победу боспорян в 40-х годах I в. до н. э.⁹

Подобно Нике, в античной литературе бог любви Эрот впервые упоминается в «Теогонии» Гесиода. Поэт относит его к древнейшим богам и называет одним из космогонических начал наряду с Хаосом, Геей и Тартаром (ст. 116–122), а в орфических гимнах Эрот выступает первым и старейшим из богов. Первоначально греки считали Эрота грозным богом, порождением разных божеств, а с V в. до н. э. господствующим стало представление о нем как о сыне и постоянном спутнике Афродиты. Он находится рядом с богиней на многих терракотовых статуэтках и на рисунках ваз, найденных на Боспоре. На одной гемме из Пантикапея изображено даже, как она кормит Эрота молоком своей груди; на другой тоже пантикапейской инталии любящая мать Афродита обнимает ластящегося к ней сына, а на крышке зеркала, найденного на Тамани, Эрот стоит на коленях богини, и она его целует¹⁰.

Большинство образов Эрота в литературе и в искусстве связаны с радостью жизни и любви. Уже в архаический период Эрот стал превращаться из сурового космического божества в золотоволосого подобного ветру юношу (Sapph. fr. 50; Anacr. fr. 5), и это отразилось на его иконографии. Скульпторы, живописцы и ювелиры изображали его прекрасным подростком с птичьими крыльями, а начиная с эллинистического периода, главным образом шаловливым ребенком. Недаром Павсаний (IX, 27, 2) назвал его самым юным из богов, а в устных рассказах и литературе его описывали как хитроумного и жестокосердого божка, посылающего стрелы из своего лука в сердца людей и богов,

⁹ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 189. Табл. 44, 4–6.

¹⁰ Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 30, 31; Античная художественная бронза. Л., 1973. № 67.

доставляя им и наслаждение, и страдания. Таким, например, описан Эрот в мифологическом эпосе «Аргонавтика» Аполлония Родосского (III, 111–159). С IV в. до н. э. этот образ получил широкое распространение в произведениях монументального и особенно прикладного искусства.

Начиная с классического времени, художники нередко придавали фигуре Эрота значение аллегии любовного влечения богов и людей, а также брака. В такой роли обнаженный юноша или мальчик Эрот появляется в мифологических и бытовых сценах. Вот несколько примеров из коллекции боспорских расписных ваз. На одной картине Эрот парит над Ариадной, к которой приближается ее будущий муж Дионис, а на другой он сопровождает Амфитриту, плывущую на дельфине на свадьбу с Посейдоном; на пеликах и рыбных блюдах со сценой похищения Европы он сопровождает ее в пути на Крит для бракосочетания с Зевсом¹¹. В качестве аллегии фигурка Эрота может повторяться несколько раз на одной и той же картине. Таковы, например, крышка леканы и два свадебных лебета из Пантикапея¹². На лекане изображены приготовления к свадьбе с участием шести Эротов: один с венком летит к невесте, другой завязывает ей сандалию, третий сидит у ее ног, четвертый играет на тимпане, пятый протягивает украшения, шестой несет лутрофор, сосуд для свадебных церемоний.

Предание об Эроте и Психее, известное по «Метаморфозам» Апулея (IV, 28–VI, 24), в древности истолковывалось как аллегория поисков согласия души с любовью в разных ее проявлениях, порой противоречащих душевным устремлениям. В греческом искусстве это отразилось в изображениях названной пары божеств с заключенным в них символическим смыслом. Вскоре после того, как греческие художники в III в. до н. э. начали их изображать в Элладе, боспоряне стали приобретать такие геммы, мегарские чаши, ювелирные изделия и в особенно в большом числе терракотовые статуэтки.

¹¹ Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854. Табл. 61 (Далее ДБК); ОАК 1906. С. 88; ОАК 1870. С. 181–183; ОАК 1904. С. 40; Lexicon iconographicum mythologiae classicae. München, 1981–1997. Bd. 1. S. 727. № 33; Bd. 4. S. 80. № 66, 67.

¹² ДБК. Табл. 49; ОАК 1860. Табл. 1; Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпиды 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. СПб., 1915. Табл. 1,2;

Каменя III в. до н. э. из Артюховского кургана на Тамани относится к самым ранним образцам такого рода. На сардониксе мастер вырезал фигурку ребенка Эрота, ловящего бабочку (по-гречески имя возлюбленной Эрота и слова душа и бабочка звучат одинаково). Тот же сюжет встречается на более поздних серьгах из Пантикапея и на терракоте из Мирмекия с Эротом, прижимающим бабочку к груди¹³. Но чаще душу-Психею представляли в виде девушки или девочки с крыльями бабочки; она либо стоит рядом с Эротом, либо они обнимают друг друга. На европейской и азиатской сторонах Боспора найдено два десятка таких статуэток эллинистического и римского времени. Они знаменуют гармонию души с любовью.

Следует отметить более редкий аллегорический сюжет со сценой душевных и любовных мук: Эрот связывает Психею и прикасается к ней горящим факелом, который наряду с луком и стрелами являлся его атрибутом; но изредка бывало наоборот Психея мучает Эрота. Распространенный вариант представлен на перстне I в. до н. э. с инталией на гранате из Тирамбы и на медальоне II в. до н. э. в центре серебряного блюда, найденного на Нижнем Дону, а второй вариант мы видим на другом блюде, находившемся вместе с первым¹⁴.

Рассмотренные многочисленные памятники прикладного искусства показывают, как литературные тропы воплощались художниками, и какие из них получили широкое распространение на Боспоре.

¹³ ДБК. Табл. 7, 8; 73, 4; Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 66. Рис.19; Денисова В. И. Керамика Боспора. Л., 1981. Табл. 20 е.

¹⁴ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Табл. 166, 16; Капосшина С. И. A Sarmatian Royal Burial at Novoherkassk // *Antiquity*. V. 148, 37. 1963. P. 256–258.

В. П. Смышляева

НОМИНАЦИЯ И ОБРАЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПТИЦЫ

Коррекция образных уровней поэтического языка часто запускается собственно языковыми внутрисистемными импульсами. Покажем это на примере двух образов из римского поэтического авиария. Зададимся вопросом, почему молодой Вергилий, имитируя строку Феокрита (*Theocr. Id. I, 135 κῆξ ὀρέων τοῖ σκῶπεξ ἀηδόσι γαρυσαίντο*) соловьев заменяет лебедями (*Verg. Buc. VIII, 55 certent et cunus ululae*), отступая от исходной (вероятно, паремической) модели и даже разрушая феокритовский хронотоп (сова и соловей противопоставлены в нем как лесные птицы, поющие в сумерках)?¹ Отказавшись от идеи творческого спора Вергилия с Феокритом, можно теоретически допустить, что «искажение» было продиктовано спецификой местной фольклорной традиции или авифауны. Однако фольклорная лирика в Риме, если и имела некоторое развитие, оказалась рано подавлена греческим литературным влиянием. Списки же птиц Италии и Греции различаются незначительно, по крайней мере соловей и лебедь как постоянные мигранты были хорошо знакомы римлянам. Не мог подсказать такой замены Вергилию и трубный голос самого «музыкального» лебеда – кликуна (*Cygnus cygnus*). Плиний Старший, посвятивший немало строк описанию соловьиной песни (*Hist. nat. X, 43*), о красотах лебединого пения не упоминает и легенду о поющем перед смертью лебеде считает выдумкой (*Hist. nat. X, 32 olorum morte narratur flebilis cantus, falso, ut arbitrator*).² По-видимому, разгадку предпочтения лебеда соловью в римских поэтических сценариях певческого состязания птиц следует искать все же в языке. Исходным пунктом для этой замены послужили, на наш взгляд, трудности номинации соловья в языке дактилических жанров.

¹ Приведем еще несколько примеров, где лебедь прямо или косвенно выступает эталоном певца: *Lucr. De rer. III, 6 quid enim contendat hirundo cunus; Verg. Buc. IX, 35 sed argutos inter strepere anser olores; Prop. II, 34, 83 canorus/ anseris indocto carmine cessit olor*.

² Впоследствии загадочный миф о сладкоголосом лебеде пытались объяснить свистом его крыльев на взлете, действительно мелодичном по свидетельству орнитологов.

Номинатив *lusciniā* (– ㄩㄩ), наиболее востребованная форма орнитонима (агенса важного для лирики семантического архетипа «птица сладко поет»), был невозможен в дактилическом стихе без элизии и закономерно устранен поэтическим языком.³ Утрата компенсировалась заимствованием греческого мифонима *Philomela* с производными от него перифразами. При всей эффектности эта поэтическая номинация, сохраняя в свернутом виде миф о Филомеле и Прокне, редуцировала образ поэтического соловья до «сладко плачущей птицы».⁴ Заметим, что свист соловья (в том числе средиземноморского *Luscinia megarhynchos*) не содержит никаких особенно грустных интонаций: образ соловья – рыдальца возник, вероятно, из обыкновения птицы петь и в сумерках. *Philomela* обретает в латинском поэтическом языке также отчетливую гендерную характеристику, поддержанную не только семантикой мифонима, но и его грамматическим родом (отчасти и включением в парадигму «женского» первого склонения). Римляне знали, конечно, что поют самцы птиц, но литературный язык противился усвоению деривата *luscinius* (спорадически у Сенеки, Федра), распространенного в речи любителей птиц.⁵ Род орнитонима (или замещающей его образной номинации) не играет роли, пока не формируются метафорические переносы модели «птица – человек».⁶ Так, грамматический женский род оказывается дополнительным препятствием для включения Филомелы в метафорическое тождество «певец-поэт – поющая птица» в отличие, например, от русского соловья («О Боян, соловей нашего времени») и даже греческого ἀηδών, развившего семантические дериваты для подобных метафорических

³ *Lusciniā* не встречается у Вергилия и Овидия, а у Горация однажды в гастрономическом контексте Sat. II, 3, 243.

⁴ «След» плачущей Филомелы обнаруживается и в этимологиях нового времени («*lusciniā* <* *luges-cinia*» Martin).

⁵ Аналогично обстоит дело с дублетом *columbus*, употребительным, по свидетельству Варрона (De lingua Latina I. 1, 9, 38 Spengel) в речи голубеводов.

⁶ В русской свадебной песне девушка именуются уткой, лебедью, голубкой, перепелкой, а мужчина соколом, ястребом, орлом, селезнем. (Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С.70)

контекстов.⁷ В этой языковой ситуации нишу лучшего певца римского поэтического авиария занимает лебедь с его весьма сомнительным пением, но ритмически и грамматически (мужской род) удобными орнитонимами (*olog* и гр. *cucnus*). Образ усваивается и символизируется (Гораций) римской поэзией тем легче, что опирается на мифопоэтическую греческую традицию. Соловьиное же пение римской поэзии – женское пение, оно так же неприемлемо для характеристики поэта, как плач кукушки в русской поэзии.

⁷ Грецизм *aedon* начнет осваиваться поэзией начала I в. н.э., у Кальпурния Сикюла (6,8) рассматриваемая паремия представлена уже адекватной оригиналу парой птиц: (*credibile est...*) *vocalem superet sic dirus aedona bubo*).

А. И. Солопов

ТОПОНИМЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ

CASTRA, CASTELLUM, στρατός И CASTRUM

В СИСТЕМЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

I. Военные лагеря были специфически римским типом населенного пункта. С точки зрения географической номенклатуры важной чертой названий военных лагерей было то, что в них всегда присутствует слово *castra* 'лагерь'. Среди топонимов, содержащих в себе элемент *castra*, можно выделить шесть моделей образования названий.¹

1) **Castra без определения.** В трех случаях название населенного пункта представляет собой слово *castra* без каких-либо определений: *Castra* (BOS, 20 E5), *Castra* (MAC, 49 D2), *Castra* (SVN, 20 A4 et 19 F4). Следует отметить, что все три случая локализируются на территории Придунайских провинций и поэтому могут считаться местной топонимической особенностью.

2) **Castra + согласованное определение.** В качестве согласованного определения к *castra* обычно выступают притяжательные прилагательные, образованные от антропонимов (нередко – имен императоров). Образованные от антропонимов прилагательные определяют слово *castra* в следующих несомненных случаях: *Castra Aelia* (SPN, 25 D4), *Castra Caecilia* (SPN, 26 D2), *Castra Constantia* (HUN, 20 G2; 21 B2), *Castra Corneli(ana)* (?) (TUN, 32 F2), *Castra Postumiana* (?) (SPN, 27 A4; 26 F4), *Castra Traiana* (ROM, 22 B3). С меньшей уверенностью можно отнести к этой разновидности также следующие два топонима: *Castra Delia* (TUN, 32 F2; впрочем, прилагательное *Delius* может иметь значение 'делосский') и *Castra Neptitana* (TUN, 34 F4).

По крайней мере в одном случае в качестве согласованного определения к слову *castra* выступает прилагательное, образованное от названия реки: *Castra Regina*² (GER, 12 F3 et 1 F1 et 2 F4),

¹ Для топонимов, учтенных в «Баррингтоновом атласе» Р. Тальберта (Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Ed. by Richard J. A. Talbert. Princeton and Oxford, [2000]), в скобках указывается их локализация согласно принятой в этом атласе системе сиглов.

² Просодия указана по *Cüppers, Heinz. Regina castra // Der Kleine Pauly. Bd. IV.*

современный Регенсбург. Так как некоторые города получили имена по реке, название одного из лагерей – *Castra Margensia* (YUG, 21 D5) – допускает двоякое толкование: как по городу *Margum* (YUG, 21 D5), так и по реке *Margus fl.* (YUG, 21 D5 et 1 H2). Относительно редки случаи использования в названиях лагерей качественных прилагательных. Видимо, их только два: *Castra Noua* (ALG, 29 F1) и *Castra Vetera* (GER, 11 G1 et 2 E3).

3) **Castra + несогласованное определение.** Среди названий лагерей, образованных с помощью несогласованного определения, наиболее многочисленную групп составляют названия, содержащие несогласованное определение в форме родительного падежа множественного числа существительных, всегда обозначающих лиц: людей различной военной специальности, национальности, возраста: *Castra Exploratorum* (UKG, 9 E5), *Castra Germanorum* (ALG, 30 C3), *Castra Maurorum* (TKY, 89 D3), *Castra Puer(or)um* (ALG, 29 E1).

Несогласованным определением также может быть существительное в родительном падеже единственного числа. Семантически эта группа весьма неоднородна. Служащее определением существительное может быть как именем божества, так и именем исторического деятеля, а в одном случае представляет собой название места или учреждения (*praetorium* 'штаб'): *Castra Herculis?* (NET, 10 B5; 11 F1), *Castra Martis* (BUL, 21 E6), *Castra Hannibalis* (ITL, 46 E4), *Castra Praetorii Moberni* (JOR, 71 B3).

4) **Castra + обстоятельственный оборот с предлогом ad.** В одном случае слово *castra* в названии населенного пункта распространено обстоятельственным оборотом с предлогом *ad*: *Castra ad Herculem* (HUN, 20 F2 et 21 A2). Семантически этот топоним, видимо, равнозначен приведенному выше топониму *Castra Herculis*, а с точки зрения структуры он близок к наиболее распространенному типу образования названий станций. Три различные станции носят именно название *Ad Herculem* (ITL, 48 A2; SPN, 26 D5; YUG, 21 D6).

5) **Castra как приложение.** Более редкой синтаксической функцией слова *castra* в географической номенклатуре является функция приложения. Засвидетельствованы следующие случаи использования *castra* как приложения: *Aquincum Castra* (HUN, 20 G2; 21 B2 – совр. Будапешт), *Gadaum Castra* (ALG, 29 F1), *Thanaramusa Castra* (ALG, 30 E4), *Tigaua Castra* (ALG, 30 C4), *Vlcisia Castra* (HUN, 20 G2; 21 B2; с IV в. н. э. – *Castra Constantia*), *Castra Mefaa* (JOR, 71 B3). По-видимому, модель «существительное + *castra*» развилась из тех случаев, когда название населенно-

го пункта, расположенного недалеко от римского лагеря, по своим морфологическим характеристикам не позволяло его адъективное употребление. Так, в топониме Gadaum Castra первая часть, скорее всего, была несклоняемой. Необходимо отметить, что во всех засвидетельствованных случаях существительное, к которому castra служит приложением, представляет собой имя собственное, взятое из какого-либо варварского языка и непрозрачное с точки зрения классических языков.

б) **Использование корня castr- в словосложении.** Этот способ образования засвидетельствован в одном случае: Castrimoenum (ITL, 43 C2).

II. Названия крепостей, фортов и укреплений нередко содержали в себе слова castellum и castrum. Оба эти слова имеют значение 'крепость, форт' и различаются лишь тем, что castellum может употребляться как нарицательное, а употребление castrum (в ед. ч.) ограничено географической номенклатурой.

1) **Castellum без определения.** Известен один населенный пункт, название которого образовано таким способом: Castellum (ITL, 40 B4).

2) **Castellum + согласованное определение:** Castellum Arsacalitanum (ALG, 31 E4), Castellum Aurelianense Antoninianense (ALG, 31 C4), Castellum Cellense (?) (ALG, 34 D2), Castellum Dianense (ALG, 31 C4; 34 D1), Castellum Fabatianum (?) (ALG, 31 F4), Castellum Gurolense (ALG, 31 C4), Castellum Mastarense (ALG, 31 E4), *Castellum Medianum Matidium Alexandrianum Tiliruense (?) (ALG, 31 C4), Castellum Subzuaritanum (ALG, 31 F4), Castellum Tingitanum (ALG, 30 B4), *Castellum Turrense (ALG, 31 B4; 34 C1), Castellum Vanarzanense (ALG, 34 D2).

3) **Castellum + несогласованное определение:** *Castellum Arabum (SYR, 89 C4), Castellum Firmanorum (ITL, 42 F2), Castellum Mattiacorum (GER, 11 I2; 12 B2), Castellum Menapiorum (FRA, 11 C2), Castellum Thigensium (TUN, 33 B4; 34 G3), Castellum Elefantum (ALG, 31 E4), Papiriou Castellum (TKY, 66 B3).

4) **Castellum как приложение:** Antiochia Castellum (TKY, 66 B3), Castellum Araocelum (POR, 24 D4), Castellum Auiliobris (SPN, 24 C1), *Castellum Caldis (ALG, 31 E4), Castellum Dimmidi (ALG, 34 B3), Castellum Diuitia (GER, 11 G2), Castellum Elephantara (?) (ALG, 30 E4), Castellum Meidunium (SPN, 24 C2), Castellum Pucinum (ITL, 19 F4; 20 A4), Castellum Toletum (SPN, 24 D2), Castellum Tyde (SPN, 24 C2), Castellum Zugal (ALG, 31 E4), Iar Castellum (?) (ALG, 30 C3), Ubaza Castellum (ALG, 34 F3).

5) **Смешанный случай:** Hedum Castellum Daesitiatium (BOS, 20 F5).

б) **Использование корня castell- в словосложении:** Princastellum (?) (GER, 11 H3).

III. Слова, составлявшие греко-латинскую географическую номенклатуру, по возможности были общеупотребительными и использовались также и за пределами этой номенклатуры в других сферах жизни. Вместе с тем античная географическая номенклатура, как и топонимические системы других народов, имела в своем распоряжении такие лексемы, которые используются исключительно как топонимы или в составе топонимов и могли служить для различия топонима и имени нарицательного. Латинские слова, использовавшиеся только как топонимы, имеют весьма четкое значение, хотя и невозможно найти нарицательного слова той же семантики (таковы, например, слова aquae (мн. ч.), fanum и castrum). Топонимы, обозначающие названия крепостей и содержащие в себе элемент castrum, образованы по нескольким моделям.

1) **Castrum + согласованное определение:** Castrum Diuionense (FRA, 18 C2), Castrum Moenoenum (ISR, 70 E3), Castrum Nouum (ITL, 42 F3; 20 A7), Castrum Nouum (ITL, 44 A1), Castrum Truentinum (ITL, 42 F3; 20 A7), Couiacense Castrum (SPN, 24 F2), Dunense Castrum (FRA, 11 B4), Castrum Rauracense (совр. Kaiseraugst; отсутствует в атласе Тальберта).

2) **Castrum + несогласованное определение:** Castrum Inui (Seru. Aen. VI 775; отс. у Тальберта), [Castrum Cumiacli] (ITL, 40 C3), Castrum Mineruae (ITL, 45 H4).

3) **Castrum как приложение:** Bigorra Castrum (FRA, 25 F2), [Castrum Cimbra] (ITL, 19 D3).

4) **Неясный случай:** [Castrum Volaenes] (ITL, 40 A1; 39 I2).

IV. Из четырех греческих слов, обозначающих военный лагерь (στρατόπεδον, στρατοπέδευμα, στρατοπέδεια, στρατός) в греко-латинской географической номенклатуре используется только одно (στρατός), причем оно засвидетельствовано только два раза и не имеет при себе определений: Στρατός (GRE, 54 D4 et 55 A3) и Στρατός (GRE, 58 B2). Таким образом, в греческом языке не создано аналога распространенному в латинском языке типу названий, основанному на употреблении существительного castra и его производных. Возможно, однокоренным со στρατός является изолированное название Myttistraton (ITL, 47 E3). В конечном счете это явление объясняется тем, что в Римской Империи языком армии был латинский язык, и поэтому даже те лагеря, которые располагались на Востоке Империи, получали названия с латинским словом castra.

М. А. Сухова

ПРЕКРАСНОЕ В ЭПИТЕТАХ ГЕРОИНЬ «ИЛИАДЫ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗА ЕЛЕНЬ)

Известно, что поэмы Гомера создавались в эпоху перехода к ионийской демократии, то есть, уже во время намечающегося перехода к обществу, разделенному на классы. Однако важно, что это была не просто смена одной системы другой: одновременно менялась и мифологическая картина мира, что в свою очередь приводило к возникновению нового типа мировоззрения, которое сочетало в себе как черты старого религиозно-мифологического мышления, так и черты более позднего критического отношения к окружающей действительности. Естественно, что именно такое переходное положение во многом определило основную эстетическую позицию Гомера¹, когда картина мифологической архаики «делается предметом весьма тонкого и часто изощренного изображения и зарисовки, подвергается разного рода рефлексии, и притом не только эстетической, но даже и моральной»².

Эстетические принципы такого по сути переходного мировоззрения реализуются во всех пластах художественной действительности гомеровских поэм³, создавая, таким образом, и специфику эпического стиля Гомера. Задача настоящего небольшого исследования – рассмотреть гомеровский эпитет⁴ как элемент

¹ Лосев А. Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы (эпос и лирика) // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. LXXXIII, 1954. С. 51–55.

² Там же. С. 60.

³ «Во всяком подлинно художественном произведении каждый мельчайший элемент отражает на себе художественное целое» – там же, с. 61.

⁴ До настоящего момента не существует единого общепринятого определения эпитета. Так, В. М. Жирмунский рассматривал эпитет как разновидность метафоры. Б. В. Томашевский понимал под эпитетом поэтическое определение, которое следует отличать от определения логического, задачей которого является «выделить обозначаемое явление из группы ему подобных». Соглашаясь с Томашевским, В. С. Баевский подчеркивает: «Эпитет либо выделяет в предмете одно из его свойств («гордый конь»), либо – как метафорический эпитет – переносит на него свойства другого предмета («живой след»)». Исследовавший эпи-

художественной системы с точки зрения отражения в нем идеи прекрасного, и таким образом, проявления принципов эстетики гомеровского эпоса – на примере, пожалуй, самого яркого женского образа «Илиады» – образа Елены.

По результатам анализа представляется возможным выделить определенные ступени эстетизации эпитетов⁵ героини.

С этой точки зрения в первую очередь следует выделить **эпитеты, явным образом содержащие формант εὖ**⁶ – в нашем случае это эпитеты ἡῦκομος – «прекрасноволосая» (7, напр., XI, 369)⁷, εὐπατέρεια – «имеющая прекрасного отца, благородная» (VI, 292), εὐεῖδής – «прекрасная, миловидная» (III, 48). Все они включены в список эпитетов гомеровского эпоса, имеющих отношение к эстетической терминологии, составленный А. Ф. Лосевым⁸.

Однако кроме такого терминологического аспекта ряд эпитетов прекрасного можно выделить и на менее явственном **семантическом уровне**.

Так, семантика ряда эпитетов **прямо указывает** на прекрасные стороны личности их обладателя: Елена называется λευκώλενος – «белолокотной» (III, 121), τανύπεπλος – «одетой в длинное платье» (III, 228) – эпитеты, свидетельствующие о внешней ее красоте. С другой стороны, о внутренней ее красоте свидетельствуют эпитеты δῖα γυναικῶν – «божественная, божество меж женами» (3, напр., III, 171⁹ и φίλον τέκος – «милое ди-

теты в гимнической поэзии эпохи эллинизма Ю.Ф. Панасенко, трактовка которого положена в основу нашей работы, принимает, по сути, определение Томашевского, расширяя рамки лексического выражения этого тропа: эпитет может быть любой частью речи, получающей в тексте значение именной категории.

⁵ Эпитеты Елены были нами выявлены по результатам сплошного просмотра текста поэмы, а также были сверены по изданию: Dee J. H. Epitheta Homini-um apud Homerum. Hildesheim, Zuerich, New York, 2000. P. 187–189.

⁶ Интересно, что почти равнозначный по употреблению формант «καλλ» в эпитетах Елены не встречается.

⁷ Будучи ограничены в объеме настоящей работы, мы не приводим все контексты употребления того или иного эпитета, но указываем в скобках общее количество его употреблений (если это число превышает 1–2).

⁸ Указ. соч., С. 123–125.

⁹ Этот эпитет вообще очень важен для гомеровского эпоса: им наделяются не только люди, но небо, море, заря, реки, области, лошади и т.д. – в гомеровском понимании весь мир божествен и прекрасен; он несет

тя», как называет ее Приам (III, 162), φίλη νόμῳα – «милая дева» – обращение к ней Ириды (III, 130), φίλη ἄκοιτις – «любезная супруга» (так наречет ее победитель в поединке Менелая и Париса – III, 138)¹⁰.

Жалость и сочувствие у читателя вызывают эпитеты ἄμμορος – «несчастливая, с несчастной долей» (XXIV, 773), ἀχνυμένη κῆρ – «печалющаяся в сердце» (XXIV, 773), вплетенные в плач Елены по Гектору.

Следующая группа эпитетов, на первый взгляд, не столь очевидно несет в себе семантику прекрасного или же безобразного. Яркость выражения им сообщает та ситуация, в которой они произносятся, и таким образом, эстетическую нагрузку получает их **контекстная, ситуативная семантика**.

Κυνῶπις – «бесстыдная» (III, 180), στρυγερή – «ненавистная» (III, 404), κύων – «псица» (VI, 344, 356), κακομήχανος – «злосознательная» (VI, 344), ὀκρῦεσσα – «отвратительная, мерзкая» (VI, 344) – все это отнюдь не лицеприятные эпитеты, которыми наделяет себя сама Елена, понося себя и свою участь перед свекром, Афродитой и позже перед деверем. Однако уже само употребление таких определений в свой адрес в данных контекстах свидетельствует о прекрасной душе, раздираемой муками совести и стыда.

Что же касается самого Приама, то в ответ на самобичевания Елены он как раз наделяет ее гораздо более ласковыми определениями: οὐ τί μοι αἰτίη – «ни в чем передо мной не повинная» (III, 164) – так говорит он ей.

Есть, правда, два отрицательных эпитета Елены: ῥιγεδανῆ Ἑλένη – «ужасная Елена» (XIX, 325) – «Я сражаюсь с троянцами из-за ужасной Елены» – говорит Ахилл, и σχετλίη – «дерзкая» (III, 414) – слова Афродиты в адрес своей любимицы. Но в обоих

в себе значение блеска, света, также необходимого Гомеру, а также значение божественности и благородного происхождения. Так, словарь Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1999, V. δῖος сообщает, что это типично поэтический термин с неясным значением. Употребление его у Гомера то оправдано, выразительно, то является формульным (например, «божественный свинопас»). Корень δει связан с божеством неба и света – точный смысл прилагательного – «от Зевса».

¹⁰ Последние три эпитета принадлежат к тем прилагательным, что употребляются «οὐ τόπω, ἀλλὰ φῶσει»

контекстах (что касается Афродиты, то она таким образом заставляет Елену идти к «новому» мужу) эти эпитеты скорее направлены на раскрытие образов или способствуют более точному описанию чувств говорящих, нежели характеризуют объект их нападок.

И, наконец, есть группа эпитетов, которые сами по себе нейтральны, но получают интересующую нас **семантическую окраску в сочетании** с другими эпитетами или поясняющими словами.

Так, например, Елена по семейному своему положению является невесткой – на первый взгляд, мы не находим никакой эстетизации. Но в сочетании νυθὸς ἀνδρῶν αἰχμητῶν – «невестка копьеносных мужей» (III, 49) эпитет этот звучит совершенно иначе. Такая же ситуация будет и с другими эпитетами, обозначающими ее семейный статус: κουριδίη ἄλοχος Μενελάου – «законная супруга Менелая» (VII, 392; XIII, 626); φίλη ἄκοιτις τῷ νικῆσαντι – «милая супруга победителя» (III, 138); θαλερὴ παρ᾿ἀκοιτίς οἴου φωτός – «цветущая супруга какого мужа» (Имеется в виду Менелай, которого упоминает Гектор в речи, обращенной к Парису – III, 53); Ἑλένη κοῦρη Διὸς αἰγιόχοιο – «Елена дочь Зевса Эгиоха» (III, 426); Ἑλένη Διὸς ἐκγεγαυῖα – «Елена, рожденная Зевсом» (III, 199; III, 418). Все эти эпитеты включают Елену в героическое окружение.

Для всех смертных героинь в «Илиаде» используется эпитет γυνή «жена, женщина». С именем Елены он употребляется 8 раз (например, III, 72); но в третьей песне эпитете этот сопровождается определением – γυνή εὐειδής – «прекрасная, милосвидная женщина» (III, 48).

И, наконец, даже плачущая Елена в своей печали остается прекрасной – «τέρεν κατὰ δάκρυ χέουσα» (III, 142) – «нежно льющая слезы», вспоминает она о первом своем муже и близких.

Интересно, как распределены эпитеты по вышеуказанным четырем категориям: большая часть эпитетов приходится на третью, контекстную группу, за ней по наполненности следует четвертая (семантика прекрасного в сочетаниях), а наиболее очевидных «эстетических» эпитетов оказывается всего три (из общего числа – 31, или же с учетом всех употреблений – 9 эпитетов из 53). Таким образом, наиболее употребительны оказываются не эпитеты «постоянные», традиционные, а контекстно выявляющие прекрасную сущность Елены, что, несомненно, является еще одним аргументом в пользу удаления «Илиады» от принципов «строгаго» эпического стиля.

К тому же выводу приводит соотнесение выделенных категорий с вычлененными в прошлой нашей работе¹¹ лексико-семантическими группами эпитетов (эпитеты, указывающие происхождение героинь; характеристика божественной или смертной сущности; семейное положение героинь; внешность; оценочные эпитеты; эпитеты, выражающие эмоции). Наименее используемые группы настоящей работы (первая и вторая, с явной семантикой) содержат в основном эпитеты, связанные с внешностью героини и определением ее сущности. Контекстно-семантическая группа включает сразу две категории – оценочные эпитеты и эпитеты, выражающие эмоции. В сочетаниях по большей части раскрываются эпитеты, указывающие на семейное положение Елены. Таким образом, наиболее наполненной как по общему числу эпитетов, так и по самым «ярким», не «традиционным» определениям оказывается третья категория (контекстные значения). Более того, в рамках этой категории мы сталкиваемся и с моральной оценкой поступков персонажей – то есть, окружающая действительность становится предметом эстетического и этического осмысления – а это уже несомненно более поздняя по сравнению с традиционным мифологическим мировоззрением ступень развития.

Если учесть вышеизложенные соображения при решении вопроса, какая все-таки составляющая эстетики гомеровского эпоса преобладает при выборе и использовании эпитета как элемента художественной системы, то представляется, что эта составляющая связана с привнесением в традиционный эпический стиль новой мировоззренческой основы. Не следует, однако, при этом забывать, что, несмотря на преобладание новых тенденций именно синтез старого и нового в поэмах создает тот художественный мир, которым восхищается не одно поколение.

¹¹ Индивидуализация эпитетов троянских героинь «Илиады» // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII (материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского)*, СПб., 2004; 250–255.

М. А. Таривердиева

ПРЕДИКАТЫ НЕОБХОДИМОСТИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

В логике необходимость определяется как «внутренняя объективная закономерность возникновения, существования и развития предметов и явлений материального мира»¹. В языке выражение необходимости, как и других понятийных категорий, неотделимо от субъекта-говорящего: это одно из проявлений рациональной оценки виртуальных ситуаций. Необходимость относится к числу элементов концептуальной картины мира, и ее языковое воплощение представляет несомненный интерес с точки зрения когнитивного подхода к изучению языка.

Объектом нашего рассмотрения явились предикаты необходимости в латинском языке (*debeo, opus est, oportet, necesse est, decet*), а конечная цель исследования – уточнение содержания понятия «необходимость» в латинской языковой картине мира.

Лексический тезаурус латинского языка подробно описан в словарях. В настоящей работе привлекался материал латинско-русского и латинско-итальянского словарей². Обращение к итальянскому языку было продиктовано тем, что этот неолатинский язык вследствие его формирования и развития на территории исконного существования латинского языка является непосредственным преемником последнего, сохранившим значительную часть латинского лексикона; это обстоятельство должно было, по нашему мнению, помочь в интерпретации латинских предикатов необходимости.

Однако сопоставление переводов названных предикатов на русский и итальянский языки выявило нередкие повторения лексем при переводе разных латинских предикатов. Так, и *opus est*, и *oportet* переводятся на русский язык ‘нужно, следует’; при переводе *oportet* добавляются варианты ‘надлежит, целесообразно’, что сближает предикат *oportet* с предикатом *necesse est*, при переводе которого использованы слова «необходимо, должно».

¹ Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., Наука, 1971.

² И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986; Р. Calonghi. Dizionario latino-italiano. 3-rd ed. Torino, Rosenberg & Sellier, 1950.

В итальянском переводе *opus est*, *oportet* и *necesse est* получают общий эквивалент *è necessario*; еще один вариант перевода – *conviene*, *è conveniente* – распространяется на *oportet*, *opus est* и *debet*; другой – *bisogna* – на *opus est* и *oportet*.

Не подвергая сомнению компетентность авторов словарей и принимая во внимание многозначность слов, используемых при переводе, мы должны признать, что диктуемое жанром переводного словаря требование отыскания лексического эквивалента в языке перевода неизбежно ведет к некоторым утратам в семантике переводимого слова – тем более, когда речь идет о переводе сложных понятийных категорий. Вот почему для решения поставленной нами задачи мы использовали объективные лингвистические показатели – грамматическую и лексическую сочетаемость исследуемых предикатов, возможность их сочетания в одном высказывании, а также более широкий смысловой контекст их употребления. Наши наблюдения сводятся к следующему.

Лексическая сочетаемость глагола *debeo* позволяет выделить у него первичное значение материального долга (*debeo pecuniam, nummum nemini*) и переносное значение морального долга (*debeo vitam, animam, salutem, gratiam*). В первом значении *debeo* сочетается с существительными со значением материальной ценности или употребляется абсолютно: *Kalendis Ianuariis debuit, nondum solvit* (Cic.); во втором – с абстрактными существительными со значением состояния или отношения, а также с инфинитивом: *Illa multo gravius aestimare debemus* (Caes.).

Словари отмечают еще одно значение глагола *debeo*, преимущественно в пассивной форме – «быть обреченным»: *Urbem cerno deberi* (Ov.); *deberi morti* (Hor.); *vita quae necessitate debetur* (Cic.); *fatis debitus Aruns* (Verg.). Данное употребление глагола *debere* представляется медио-пассивной интерпретацией значения морального долга. Кстати, то же значение может быть передано и активной формой: *Tu nisi ventis debes ludibrium, cave* (Hor.) «Если ты не обречен стать игралищем ветров, остерегись».

Отмечаемое у русского предиката *быть должным* и у итальянского *dovere* значение деонтической модальности – необходимости действия, диктуемой другим субъектом, (русс. *Ты должен сделать это*; итал. *Devi farlo*) у латинского глагола *debere* не выявлено. Но поскольку данное значение отмечается и у аналогов *debere* в других романских языках (фр. *tu dois le faire*; исп. *debes hacerlo*), допустимо предположить, что это значение возникло уже у латинского *debere*, по крайней мере, оно, видимо,

присутствовало на общероманском этапе развития, переходном от латыни к романским языкам. У романских аналогов, латинского *debere* отмечается еще одно модальное значение, отсутствующее у латинского прототипа – предположение. Это значение мы в настоящей работе не рассматриваем как не имеющее непосредственного отношения к избранной теме.

Прочие предикаты необходимости отличаются от глагола *debeo* грамматической характеристикой. Они употребляются безлично и сочетаются с предикатными структурами: абстрактными существительными, инфинитивами, оборотом *accusativus cum infinitivo*, придаточными предложениями, а также употребляются абсолютно. При разнообразии грамматических форм семантика присоединяемых компонентов одинакова – виртуальная ситуация.

Предикат *opus est* отличается от других безличных предикатов необходимостью тем, что с его помощью обозначается необходимость как потребность субъекта (часто – говорящего): *auctoritate tua nobis opus est; dux nobis et auctor opus est; quid opus est affirmare non opus est id sciri* (Cic.); *temporis opus est* (Liv.); *sic opus est* (Ov.).

Выражение *opus est* может сочетаться и с конкретными существительными со значением материальной ценности и обозначать материальную надобность: *quanti argenti opus fuit?* (Liv.). Такое употребление позволяет сопоставить выражение *opus est* в данном случае с глаголом *debeo* в его первичном значении материального долга, что явилось стимулом к сопоставлению и других значений этих предикатов – потребности у *opus est* и морального долга у *debeo*. Различие между указанными значениями *debeo* и *opus est* заключается, во-первых, в характере модального отношения (нравственное чувство у *debeo*, практическая надобность у *opus est*) и, во-вторых, в субъекте потенциального действия (его совпадение с субъектом модального отношения у *debeo*, несовпадение у *opus est*).

Интересно отметить, что параллельно с безличным выражением *opus est* (а может быть, и постепенно вытесняя его) используется выражение *opus habeo*. Словари фиксируют это употребление у автора I в. н. э. Колумеллы и у авторов. III в. н. э. Это употребление, на наш взгляд, подтверждает интерпретацию выражения *opus est* как личностно ориентированного.

Предикаты *oportet* и *necesse est* отличаются от *opus est* отсутствием у них конкретного значения материальной надобности и семантической отстраненностью от субъекта-говорящего. Зна-

чения этих предикатов можно интерпретировать как регламентацию развития событий извне, обязательность: *Esse oportet ut vivas, non vivere ut edas* (RhH); *Ex malis eligere minima oportet* (Cic.); *Mendacem memorem esse oportet* (погов.); *Homini necesse est mori* (Cic.); *Emere quod necesse est* (Sen.).

При сходстве семантики предикатов: *oportet* и *necesse est* они различаются интенсивностью проявления модального смысла: *Non solum oportet, sed etiam necesse est* (Cic.). Отличие же их от *opus est* подтверждается следующими примерами: *Hoc fieri et oportet, et opus est* (Cic.); *Emas non quod opus est, sed quod necesse est* (Cato ap. Sen.). Последний пример позволяет судить о характере различия в значениях предикатов *opus est* и *necesse est*: потребность – обязательность.

Следует упомянуть (хотя мы и оставили это модальное значение за пределами нашего рассмотрения) об отмечаемом в словарях у глагола *oportet* значении ‘должно быть, по-видимому, видимо’: *Servum te esse oportet nequam; Incendium oportet fiat*. Приведенные примеры заимствованы из комедий Плавта; следовательно, передача значения предположения предикатами необходимости была возможна в разговорном латинском языке уже в архаический период.

В текстах позднеклассического и раннесредневекового периодов присутствует также выражение *necesse habeo*: *Non necesse habeo dicere* (Liv.); *Non necesse habent sani medico* (Vlg.). Контекст употребления позволяет интерпретировать данное выражение как обозначение осознания объективной необходимости конкретным субъектом.

Предикат *decet* ‘подобаает, приличествует’ (это значение развилось из конкретного ‘подходит’ об одежде и пр.: *Contempla ut haec /vestis/ me deceat* (Pl.)) стоит несколько особняком от всех прочих предикатов, обозначая необходимость не как субъективно ощущаемую потребность или диктуемую объективными обстоятельствами обязательность некоего виртуального развития событий, а как этическую норму данного социума: *Quod honestum est, decet* (Cic.); *Decet magnanimitas quemlibet mortalem* (Sen.); *Istuc facinus alicui non decet* (Pl.).

В этом качестве *decet* соотносится не с предикатами необходимости, а с предикатом дозволенности: *Id facere quod decet non quod licet* (SenT.).

В то же время *decet* оказывается контекстуально противопоставлен остальным предикатам необходимости по типу каузатора (реальная потребность – этическая норма социума), а *debeo*,

кроме того, – по характеру психологической мотивации (нравственная потребность субъекта – условности социума).

Как видим, лексическая группа предикатов необходимости – это не просто совокупность лексем и лексических сочетаний, передающих некую расплывчатую массу сходных значений со смазанными границами между ними, а сложно организованное целое, отношения между составными частями которого можно представить в виде оппозиций, строящихся на разных основаниях и имеющих разное количество составляющих в каждой из сторон. Нами были выделены общие оппозиции, включающие все рассмотренные предикаты, и частные оппозиции, образуемые отдельными предикатами.

I. Общие оппозиции:

1) персонально осознаваемый моральный долг (*debeo*) – деперсонализованная необходимость (*opus est, oportet, necesse est, decet*);

2) потребность (*debeo, opus est*) – обязательность, диктуемая извне (*oportet, necesse est, decet*);

3) реальная потребность (*debeo, opus est, oportet, necesse est*) – этическая норма (*decet*).

II. Частные оппозиции:

1) обязательность дифференцируется по степени интенсивности ее языкового отображения: *oportet – necesse est*;

2) в субъективной потребности различаются нравственное чувство и практическая надобность: *debeo – opus est*;

3) и, наконец, различаются источники нравственной оценки – внутренний (моральный долг субъекта) и внешний (общественная мораль): *debeo – decet*.

Выявленный комплекс значений и их представление в виде оппозиций, как нам кажется, позволяет составить объективное представление об объеме, структуре и содержании понятия необходимости и месте этого понятия в языковой картине мира латиноязычного социума древнего Рима.

К. Ю. Тверьянович

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИРИКА В ПЕРЕВОДАХ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА: МЕТРИКА, СТРОФИКА, РИТМИКА, РИФМА

Переводы французской лирики составляют основной объем переводной поэзии Б. К. Лившица. Самые ранние из них относятся к 1908 г. (переводы из А. Рембо, Т. Корбьера и М. Роллина), т. е. к тому же времени, что и первые из его сохранившихся оригинальных стихотворений. Сам поэт, по-видимому, считал их органической частью своего творчества: эти тексты составили один из разделов его первого стихотворного сборника «Флейта Марсия» (Киев, 1911). Метафорическое наименование луны в стихотворении «Скверный пейзаж» (перевод из Корбьера), перешло впоследствии в заглавие второго сборника Лившица «Волчье солнце» (М. [Херсон], 1914).

Из своих переводов французской лирики Лившиц создал антологию, которая выдержала при жизни автора два издания: в 1934 г. она вышла под заглавием «От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии», а в 1937-м была переиздана с существенными дополнениями под заглавием «Французские лирики XIX и XX веков».

Эта антология, созданная в эпоху высокого интереса к поэтическому переводу, была далеко не единственным изданием такого рода. Однако в отличие от других авторских антологий, которые составлялись либо как сборники переводов, сделанных в разное время по разным случаям, либо как книги, дающие более или менее полное представление о современной поэзии той или иной страны, антология Лившица строилась в соответствии с определенным планом и охватывает весь XIX в. и начало XX в. Ознакомить русского читателя с французской поэзией нескольких эпох с помощью достаточно небольшой подборки стихотворений, сделать это в одиночку, не продублировав работу многих других переводчиков, уже давших русской переводной литературе и романтиков, и парнасцев, и проклятых – задача, на которую, насколько нам известно, никто из современников Лившица не замахивался.

Подготавливая свою антологию к публикации, переводчик написал к ней предисловие¹, в котором сформулировал принятые им принципы отбора материала, позволившие ему осуществить эту задачу. Основной принцип состоял в том, чтобы познакомить читателя не с наиболее известными произведениями, но с наиболее *типичными*, особенно если поэт «до сих пор был известен произведениями менее, а иногда и вовсе нехарактерными для него»². Второй принцип, отличавший антологию Лившица от других подобных изданий, состоял в том, что переводчик акцентировал внимание не на наиболее «знаменательных» и знаковых русскому читателю поэтах, а «считал необходимым соотноситься с наличием существующих переводов и сводил до минимума количество стихов в тех случаях, когда поэт был уже знаком русскому читателю». Более того, «в тех случаях, когда творчество поэта было представлено существующими переводами достаточно полно», он «полагал <...> излишним отбирать вещи хотя и не “центральные”, но вместе с тем могущие несколько изменить традиционный ракурс литературного облика»³.

Задача нашего доклада состоит в том, чтобы показать, каким образом принятые Лившицем принципы отбора материала реализуются на уровне стиха и чем руководствуется переводчик при выборе эквивалентов французским стиховым формам из арсенала стиха русского. Для того чтобы выявить стиховые особенности переводов Лившица из французской лирики (134 произв.), рассмотрим поочередно их метрику, строфику, ритмику и рифму.

В области метрики обращает на себя внимание абсолютное преобладание ямба. Основными размерами французской поэзии XIX – нач. XX в. были 8-сл., 10-сл. и 12-сл., и их силлаботоническими аналогами в переводах Лившица являются Я4, Я5 и Я6, соответствующие указанным силлабическим размерам по слоговому объему. Не удивительно, что и соотношение этих трех ямбических размеров в рассматриваемых текстах (2 : 1 : 7) принципиально отлично от соотношения, характерного для оригинальной поэзии Лившица (6 : 3 : 1). Оно соответствует иерар-

¹ Впервые опубликовано в изд.: Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 583–584.

² Там же. С. 583.

³ Там же. С. 583–584.

хии популярности соответствующих размеров в новой французской поэзии: наиболее употребителен 12-сл., за ним следует 8-сл., и затем 10-сл.⁴ Ввиду традиционности Я4, Я5 и Я6 для русских переводов из французской поэзии, наибольший интерес представляют произведения, написанные другими размерами (40 произв.).

Нечетносложным размерам во французских текстах у Лившица соответствует хорей – метр, в котором икты располагаются всегда на нечетных слогах. Так, “Marine” («Марина») Верлена, написанное 5-сл., переведено Х3, соответствующим этому размеру по слоговому объему, а “Dos d’ange” («Спина ангела») Кокто, написанное 7-сл., переведено Х4.

Значительное место у Лившица занимают произведения ЯРз (9 произв.). В оригинале им соответствует неравносложный стих с регулярным чередованием стихов разного слогового объема. Так, перевод “A la fenetre, pendant la nuit” («У ночного окна») Гюго написан ЯРз 663663. В оригинале этой структуре соответствует неравносложный стих с чередованием строк соответствующего слогового объема: 12-12-6-12-12-6.

Самую большую группу среди переводов с французского после Я4, Я5 и Я6 составляют произведения ЯВ и ПМФ к нему (16 произв.). Рифмованный ямб с нерегулярным чередованием строк разной стопности используется Лившицем как аналог французского вольного стиха – напр., «Благодарность королю» Мольера; нерифмованный – как аналог верлибра – напр., переводы “A travers l’Europe” Аполлинера («Через Европу») и “Le front Rouge” («Красный фронт») Арагона, где стопность ЯВ колеблется соответственно от 1 до 12 и от 2 до 10. Даже в такой свободной форме переводчик старается избегать отступлений от структуры оригинала: слоговой объем каждого стиха может не совпадать в точности со слоговым объемом соответствующего стиха в оригинале, но если французский стих короче предыдущего на несколько слогов, в переводе этот контраст сохраняется.

Нам представляется, что Лившиц при переводе этих стихотворений предпочитает ЯВ верлибру по следующим причинам. Во-первых, ямб с такой большой амплитудой колебания стопности является предельно неурегулированным размером в рамках силлабо-тоники: сверхкороткие стихи, малохарактерные для

⁴ См.: Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 123-129.

классического ЯВ, и сверхдлинные, вообще неупотребительные, отсутствие рифмы и отсутствие цезуры в длинных стихах традиционного объема, максимально прозаизируют экспериментальный ЯВ Лившица, приближая его к верлибру. Во-вторых, в контексте русского стиха такой ЯВ генетически гораздо ближе к французскому верлибру, развившемуся из *вольного* стиха, чем русский верлибр, возникший в середине XIX века как стих переводов и стилизаций. Во французской традиции термин “vers libre” изначально применялся именно к вольному стиху; принципиальное отличие верлибра состоит в употреблении стихов со сдвигами и пропусками цезуры, контрастных стихов нетрадиционного объема, а также в отсутствии рифмы⁵. Т.о. французский верлибр отличается от вольного стиха тем же, чем экспериментальный ЯВ Лившица отличается от традиционного ЯВ русской поэзии. Следовательно, при выборе размера перевода для Лившица важна не только структурная близость метрической формы к форме оригинала, но и функциональное и генетическое подобие форм в системах французского и русского стиха.

Дважды в своих переводах с французского Лившиц использует 2-ст. 3-сл. размеры. Причем перевод “A Poor Young Shepherd” Верлена, написанный Ан2, в котором длина стиха составляет 6 слогов, по силлабическому объему не соответствует оригиналу, написанному 5-сл. Казалось бы, Х3, использованный Лившицем в аналогичном случае при переводе «Марины», в большей степени соответствовал бы структуре оригинала. Однако в обоих текстах, где используются 2-стопные 3-сложники, эти размеры сохраняют традиционную связь с песенным началом⁶. В XVIII веке – в эпоху, когда складываются ассоциации «жанр – стихотворный размер»⁷, – Х4 также связан с песней, однако Х3, соответствующий по слоговому объему размеру Верлена, и в ту эпоху, и в первой трети XIX в. был неупотребителен: он встречается в несколько раз реже, чем даже редкие короткие 3-сложники⁸, и не мог получить четких жанровых ассоциаций. В

⁵ Там же. С. 151–157.

⁶ См.: Бельская Л. Л. Из истории двустопных форм русских трехсложников // Russian Verse Theory. Proceedings of the 1987 Conference at UCLA (UCLA Slavic Studies, vol. 18). Columbus, 1989. P. 81–91.

⁷ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 58.

⁸ См.: Там же. С. 316–317.

переводе “A Poog Young Shepherd” связь текста с песенным жанром весьма отчетлива: на нее указывает и большое количество кольцевых повторов, и само название стихотворения. Т.о. Лившиц выбирает для своего перевода размер с семантическим ореолом, подчеркивающим жанровую принадлежность произведения. Переводчик стремится не просто воспроизвести все подающиеся воспроизведению элементы стиховой структуры оригинала, но подобрать в качестве аналога такую форму, которая позволила бы переводу быть адекватно воспринятым в контексте русской поэтической традиции.

Строфика переводов Лившица интересна прежде всего не соответствием оригиналу, которое в большинстве случаев соблюдается, но общим разнообразием репертуара, который включает тождественные и нетождественные 4-стишия, рифмованные, полурифмованные и белые; 5-ти, 6-ти и 8-стишия; сонеты разнообразных моделей (на 24 сонета приходится 23 модели), произведения сквозной рифмовки, парной, вольной рифмовки и нерифмованные. Особое внимание уделяется стиху парной рифмовки и сонетам: они составляют треть всех монометрических произведений.

Ритм Я4 переводов Лившица для русского стиха специфичен: первые два икта имеют в нем практически одинаковую ударность (84,0 – 80,0 – 51,3 – 100). Мы рассмотрели тексты, переведенные Я4 (всего 21 текст – 19 самостоятельных произв. и 2 звена ПК; еще два звена, состоящие каждое из двух строк, ввиду их незначительного объема, не рассматривались), с точки зрения реализации в них различных ритмических типов этого размера, выделенных К.Ф. Тарановским в статье о Я4 Андрея Белого⁹. Оказалось, что ритм типа А реализован в 3 текстах (79,0 – 88,9 – 42,0 – 100), ритм типа Б – в 10-ти (91,8 – 76,1 – 50,0 – 100), ритм «промежуточного» типа А/Б – в 8 (83,1 – 83,1 – 51,4 – 100). Любопытно, что в переводах из авторов разных эпох французской поэзии типы А, Б и А/Б представлены не одинаково. Три произведения, в которых господствует тип А, являются переводами из «классических» поэтов – Гюго, Беранже, Ж.-М. Шенье. Ритм типа Б, за единственным исключением (перевод из Готье), используется в переводах из современных поэтов – Тайада, Валери, Аполлинера, Сальмона, Карко, Дерема. Я4 типа А/Б ис-

⁹ См.: Тарановский К. Четырехстопный ямб Андрея Белого // Он же. О поэзии и поэтике. С. 300–318.

пользуется Лившицем для перевода из поэтов от романтиков до символистов (Гюго, Мюссе, Беранже, Шенье, Рембо, Лафорга, Малларме). Можно предположить, что такое распределение ритмических типов Я4 в составленной Лившицем антологии не случайно: тип А, характерный для русской поэзии XIX в., воспринимается им как архаичный и, соответственно, используется в переводах из поэтов 1 пол. XIX в. Ритм А/Б используется в переводах из поэтов от романтиков до символистов, но лишь такое творчество не вышло за пределы XIX в. Наконец, тип Б, используемый почти исключительно для переводов из современных Лившицу поэтов, очевидно, воспринимался им как наиболее нетрадиционный, новаторский, восходящий не столько к аналогичному ритму русского Я4 XVIII века, сколько к недавним стилизациям Андрея Белого.

В Я5 переводов Лившица преобладает бесцезурный вариант размера, с альтернирующим ритмом (86,0 – 73,5 – 78,4 – 52,3 – 100). В Я6 господствует асимметричный вариант ритма (83,9 – 71,8 – 65,8 – 88,8 – 47,1 – 100). Наряду с цезурованным Я6 структуры (3+3), используется и бесцезурный. Стихи бесцезурного Я6 встречаются почти исключительно в контексте ЯВ и ПМФ к нему. В этих произведениях использование бесцезурного Я6 обусловлено структурой оригинала: во всех семи французских стихотворениях встречаются 12-сл. строки с отсутствием цезуры на привычном месте, т.е. после 6-го слога. Во французском александрийском стихе строки с отсутствием словораздела после 6-го слога изредка встречаются уже у романтиков, но систематически появляются в свободном стихе, который начинают разрабатывать символисты¹⁰. И у Лившица бесцезурный Я6 появляется почти исключительно в контексте ЯВ с большой амплитудой колебания стопности, который, как было показано выше, является в его переводном творчестве силлаботоническим аналогом французского верлибра. Т.о. стремление Лившица-переводчика воспроизвести особенности стиховой композиции оригинала проявляются на уровне ритмики.

Эпоха, в которую были написаны большинство стихотворений Лившица – это период, когда русский стих переживает настоящую «революцию» в области рифмы, которая в звуковом аспекте проявилась, прежде всего, в активном освоении неточ-

¹⁰ См.: Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. С. 256–257.

ных созвучий. Лившиц в своих переводах с французского, свободно пользуясь женскими йотированными и приблизительными рифмами, почти абсолютно игнорирует ассонансы и диссонансы, которые составляют у него лишь 34 рифменных пары из 1872 (менее 2%); однако в его переводах с украинского и грузинского языков их доля превышает 15 %. По-видимому, эта разница обусловлена ориентацией переводчика на французскую версификационную традицию, характеризующуюся исключительным пристрастием к точной рифме.

На фоне общего господства точных созвучий в переводах с французского созвучия неточные воспринимаются особенно отчетливо, в том числе такие резкие как ассонансы с полным несовпадением состава согласных. Такие рифмы, как указывает В. М. Жирмунский, господствовали во французском «архаическом искусстве героического эпоса»¹¹ и сохранились в народной песне. Спираясь отчасти на традицию народной песни, французские символисты сознательно культивировали неточную рифму¹². У Лившица резкие ассонансы встречаются в переводах из современных ему поэтов – Аполлинера, Жида, Карко, Жироду. Он вводит в свой перевод ассонансы и диссонансы тогда, когда они используются и в оригинале¹³.

Наши наблюдения над стиховыми особенностями переводов Лившица из французской лирики позволяют конкретизировать принцип, положенный в основу составления антологии и сформулированный самим поэтом в предисловии. Это принцип репрезентативности, отчетливо проявляющийся в репертуаре стиховых форм: во-первых, в большом многообразии метрических, ритмических, строфических форм – охвачены самые популярные размеры французской поэзии (8-сл., 10-сл. и 12-сл.) и малоупотребительные (короткие, нечетносложные), традиционные и новые (верлибр, «тонизированный» силлабический стих, стихи традиционной длины с отсутствием или смещением цезуры). То же наблюдается в области рифмы: Лившиц переводит произведения, в которых наряду с традиционной точной рифмовкой встречаются и ассонансы, и диссонансы. Во-вторых, репрезента-

¹¹ Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория // Он же. Теория стиха. Л., 1975. С. 394.

¹² Там же. С. 394–395.

¹³ Определение рифмы и ассонанса для французского стиха см. в изд.: Grammont M. Petit Traité de Versification Française. Paris, 1911. P. 30–31.

тивно количественное соотношение стиховых форм. Наиболее употребительный во французской поэзии 12-сл. представлен наибольшим количеством произведений; также в соответствии с их местом во французской поэзии, следуют 10-сл. и 8-сл., затем более редкие размеры. То же касается употребительности неточных рифм, бесцезурного Яб и др. И, в-третьих, примеры тех или иных стиховых форм почерпнуты из поэзии тех авторов и эпох, для которых они наиболее характерны. Пример верлибра не случайно взят из Жида, Аполлинера и Арагона, ассонансов – из Жамма¹⁴, диссонансов – из Дерема¹⁵.

Вторая особенность переводного творчества Лившица связана с принципом подбора форм из репертуара русского стиха для передачи форм французского. Здесь в основу положен принцип максимального соответствия, который проявляется в следующем. Во-первых, в *структурном* соответствии перевода оригиналу: использование размеров, изосиллабических размеру оригинала, сохранение строфической структуры, расположения цезуры или отказ от нее, в зависимости от оригинала, отказ от дактилических рифм и передача опытов с неточными созвучиями. Во-вторых, это выбор форм, являющихся в системе русского стиха структурными и *историческими* аналогами соответствующих французских форм. Здесь примером может послужить использование для передачи тонизированного силлабического стиха Верлена Дк. Во-первых, в Дк, как и во французском стихе указанного типа, особое внимание к ударению вызвано смещением его привычного места на один слог, и, во-вторых, Дк в русской традиции развился, прежде всего, в творчестве символистов, как указанный тип французского стиха был разработан в ту же эпоху символистами французскими. Другие примеры – использование 2-ст. 3-сложников для перевода песен и белого ЯВ для передачи французского верлибра. Т.о. Лившицу удастся, сохранив верность структуре оригинала, сделать свой перевод дос-

¹⁴ См.: Parent M. Rythme et versification dans la poésie de Francis Jammes. Paris, 1957. Ср. также примечание Рыковой к переводам из Жамма в антологии Лившица: для Жамма характерно «полное раскрепощение александрийского стиха, в частности – допущение в него самых «приблизительных» ассонансов и т.п.» (Лившиц Б. К. От романтиков до сюрреалистов / Примеч. Н. Рыковой. Л., 1934. С. 173).

¹⁵ См.: Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. С. 601.

тупным адекватному восприятию в рамках русской поэтической традиции.

Проделанное нами описание метрико-строфического репертуара оригинальной и переводной поэзии Лившица дает наглядное представление о том, насколько тесно связаны эти две линии его творчества. Многие стиховые формы, используемые поэтом в оригинальных и переводных произведениях, находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: отсутствующие в оригинальном творчестве Д, 4-стишия парной рифмовки, астрофический стих парной рифмовки, белый стих, редкие ЯРз и ЯВ – используются в его переводах. И наоборот, отсутствующие в переводах ХРз, Лог, тождественные 4-ст. охватной рифмовки, рондо, секстина, терцины, редкие Х5 и Я5, Ам – используются в оригинальном творчестве, некоторые из этих форм достаточно активно. То, что Лившиц выбирает для перевода тексты, структура которых позволяет использовать в качестве аналогов соответствующих форм французского стиха формы стиха русского, ранее им не испробованные, а также то, что поэт, испробовав их в своих переводах, уже не обращается к ним в оригинальной поэзии, является характерной чертой его творчества.

И. В. Тресорукова

«ЗОЛОТАЯ НИТЬ»: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ОБРАЗЕ ПЛАТОНА

У Платона не раз встречается использование образов, связанных с кукольным театром: куклы, марионетки, кукловод и – что очень важно! – натянутые нити в его руках. Так, например, подробно изложенный миф о людях как куклах-марионетках в руках богов есть в «Законах» Платона: «Περὶ δὴ τούτων διανοηθῶμεν οὕτωςί. θαῦμα μὲν ἕκαστον ἡμῶν ἡγήσώμεθα τῶν ζῶων θεῖον, εἴτε ὡς παίγνιον ἐκείνων εἴτε ὡς σπουδῇ τινι συνεστηκός οὐ γὰρ δὴ τοῦτό γε γινώσκομεν, τόδε δὲ ἴσμεν, ὅτι ταῦτα τὰ πάθη ἐν ἡμῖν τόδε δὲ ἴσμεν, ὅτι ταῦτα τὰ πάθη ἐν ἡμῖν οἷον νεῦρα ἢ σμήρινθοί τινες ἐνοῦσαι σπῶσιν τε ἡμᾶς καὶ ἀλλήλαις ἀνθέλκουσιν ἐναντία οὔσαι ἐπ' ἐναντίας πράξεις, οὐ δὴ διωρισμένη ἀρετὴ καὶ κακία κεῖται»¹ (мы, живые существа, – это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-нибудь серьезной целью. Внутренние наши состояния – точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону, и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока...» или VII 803 с – 804 b: ἀνθρωπον δέ, ὅπερ εἶπομεν ἔμπροσθεν, θεοῦ τι παίγνιον εἶναι μεμηχανημένον, καὶ ὄντως τοῦτο αὐτοῦ τὸ βέλτιστον γεγονέναι τούτῳ δὴ δεῖν τῷ τρόπῳ συνεπόμενον καὶ παίζοντα ὅτι καλλίστας παιδίας πάντ' ἀνδρᾶ καὶ γυναῖκα οὕτω διαβιώναι, τοῦναντίον ἢ νῦν διανοηθέντας) («человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято»²). Как отмечает А. Ф. Лосев, «Люди, оказывается, – не более как куклы в руках богов, причем они сами ровно ничего не знают о своей кукольности и о намерениях богов, играющих этими куклами. Жизнь человека зависит от того, за какую нить человеческого существа будет тянуть то или иное божество. Вместе с тем жизнь человека подчиняется самым железным законам. Божест-

¹ Платон, Законы. Собрание сочинений в четырех томах, Т. 4. М., Мысль, 1994. Пер. А. Н. Егунова.

² Там же.

венные нити тянут человека в разные стороны. Но самая основная нить – это нить рассудка, которая, в отличие от всех прочих нитей, является золотой»³. Образ нити очень значим в творчестве Платона: это прежде всего нити судьбы, которые прядут непреклонные Мойры, затем это «внутренние наши состояния», о которых мы говорили выше. И самая важная нить – нить рассудка – является и государственным законом, причем, по мнению Платона, (Leg. 645b: καὶ οὕτω δὴ περὶ θαυμάτων ὡς ὄντων ἡμῶν ὁ μῦθος ἀρετῆς σεσωμένος ἀν εἶη «миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели» (μῖα γὰρ φησιν ὁ λόγος δεῖν τῶν ἔλξεων συνεπόμενον ἀεὶ καὶ μηδαμῆ ἀπολειπόμενον ἐκείνης, ἀνθέλκειν τοῖς ἄλλοις νεύροις ἕκαστον, ταύτην δ' εἶναι τὴν τοῦ λογισμοῦ ἀγωγὴν χρυσοῦν καὶ ἱεράν, τῆς πόλεως κοινὸν νόμον ἐπικαλουμένην, ἄλλας δὲ σκληρὰς καὶ σιδηρὰς, τὴν δὲ μαλακὴν ἄτε χρυσοῦν οὖσαν, τὰς δὲ ἄλλας παντοδαποῖς εἶδεσιν ὁμοίας. δεῖν δὴ τῇ καλλίστῃ ἀγωγῇ τῇ τοῦ νόμου ἀεὶ συλλαμβάνειν· ἄτε γὰρ τοῦ λογισμοῦ καλοῦ. Здесь куклы называются θαύματα, как и в платоновском мифе о пещере, о котором речь пойдет дальше.

Здесь напрашивается еще одно, может быть, смелое сопоставление. Образ «золотой нити» вполне мог отсылать читателей Платона к знаменитой «золотой Зевсовой цепи», на которой у Гомера царь богов грозился повесить весь мир:

σειρὴν χρυσεῖην ἐξ οὐρανόθεν πεδίονδε

Zḗn' ὑπατον μήστωρ', οὐδ' εἰ μάλα πολλὰ κάμοιτε.

ἀλλ' ὅτε δὴ καὶ ἐγὼ πρόφρων ἐθέλοιμι ἐρύσσαι,

αὐτῇ κεν γαίῃ ἐρύσαιμι' αὐτῇ τε θαλάσση

σειρὴν μὲν κεν εἴπειτα περὶ ρίον Οὐλύμποιο

δησαίμην, τὰ δέ κ' αὐτε μετήορα πάντα γένοιτο

(II. VIII, 19–26)

Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,

Все до последнего бога и все до последней богини

Свестесь по ней; но совлечь не сможете с неба на землю

Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, –

С самой землю и с самым морем ее повлеку я

И моею десницею окрест вершины Олимпа

Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет...

(Пер. Н.И. Гнедича)

³ Лосев А.Ф. «История античной эстетики. Высокая классика», М., 2000. С. 230.

По крайней мере именно такую ассоциацию мы чуть ниже увидим у Лукиана. Возможна и другая ассоциация в той же «Илиаде»: Зевс напоминает Гере, как она, в наказание за козни Гераклу, была подвешена между небом и землей на золотой нити:

ἢ οὐ μέμνη ὅτε τ' ἐκρέμω ὑψώθην, ἐκ δὲ ποδοῖν
ἀκμονας ἦκα δύω, περὶ χερσὶ δὲ δεσμὸν ἴηλα
χρῦσεον ἄρρηκτον; σύ δ' ἐν αἰθέρι καὶ νεφέλησιν
ἐκρέμω (II. XV 18-21)

Или забыла. Как с неба висела? Как две навязал я

На ноги я наковальни, а на руки набросил **златую**

Верь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных

С неба висела... (Пер. Н.И. Гнедича)

Значит ли это, что обе гомеровские метафоры надо понимать как содержащие метафору кукольного театра: Зевс, держащий на нитке куклу-Геру или весь игрушечный мир? Нам не кажется это предположение невероятным, учитывая комический аспект гомеровской мифологии – и то, как охотно прибегает впоследствии в комических контекстах к этому образу Лукиан.

Следует сказать, что в послеплатоновской литературе этот образ получает дальнейшее развитие: так, например, появляется метафора «людей-марионеток», «игрушек судьбы» у Марка Аврелия, только место богов занимает судьба (ср. II, 2, где употреблен глагол νευροσπασθέναι «быть приводимым в движение нитками, как кукла» – а кукловодом выступает судьба) – неотменимая, безразличная к участи человека сила, перед которой он только и может, что следовать нравственным принципам, пренебрегая «плотью»⁴ ('Ο τί ποτε τοῦτό εἶμι, σαρκία ἐστὶ καὶ

⁴ «Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и руководящее начало. Относись же к своему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брэнное сплетение из нервов, жил и артерий. Рассмотр также существо жизненной силы: оно – дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежемгновенно то выдыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итак, остается лишь третье – руководящее начало, и о нем-то ты должен подумать. Оставь книги, не отвлекайся от дела (дословно – не рви нить – μηκέτι σπῶ) время не терпит. Ты стар – не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы помыкали им противообщественные стремления (дословно μηκέτι καθ' ὄρην ἀκοινώνητον νευροσπαστήθηνα – чтобы его дергали за ниточки способом, противным общественному), чтобы роптало оно на свой на-

πνευμάτιον καὶ τὸ ἡγεμονικόν. τῶν μὲν σαρκίων καταφρόνησον λύθρος καὶ ὄστάρια καὶ κροκύφαντος, ἐκ νεύρων, φλεβίων, ἄρτηριῶν πλεγμάτιον. θέασαι δὲ καὶ τὸ πνεῦμα ὁποῖον τί ἐστιν ἄνεμος, οὐδὲ ἀεὶ τὸ αὐτό, ἀλλὰ πάσης ὥρας ἐξεμοῦμενον καὶ πάλιν ῥοφούμενον. τρίτον οὖν ἐστὶ τὸ ἡγεμονικόν. ἄφες τὰ βιβλία μηκέτι σπῶ οὐ δέδοται. ἀλλ' ὡς ἤδη ἀποθνήσκων ὠδε ἐπινοήθητι γέρων εἰ μηκέτι τοῦτο ἐάσης δουλεύσαι, μηκέτι καθ' ὄρμην ἀκοινώνητον νευροσπαστηθῆναι, μηκέτι τὸ εἰμαρμένον ἢ παρὸν δυσχερᾶναι ἢ μέλλον ὑπιδέσθαι). Образ нити судьбы находим и у Лукиана в «Зевсе Уличаемом»: Киниск спрашивает Зевса, так же ли он, как и люди, висит на нити Мойр, а потом говорит: ὑπέφριττον μεταξὺ ἀκούων τῶν ἐπῶν· νῦν δὲ αὐτόν σε ἤδη ὀρῶ μετὰ τῆς σειρᾶς καὶ τῶν ἀπειλῶν ἀπὸ λεπτοῦ νήματος, ὡς φῆς, κρεμάμενον. δοκεῖ γοῦν μοι δικαιότερον ἂν ἢ Κλωθῶ μεγαλαυχῆσαι, ὡς καὶ σε αὐτὸν ἀνάσπαστον αἰωροῦσα ἐκ τοῦ ἀτράκτου καθάπερ οἱ ἀλιεῖς ἐκ τοῦ καλάμου τὰ ἰχθύδια (Luciani Zeus confutatus, 4) «А теперь после твоих бьяснений я вижу, что ты сам со всеми своими угрозами и цепями висишь на тонкой ниточке»⁵. А непосредственно перед этим Киниск вспоминает разобранную нами выше сцену из «Илиады». Комический эффект умножается за счет соединения мифологического образа «нити Мойры» («пряжи Клото» и т.п.) с образом куклы, управляемой нитью кукловода. То есть и для Лукиана боги, как и люди, являются куклами в руках судьбы. Таких примеров можно привести достаточно много, но в задачи настоящей работы не входит более подробное рассмотрение этого вопроса, поэтому здесь мы можем найти лишь подтверждение тому, что театр кукол – марионеток и тростевых кукол – несомненно существовал в античности, более того, был широко и хорошо известен. Интересно, что еще один из ключевых образов Платона, а именно сравнение Сократа со статуей безобразного Силена, внутри которой скрывается другая, прекрасная (речь Алкивиада в «Пире» (215 b: φημί γὰρ δὴ ὁμοιότατον αὐτὸν εἶναι τοῖς σιληνοῖς τοῦτοις τοῖς ἐν τοῖς ἐρμογλυφεῖοις καθημένοις, οὕστινας ἐργάζονται οἱ δημιουργοὶ σύριγγας ἢ αὐλοὺς ἔχοντας, οἱ διχάδε διοιχθέντες φαίνονται ἔνδοθεν ἀγάλματα ἔχοντες θεῶν («более всего, по-моему, он похож на тех силенов, какие

стоящий удел и приходило в ужас перед будущим» (пер. В.В.Сапова в кн. «Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий» М., «Республика», 1995. С. 277)

⁵ Лукиан. Избранная проза. М., «Правда», 1991. Пер. С. Радлова.

бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силена, то внутри у него оказываются изваяния богов»⁶), опирается на «кукольную» образность – статуи спрятаны одна в другой, наподобие матрешек. И здесь сравнение связано с предметом, хорошо знакомым слушателям Алкивиада (и, следовательно, читателям Платона): такие раскладные статуэтки – это «минимальное ядро» кукольного театра. Отсюда следует, что кукольный театр был хорошо знаком Платону и его читателям.

⁶ Платон, «Собрание сочинений в четырех томах» Т.2. «Мысль», М., 1993. Пер. С.К. Апта.

М. К. Трофимова

ПОНЯТИЕ «ВАРВАРЫ» В КОПТСКИХ ГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ*

Слово «варвар» заимствовано коптами из греческого языка. В коптских гностических текстах оно встречается сравнительно редко. Это понятно, если принять во внимание содержание этих текстов. Посвященные учению о спасении, они далеки от тем, непосредственно связанных с историей общества, будучи ориентированы на преодоление человеком его земных связей и интересов, на уход в самопознание особого рода, обещающее человеку освободить в нем искру света, обнаружить его истинную божественную природу.

Было бы однако неверно думать, что эта крайне отрицательная по отношению к миру настроенность исключила это учение из социальной истории своего времени. И хотя элитарность учения гностиков очевидна (спасутся лишь избранные, изначально наделенные искрой света), это не помешало его распространению по всей территории Римской Империи первых веков нашей эры. Увлечение гностическими спекуляциями, мифологией, обрядами было одной из черт сознания людей поздней античности.

Цель данной работы состояла в том, чтобы, обнаружив в гностических сочинениях упоминания о варварах, присмотреться к контекстам, в которых понятие «варвары» встречается, определить ту роль, которую оно играет в этих, в принципе чуждых конкретной истории, сочинениях.

Два из привлекаемых в работе документа относят к так называемому христианскому гностицизму. Составленные в первые века нашей эры, они в большей или меньшей были мере связаны с христианством, их авторы считали себя христианами. Но для отцов церкви гностическое учение, содержащееся в этих текстах, было ересью. Они опровергали его со всей суровостью и страстностью, тексты же обрекали на уничтожение. Действительно, изучение сохранившихся гностических рукописей свидетельствуют, что хотя влияние христианства на их авторов более или менее очевидно, по сути они заключали в себе учение чуждое христианству.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 03-01-00684а.

Тем не менее представляется не лишним, прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению соответствующих фрагментов гностических сочинений, бросить хотя бы беглый взгляд на то, в какой связи говорится о варварах в текстах собственно христианских. На таком фоне отчетливее проступит то особенное, что присуще обращению к понятию «варвары» в гностических текстах.

В коптских переводах книг Нового Завета слово «варвары» встречается четырежды. В Деяниях апостолов (28,2) о варварах сказано в духе той утвердившейся еще в греко-римской литературе традиции, что наделяла их добродетелями: варвары проявляют человеколюбие, принимая спасшегося при кораблекрушении у берегов Мальты апостола Павла, которого везли на суд в Рим. Увидев же в руке апостола ехидну, которая его не ужалила, эти варвары решили, что перед ними бог (28,4). Было высказано предположение, что варварами здесь названы островитяне.

В Первом послании к коринфянам (14,11) слово «варвар» связано у Павла с невозможностью понять язык: «Но если я не знаю значенья речи, то я буду варваром для говорящего со мной, и говорящий для меня варвар».

В Послании к римлянам (1,14), говоря о долге благовествования всем людям, Павел выражает это следующим образом: «Я должен эллинам и варварам, мудрым и неразумным».

Наконец, в Послании к колоссянам (3,11) Павел говорит: «Где нет ни эллина, ни иудея, обрезания и необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». Здесь соседство слова «варвар» со словом «скиф» интерпретируется по-разному. Наличие пар, члены которых в оппозиции друг к другу, заставляет думать, что «варвар» и «скиф» соединены между собой таким же образом. (Подобное понимание, возможно, отразилось в церковно-славянском переводе, где эти два слова связаны союзом «и», которого нет ни в греческом тексте, ни в коптском переводе). Есть и другой подход, при котором постановка слова «скиф» после слова «варвар» раскрывает содержание того, о каком варваре идет речь, а именно, о внешнем, том, что за границей Империи¹.

Немало упоминаний в коптских христианских текстах о варварах, их нападениях, осаде монастырей. Есть описания кон-

¹ Эту мысль развивает С. А. Иванов в книге «Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина?» (М., 2003. С. 19).

кретных событий, есть и полуфантастические истории, которые так ценили копты. Приведу несколько примеров. В проповеди «О нашествии кочевников», составленной Шенуте (333–451), настоятелем Белого монастыря в Верхнем Египте, крупнейшим деятелем как в общественной, так и в церковной жизни, подробно рассказывается о нападении варваров – блеммиев, кочевых племен, постоянно грабивших из Эфиопии римские владения. Во время нашествий монастыри, обнесенные стенами, служили убежищами для местного населения. Туда сбегались не только люди, туда сгоняли скот. Монахи же всячески поддерживали беженцев, не только кормили их, но и старались выкупить пленных². Как и все сочинения Шенуте, эта проповедь может считаться образцом красноречия. Написанная по вполне конкретному поводу, она, видимо, повествует о реальных событиях.

Другой пример – из жизнеописания Шенуте, выполненного Бесой. Описывается эпизод, связанный с нападением варваров из Нубии, которые пошли на север, взяли полис, желая воевать с христианами. «Дук же Гераклиос отправился на войну. Он пришел к нашему святому отцу апе Шенуте и попросил его, чтобы он помолился за него. И он попросил его, чтобы он сделал ему деревянный крест его собственными руками. И он присоединил его к деревянному шесту. Он водрузил его перед ним, когда он пошел на войну. И он побил тех варваров с великой беспощадностью, так что до сегодняшнего дня говорят об этой войне, что не бывало такого поражения с тех пор, как дук господствует в Фиваиде. Дук же Гераклиос засвидетельствовал далее: «Когда я вступил в середину варваров, я увидел светлого человека, подобного нашему отцу апе Шенуте, И он покрыл меня своим светлым одеянием, он покрыл мое тело, так что никакого зла со мной не случилось». И когда он принял победу в славе, он принес то, что прежде всего захватил, как дар Богу. И он признал, что спасение победы произошло чрез Бога и молитвы нашего святого отца апы Шенуте»³. В этом тексте отразилось единодушное, которое проявляется перед лицом опасности нашествия варваров у настоятеля монастыря и представителя имперской власти – дука. В этом документе, как и в ряде других, в подоб-

² J. Leipoldt. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores coptici. III. Paris, 1908. P. 67–77.

³ Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire. Paris. Miss 4. 642.

ной ситуации варвары воспринимаются как сила резко отрицательная, враждебная христианству.

Теряя черты конкретности, этот образ представлен в таком памятнике древней христианской письменности, как Апофтегмы, речения отцов-пустынников. Вот пример: «Говорил апа Моисей в Скиту: «Если сохраним заповеди наших отцов, клянись вам перед Богом, что варвары не придут в это место. Если же не сохраним, место⁴ будет разрушено». Братья же сидели перед ним однажды, и он сказал им: «Варвары грядут сегодня в Скит. Вставайте и бегите». Они же сказали ему: «Ты, побежишь ли ты?». Он сказал им: «Вот все годы я ожидал сегодняшнего дня, дабы исполнилось слово Христа, говорящего: «Все, кто взяли меч, падут от меча». Они сказали ему: «Мы тоже не побежим, но умрем с тобой». Он же сказал им: « Мне нет дела. Пусть каждый смотрит, как ему быть». Было же их семеро братьев. И сказал он им: «Вот варвары приблизились к вратам. Они вошли внутрь и убили их. А один из них испугался и зашел за плетень. И он увидел семь венцов, сходящих с неба. Ими были увенчаны семеро»⁵.

Надо сказать, что в апофтегмах можно найти следы и несколько иного отношения к варварам, когда те, которые названы варварами, как бы поддаются влиянию отважного поведения отцов – пустынников. Примером может служить рассказ об апе Диоскоре: «Говорили еще о нем, что однажды пришли варвары на восток, он же жил в пустыне. Они пришли к нему в его келью, причем у него был другой брат. Старец спрятал брата. Они спросили его: «Есть здесь человек?». Сказал он: «Нет». Тогда они обыскали (келью), нашли его и привели обоих к главарю. Сказал он им: «Если вы слышали, что мы пришли, почему вы не убежали?». Апа Диодор протянул свою шею, говоря: «Если вы убьете его, убейте сначала меня». Сказали они ему: «Мы не убьем тебя и не убьем того, но отныне уходите, когда услышите, что мы пришли. Ступайте себе». И они отпустили их. Когда же настала ночь, они вышли и пришли к нему, и принесли ему нож – ибо они отобрали его – и прочее из его вещей, и отдали их назад».

⁴ Из контекста ясно, что речь идет о монастыре.

⁵ G. Zoega. Catalogus codicorum copticorum manu scriptorum qui in Museo Borgiano Velitris adservantur. Leipzig, 1903. № 319a.

Приведенные выше примеры коптских текстов круга христианской литературы, в которых говорится о варварах, демонстрируют разнообразие контекстов, где встречается это слово, употребляемое то в очень общем значении, то в более конкретном, связанном с определенной исторической ситуацией, историческими реалиями. В предлагаемых далее коптских текстах из Наг-Хаммади немногие упоминания о варварах обратят нас к иной традиции, в которой понятия, имеющие отношение к истории, нередко оказываются включенными в развитие провиденциально – мистических спекуляций гностического и герметического образца. Это тексты разного характера: два из них безусловно несут на себе отпечаток влияния христианства, один – таких следов не содержит, но может быть отнесен к языческому или иудейскому гностицизму, наконец, еще один, также переписанный в одном из тринадцати коптских кодексов, обнаруженных в 1945 году в тайнике близ Наг-Хаммади, представляет одну из версий герметического сочинения. Но не зря сенсационная находка в Наг-Хаммади изначально была названа «гностической библиотекой». В целом это собрание отвечало духу гностической ереси, и весьма вероятно, что гонению на нее со стороны церкви, усилившемуся в Египте в IV веке, мы обязаны сохранению в тайнике подлежавших уничтожению текстов⁶.

Первый из привлекаемых в работе текстов – «Евангелие от Филиппа» (СНН. II. 3). Так он назван в рукописи, датируемой, как и остальные из собрания, 30–40-ми гг. IV века, составлен же был, возможно, в Сирии во второй половине III – начале IV в. В отличие от канонических евангелий в нем нет описания жизни и смерти Иисуса. Представлены лишь речения, в некоторых случаях сконцентрированные вокруг какой-то темы. Среди них есть одно, где встречается слово «варвар». Вот этот фрагмент: «Если ты говоришь: «Я – иудей» – никто не двинется, Если ты говоришь: «Я – римлянин» – никто не встревожится. Если ты говоришь: «Я – эллин, варвар, раб, [сво]бодный» – никто не смутится». Если ты говоришь: «Я – христианин» – [все] содрогнется. Возможно ли [мне] получить этот знак, который [архонты]⁷ не

⁶ Первый пер. на рус.: М. К. Трофимова. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, сочинения 2,3,6,7). М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 170–188.

⁷ В переводе следуем конъектуре Ж. Менара (J. Menard. L'Évangile selon Philippe. Paris, 1998. P. 68).

смогут перенести, [то есть] это имя?». Составитель этого гностического документа считает себя христианином. В начале фрагмента заметно словесное сходство с посланиями апостола Павла (например, Кол. 3. 11; I Кор. 12. 13), но в конце дает знать о себе (если принять хорошо обоснованную конъектуру Менара), гностическая космология – учение о злых силах – архонтах, которые отступают от устремляющихся к свету душ совершенных⁸, то есть гностиков.

Обратимся теперь к другому гностическому сочинению, где также упомянуты варвары. Как и «Евангелие от Филиппа», оно приписывается школе Валентина. Речь идет о «Трехчастном трактате» (СНН. I. 5), названном так потому, что в нем систематически отражены три фазы гностического мифа: высший или плероматический мир; падение пневматического или духовного начала и образование мира и человека; творение трех родов людей и их судьба. Время составления «Трехчастного трактата», по мнению большинства исследователей, – II век. Он сохранился записанным на субхаммимском диалекте коптского языка. Был ли он составлен на греческом языке или переведен с другого (арамейского?), неизвестно, но именно на греческом он попал в Египет. Там он, видимо, претерпел ряд повторных переводов с одного диалекта на другой, пока не приобрел вида, известного нам. Вот, что написал о языке трактата такой авторитет в области коптского языка как М. Малинин: «Разумеется, ‘Трехчастный трактат’ не был составлен на коптском: такой, каким мы можем его прочесть в ‘Кодексе Юнга’⁹, трактат отличается стилем тяжелым, смутным, выдающим работу переводчика и к тому же переводчика неловкого, видимо, лучше знающего греческий язык, чем коптский»¹⁰.

Гностический миф позволил анонимному автору трактата коснуться таких общих тем, как оправдание божества и происхождение зла, бытие подлинное и мнимое, знание истинное и ложное, единство и множество, жизнь и смерть, вечность и время. Эти и подобные им темы подспудно присутствуют в его изложении. Так, например, мы имеем дело с образцом теодицеи в

⁸ См. об этом, например, в «Евангелии от Марии» и «Пистис Софии» при описании странствий души при вознесении ее к свету.

⁹ Такое название в честь К. Юнга было присвоено рукописному кодексу с этим трактатом.

¹⁰ Tractatus Tripartitus. Pars I. De Supernis. Bern, 1974. P. 33.

повествовании о посягательстве последнего эона высшего мира на то, чтобы понять Отца Всего (СНН I. 75. 18–19) «своим собственным движением», поскольку ему была дана «самовластная мудрость». Знание же Бога возможно только через откровение. Однако нельзя обвинять движение эона, ибо все приходящее – по икономии, плану, утвержденному Отцом (СНН I. 77. 3–10). Ведь без падения эона мир не существовал бы, не было бы возможности истории, Спаситель не пришел бы, окончательное свершение не имело бы места¹¹.

Тройственная структура, присущая картине мироздания в гностическом мифе, обнаруживается в трактате постоянно, будь то божественная иерархия, пространственные или временные характеристики, роды бытия, («порядки»), человеческое существо, породы людей или человеческое общество.

Другая, не менее существенная черта этой картины – обилие имитаций прототипов, которые представлены в высшем мире. Это объясняет тот особенный интерес, который выказан в трактате к высшему миру. В глубине высшего мира скрыты те первоначальные образцы, в соответствии с которыми создавалось человеческое существо и оформлялся мир. А потому, ради достижения истины и спасения, нужно вернуться к первоначальным образцам и, созерцая их, проникнуть в божественный мир.

Процесс спасения есть движение к Плероме, совпадающее с анахоресисом, возвращением к своим корням, эпигнозисом, воспоминанием своего небесной отчизны. Эта тема проходит как в трактате, так и в целом ряде гностических документов. Выразителен в этом смысле текст из Наг Хаммади, известный под названием «Аллоген». Он представляет собой рассказ Аллогена (имя означает «посторонний», «другой породы») об откровении и вознесении его в высший мир вплоть до Верховной Триады. Мистическое путешествие, имевшее целью возродить Аллогена, достигает своей кульминации в экстатическом молчании: «Было молчание молчаний во мне, и я изведаль блаженство, где узнал себя, [кто я]» (СНН XI. 3. 60. 15–17). Видение мифологических существ приводит к тому, что Аллоген узнает свое подлинное «я», возрождает в себе ту реальность, которую созерцает, будучи ею.

¹¹ Ibid. P. 46.

Возвращаясь к имитации образцов высшего мира на уровнях более низких, отметим следующее. Имитацией Отца является Высший Архонт. Автор «Трехчастного трактата» замечает, что последний эон высшего мира, Логос, утверждает свою эманацию, Архонта (господина над всеми творениями), как проявление Отца эонов; и, таким образом, он сопровождает каждым именем и каждым славным качеством и свойством как копия небесного Отца (СНН I.5. 100. 19 слл.). Логос использует Архонта как руку, чтобы украсить и создать низшие вещи, и использует его как уста, чтобы сказать о вещах пророчествуемых (НН. I. 5. 100. 31 слл.). Архонт называет вещи, и они появляются как образы духовных существ (НН. I. 5. 100. 36; 101. 6 слл.). Заметим попутно, что среди гностических текстов «Трехчастный Трактат» единственный, в котором София заменена на Логос, мужскую сущность¹².

Подобное повторяется и при создании человека. Архонт движим незримо духовным миром, который таким путем приводит свой план к исполнению (НН. I. 5. 101. 3 слл.). «Те, что справа», и «те, что слева», психические и гилические элементы, участвуют в образовании человека (НН. I. 5. 104. 31 слл.). Первый человек есть смешанное творение «тех, что справа», и «тех, что слева». Но при этом посредством сущности, от которой он получил свое существование, он владеет духовной реальностью.

Космос есть образ высшего мира, хотя и искаженный. Но все же, как сказано в одном гностическом тексте из Наг-Хаммади, «по образцу эонов, которые наверху», устроится низший мир («Сущность архонтов»: СНН II. 4. 87. 10–11). Эоны Плеромы являются прототипами архонтов.

Трактат очень содержателен и, видимо, написан незаурядным мыслителем, хотя то состояние, в котором он дошел до нас, порой столь неудовлетворительно, что оценить памятник по достоинству затруднительно. Наши замечания об особенностях трактата сделаны лишь постольку, поскольку они прямо или косвенно касаются того небольшого фрагмента, который находится в центре нашего внимания, так как в нем говорится о варварах.

¹² J. Zandee пытался доказать, что замена Софии на Логос прекрасно объяснима двойным греческим переводом еврейского слова НКМН: так у Филона так же часто употребляется «София», как и «Логос».

Обратимся теперь к непосредственно интересующему нас фрагменту с упоминанием варваров. Он принадлежит той части трактата, которая посвящена проявлению гилического и психического порядков в истории. То, что имеет свой прототип в предсущем мире, исполняется в мире феноменальном. Предлагаемый ниже в переводе фрагмент начинается (СНН I. 5. 108. 13) с описания разных порядков в истории, соответствующих гилическому (вещному, материальному), который назван «злым (дурным) порядком», и психическому (душевному), который назван «разумным порядком». Что касается последнего, то он, видимо, соотносим с дискурсивной мыслью, что в неоплатонизме признавалось более низким, чем *νοῦς*, но более возвышенным, чем желания и страсти. Порядок психический, как промежуточный, может склоняться и к низшему (гилическому, вещественному), и к высшему (пневматическому, духовному). Согласно этому сочинению, чаще он склоняется к высшему. Высший порядок здесь назван «тайным порядком». Это объясняется тем, что «тайна», «сокровенность» – неперемный атрибут духовных, совершенных – это постоянно подчеркивается в других гностических текстах (например, в «Апокрифе Иоанна»).

Далее автор переходит к тому, что он видит в мире опытного знания: битвы двух нижних порядков. Низший порядок весь дробится. Эта дробность невидимых гилических властей сказывается в разнице мнений греческих мыслителей, что должно свидетельствовать о бесполезности их занятий.

«Те, которые не были наставлены, не смогли узнать причину вещей существующих. Поэтому были введены также другие способы (объяснений). Некоторые говорят: «То, что существует, существует согласно Промыслу». Это те, кто наблюдает регулярность и согласованность движения творения. Иные говорят: «Это нечто чужое». Это те, кто наблюдает многообразие и беззаконие этих властей и зла. Иные говорят: «То, чему предназначено быть, то существует». Это те, кто был занят этим делом. Иные говорят: «Это нечто согласно природе». Иные говорят: «Это само собой существующее». Однако большинство, все, кто дошел лишь до явных стихий (*στοιχεῖον*), познал только их. Ибо те, кто были мудрыми среди греков и варваров, они продвинулись до властей, которые начали существовать согласно воображению и тщетной мысли...» (СНН I.5.109.3–28).

Несколько ниже речь идет о потомке Архонта. От его надменной раздражительности происходит раздор в гилическом мире. Разногласия греков, причисляемых к гиликам, являются, по

мнению гностического автора, отражением этого. «Вот почему не было согласия в чем бы то ни было, будь то в философии, будь то в медицине, будь то в риторике, будь то в музыке, будь то в логике, но были мнения и теории» (СНН I. 5. 110. 11–18).

Нельзя не заметить, что, хотя имена не названы, текст достаточно прозрачен, чтобы понять, какие учения подразумеваются во фрагменте, когда речь о «других способах» (объяснений): имеются в виду стоики, эпикурейцы, астрологи. Эта часть фрагмента во многом перекликается с другим сочинением, также сохранившимся на коптском, основательно христианизованном, а именно, с «Премудростью Иисуса Христа» (BG 8502. 80–81), где говорится о философах.

Во фрагменте же сказано о «знании мудрых среди эллинов и варваров». Анонимный автор, характеризуя это знание, объединяет эллинов и варваров. Это понятно, поскольку в его представлении и те, и другие – гилики, то есть принадлежат гилическому порядку. Именно это обстоятельство, их место в космологической перспективе важно для него, а не конкретная история с ее разнообразием, которого он вскользь коснулся. Делению человеческого рода на пневматиков (духовных), психиков (душевных) и гиликов (вещественных) не отвечают такие категории, как эллины и варвары. Тройственная структура прослеживается и в отношении общества в виде трех категорий: христиане (по сути гностики, опирающиеся на знание – откровение в гностическом понимании); те, кто следует откровению библейских пророков; наконец, все прочие.

Ряд встречающихся во фрагменте общих понятий тот же самый, что в частях предыдущих и последующих. Это отвечает принципу имитации, положенному в основу всей системы мироздания, о чем уже было сказано. Это «порядки»: правый и левый (душевный и вещественный), а также тайный (духовный); это икономия, устройство; это вопрос о происхождении, о причине; это такие понятия, как «воображение», «тщетная мысль», «столкновение», «подобие», «согласие», «смешение», «многообразие» и др., повторяемые при характеристике разных уровней бытия. Смысл каждого из этих понятий раскрывается при изложении мифа постепенно, как постепенно развиваются основные темы, выражаемые то в мифе, то в экзегезе его. Что же касается понятия «варвары», контекст, в котором оно фигурирует, представляется достаточно выразительным для уяснения той мировоззренческой перспективы, в которой оно виделось гностическим автором.

Слова «варвар», «варвары» встречаются в документе из Наг-Хаммади (СНН. VI. 2), названном в рукописи «Гром. Совершенный Ум». Этот текст гностический, хотя он не относится к сфере христианского гностицизма, как два предыдущих. По поводу его происхождения единого мнения нет. Один из исследователей, Дж. Мак Рай¹³, категорически отказываясь датировать его, относит документ к жанру эллинистических откровений, причем подчеркивает его уникальный характер, сказывающийся в парадоксальном характере утверждений, из которых состоит текст. Они сделаны от лица говорящего в форме «я есмь», представляя собой некую самоидентификацию божества женского рода, выраженную в виде пар противоположных определений. По мнению другого исследователя, Ж. Киспеля¹⁴, рассмотревшего текст с точки зрения истории гностических идей и мифологии неортодоксального иудаизма, местом и временем создания оригинала могла быть Александрия I века до н.э.

В интересующем нас в связи с понятием «варвары» фрагменте (см. Приложение II) мы находим упоминания о Египте и эллинах. В тексте документа встречаются и некоторые другие понятия, имеющие отношение к историческим реалиям, что вообще говоря, редкость для гностических текстов. Эти понятия введены не ради изложения конкретной истории, а служат средством передачи наиболее отвлеченных умозрительных построений гностического толка. Рассмотрев документ в целом, мы склонны считать контрастность самоопределений не столько свидетельством апофатического описания неопишущего, сколько попыткой говорить о всеобщем начале, которое выражает себя как на одном уровне реальности – во множестве противоположных явлений, так и на другом – лишенном контрастов. Это уровни реальности, единые наличием одного начала. «Я есмь» в сочетании с противоположными определениями повторяется с первых же

¹³ G. MacRae. Discourses of the Gnostic Revealer // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism (Stockholm, August 20–25 1973). Stockholm, 1977.

¹⁴ G. Quispel. Jewisch Gnosis and Mandaean Gnosticism. Some Reflection on Witting «Bronte» // Colloque du Centre d'Histoire des Religions (Strasbourg, 23–25 octobre 1974). Leiden, 1975.

строк, «Я есмь то, что одно существует», – слышится в финале документа¹⁵.

Теперь нам остается указать еще на один текст с упоминанием варваров в собрании рукописей из Наг-Хаммади. Он принадлежит течению, позднеантичной литературы, именуемому герметизмом. Надо заметить, что латинские и греческие источники по герметизму (так называемый Герметический корпус) стали достоянием научных исследований еще в конце XIX века, задолго до открытия рукописей из Наг-Хаммади. Не останавливаясь здесь на степени сходства герметизма с гностицизмом, не углубляясь в этот принадлежащий области научной рефлексии достаточно спорный вопрос, заметим однако, что не только первые исследователи текстов из Наг-Хаммади (Пьюэш, Ионас, Шенке), но и более поздние (Филорамо), были готовы видеть в герметизме проявление гностической мысли. Наличие же среди текстов из Наг-Хаммади наряду с собственно гностическими также герметических текстов еще раз указало на их близость. Поэтому, как нам представляется, будет не лишним к сохранившимся на коптском собственно гностическим текстам с упоминанием варваров привлечь также коптскую версию знаменитого герметического трактата «Асклепий», из того же кодекса собрания рукописей из Наг-Хаммади (СНН. VI. 8), что и «Гром».

Наиболее полная версия «Асклепия» из существующих имеется на латинском языке, греческая версия известна значительно хуже. В сравнительно большом фрагменте трактата, сохранившемся на коптском, помимо прочего, читаем, хотя и с лакунами, так называемый Апокалипсис Асклепия. Он занимает особое место в довольно сложной композиции трактата, написанного как многие другие гностические и герметические произведения в жанре откровения-диалога. Здесь – это речь (откровение) Гермеса Трисмегиста, обращенная к Асклепию, перемежаемая вопросами со стороны последнего. В Апокалипсисе развивается эсхатологическая тема в форме пророчества о гибели мира, к которой ведет исчезновение истинного богопочитания. При этом образ Египта, его судьбы придает Апокалипсису большую выразительность. И не только выразительность, но и загадочность. Здесь не место останавливаться на толковании этого пророчест-

¹⁵ Подробнее об этом, как и перевод документа см.: М. К. Трофимова. Древние гностические тексты // Апокрифы древних христиан. М.: Изд-во «Сфера», 2004. С. 185–209.

ва, но в какой мере по-разному оно могло быть понято, свидетельствует отношение к нему таких отцов церкви, как например, Лактанций и Аврелий Августин. Первый видел в нем пророчество о конце мира, второй же – гибель язычества. Что же касается понятия «варвар», сопровождаемое словами «скиф», «индиец», встречаемое в Апокалипсисе в связи с описанием бедствий, ожидающих Египет с падением богопочитания, оно не выпадает своей якобы конкретностью из набора риторических средств, использованных при составлении текста пророчества (см. Приложение III).

Итак, какое место занимает понятие «варвары» в коптских гностических рукописях, каков контекст, в который оно в них поставлено и есть ли различие в том, как обращались с ним гностические авторы по сравнению с современными им христианами, чьи тексты также сохранились на коптском? Прежде всего нельзя не отметить, каким редким в доступных нам гностических текстах оказалось это понятие. В христианских текстах оно встречается значительно чаще. Далее. Конкретно-исторический смысл, которым понятие «варвары» часто наделено в раннехристианских источниках, включая «Новый Завет», в гностических текстах почти неуловим. Зато у авторов этих текстов интерес к конкретно-историческому явлению уступает иному подходу: понятие осмысливается в горизонте представлений обо всем мироздании, приобретая весьма отвлеченный характер. Наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание: разное отношение к понятию «варвары» у гностических и христианских авторов отвечает коренным расхождениям христианского вероучения и гностических мифов и спекуляций. Так, в Посланиях апостола Павла неоднократно говорится о людях духовных, душевных и плотских. Это как-будто соответствует делению человеческого рода на три «порядка» у гностиков. Однако разница велика: в гностической традиции для человека не предполагается возможности перехода из одного «порядка» в другой. Но иное читаем у Павла: «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, потому что вы еще плотские» (I Кор. 3. 1–3). В косвенной форме это отличие отражается и на трактовке понятия «варвары», которое у христианских авторов может быть истолковано и в положительном и в отрицательном смысле, приложено к конкретным людям, а у гностиков несет отпечаток абстракции, даже

когда речь идет как бы и об исторической действительности, что заметно во фрагменте из «Трехчастного трактата».

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ИЗ «ТРЕХЧАСТНОГО ТРАКТАТА»

(108) Действительно, каждый из порядков (τάγμα) – те, что справа, и те, что слева, – соединены друг с другом мыслью, положенной между ними, которая дает им их общее устройство (οἰκονομία). Случается, что они оба действуют согласно одному соперничеству в делах, причем те, что справа, походят на тех, что слева, и те, что слева, они также, походят на тех, что справа. И иногда, когда злой порядок начинает делать зло неразумным образом, тайный порядок (τάξις) соперничает в виде человека силы, сам делая то, что есть зло, подобно тому, как если бы это была власть человека силы. Иногда же разумный порядок начинает делать доброе дело, подражая тайному порядку, соревнуясь в том, чтобы сделать его самому также. Таков способ тех, кто был установлен [подобным образом] для (109) вещей, которые были похожими на вещи, не похожие одни на другие, причем те, которые не были наставлены, не смогли узнать причину вещей существующих.

Поэтому были введены также другие способы (объяснений). Некоторые говорят: «То, что существует, существует согласно Промыслу (πρόνοια)». Это те, кто наблюдает регулярность и согласованность движения творения. Иные говорят: «Это нечто чужое (ἄλλότιον)». Это те, кто наблюдает многообразие и беззаконие этих властей и зла. Иные говорят: «То, чему предназначено быть, то существует». Это те, кто был занят этим делом. Иные говорят: «Это нечто согласно природе (κατὰ φύσιν)». Иные говорят: «Это само собой существующее». Однако большинство, все, кто дошел лишь до явных стихий (στοιχεῖον), познал только их (букв. не познал больше, чем их). Ибо те, кто были мудрыми (σοφός) среди эллинов (Ἕλλησι) и варваров (βάρβαρος), продвинулись до властей, которые начали существовать согласно воображению (φαντασία) и тщетной мысли. Те, которые произошли от этих, согласно взаимному столкновению и мятежному обычаю действовали (ἐνεργεῖν) в них. И они говорили с подобием и с надменностью и с мыслью воображения о том, что они мыслили как мудрость. Подобие обмануло их, потому что они мыслили, что достигли истины, (110) тогда как достигли ошибки в малых именах (?), причем не они одни, но власти задумали помешать им, как если бы они (власти) были Все. Поэтому случи-

лось, что этот порядок был перемешан в борении против себя самого из-за надменной раздражительности одного из [потомков] Архонта (ἄρχων), который высший, который до него. Поэтому ничего не было в согласии с другими ни в чем, ни в философии (φιλόσοφος), ни в медицине, ни в риторике (ῥήτωρ), ни в музыке (μουσικόν), ни в логике (ὄργανον), но были мнения и теории.

(Пер. с коптского CNH I.5.108 слл.)

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ИЗ ТЕКСТА «ГРОМ. УМ СОВЕРШЕННЫЙ»

И почему вы возненавидели меня, эллины?

Потому что я варвар среди варваров?

Ведь я мудрость эллинов

И знание варваров.

Я суд над эллинами и варварами.

Я та, чей образ драгоценен в Египте

И та, чьего образа нет среди варваров.

(Пер. с коптского CNH VI.2.16.1–9)

ПРИЛОЖЕНИЕ III. ИЗ «АПОКАЛИПСИСА АСКЛЕПИЯ»

О Египет! Даже Египет станет подобным небылицам. И твои божества станут [...] священ[...] в [...] чудо и [...] и если камни твои это слова, которые удивительны. И варвар станет лучше тебя, в своей набожности, скиф ли он, или индеец, или другой такого рода.

(Из коптской версии. CNH VI. 8. 70.36–71.9)

Египет, Египет! о верованиях твоих останется лишь молва, да и ей не поверят потомки твои, и о благочестивых деяниях твоих будут повествовать лишь сохранившиеся слова, выбитые на камнях. И населит Египет скиф, или индеец, или кто-либо еще из соседних варваров.

(Из латинской версии. Пер. Н. В. Шабурова¹⁶)

¹⁶ Шабуров Н. В. Апокалипсис Асклепия // Знание за пределами науки. Москва. Республика. 1996. С. 25.

В. В. Файер

ГОМЕРОВСКИЕ СТРОКИ БЕЗ ЦЕЗУРЫ ГЛАЗАМИ АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ

1. Общеизвестно, что в гекзаметре имеются частотные словоразделы, называемые цезурами, которые делят стих на части и без которых он традиционно считается результатом ошибки или примером «метрической вольности». Так, Варрон Реатинский полагал, что пятиполовинная цезура столь же важна для гекзаметра, как и словораздел в конце стиха (A. Gell. XVIII, 15). Метрический труд Гестеиона не упоминает о цезурах эпического стиха, зато Аристид Квинтилиан в своем музыкальном трактате перечисляет «правильные цезуры» гекзаметра. Он называет пятиполовинный, после третьего трохея и семиполовинный словораздел; затем следует загадочная фраза: «четвертая [цезура], согласно одним, – четыре дактиля, или, что лучше, четвертый трохей» (De mus. I, 24). «Четыре дактиля» – это буколическая дизреза, которая действительно очень частотна в гекзаметре, а «четвертый трохей» – мост Германна, словораздел, который у Гомера избегается, а у многих позднейших авторов отсутствует вовсе. Аналогичную классификацию цезур дает латинский грамматик Теренциан Мавр (De metris 1669–1718).

Не останавливаясь на вопросе, почему античные метрические трактаты рекомендуют нарушать в гекзаметре мост Германна, обратим внимание на другую особенность этих двух последних свидетельств. Оба они не упоминают о том, что при семиполовинной цезуре обязательно должна присутствовать трехполовинная, а значит у Гомера, согласно этому описанию, нет ни одной «бесцезурной» строки.

Тем не менее, традиционное описание цезур гекзаметра как в общеизвестном, так и в только что процитированном варианте не удовлетворяла многих исследователей. Г. Френкель предложил обновленную 4-колонную схему гекзаметра. К цезуре в третьей стопе, представленной двумя вариантами, ученый присоединил еще две цезуры, каждая из которых также двойственна: первое полустишие делится в трехполовинной цезуре или на слог ранее, а второе в буколической дизрезе или в семиполовинной цезуре. Исследователь предлагал считать все четыре колоны единицами смысла и использовать содержательные и синтакси-

ческие критерии для членения строки в каждом конкретном случае.

Ю. О'Нил попытался описать словораздельную структуру гекзаметра, опираясь на понятие «метрического словотипа» и его локализации в структуре гекзаметра. Одобрительно цитируя Г. Френкеля и пренебрежительно отзываясь об античных грамматиках, исследователь, по сути, лишь подтверждает классификацию Аристида Квинтилиана и Теренциана Мавра. Отметим, что в своей статистике О'Нил базируется на современной графике, так что традиция господствует и здесь, несмотря на всю новизну подходов¹.

Развитие идей Френкеля и О'Нила мы находим в статье Г. Н. Портера. «Ранний греческий гекзаметр». Подобно первому он пытается пересмотреть традиционную схему цезур; подобно второму, снабжает свою статью подробными таблицами «метрических словотипов». Исследователь предлагает закрепить роль третьей цезуры за букочисленным и девятиполовинным словоразделами. В этом случае колоны получаются более единообразными по длине (в морях): 4–6/4–7/5–8/5–8. В отличие от Френкеля, Портер полагает, что колон не является смысловой единицей; это утверждение избавляет исследователя от необходимости разбираться с каждым конкретным случаем, но оно же лишает конструкцию всякой опоры, поскольку в отрыве от смысла материал можно интерпретировать по-разному. Чем плоха традиционная схема двух- или трехколонного гекзаметра? Почему третья цезура располагается именно так? На эти вопросы Портер не дает вразумительного ответа; предоставляет ли его гипотеза «полезный метод сравнения поэта с поэтом» и помогает ли «обучать новичков читать гекзаметр», от реальности эпического стиха она далека.

Портер полагает, что его гипотеза «позволяет позитивное описание гекзаметра, которое может быть проиллюстрировано каждой строкой и не основывается на перечне исключений». В реальности дело обстоит противоположным образом. В каждой строке Гомера и, тем более, эллинистических поэтов, есть хотя

¹ Необходимо также отметить неудачный выбор материала в исследовании О'Нила. Он не стал делать случайную выборку, а обчислил первую тысячу строк из «Илиады» и из «Одиссеи». По моим данным, в начале первой книги «Илиады» средняя длина слова аномально низка, что не могло не сказаться на валидности статистики О'Нила.

бы одна из трех цезур: пятиполовинная, после третьего трохея или семиполовинная. Даже если считать строки с семиполовинной цезурой без трехполовинной исключениями, то их список для всего греческого гекзаметра будет состоять лишь из нескольких десятков позиций. Напротив, 31% стихов Гомера (8,5 тысяч) не имеет полного набора из трех портеровских цезур даже несмотря на то, что каждая из них представлена двумя разновидностями. У Нонна Панополитанского гипотезе Портера противоречат почти 40% стихов.

Полемику вокруг теории цезур удачно резюмировал Дж. Кёрк: «Большая часть работы Френкеля и Портера была посвящена поиску детальных формальных правил, которые просто отсутствуют в материале, и в этом, пожалуй, виноват прежде всего сам «идеальный» 4-колонный стих... Многие гомеровские стихи действительно разделяются на эти колоны, но существенное меньшинство стихов лучше всего или исключительно трактуется как 2-колонные в очевидном и традиционном стиле, тогда как другое важное меньшинство..., наоборот, распадается на 3 колоны» (р. 20). Таким образом, античная теория цезур в конце XX столетия лишь утвердила свою правильность, хотя и с важными уточнениями. Многим мы обязаны, в частности, устной теории, прояснившей механизмы эпического сказительства.

2. Если обратиться от метрической теории к практике, то у эллинистических и позднеантичных поэтов мы найдем различное отношение к «бесцезурным» строкам. Большинство из них не допускают стихов с одной лишь семиполовинной цезурой (Аполлоний, Каллимах, Феокрит, Никандр, Оппиан из Аназарба и, тем более, Нонн Панополитанский). Впрочем, некоторые поэты допускают такие строки: Арат в 2 случаях, Квинт Смирнский – в 5, а Оппиан из Апамеи – в 1. Таким образом, вполне возможно, что кто-то из эллинистических филологов пытался исправлять гомеровские «бесцезурные» строки, чтобы привести их в соответствие со вкусами того времени. Мне удалось найти 37 таких стихов в «Илиаде» и 19 в «Одиссее»; рассмотрим их классификацию.

2а. Разделение слова: приставки и префиксоиды. В эту группу можно включить 16 примеров: П.8.182; П.8.348; П.9.78; П.9.366; П.9.630; П.11.432; П.13.715; П.14.47; П.21.283; П.23.261; П.23.684; Od.11.582; Od.11.593; Od.19.577; Od.21.75; Od.22.476. К ней примыкает еще один пример: οὐ δὲ μοι ἐπὶ τὰ κασίγνητοι ἕσαν ἐν μεγάρουσι (П.6.421). Поскольку знак словораздела стал применяться для греческой графики сравнительно недавно, вы-

яснить мнение alexandрийских филологов о подобных случаях нелегко. Тем не менее, схолий к П.9.78 сообщает, что в δι-αρροίσει Аристарх читал одно ρ. Вероятно, это значит, что он предлагал раздельное чтение διὰ ραίσει с удлинением в цезуре, так как в противном случае долгота α остается необъяснимой. Косвенным свидетельством в пользу того, что приставки в подобных случаях могли отделяться, служат «бесцезурные» строки из поэмы Квинта Смирнского: все они принадлежат к данному типу (5.357; 5.417; 6.317; 6.468; 8.457). Одна из двух «бесцезурных» строк Арата также содержит приставку перед пятиполвинным словоразделом (973).

2б. Разделение слова: удвоение и приращение. В эту группу входят 5 строк из Илиады с перфектным или презентным удвоением: П.4.329; П.8.346; П.15.368; П.15.710; П.17.582. К ним примыкает один пример с аугментом, который также можно было бы отнести к предыдущей группе: οἱ δ' ἄμα πάντες ἀνέριψαν, δείσαντες ἄλεθρον (Od.10.130). Свидетельство схолиев о коррекции строк этого типа сохранилось только для П.17.582 (Ἔκτορα δ' ἐγγύθεν ἰστάμενος ὄτρυνεν Ἀπόλλων). Зенодот, согласно сообщению Аристоника, читает эту строку совершенно иначе, с цезурой после третьего трохея, трехполовинной и семиполовинной: ὅτι Ζηνόδοτος γράφει Ἔκτορα δὲ φρένα δῖος Ἄρης ὄτρυνε μετελθών. Возможно, alexandрийский филолог считал подобного рода «нарушения» подлежащими исправлению. Из эллинистических и позднеантичных поэтов стих такого типа допускает, насколько мне известно, только Оппиан из Апамеи: ἦλθε εἰς αἰθέρα ἔδδεισεν δέ σε μακρὸς Ὀλυμπος (Суп. 2. 414).

2в. Разделение слова: короткие слова. К этой группе относятся 7 примеров: П.17.270; П.23.316; Od.12.223; Od.16.286; Od.19.5; Od.22.400; Od.24.155. Фонетическая граница внутри групп клитик – одна из особенно сложных проблем древнегреческой фонетики. У нас нет прямых указаний на то, пытались ли исправить подобные случаи alexandрийские филологи, но в рукописях мы встречаем интересное разночтение: Florent. Laurent. 52 и Florent. Laurent. 24 дают в Od.12.223 чтение οὐκ ἔτ'. В результате появляется трехполовинная цезура, и строка становится «правильной». Трудно сказать, восходит ли это чтение к античности; ни схолии, ни позднейший эпос не помогают в этом разобраться.

2г. Аффераза вместо элизии. В эту группу можно включить 13 стихов, некоторые из которых (*) упоминались и раньше:

П.2.249; П.4.328; П.12.350; П.12.363; П.15.710*; П.17.132; П.17.582*; П.22.115; П.23.362; Od.7.120; Od.19.577*; Od.21.75*; Od.22.476*. Если в этих случаях заменить элизию на афферузу, появляется трехполовинный или пятиполовинный словораздел. У нас нет прямых указаний на реальное применение такого типа исправлений alexandрийскими филологами, однако у Арата встречается аналогичная строка: ἄλλοθι δ' ἄλλο μελαίνομένη δοκέειν ἕτεοιο (804). Интересный материал также дает римская традиция. Согласно неопубликованным подсчетам Д. А. Литвинова, почти все «бесцезурные» строки в «Энеиде» Вергилия имеют общую метрическую особенность: они получили бы обычную цезуру в третьей стопе, если элизию в них заменить на афферузу. Впрочем, все эти строки содержат семиполовинную цезуру, то есть не нарушают правил в формулировке Аристиды Квинтилиана и Теренциана Мавра.

2д. Синизеса вместо элизии. В эту группу входят 2 однотипных примера из Илиады, начинающихся с Αἰνεῖο δ' ἐπαΐξαι (П.5.263, П.5.323). К обоим строкам сохранились схолии Аристоника: (1) Ζηνόδοτος δὲ Αἰνεῖω γράφει и (2) ὅτι Ζηνόδοτος γράφει Αἰνεῖω. οὐκ ἔστι δὲ Αἰνεῖως ὡς Πετewός. Многие исследователи считают это место испорченным, но мне представляется, что здесь можно предложить разумное с точки зрения метрики объяснение. Возможно, Зенодот обозначает таким образом синизесу, которая приводит к появлению в строке необходимой трехполовинной цезуры. Наиболее простым вариантом, компенсирующим исчезнувший из-за синизесы слог, было бы удаление элизии: Αἰνεῖω δὲ ἐπαΐξαι. Два ε на границе слова десятки раз встречаются у Гомера, так что зияние здесь выглядело, надо полагать, вполне естественным.

2е. Прочие случаи. К этой остаточной группе относятся 16 строк: П.1.400; П.2.290; П.3.250; П.7.457; П.9.518; П.13.563; П.14.390; П.17.267; П.17.369; Od.16.109; Od.17.448; Od.18.83; Od.20.319; Od.22.284; Od.22.450; Od.24.339. Здесь ни в схолиях, ни в рукописях мы не встречаем никаких метрически значимых разночтений.

Итак, несмотря на крайне малое количество сохранившихся вариантов alexandрийских филологов в т.н. «бесцезурных» строках, можно предположить, что подобного рода стихи иногда исправляли. В некоторых случаях этот вывод поддерживаются примерами из более поздних гекзаметрических авторов. Интересно, что дошедшие до нас свидетельства говорят только о мелких исправлениях. Строки, где «правильную» цезуру можно

было ввести только путем значительных изменений в тексте (напр., Ἀργείοισιν ἀμυνόμενοι χατέουσι περ ἔμπης), александрийские филологи, очевидно, оставляли без изменений.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Fränkel H. Wege und Formen frühgriechischen Denkens. München, 1968.
2. Kirk G. S. The Iliad: A Commentary. Vol. 1, books 1–4. Cambridge, 1993.
3. O'Neill E. G. The Localization of Metrical Word-Types in the Greek Hexameter: Homer, Hesiod and the Alexandrians // Yale classical studies, 1942. Vol. VIII. P. 105–178.
4. Porter H. N., The early Greek Hexameter // Yale classical studies, 1951. Vol. XII. P. 3–63

А. И. Фалилеев

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ КЕЛЬТСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Валлийский суффикс *-iad*.

Рассматривая восходящий к кельтск. **-ati-* (ср. др.-ирл. *-ith*, *-id*; реконструкция принимает во внимание галльск. *-ati-* / *-ate-*; см. также П. Де Бернардо Штемпель в *Studia linguistica amico et magistro oblata* (Milano 1991), с. 173) валлийский агентивный суффикс *-iad*, П. Расселл (*BBCS* 36 (1989), с. 36–37) отметил, что наиболее продуктивно он использовался на ранних стадиях истории валлийского языка. Более 50% производных на *-iad* засвидетельствованы в памятниках, созданных и/или записанных до конца XIV века. Согласно Расселлу, в этот период наиболее частотным является использование суффикса с глагольными базами, хотя известны и примеры его использования с базами именными, напр. *bleiddiad* ‘wolfish warrior’ (при *bleidd* ‘волк’). Расселл обратил внимание на то, что с помощью суффикса *-iad* было образовано немало гапаксов (следует в этой связи отметить, что соответствующий суффикс в ирландском “is freely employed by the glossators to coin nonce words”, R. Thurneysen, *A Grammar of Old Irish* (Dublin 1946), p. 170) и проиллюстрировал это положение значительным количеством примеров из средневековой валлийской юридической литературы.

При анализе использования этого суффикса в раннем валлийском, разумеется, стоит выйти за рамки корпуса средневекового валлийского права. В этой связи можно обратить внимание на семантику слов, образованных с помощью *-iad* от глагола *daliaf*: *dal* ‘держать’, собственно ‘держатель’. В средневековых валлийских юридических трактатах *deiliad* используется в значении ‘captor’, ‘detainer’, ‘taker’, ‘impounder’, ср. Ior. 156. 1–2; согласно Университетскому словарю валлийского языка (*Geiriadur Prifysgol Cymru* (Caerdydd 1950–), с. 922), в значении ‘tenant, landholder’, ‘vassal’ слово не употребляется в юридических контекстах. В валлийской поэзии и художественной прозе лексема известна в более общем значении ‘житель, обитатель, обладатель’ (ср. перевод ‘occupier of land’ в *English-Welsh Dictionary* Джона Уолтера, к. XVIII в.): *deilyadon dyfrynt* ‘жители долины’ (Придидд и Мох, см. *Gwaith Llywarch ap Llywelyn ‘Prydydd y Moch’*, Caerdydd 1991 p. 122); *deilyat rat rhyddid* ‘об-

ладатель благодати свободы' (Бледдин Ди, см. R. Iestyn Daniel, *Gwaith Bleddyn Ddu*, Aberyswyth 1994, p. 20). Любопытно использование этого слова в переводе англо-нормандского трактата Уолтера из Хенли на ранненововаллийский, сохранившемся в рукописи Hafod MS 8, записанной не позднее 1561 г. В нем *dailaid* (мн. ч.) соответствует англо-нормандскому *gentz*, используемому в переводимом фрагменте (*Si les gentz chesent en vos cours* "if anyone comes into your court", так E. Lamond, *Walter of Henley's Husbandry together with an anonymous Husbandry, Senchaucie and Robert Grosseteste's Rules* (London 1890), с. 5), скорее всего, безлично (ср. W. Rothwell et alii, *Anglo-Norman Dictionary* (London 1992), с. 333). Примечательно, что ни одна из многочисленных рукописей англо-нормандского трактата не содержит *tenant* вместо *gentz*; стоит также отметить, что англо-нормандскому корпусу взаимозаменяемость этих двух лексем неизвестна. Любопытно, что поздний английский перевод этого фрагмента использует здесь *people (tenantes)* (см. D. Oschinsky, *Walter of Henley and other tracts on estate management and accounting*, Oxford 1971), но какая-либо взаимосвязь этих двух переводов – английского и валлийского – исключена. Вероятно, оба переводчика поняли англ.-нормандск. *gentz* (а английский, кроме того, снабдил его и местоимением 2 л. ед. ч., также неизвестным ни по одной копии оригинала) в его «первичном» словарном значении. Исходя из контекста, валлийский переводчик использовал здесь *dailaid*, причем значение слова в этом фрагменте характерно не для юридических трактатов, а, скорее, отсылает нас к другим жанрам валлийской литературы, что сопоставимо с принятыми на сегодняшний день взглядам на жанровую принадлежность валлийского перевода сочинения Уолтера из Хенли.

II. Кельтское именное формообразование: *o*-основы.

По понятным причинам индоевропеист, не занимающийся кельтской проблематикой, вынужден обращаться к работам специалистов в этой области. Нередко, однако, это сопровождается некритическим отношением к используемому материалу и его анализу, и фантастические и / или фантомные формы и их интерпретации начинают кочевать по страницам лингвистических исследований, в том числе и вышедших из под пера российских ученых. Это вполне объяснимо: комплектация научных библиотек в РФ оставляет желать лучшего, а исследования, вышедшие на русском языке, не всегда основаны на последних достиже-

ях мировой кельтологии. Кроме того, даже работы профессионалов могут содержать досадные опечатки. В настоящей заметке планируется рассмотреть ряд форм и их интерпретаций, которые отличаются от тех, что нередко приводятся при анализе истории падежных форм кельтских *o*-основ. По этическим соображениям я не даю ссылки на труды использующих их исследователей. Данные лепонтийского языка ниже не учитываются: они подробно и комплексно были проанализированы в работе Ю. Улиха (см. J. Uhlich, *Zur sprachlichen Einordnung des Lepontischen*, в кн. *Akten des Zweiten Symposiums deutschsprachiger Keltologen* (Tübingen 1999), с. 277–304).

Nom. sg. Для галльского стоит отметить кроме «стандартного» окончания *-os* и окончание с падением финального сибиллянта, как в случае с *eluontiu ierugu. aneuno oclicno. lugirix aneunicno* (RIG 2–1, 86–88). Считается, что окончание *-o* появляется в поздних памятниках; см. P.-Y. Lambert, *La langue Gauloise* (Paris 2003), с. 52. Примечательно, впрочем, что на этой же стеле присутствует и вполне ожидаемая форма им. падежа, *Ανεουνοϝ*. Падение финального *-n* засвидетельствовано и в формах датива.

Gen. Sg. Интерпретация окончания *-o* в кельтиберском уже давно вызывает споры; библиографию вопроса см. в работе Дж. Эски (в *Hispano-Gallo-Brittonica* (Cardiff 1995), с. 37 и сл.). Отечественные индоевропеисты – по не вполне понятным для меня причинам – обычно приводят только одно объяснение, отсылающее к окончанию и.-е. аблатива **-ōd*, что (по фонетическим причинам) маловероятно. При этом более надежная гипотеза, восходящая к идее Ю. Унтерманна (в *Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie* (Innsbruck 1967), с. 288) и разработанная А. Просдочими (в *Studi etruschi* 57 (1991), с. 158–159), объясняющая данное окончание заимствованием из местоименного склонения, обычно игнорируется. Стоит обратить внимание и на то, что известное для многих кельтских языков окончание **-i* Gen. Sg. *o*-основ отражено (в петрифицированном виде) в целом ряде фрагментов ранней валлийской поэзии (см. Дж. Т. Кук в *Early Welsh Poetry: Studies in the Book of Aneirin* (Aberystwyth 1988), с. 19 и G. Isaac, *The Verb in the Book of Aneirin. Studies in Syntax, Morphology and Etymology*. (Tübingen 1996), с. 395), что лишний раз подчеркивает обоснованность реконструкции **-i* и для общекельтского. В указанных работах приводятся и петрифицированные формы ряда других падежей, также соответствующие бриттской реконструкции.

Acc. sg. Кроме известного окончания *-on* (позднее – *-o*), в галльском, похоже, засвидетельствованы и формы на *-om*, по преимуществу, на так называемой табличке из Ларзака. Остается дискуссионным, является ли это диалектным развитием, или их можно объяснить латинским влиянием. См. Р.-У. Lambert, *La langue Gauloise*, с. 52–53; и там же об интерпретациях некоторых форм на *-on* (*Mapon*, etc.).

Loc. Sg. Ламбер (*La langue Gauloise*, с. 53–54) рассматривает три примера возможного использования локатива ед. ч. *o*-основ в галльском (один из которых, собственно, принадлежит к *jo*-основам). Все три примера имеют окончание *e*, т. е. $\bar{e} < *ei$. К ним теперь можно добавить и возможные формы локатива из т. н. «Таблички из Шатобло»: *in dore core, suante, teme uelle*. О кельтиберском локативе см. подробное исследование Ф. Виллара (в *ZCP* 44 (1991), 56–66).

Voc. Sg. Ожидаемое окончание **-e* в галльском, возможно, находим в нескольких памятниках, ср., в том числе, *gnate* (Лезу), *Papissone* (Шатобло).

Nom. Pl. Согласно Ф. Виллару (напр., F. Villar, *A New Interpretation of Celtiberian grammar* (Innsbruck 1995), с. 27–28), окончание *-os* неизвестно в кельтиберском; он предлагает иную интерпретацию форм, некогда рассматривавшихся в поддержку этой гипотезы. См. иную точку зрения в работе Г. Айзака (в *Studia Celtica* 36 (2002), с. 3–4).

Dat. Pl. Можно предполагать окончание *-obo* (Р.-У. Lambert, *La langue Gauloise*, с. 55). См. также (для кельтиберского) F. Villar, *op. cit.*, p. 28.

Acc. Pl. Окончание *-us* в кельтиберском устанавливается на основании единственной формы (*matus* в таблице из Боторриты), однако имеются иные возможности ее интерпретации – слово может относиться и к *u*-основам. См., к примеру, К. Х. Шмидт в *Actas del II Colloquio sobre lenguas y culturas prerromanas de la Peninsula Ibérica* (Salamanca 1979), с. 106. Галльское окончание *-us* известно по ограниченному количеству примеров; *-os* обнаруживается в местоименном склонении. См. Р.-У. Lambert, *La langue Gauloise*, с. 55.

Voc. Pl. Г. Айзак (*ZCP* 49/50 (1997) с. 332–340) предложил интерпретировать окончание *-u* в др.-ирл. не как рефлекс и.-е. **(y)ōs*, но как внутригойдельскую инновацию, возникшую после апокопы.

В. Л. Цымбурский

ГРЕЧ. *ταρχύω* ‘ПОГРЕБАЮ’ И МАЛОАЗИЙСКИЙ МИФ О ПОРАЖЕНИИ БОГА-ПОБЕДИТЕЛЯ

1. Происхождение греч. *ταρχύω* ‘погребаю’ было в науке XIX–XX вв. темой разноречивых догадок, среди которых взяла верх мысль о связи этого глагола с малоазийской религиозной традицией.

2. Восходящее еще к Г. Курциусу и В. Гельбигу сближение *ταρχύω* (а с ним и глосс Гесихия *ταρχάνιον. ἐντάφιον* ‘саван’, *τάρχανον. πένθος, κῆδος* ‘похороны, скорбь’, *τέρχνα. ἐντάφια* ‘погребальные одежды’, *ἐπίταρχον. ἐπιτάφιον, ἐντάφιον* ‘погребение, саван’) с терминами, тоже неясного происхождения, *τάριχος* ‘соленье’, ‘мумия’, *ταρχεύω* ‘засаливать’, ‘сушить’, ‘бальзамировать’ [Boisack 1923; Specht 1933; Nilsson 1955] решительно отвергается Я. Фриском и П. Шантреном – из-за отсутствия явных соприкосновений в античной словесности между *ταρχύω* и идеей бальзамирования. Единственным исключением мог бы быть контекст II. XVI, 667–683. Но если даже те ‘бессмертные одежды’ (*ἄμβροτα ἔματα*), которыми Аполлон одевает – к тому же умащаемое амбросией – тело Сарпедона (ст. 670), имеют отношение к мумификации, то очевидно, что форма *ταρχύσουσι* соотносится с совсем иным моментом в посмертном почитании героя, выступая в едином комплексе с насыпанием погребального холма и воздвижением стелы (ст. 673–674).

3. Остроумной маргиналией осталась попытка О. Хофманна (1921) связать этот глагол на корневом уровне с глоссами [Hes.] *στωρχάζειν. εἰς σήκουσ κατακλίθειν τα βοσκήματα* ‘запирать скот в загон’, *στωρχάσω. συγκλείσω* ‘замкну’, *ἑστωρχάζων. ἐκλειον* ‘я запираю’ или ‘они запирали’, ссылаясь на погребальные камеры и погребальные пещеры бронзового века Греции, а также на др.-англ. *byrgean* ‘хоронить’ при др.-исл. *byrgja* ‘скрывать, прятать’ (ср. русскую пару глаголов *хранить: хоронить*).

4. Наибольший успех имела воспринятая и Фриском, и Шантреном этимология Р. Блумеля (1927) и П. Кречмера (1939), возведших *ταρχύω* к хетт.-лув. **tarḫu-* в хетт. *tarhuili-* ‘героический’, *tarhuilatar* ‘мужская сила’, в лувийском имени грозового бога *Tarhunt-* (номинатив ^d*Tarhunza*), в лик. *trqqas*, лик. В *trqqiz*,

которым А. Торп и П. Мериджи приписывали смысл «боги» (дат.-вин. падеж множ. числа) при лик. В trqḡḡī ‘Тархунту’, trqḡḡīṣa ‘Тархунтово’, далее в имени лидийского героя Τάρχων и в этрусских родовых именах Tarxna, Tarxunies (= лат. Tarquinius, сюда же этрусский локатив tarxnalθi ‘in Tarquiniis’). Блюмель и Кречмер апеллировали к словам в «Илиаде» о почитании ликийца Сарпедона и его кузена Главка наравне с богами (XII, 312–314) и вообще к многочисленным случаям возведения в божеский ранг тех или иных гомеровских персонажей (II, V, 78; X, 33; XII, 58; XIII, 218; XVI, 605) а Кречмер также и к хеттскому выражению об умерших царях DINGIR^{LIM}-iṣ kiṣat «сделался богом». По их мысли, развитой в последнее время Г. Надем (2002) в греко-малоаз. (<лик.?) тархḡω отразился мотив героического погребения с превращением усопшего в существо, наделенное сверхъестественной силой (= греч. ἀνθρωπίζω).

5. На фоне популярности этой идеи как-то стушевались соображения Дж. Пульезе Каррателли (1954) о возможном преломлении в греч. тархḡω неких хтонических свойств и связей малоазийского громовержца Тархунта (Тарху). Между тем наличный материал побуждает с семантической стороны поставить версию Блюмеля-Кречмера под сомнение, существенно ее уточнив, так что предположение Пульезе Каррателли обретает эвристическую силу, которую едва ли в нем мог предполагать и сам этот исследователь.

6. Анатолийские формы, привлеченные Блюмелем и Кречмером, все образованы от глагольной хетто-лувийской основы tarh- ‘осиливать’, ‘мочь’, ‘побеждать’, ср. хетт. tar-ah-zi : tar-ru-uh-zi ‘он осиливает’, tar-ah-ha-an-zi : tar-ru-uh-ha-an-zi ‘они осиливают’, где вариант taruh-, вероятно, из *tḡHu-; также лув. ta-ta-arg-ha-an-du ‘пусть сокрушат’. Исходный индоевропейский корень имел значение «преодоления пространства», «выхода на предельный рубеж» [Pokorny 1959], см. др.-инд. tīrtha ‘переправа’, пракрит. tūha ‘берег’, греч. τέρμα, τέρμων ‘предел’, τέρμιος ‘предельный’, τέρθρον ‘конец, край’, ‘смерть’, лат. terminus ‘граница, пограничный знак’, арм. t’arm ‘острие’, др.-в.-нем. drum ‘конец, острие’, нем. Truemmer ‘руины, развалины’ < (‘конечное состояние чего-л.’), алб. shtir ‘переправляйся’. Значение «победы, победной силы» у основы от этого корня развивают также индоиранские языки в др.-инд. tarati (вар. titarti, tirati, tiryati, tarute) ‘переходить, преодолевать, побеждать’, tara, taras ‘энергия, мощь’, turvani ‘победный’, tūrvi ‘полный сил’, tarutar ‘победи-

тель’, авест. taugvan ‘побеждать’, ср.-перс. tarvīnītan то же, осет. тарын ‘преследовать, гнать’). Близость хетто-лувийских и индоиранских форм обнаруживается не только в семантике, но и в прослеживаемых для первых и восстанавливаемых для вторых суффиксальных расширениях -H-, -H-u-, а также в таких параллельных образованиях, как др.-инд. turvani ‘победный’, вед. turvan ‘победа’, авест. taugvan ‘побеждать’ при хетто-лувийском (каппадокийском) женском имени Tarḡwan, глагольном супине tarḡwan ‘чтобы побеждать’. Все это дает основание говорить о яркой хетто-индоиранской изоглоссе. Весьма сомнительно ее продолжение в греч. véκταρ, якобы из *nek’-tḡH- ‘побеждающий смерть’ как др.-инд. ap-tūr ‘преодолевающий воды’, āji-tūr ‘побеждающий в борьбе’ [Thieme 1952] – см. иное объяснение пары амбросия : нектар в духе мифологических понятий о «живой и мертвой воде» [Рабинович 1990].

7. Но не менее важно то, что малоазийские образования, привлеченные для сравнения с тархḡω Блюмелем и Кречмером, сплошь имеют характер теонимический или по крайней мере теофорный. Вписывающееся в очерченную изоглоссу-инновацию популярнейшее анатолийское имя грозового бога как Бога-Победителя отражено в трех вариантах: 1) Tarhunt- (лув. им. пад. Tarhunza, дат. пад. ḡIM-untī, в лувийской иероглифике им. пад. TRH-hu-za-s, т. е. Tarhu(n)zas, род. пад. TRH-hu-ta-s, resp. Tarhu(n)tas, хетто-лувийские личные имена Tarhunda-ziti, Tarhunda-piya, Tarhunda-radu, Tarhunda-wara, Tarhuntišša, топоним Tarhuntašša, позднеанатолийские личные имена – памф. Τροκωνδας, килик. Τροκωνδημος < *Tarhunda-muwa; 2) Tarhu- (лув. иерогл. TRH-hu-s, вин. падеж TRH-hu-n в надписях из Топеды, хетто-лувийские имена Tarhu(w)-aššu, Tarhu-laru, Tarhumima, Tarhu-ziti, Tarhu-piya возможно лидийский эпитет Зевса Tar(ι)γυνηνός от местного названия Τάρυνα < *Tarhuwa); 3) наконец, Tarhuna- (хеттские имена Tarhunia, Tarhunu, позднихет. Tarhunazi, также лик. Τροκωνς, килик. Ταρκωνς, Ταρκουνς [Laroche 1966; Houwiik ten Cate 1961; Neubeck 1959; Meriggi 1962, Meriggi 1967; Гиндин 1981]. Для оценки последней группы форм особый интерес представляют хеттские написания имени бога грозы – им. пад. ḡIM-na-aš, род. пад. ḡIM-un-na-aš, дат. пад. ḡIM-un-ni. Э. Ларош, первоначально видевший здесь передачу западнохурритского прозвания громовника Тешуба Hammuni (якобы давшего хетт. Hammuna) [Laroche 1947], позднее склонился к мысли об отражении здесь специфически хеттской основы, Tarhuna-

редкой в ономастике, эквивалентной лув. Tarhunt- [Laroche 1959]¹.

8. Что же касается положения дел в двух ликийских письменных диалектах (или языках) то лик. A tr(q)qas сегодня однозначно опознается как имя бога в номинативе, идентичное лув. Tarhunza см. TL 93 *mē ne trqas tubidi se muhāi huwedri* ‘и его паразит Тархунт и сообщество богов’; 88 *me ne itlehi tubeiti trmmili huwedri se trqqas se māhāi huwedri* ‘и его как itlehi (злодея? – В.Ц.) покарает ликийское сообщество, и Тархунт, и сообщество богов’ [Carruba 1969, ср. Айхенвальд, Баюн, Иванов 1987]. В текстах ликийского Б словосочетание trqqiz sebuwedriz (...) *ma-saiz* [TL 44 ^d14; 55,5] являет точное формульное соответствие к лик. A tr(q)qas se māhāi/muhāi huwedri и, стало быть, в trqqiz следует видеть номинатив имени верховного бога (= лик. A trqqas) при дативе trqqīti (44 d 18). Значение «боги» (в косвенном падеже) предполагается для формы trqqiz в двух других, не очень прозрачных контекстах (44 с 34–35, 63–65; см. [Королев 1976]), и если даже это предположение справедливо – в чем не может быть уверенности, – то лик. B trqqi- в этом смысле < и.-е. *tḡhui-, ср. др.-инд. *tūrvi* ‘полный сил’, представляло бы редкий окказионализм среди многочисленных, даже доминирующих приложений рефлексов основы Tarhu- (Tarhunt-, Tarhuna-) к верховному богу хетто-лувийских народов. Есть все основания видеть имя того же бога и за лидийским героем Тархон(т)ом, якобы выведшим тирсенов-этрусков из Малой Азии в Италию (Hdt. I, 94;

¹ В литературе известны попытки связать эти хетто-лувийские теонимические формы с кельтскими обозначениями «грома» и «громовержца» (кимр. *garan*, ирл. *torann*, др.-корн. *garan*, гальск. *Taranis*) [Николаев, Страхов 1987], обычно возводимыми к звукоподражательному корню *ter- ‘звучать’ – ср.-ирл. *torm* ‘плач’, лит. *tāria* ‘говорит’, *tārška* ‘трещит, гремит’, слав. **tortoriti* [Pokorny 1959] и т.д. Если эта идея справедлива, мы должны думать либо о том, что древняя основа вторично конвергировалась с хетто-индоиранским именованием «победителя», либо о феномене оформления в различных индоевропейских областях фонетически близких прозваний данного бога с различной этимологической мотивацией по разным диалектным группам. Во всяком случае, это соображение не противоречит реконструкции места прахетто-лувийцев в преданатолийский период их истории между праиндоиранцами и племенами древнеевропейской общности [Gusmani 1968; Гиндин 1963; Цымбурский 2003].

Strab. V, 2, 2) и за мифическим предком этрусской фамилии Tarxna < *Tarxuna ‘Происходящий от Тарху’, а также настаивать на теофорном характере имен вроде хетт. Tarhunia, лик. Τροκονίς и т.д. Что же касается производных форм tarhuili ‘героический’ и tarhuilatar ‘мужская сила’ – они могут объясняться по-разному, в том числе, как дериваты от теонима, ср. др.-инд. Indra имя царя богов: *indriya* ‘мощный, героический’, а как существительное – «сила, мощь», «орган чувств», «чувственное наслаждение». Повидимому, из всех этих обстоятельств, а не из общей идеи «силы» или «героизма» следует исходить, обсуждая всю возможность малоазийского источника для греч. *ταρχῶν*.

9. Теперь, обращаясь к греческой части сравнения, мы должны выбирать между двумя возможными подходами. В одном случае исследователи делают упор на три гомеровских контекста с употреблением этого глагола [II. VII, 85; XVI, 456, 674], и из его окружения в «Илиаде» пытаются вывести его изначальную семантику. Многочисленные же его фиксации у позднейших авторов (всего около 60 по TLG) – у Аполлония, Квинта Смирнского и Нонна, также у Ликофрона, в гомеровских и ликофроновских схолиях, в ряде стихотворных эпитафий из «Anthologia Graeca» и в подлинных надгробных надписях – расцениваются как вторичные, часто вырожденные и бесполезные для анализа. Однако, результаты «внутригомеровской» реконструкции оказываются крайне неоднозначны. Если Курциусу, Гельбигу и Нильсону соседство *ταρχῶν* с упоминанием о бессмертных одеждах давало повод видеть в этом глаголе обозначение для мумификации, то Блюмель, Кречмер и Надь на основании оборота XVI, 456–457, 674–675 *ἔνθα ἔ ταρχῶσουσι κασίγνητοί τε ἔται τε //τύμβῳ τε στήλῃ τε* приписывали *ταρχῶν* семантику «возвеличения», «почитания». Точно так же контекст II. VII, 79–86, где троянцы предполагают сжечь прах своего героя, а греки своего должны похоронить в земле, причем *ταρχῶσσι* употребляется лишь в последнем случае, вполне дает повод усматривать в этом глаголе *terminus technicus* для трупоположения в противоположность кремации (в духе гипотезы Гофманна). Сделать выбор между этими интерпретациями невозможно без обращения к греческому узусу за пределами гомеровских поэм. При этом просмотр всех контекстов, указанных в TLG обнаруживают, что *ταρχῶν* всегда без исключений относится к погребению останков – чаще всего в земле (с насыпанием надгробного холма или без упоминания об этом акте), изредка в каменной нише, как у

Квинта Смирнского, когда троянцы помещают прах Пентесилеи «рядом с прочно воздвигнутой стеною в высокой башне рядом с костями Лаомедонта» (I. 801–802: *τάρχυσαν εὐδμητον περι τεῖχος// πύργῳ ἐνὶ προύχοντι παρ' ὄστρα Λαομέδοντος*).

Что касается кажущегося противопоставления процедуры, обозначаемой этим глаголом, акту кремации в одном случае у Гомера, то позднейшие авторы не поддерживают этого впечатления. Ликофрон скорбно упоминает (Alex. 368–369) *ὑστάτην ... ἔκ πυρὸς τέφρην// κρωσσοῖσι ταρχυθεῖσαν* ‘остатний ... из костра пепел, // хоронимый в сосудах’, а Квинт перечисляет как последние почести покойным (V, 611) *πυρκαϊήν καὶ σῆμα καὶ ὄστρα ταρχύσασθαι* ‘погребальный костер, и памятник, и похороны костей’. Но если противопоставление кремации для *ταρχύω* окказионально, то в русле десятков словоупотреблений оказывается, например, Apoll. Rhod. I, 203–209, где оппозицию образуют два колхских обычая – выставление тел умерших мужчин на ветвях деревьев и засыпание покойных женщин землю (*ἀνέρας οἰχομένους ... ἔστι θέμις ... δένδρέων ἐξάλπειν ἐκὰς ἄστεος ... χθονὶ ταρχύουσιν θηλυτέρας*). Или строки из Anthologia Graeca VII, 176 (*ταρχύθην γὰρ ἐγὼ τὸ πρὶν ποτε, νῦν δ' ἀροτῆρος χερσὶ σιδηρεῖή μ' ἐξεκύλισεν ὕνις*), где первоначальное погребение усопшего в земле контрастирует с его надругательским извлечением на поверхность плугом некоего земледельца. Особняком стоит очень любопытный контекст Квинта (III, 734–736), где наш глагол применяется даже не к самим костям Ахилла, но метонимически – к бычьему жиру, каковой помещают в урну с прахом героя, чтобы ‘похоронить вместе с теплым медом’ (*ἐν δὲ βοῶν δημὸν θέσαν ἄθροα ταρχύσασθαι / σὺν μέλιτι λιαρῶ*). Итак, инвариантным смыслом для *ταρχύω* является не какой-либо акт обожествляющего почитания – скажем, величального именованья (типа «О, славный! О, победоносный!») – который бы приравнивал умершего к богу или полубогу (на эту мысль могла бы навести глосса *τάρχανον· λένθος, κῆδος*), но само по себе сокрытие останков вместе с сопровождающими их аксессуарами, в земле, в каменной гробнице или в сосуде, утаение их от солнца и людей. Весь вопрос в том, может ли слово с такой семантикой участвовать в сопоставлении, где по другую сторону находится ономастическая основа, устойчиво обозначающая в Малой Азии Бога-Победителя, царя богов.

10. На самом деле, это сопоставление должно приковать наше внимание к одному мотиву, характерному для двух групп древних малоазийских мифов о битвах бога грозы с противником-чудищем (мифы об Иллуянке и Улликумми-Кункунуции). А именно к мотиву поражения, постигающего громовержца в его первой схватке с антагонистом.

11. В дошедшем хеттском изложении мифа о рождении каменного великана Улликумми от низложенного богом грозы (хурритским Тешубом, по-хеттски, вероятно, Тархунасом) старого мирового владыки Кумарби (транслитерация и перевод – [Gueterbock 1951–1952], русский перевод – [Иванов 1977]), сохранилось сообщение о низвержении чудищем в море вставших против него 70 богов, о бегстве прочих, покидающих свои дома, божеств, в том числе и бога грозы, и в конце, о выезде последнего на новую битву, где Громовержец – в несохранившейся части рассказа – должен бы оказаться победителем. Широко признанное влияние хетто-хурритской истории свержения Кумарби на греческий миф о Кроносе и Зевсе заставляет многих авторов (см. работы Г. Гютербока, П. Мериджи, Дж. Фонтенроуза, Вч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова и др.) предполагать преломление истории потомка Кумарби – Улликумми в сюжете борьбы Зевса с Тифоном – особенно в аполлодоровой версии этого сюжета (Ard. 1,6,3), где первое сражение этих противников разыгрывается возле той самой сирийской горы *Κάσιον* (хетт.-хур. *Nazzi*), с которой боги в «Песни об Улликумми» испуганно смотрят на страшное возрастание своего врага.

По Аполлодору, Тифон, обвинив Зевса и вырвав у него меч, перерезает богу жилы на руках и ногах, а затем «подняв на плечи перенес его через море в Киликию и войдя в Корикийскую пещеру, положил. Там же вместе он положил и жилы (бога), закутав их в медвежью шкуру и на страже поставил Дельфину-драконицу» (*ἀράμενος δὲ ἐπὶ τῶν ὤμων διεκόμισεν αὐτὸν διὰ τῆς θαλάσσης εἰς Κίλικίαν* [общее чтение издателей вместо встречающегося в рукописях *Σικελίαν* – В.Ц.] *καὶ παρελθὼν εἰς τὸ Κωρύκιον ἄντρον κατέθετο. Ὁμοίως δὲ καὶ τὰ νεῦρα κρύψας ἐν ἄρκτου δορᾷ κεῖθι ἀπέθετο, καὶ κατέστησε φύλακα Δελφύνην δράκαιναν*). Гермес и Айгипан возвращают вырванные жилы изувеченному Зевсу, и тот во второй битве одолевает мирового узурпатора. Этот рассказ греческого мифографа заставляет предположить, что в Анатолии могло бытовать сказание, в котором царь богов (хурритский Тешуб, хетто-лувийский Тархунт,

Тархунас или Тарху), сокрушенный местным прообразом Тифона претерпел изувечение (фактически – временную смерть) и был погребен до срока, когда восстал для окончательной победы.

12. Показательно, что в обеих версиях хеттского мифа об Иллуянке (перевод – [Goetze 1933], сводная транслитерация – [Laroche 1965], русский перевод [Иванов 1977]) бог грозы в первом поединке со змеем Иллуянкой также оказывается побежден. Особенно важен для меня здесь второй (по Гетце, более поздний) вариант, где змей-победитель вырывает у бога глаза. А тот, изменив образ и вступив в брак с дочерью человека-бедняка, рождает сына. Последний, в свою очередь, женившись на дочери Иллуянки, возвращает отцу глаза – и делает возможным торжество отца во второй битве, где на стороне уничтожаемого молнией тества-змея жертвенно гибнет и сам.

13. Этот мотив «поражения героя в первой битве» Дж. Фонтенроуз (1959), широко использовавший мифы об Иллуянке и Улликумми, ввел в свой реконструируемый инвариант змеборческого мифа средиземноморских и индоевропейских народов. Но при этом он, по сути, подменяет этот сюжетный ход стоящей за ним универсальной топикой временной смерти бога или героя, подверстывая под тот же пункт своей реконструкции и икупительные претерпевания Аполлона после убийства Пифона, и умерщвление угаритского Балу богом смерти Муту, и пленение Мардука в горе, и смерть Осириса от руки Сета, и лесные скитания Рамы, и переживания напуганных товарищей ушедшего в подводный мир Беовульфа. На самом деле среди всех реализаций этой глубинной схемы сюжетный ход с поражением в первой битве и победою во второй представлен как таковой с неоспоримой наглядностью только в малоазийских мифах о судьбе Бога-Победителя и составляет их особенность.

Кстати, поэтому меня смущает попытка Л. А. Гиндина (посмертная публикация 2004 г.) использовать этот мотив для разъяснения некоторых русских былинных текстов, обычно расцениваемых как контаминированные или просто испорченные. Со ссылкой на Фонтенроуза, Гиндин берет мотив «поражения в первой битве» как универсалию, но вчитывает его в «вырожденные» былины в таком виде, в котором тот был представлен чуть ли не исключительно в Малой Азии средне- и позднебронзового века.

14. Здесь я бы хотел обратить внимание на возможные отзвуки того же мотива в известной хетто-хуритской билингве об

участи г. Эблы (т.н. «Эпосе об освобождении на волю», Во 83/26 = КВо XXXII, транслитерация с комментариями и переводом [Neu 1996], обсуждение интересующих меня мест [Otten 1984; Neu 1988; Naas, Wegner 1990; Иванов 1998], а именно, во фрагментах 13 и 15. Фрагмент 15 с патетическим рассказом о мытарствах уподобившегося человеку (?) Тешуба, хеттского ^dIM-aš (Тархунаса?), лишенного серебра, одежды и хлеба, и о верующих, помогающих ему и возвращающих его к жизни, Вяч. Вс. Иванов сопоставил с евангельским контекстом Мф., 25. 35–36. Однако наглядна, прежде всего, его переключка с тем вариантом мифа об Иллуянке, где изуродованный и изменивший облик ^dIM-aš (Тархунас?) вступает в брак с дочерью бедняка. Фрагмент 13, в коем Тешуб попадает на пир к хозяйке подземного мира Аллани, истолковывался учеными по-разному – как в духе сакрального брака, единения Земли и Неба (Э. Ной), так и в смысле пленения бога хтоническими силами, наподобие участи Мардука и Балу (В. Хаас и И. Вегнер, Вяч. Вс Иванов). Ключевым моментом для интерпретации этого эпизода может быть то, что по правую руку от бога (^dIM-aš ZAG-az) на его подземном пиру садятся т. н. «прежние боги» (хур. amattena enna, хетт. karuileš šiuneš), ассоциируемые в хеттской мифологии с Кумарби – свергнутое Тешубом старое поколение богов. Соседство их с богом грозы в покоях у Аллани может указывать на то, что и сам он в этой сцене предстает в качестве свергнутого бога, смененного другим правителем.

15. Можно утверждать, что в мифах хетто-лувийской Малой Азии мотив поражения Бога-Победителя в первой битве и лишения его могущества соединялся с идеей своеобразного *кеносиса* бога, представленной в двух версиях: 1) изменение облика бога, его общение с бедняками (возможно – страдания от нехватки всего необходимого, спасение и выживание при поддержке людей-благотворителей); 2) временная смерть изувеченного бога и его погребение (может быть – нисхождение в подземный мир и присоединение к кругу «прежних богов»).

16. В первом, по Гетце – более архаичном варианте мифа об Иллуянке мотив «поражения в первой битве» реализуется в словесной форме следующим образом [Laroche 1965, Recto I A] (9) ma-a-an ^dIM-aš ^{MUS} Il-lu-ya-an-ka-aš-sa INA ^{URU} Ki-iš-ki-lu-uš-ša argu-ti-(i)-er (11) nu-za ^{MUS} Il-lu-ya-an-ka-aš ^dIM-an tar-ah-ta '(9) Бог грозы и змей Иллуянка (10) возле города Кискилуса сразились. (11) И змей Иллуянка бога грозы победил'. Та же конструкция,

которую имеем в последней строке, надежно восстанавливается и для второго варианта мифа (Verso III) по сохранившимся остаткам строк (3) ^{MUS} II-[lu-ya-an-ka-aš-za ^dIM-an] (4) tar-ah-ta. Если имя бога грозы в этом древнем мифе впрямь звучало как *Tarhunās ‘Победитель’ (ср. строку III, 17 со словами о сыне бога грозы, возвращающем отцу его глаза na-at ^dIM-ni at-ti-iš-ši ri-e-da-aš ‘и он их отдал богу грозы [= Tarhuni?], отцу своему’), то контекст обретал характер броской звуковой игры: *Шуанкас Tarhunān tarht(a) ‘Иллуанка Бога-Победителя победил’. В эпоху Хеттской империи (XIII – начало XII вв. до н.э.) мощное лувийское влияние, похоже, сказавшееся и в распространении формы теонима Tarhunt- могло усугубить словесно-звуковую игру созвучием форм Tarhunt- и хетт. tarhant- ‘побежденный’, пассивного (по законам хеттского языка) причастия от tarh- ‘побеждать, осиливать’, каламбурным осмыслением прозвания Бога-Победителя как Бога-Побежденного (*Шуанкас Tarhun(t)an tarht(a) > *Tarhunz Шууанки tarhanz ‘Бог-Победитель, Иллуанкою (или эквивалентным ему персонажем) побежденный’).

17. Я полагаю, что греч. ταρχύω ‘погребая’, ταρχύομαι ‘я погребен’, проникшие из какого-то анатолийского языка к малоазийским грекам, скорее всего, в начале I тыс. до н.э. (так же как формы τέρχυσα, ταρχάνιον, τάρχανον) представляют отзвуки мифа о погребении сокрушенного в первой битве и восставшего для окончательной победы Тархунта (или Тархунаса, или Тарху (эквивалента хурритского Тешуба). Этот миф, реконструируемый по Аполлодору, входит в круг малоазийских сказаний о кеносисе временно побежденного Бога-Победителя. Гомероведением [Robert 1881; Gruppe 1906; Willamowitz-Moellendorf 1916; Malten 1944] надежно устанавливаются связи создателя (или одного из основных создателей) «Илиады» с ионийскими Главкидами, полугреками, полуликийцами, зачислявшими в свою родословную героя Сарпедона, который почитался в Ликии как сын Зевса, то есть, собственно Тархунта. Вполне допустимо проникновение в эпос термина ταρχύω (в «Илиаде» два раза из трех прилагаемого именно к похоронам Сарпедона XVI, 456, 674) от представителей данной фамилии, полагавших себя с Тархунтом в свойстве и более всего способных культивировать восприятие героической погребальной обрядности в свете тархунтовой мифологии. Не исключено и то, что первоначальное применение греками этого глагола к героям, погибавшим в битвах, которое нам являет эпос, опиралось на матрицу все того же мифа о поражении Тархунта-Тарху и его пребывании в пещере-гробнице.

18. Вполне возможно, что греч. ταρχύω, -ομαι имеет за собою малоазийский термин вроде *tarhuwa- эвфемизм со значением ‘уподоблять/уподобляться Тарху’, то есть ‘хоронить/быть похороненным’, образованный так же как лув. иерогл. LUGAL-wa- ‘царствовать’, rapn^awa- ‘служить, состоять при доме’ (лув. rapna- ‘дом’), или от того же корня лик. prnawa- ‘строить’ [Friedrich 1952–64; Meriggi 1962; Meriggi 1967]. Если в мифе участь сокрушенного царя богов (Аполлодоров Зевс) осмыслялась через погребальную практику, то в языке, наоборот, состояние умершего человека соотносилось с кеносисом Бога-Победителя во временную его бытность Богом-Побежденным.

Е. С. Цыпилова

**ТРАГЕДИЯ НЕВИЯ «ГЕСИОНА» (AESIONA):
ЦИТАТЫ У ВАРРОНА И АВЛА ГЕЛЛИЯ**

От трагедии Невия «Гесиона» (Aesiona) сохранился всего лишь один фрагмент, состоящий из одной стихотворной строки. Уникальность этого фрагмента заключается не только в том, что он принадлежит пьесе, от которой более ничего не сохранилось, но и в том, что он приводится в произведениях сразу двух античных авторов: Варрона и Авла Геллия. Рассмотрим, каким образом и для чего каждый из них обращается к тексту Невия.

Varro De Lingua Latina VII, 107: Multa apud poetas reliqua esse verba quorum origines possint dici, non dubito, ut apud N<a>evium in <A>esiona mucro gladii 'lingula' a lingua...	A. Gellius Noctes Atticae X, 25: De 'lingula', quoniam est minus frequens, admonendum existimo linguam veteres dixisse gladiolum oblongum in speciem linguae factum, cuius meminit Naevius in tragoedia Hesiona ¹ . Versum Naevi apposui: sine mi gerere morem videar lingua, verum lingula.
--	--

Как было отмечено ранее, оба писателя цитируют не только одну и ту же пьесу Невия, но одну и ту же строку из нее. При цитировании Варрон выписывает только интересующее его слово, Авл Геллий приводит эту строку полностью. В обоих случаях причина для цитирования одна — слово *lingula*: Варрон объясняет его происхождение, Авл Геллий — его значение и употребление древними. Итак, в этих цитатах слишком много общего, чтобы их можно было бы считать результатом случайного совпадения или следствием независимого обращения обоих писателей к одному и тому же тексту. На основании этого мы считаем, что вполне правдоподобно будет предположить, что обе эти цитаты являются частями одного текста, в котором объясня-

¹ Вслед за Бюхлером (Buecheler in Rhein. Mus. 27 (1872), p. 475) большинство издателей драматических фрагментов Невия предпочитают форму Aesiona.

лось в каком значении было употреблено слова *lingula* в пьесе Невия Aesiona. В самых общих чертах этот текст можно реконструировать следующим образом:

apud Naevium in Aesiona:

ne mihi gerere morem videar lingua, uerum lingula.

lingula — gladiolus oblongus in speciem linguae factus.

Слова *veteres dixerunt*, которыми воспользовался Авл Геллий для того, чтобы ввести объяснение слова *lingula*, могли отсутствовать в изначальном, реконструируемом нами тексте. Дело в том, что Авл Геллий довольно часто использует слова *veteres dicebant / dixerunt* для ввода цитаты или для того, чтобы показать, что значение некоего слова отлично от общепринятого.

Мы считаем возможным исключить из реконструируемого текста также и указание на жанр цитируемого произведения, то есть слова *in tragoedia Aesiona*, приводимые Авлом Геллием. Отсутствие этих слов в тексте Варрона само по себе ни о чем не свидетельствует. Даже если он знал, к какому жанру принадлежало цитируемое им произведение Невия, то очень велика вероятность того, что он сознательно ничего не написал об этом. Для Варрона вообще не характерно называть жанр того произведения, которое он цитирует. Напротив, это характерно для Авла Геллия, но он всегда пользуется для этого одной из следующих формул:

in X (gen. nominis auctoris) tragoedia, quae Y inscribitur / inscripta est или

in X (gen. nominis auctoris) tragoedia, cui nomen / titulus est Y

Слова *Naevius ... in tragoedia Aesiona* не могут быть частью ни одной из вышеприведенных формул, так что вполне вероятно, что мы имеем дело с позднейшей вставкой в текст самого Авла Геллия. Если наши рассуждения верны, то нет никаких причин включать их и в реконструируемый текст.

На наш взгляд, также совсем не обязательно включать в реконструируемый текст сведения о происхождении слова *lingula*. Его этимология совершенно очевидна: это существительное с уменьшительным значением, образованное от существительного *lingua*. А так как главным критерием Варрона при отборе примеров, перечисленных в параграфах 107–108 VII книги *De Lingua Latina*, была именно «прозрачность» и ясность их этимологии, то нет необходимости предполагать, что этому еще где-то специально уделялось внимание.

После того как был реконструирован текст, к которому, на наш взгляд, восходят цитаты из трагедии Невия Aesiona, приво-

димые в сочинениях Варрона и Авла Геллия, необходимо задуматься о характере этого текста. И указание на то, что слово *lingula* употреблено в пьесе Невия в особом значении, и объяснение этого значения могли содержаться, прежде всего, на полях издания текста трагедии. В случае с Варроном, жившим в I в. до н.э. и, что достоверно известно, имевшем в своем распоряжении множество различных текстов, предположение о том, что он выписал цитату непосредственно из произведения Невия (или из маргинальных заметок полях), представляется вполне правдоподобным. Однако в случае с Авлом Геллием, жившим во II в. н.э. и нередко пользовавшимся «текстами-посредниками» при цитировании многих архаических авторов, дело обстоит не так просто. Если допустить, что издание трагедии *Aesiona* Невия существовало еще во II в. н.э. и Авл Геллий держал его в руках, то как же тогда объяснить, что ни он сам, ни кто-либо другой (за исключением Варрона) более нигде и никогда не упоминает об этой пьесе? Найти ответ на этот вопрос не представляется возможным, и потому более разумным, на наш взгляд, будет предположить, что реконструируемый нами текст был частью некоего глоссария к произведениям Невия. Про этот глоссарий можно совершенно точно сказать, что в нем цитировались произведения Невия, и объяснялись необычные значения слов, встречающихся в них. Вероятность и правдоподобие того, что с подобным глоссарием мог работать Авл Геллий, довольно велика.

Предположение, выдвинутое нами в результате сравнения цитат из трагедии Невия *Aesiona*, приводимых в сочинениях Варрона и Авла Геллия, о существовании некоего глоссария к произведениям Невия, является не только правдоподобным, но и «функциональным», то есть позволяет объяснить многие, представлявшиеся ранее необъяснимыми, явления. Единственный вопрос, на который нам пока не удалось найти ответа, это — кем и когда был составлен подобный глоссарий. Совершенно точно можно сказать, что реконструируемый нами глоссарий существовал в конце I в. до н.э. Его автором мог быть сам Варрон. В этом случае, работу над составлением глоссария можно, вслед за К. О. Мюллером, представить следующим образом. В распоряжении Варрона были тексты различных произведений Невия, возможно, содержащие маргиналии. В процессе подготовки к написанию *De Lingua Latina* Варрон изучил их и составил для себя глоссарий, содержащий цитаты и объяснения значения и / или происхождения редких слов, встречающихся в них. Для того, чтобы этим списком было удобно пользоваться, Варрон рас-

положил названия пьес в алфавитном порядке. Во время написания *De Lingua Latina* Варрон цитировал свой глоссарий там, где считал это необходимым, и каждый раз вид и размер цитаты зависел от контекста. Там, где наличие цитат из произведений Невия могло привести к уменьшению наглядности, Варрон выписывал из своего глоссария только «леммы», там же, где это было необходимо, он приводил целую строку.

Впоследствии, существование глоссария, составленного Варроном, могло привести к уменьшению интереса со стороны грамматиков к тексту произведений Невия и более редкому к ним обращению. Что, несомненно, могло лишь только способствовать процессу исчезновения последних. Если же предположить, что реконструируемый нами глоссарий был составлен кем-то до Варрона, тогда Варрон просто использовал его при написании своего сочинения, а процесс вытеснения текстов Невия на периферию начался уже к середине I в. до н.э. В дальнейшем, глоссарий (хотя мы можем точно засвидетельствовать его существование еще во II в. н.э.) постигла та же судьба, что и тексты, которые он вытеснил.

А. Б. Черняк

SIMPLEX (CONTIO, ORATIO, VERBA etc.) у АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА И В ПОЗДНЕЙ ЛАТЫНИ

В четырех пассажах самого значительного римского историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина *simplex*, как мне представляется, выступает в роли не качественного, а скорее относительно определения типа речи, т. е. почти как технический термин:

1. *Amm. XX, 5, 2 quasi lituis verbis (ut intelligi possit) simplicibus ascendebat* «Он (Юлиан) обратился к ним с речью, сказанной намеренно просто, чтобы все было понятно; слова его действовали на войско, как звук трубы»¹;

2. *XXV, 4, 13 denique id pro multis nosse sufficet: exhortatum eum simplici contione militem Gallicanum pruinis assuetum et Rheno peragratis spatiis regionum extentis per tepentem Assyriam ad usque confinia traxisse Medorum* «Достаточно, наконец, вместо всего другого указать на то, что простой речью перед солдатами он так воздействовал на привычные к холодам и Рейну галльские войска, что увлек их за собой через отдаленные земли в жаркую Ассирию и в близость к мидянам»²;

3. *XXVI, 2, 7 proinde pacatis auribus accipite, quaeso, simplicioribus verbis, quod conducere arbitror in commune* «Так выслушайте же, прошу вас, спокойно, что я считаю полезным в интересах общественного блага»³;

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. [Алетейя] 2000, 195. Ср. другие переводы: W. Seyfährth (1979) 97: «...feuerte er sie mit einfachen Worten an die wie Trompetentöne wirkten, damit er auch verstanden werden könnte» (Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lat. u. d. v. W. Seyfährth. 2. T. Berlin [Akademie-Verlag] 1979 (1968) [Schriften und Quellen der alten Welt 21,2]); cf. J. A. Wagner, ed. Bd. II, Leipzig, 1808, 373 ad XX, 5, 2 (*simplicibus* «popularibus, sine ornatu»).

² Там же, 336. Ср. W. Seyfährth (Op. cit. 3. T. Berlin 1970: «Mit einer einfachen Ansprache munterte er die gallischen Soldaten auf»; cf. J. A. Wagner. Op. cit. III, 100: «*simplici* „una“ contione». Любопытно отметить, что *simplici* – это конъектура, предложенная Вазелием (H. de Valois = Henricus Valesius, ed. Parisiis, 1636) вместо рукописного *supplici*.

³ Там же, 358. Ср. W. Seyfährth. Op. cit. 4. T. Berlin, 1971: «Darum hört, bitte, mit Wohlwollen meine einfachen Worte über das, was meiner Ansicht nach für das Allgemeinwohl erforderlich ist».

4. *XXVI, 5, 10 Equitius enim... ipse quoque nondum liquida fide comperta simplicibus verbis principem gestorum conscium fecit* «Эквитий... и сам он не имел возможности ничего выяснить и только в кратких словах уведомил государя»⁴.

Комментаторы не особенно задерживаются на нашей проблеме, ограничиваясь указанием соответствующих пассажей Аммиана⁵. Некоторое исключение представляет голландский комментарий, где дается ссылка на семасиологический этюд О. Хильфсбруннера⁶. К сожалению, ничего полезного для себя в этой работе я не нашел.

Тем не менее, мне удалось отыскать ряд аналогий, которые, судя по всему, для данной цели, т. е. для объяснения странного узуса Аммиана, никогда не привлекались.

ДОПОЛНЕНИЯ**I. Простой язык христиан.**

Так называется один из параграфов монографии Райхенкрона⁷, опирающийся в основном на материал, собранный уже Э. Норденом⁸. Из цитируемых им пассажей я извлек следующее:

5. *Lact. div. inst. V,1,15 (CSEL 19 [1890] 401) haec imprimis causa est, cur apud sapientes et doctos et principes huius saeculi scriptura sancta fide careat, quod prophetae communi ac simplici sermone ut ad populum sunt locuti*

Итак, по мнению Лактанция (ок. 300 г., ученик Арнобия), «пророки говорили и писали обыкновенным простонародным слогом» (пер. Е. Карнеева⁹) и это было причиной, по которой

⁴ Там же, 363. Ср. W. Seyfährth. Ibid.23: «Bevor er selbst die volle Wahrheit erfuhr, gab er dem Kaiser mit einfachen Worten hiervon Nachricht».

⁵ См.: J. Szidat. Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX–XXI. T. I. Wiesbaden, 1977, 172 zu XX, 5, 2; Ammianus Marcellinus. Histoires. T. IV, 2. Livres XXIII–XXV. Commentaire par J. Fontaine. Paris, 1987 (1977), 233, nr. 580; J. den Boeft, D. den Hengst, H. C. Teitler. Gronological and historical Commentary on Ammianus Marcellinus. XX. Groningen [E. Forster], 1987, 116–117 ad loc.

⁶ J. den Boeft etc. Loc. cit.; O. Hilfsbrunner. *Simplicitas*. Eine Begriffsgeschichte // Idem. Latina Graeca Bern 1958, 15–105.

⁷ G. Reichenkron. Historische latein-altromanische Grammatik. I. Teil. Einleitung. Das sogenannte Vulgärlatein und das Wesen der Romanisierung. Wiesbaden 1965, 87–89.

⁸ E. Norden. Die antike Kunstprosa vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Zweiter Bd. Leipzig, 1898. S. 524–525.

⁹ Творения Лактанция. Пер. Е. Карнеева. СПб., 1848. С. 337.

образованные люди не уважали Священное Писание. Но на каком языке у Лактанция говорили пророки, на латинском Италы, на греческом перевода 70 толковников или на древнееврейском / арамейском? Все это довольно проблематично.

Проще со следующим:

6. Lact. Div. inst. VI, 23. 5 (CSEL 19, 562) *adsueti enim dulcibus et politis sive orationibus sive carminibus divinarum litterarum simplicem communemque sermonem pro sordido aspernantur* «Привыкли к красотам и фигурам красноречия и поэзии они презирают... простоту Священного Писания»¹⁰.

II. Материалы проф. Байкирхера.

Обращение в редакцию ThLL оказалось очень плодотворным. В присланных мне проф. Гуго Байкирхером (в письме от 02. 03. 2004 – я приношу ему здесь искреннюю благодарность) распечатках я обнаружил три новых примера:

7. Tert. Adv. Herm. 27 (CSEL 47 [1906] 155,17) *Haec sunt argutiae et subtilitates haereticorum, simplicitatem communium verborum torquentes in quaestionem* «...все это – хитросплетения и уловки еретиков. Они из простых и общеизвестных слов создают проблему» (пер. Ю. Панасенко)¹¹;

8. Arnob. Adv. nat. VII, 2 (CSEL 4 [1875] 343,15) *qui sunt, inquit, di veri? ut communi vobis et simplici respondeamus verbo, non scimus* «Какие же – скажете вы – истинные боги? На это мы ответим общим выражением и просто: не знаем (пер. Н. М. Дроздова)»¹²;

9. Epist. ad Augustinum et alios XI, 18, 3 (CSEL 88 [1981] p. 65, 12 ss.) *rettulit etiam mihi simplicibus verbis omnem illum ordinem suae mirificae atque terribilis visionis*¹³ «он простыми словами (= на своем просторечном жаргоне) поведал мне во всех подробностях о своем чудесном и ужасном видении».

III. Материалы Брууна.

Несколько интереснейших примеров посчастливилось мне

¹⁰ Там же, II, 70.

¹¹ Тертуллиан. Избранные сочинения. Сост. и общая ред. А. А. Столярова. М., 1994, 148.

¹² Арнобия семь книг «Против язычников». В русском переводе... Н. М. Дроздова. Киев, 1917, 289.

¹³ Выражаю искреннюю признательность коллеге А. Н. Соболеву за ссерокопию всего письма (стр. 51–71).

обнаружить в диссертации Х. Брууна¹⁴:

10. Aug. de gen. c. Man. I 1 (PL 34,173) *et me monuerunt, ut communem loquendi consuetudinem non desererem... Hunc enim sermonem usitatum et simplicem etiam docti intellegunt, illum autem indocti non intellegunt*¹⁵ «и мне посоветовали не отказываться от общепонятного и привычного языкового узуса... Ибо эту общую и простую речь понимают и люди ученые, а тот непонятен неученым».

Брун предлагает немало любопытного и под словом *simplicitas*¹⁶, но ряд мест не поддается идентификации.

Пример (9) в комментариях не нуждается, тесно примыкая к трем вышеприведенным пассажам из Аммиана. В предыдущих примерах (5–8) и в №10 примечателен и термин *communis*¹⁷, явно воспроизводящий позднегреческое койне – κοινή (διάλεκτος). Особенно великолепен пример из Арнобия, использующий известный уже Цицерону варваризм¹⁸. Он переносит нас в проблематику языковой ситуации в Риме конца Республики, исследованную нами в другой работе¹⁹.

¹⁴ H. Bruhn. Specimen vocabularii rhetorici ad inferioris aetatis latinitatem pertinens. Diss. Marburg 1911–1912.

¹⁵ Ibid. 18 s. v. *communis*.

¹⁶ Ibid. 22, cf. Hier. Interp. Didymi de spitu sancto (PL 23,110 A) *Neque enim aut scripturo sibi hoc vindicat, aut sermo communis* – пример явно из предыдущего примечания.

¹⁷ О sermo communis см. Roman Müller. Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike. München [Beck] 2001 (Zetemata 111)] 215–218 с примерами из Квинтилиана (Quint. Inst. or. II, 10, 13), Цицерона (Cic. De off. I, 134 etc.). «Риторика к Гереннию» и Варрона (с consuetudo: Varr. De ling. Lat. V, 6, 2: 6,82 etc.).

¹⁸ Cic. Orat. 157 *non scire quidem barbarum iam videtur, nescire dulcius ipsum meridiem cur non medidiam? credo quod erat insuavius*; ««Non scio» уже кажется варварским, «nescio» звучит приятнее. Да и самое слово «meridies» почему бы не произносить «medidies»? Право, лишь потому, что это было бы неблагозвучно?» (пер. М. Л. Гаспарова [Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова. М.: «Наука», 1972, 364).

¹⁹ См. нашу статью: Секст Помпей и его жаргон (Vell. II 73, 1 *studiis rudis, sermone barbarus*) // *Hrdā manasā*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005.

Здесь уместно вспомнить о том, что и Дюканж в предисловии к *Glossarium Latinitatis Medii Aevi* приводит целый ряд пассажей поздних авторов с *simplex* (*oratio, sermo, stilus etc.*), а именно:

11. Vita S. Hilarii Arelatensis (сер. V в.), cap. XI²⁰: Si peritorum turba defuisset, simplici sermone rusticorum corda nutriebat «Если мало было (в церкви) образованных людей, он (св. Иларий) насыщал сердца необразованных простонародной речью»;

12. Caesarius Arelatensis (ca 470–542) Sermones 86: et ideo rogo humiliter, ut contentae sint erudite aures verba rustica aequanimiter sustinere, dummodo totus grex domini simplici et, ut ita dicam, pedestri sermone pabulum spiritale possit accipere²¹ «и поэтому смиренно прошу чтобы ваши эрудированные уши соизволили спокойно вытерпеть простонародные слова, пока вся паства Божия не сможет воспринять духовное окормление проповедью на простом и, так сказать, низком языке»;

13. Eligius Noviomensis (588 ca–659), Homil XI (PL 87,630) simplici et rusticano utentes elogio²² «пользуясь простой деревенской речью».

Наш сравнительно небольшой корпус примеров характеризует как речь простых людей (4–5, 7, 13), так и обращения к ним представителей образованных сословий (1–3, 6, 8–12)²³. Ясно, что *simplicia verba etc.* всюду надо переводить не как «простые

²⁰ Ducange. Praefatio, XXIV b (i), XXV a; Migne, PL 50,1231, см. нашу статью: Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2004, 304–314.

²¹ M. Braccini. *Rusticus sermo*. Giudizi e testimonianze sul volgare romano dal IV al VIII secolo. Pisa 1980 (Bibl. degli studi mediolatini e volgari, n.5) nr. 11.

²² Ibid., nr.23.

²³ Уже начиная с конца II в. н. э. общение римского нобилитета с нижестоящими оказывалось порой весьма затрудненным, как показывает анекдот о Марке Аврелии (он обратился к кому-то на латинском языке, но не был понят ни им, ни окружающими, а стоявший рядом префект Бассей Руф объяснил: «Он не понимает по-гречески, государь»), см. С.Д. LXXI, 5; 3 (р. 256 Boissevin). Фридлэндер на основании этого свидетельства Диона Кассия с уверенностью говорит о языковом упадке («Verfall der Sprache im 2 Jh.», см.

L. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Bd.II¹⁰. Leipzig 1922, 209).

слова», «простая речь» и т. д., а как «просторечие», «народный язык» (соответственно почти все вышеприведенные переводы нуждаются в корректировке). Тем самым прилагательное *simplex* становится в один ряд с *barbarus* и *rusticus* (*sermo*), гораздо более известными деноминантами народной речи Рима и провинций, т. е. с тем языковым типом, который научная терминология именует романским койне, общероманским, протороманским и т. д.²⁴

Таким образом, оборот *simplex* (*contio, oratio, verba etc.*) можно охарактеризовать как социолингвистический термин, иными словами, как локальное наименование романской речи, распространенное в Римской Африке, Галлии и северной Италии в III–VII вв. н. э. Параллельное употребление в ряде случаев с *communis* = гр. κοινή (διάλεκτος) наводит меня на мысль, что и здесь мы имеем дело с калькой гр. ἡ ἀπλή (γλώσσα). На данный момент я располагаю только одним примером, более или менее аналогичным рассмотренным выше латинским: это «Житие Порфирия, епископа Газы» диакона Марка (первая половина V в.) гл. 74: οὐχ ὀμιλῶν κόμπω λόγῳ Θέλων ἐπιδείξασθαι, ἀλλ' ἀπλή φράσει διδάσκων «Он читал свои проповеди не в сложных периодах, желая покрасоваться, а наставлял простыми фразами»²⁵. Тем не менее, таковые, судя по всему, существуют²⁶ – стало быть, остается только их найти.

Simplex (contio, oratio, verba etc.)

chez Ammien Marcellin et dans le latin tardif.

Dans Amm. XX, 5,2; XXV,4,13; XXVI,2,7; 5,10 *simplex* a évidemment le sens «stile, familier», «langage de tous les jours». La fonction relative de *simplex* est rare, mais j'en ai pu trouver une douzaine d'exemples dans les textes du III–VII siècles. Je crois qu'il s'agit ici d'un calque du grec ἡ ἀπλή (γλώσσα), tout comme *sermo communis* = κοινή (διάλεκτος).

²⁴ См. Marc le Diacre. Vie de Porphyre évêque de Gaza. Texte éd., trad. et comm. par H. Grégoire et M.-A. Kugener. Paris 1930, 59: «non que, désireux de briller, il usât d'un discours pompeux, mais il les instruisait en phrases simples».

²⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить проф. В.Ференднера (Вена) за извлеченные из сидерома данные Большого греческого словаря.

²⁶ Ср. F. W. A. Mullach. Grammatik der griechischen Vulgarsprache in historischer Entwicklung. Berlin 1856, 70: «Diese Volkssprache ist es, welche die griechische Schriftsteller ungefähr vom sechsten Jh. an δημότης, ἀπλή, κοινή, ιδιωτική διάλεκτος oder γλώσσα τῶν χυδαίων nennen».

М. Ю. Шевченко

К ЭТИМОЛОГИИ *πτόρθος*.

Слово *πτόρθος* «отпрыск, побег; произрастание» не имеет достоверной этимологии. В этимологических словарях выдвигались различные версии о происхождении этого слова. Так, Voisacq считал, что начальное πт- восходит к *πj- (*πτόρθος* < *πj-*όρθο-ς*) и связывал это слово с *όρθός* и и.-е. корнем **ered(h)*- ‘расти’, никак не объясняя начальное *π-. В этимологических словарях Я. Фриска и П. Шантрена слово остаётся без этимологии («*unerklärt*», «*ignorée*»), приводятся лишь ссылки на некоторые версии. По одной из них (Н. Peterssen) слово *πτόρθος* связывается со словом *πόρτις* ‘бычок, перен. отрок, юноша’, по другой (А. Сипу) – со словом *παρθένος* ‘девушка’. Все эти версии, с точки зрения Я. Фриска, являются неубедительными.

Для членов синонимического ряда с общим значением «веточка, побег, молодая поросль» в древнегреческом языке характерно развитие метафорического значения «молодое животное (как правило, телок или тёлка); молодой человек (юноша или девушка)». В древнегреческом языке данный синонимический ряд представлен следующими словами: *μόσχος*, *μοσχίδιον*, *όζος*, *κλάδος*, *πτόρθος*, *κλών*, *άπορρώξ*, *λύγος*.

Этимология не всех этих слов достаточна ясна, тем не менее, у некоторых слов этимология считается достоверной. Так, *κλάδος* родственен глаголу *κλάω* ‘ломать’, в это же этимологическое гнездо следует включить и слово *κλών* (**κλα-ών*). В этимологии хорошо известно и описано развитие значения «веточка, побег, молодая поросль» у существительных, производных от глаголов с ярко выраженной деструктивной семантикой. Так, латинское *clades* родственен *per-cello* ‘опрокинуть, погубить’ и *re-cello* ‘отскакивать назад’, где **cello* ‘поражать’ < **celdo* согласно А. Вальде (LEW). Греческое слово *άπορρώξ* ‘отпрыск’, несомненно, является производным от *ρήγνυμι* ‘ломать, разбивать, разрывать’.

Мотивация у такого семантического перехода, как можно предположить, развивается в двух направлениях: (1). «нечто отломанное» и (2). «молодой побег, в буквальном смысле, прорывает почку в момент прорастания».

В «Одиссее» слово *πτόρθος* встречается только один раз (Od. 6.128) и скорее имеет значение «отломанная ветка»:

...ὡς εἶπὼν θάμνων ὑπεδύσετο δῖος Ὀδυσσεύς
ἐκ πικινῆς δ' ὕλης πτόρθον κλάσε χειρὶ παχείῃ
φύλλων, ὡς ῥύσαιτο περὶ χροῖ μήδεα φῶτος.

С этими словами из чащи кустов Одиссей осторожно

Выполз; потом жилистой рукою покрытых листьями

Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнажённое тело

(пер. В. А. Жуковского).

Можно было бы предположить, что существительное *πτόρθος* может оказаться родственным глаголу *τέρθω* с деструктивным значением «разрушать». О том, что слово *πτόρθος* является отглагольным, говорит и о-огласовка корня. Вполне возможно, что это имя существительное было произведено по словообразовательной модели *λέγω* > *λόγος* с чередованием е/о, характерным для многих индоевропейских языков.

С точки зрения плана содержания и семантической типологии такое сопоставление нам кажется уместным. Тогда в плане выражения возникает трудность – глагол *τέρθω* не содержит в корне консонанта -т-, который однако имеется в составе существительного *πτόρθος*.

Чередование πт-/пт- в древнегреческом языке давно является предметом дискуссий. Выдвигалось несколько гипотез, в том числе и гипотеза о негреческом характере этих звуков в анлауте (П. Кретчмер предложил идею влияния на греческий язык одного из языков хетто-лувийской группы), гипотеза о развитии в греческом группы πт- из и.-е. **pj-* (что справедливо только отчасти). Дублеты *πόλις/ πτόλις* и *πόλεμος/ πτόλεμος* были засвидетельствованы ещё в микенском, например, *πόλις* – *po-to-ri-jo* (KN As 1516, 21). Всего в древнегреческом языке насчитывается несколько десятков слов, содержащих в анлауте πт-. Такие слова, как *πτώω* ‘плевать’, *πτερόν* ‘перо’, *πταίω* ‘сталкивать, ударять, ошибаться’, *πτοיעώ* ‘приводить в ужас, устрашать, пугать’ и др. имеют, как правило, большое количество производных и входят в обширные этимологические гнезда. В некоторых случаях πт- действительно можно объяснить как рефлекс и.-е. **pj-* (*πτώω* – ср. рус. *плюю*). В некоторых случаях наличие -т- после π- достоверно объяснить не удастся, и такие слова составляют отдельную группу. Эти слова, стоящие особняком и не имеющие разветвлённых словообразовательных отношений, представляют для нас особый интерес в этимологическом плане. Как правило, все эти слова имеют соответствия, как

в древнегреческом языке, так и на и.-е. уровне, которые, как правило, не содержат в корне консонанта -t-. Так, например, греческое слово πτέρνα 'пятка' может быть сопоставлено со словом πέρινα 'окорок', πτελέα 'вяз' – (при эпидаврской надписи (в Дельфах) πελέα) родственно латинскому названию липы *tilia* (< *pt-), а глагол πτίσσω 'дробить, толочь' обнаруживает родство с латинским глаголом *pinso* 'толочь' (с назальным инфиксом) и рус. *пыхати, пышено*. Таким образом, мы обнаруживаем, что положение -t- после -п- весьма неустойчиво и мы находим греческим словам с πτ- соответствия в других и.-е. языках без *-t-.

Наконец, у Гесиохия мы находим глоссу πόρθος· πτόρθος, κλάδος, βλάστος. Таким образом, учитывая типологию семантической мотивации в древнегреческом языке и наличие дублета πόρθος, можно было бы предположить, что слово πτόρθος является производным от глагола πέρθω.

C. Schmieder

ZUM VERSTÄNDNIS VON MARTIAL 6,24 – EINE INTERPRETATION

Martials schlichte Direktheit stellt uns Philologen schlichtweg vor Aporien, und, ist dieses Unverständnis einmal verschriftlicht, sind Mißverständnisse nicht auszuschließen. Bezüglich folgender zweier Verse gilt diesen entgegenzutreten:

*Nil lascivius est Charisiano:
Saturnalibus ambulat togatus*¹.

Sullivan hat nicht Recht, wenn er für diese Zeilen «adultery» als «target»² annimmt, noch ist «dieses Gedicht unter die Ehebruch-Epigramme»³ zu rechnen. Allerdings bringt uns dieser Umweg auf die Spur: Denn abgesehen von Hör. *serm.* 1, 2, 62f, *Juv.* 2, 68ff. u.a. expliziert Martial sich in 2, 39 selbst:

*Coccina famosae donas et ianthina moechnae:
Vis dare quae meruit munera, mitte togam.*

Nicht purpurne, auch nicht violette Kleider gebühren einer *moecha*, einer Ehebrecherin, sondern – sozusagen als 'Bußgewand' – die *toga*. Damit hat *togatus* seine Bedeutung erhalten. Allerdings irrt Grewing, wenn er schlußfolgert, «so ist C[h]arisianus, dessen Name ohnehin ein Phantasiegebilde ist, in Wirklichkeit vielleicht eine Frau, die die Ehe gebrochen hat. ... Gerade weil die Frau so lüstern ist und die Ehe gebrochen hat, muß sie die *toga* tragen und wird deshalb an den Saturnalien für einen verklemmten Mann gehalten, der nicht aus seiner Haut kann.»⁴ Hinsichtlich der «lüsternen Frau» sowie des «verklemmten Mannes» wird der Irrtum ein doppelter.

Charisianus – wenn nicht eine Bildung Martials, so doch, laut Quellenlage, erstmalig und alleinig von ihm verschriftet – besteht aus dem griechischen *chāris* bzw. *charisios* und der lateinischen Namensendung *-ianus* (vgl. *Seianus*, *Vespasianus*, *Domitianus*,

¹ Martial. 6, 24.

² J. P. Sullivan. *Martial – the unexpected classic*. Cambridge, 1991. P. 105.

³ F. Grewing. *Martial*, Buch VI. Ein Kommentar. Göttingen, 1997. S. 191.

⁴ F. Grewing. *Martial ...* S. 191.

Traianus ...): Das Suffix *-ianus* gibt die Zugehörigkeit, teilweise auch den Besitz⁵ an: Jemand, den *chāris* auszeichnet, der mit seiner 'Gunst nicht geizt'⁶. Diesem verdankt auch der Vierzeiler 11, 88 seine Pointe:

*Multis iam, Lupe, posse se diebus
Paedicare negat Charisianus.
Causam cum modo quaerent sodales,
Ventrem dixit nähere se solutum.*

Eine Diarrhöe, wenn nicht gar eine Entzündung des Dünndarms oder Kolons, gibt Charisianus seinen Gefährten als Grund an, ihnen *daspaedicare* zu verwehren: Der 'mit seiner Gunst nicht Geizende' versagt seine Gunst. (Dem dieses Faktum mitgeteilt wird, wird zudem – sicherlich nicht grundlos – als 'gieriges Raubtier' angeredet.) Nicht unbedingt als *cinaedus*⁷ eher etwa als *spado* ist Charisianus hier zu bezeichnen, wenn es denn so scharf überhaupt zu trennen ist. Das entsprechende deutsche Wort wäre Tunte. Resümierend kann von einem als Frau sich gebenden Mann gesprochen werden, was in 10, 52 wörtlich sich manifestiert:

*Thelyn viderat in toga spadonem.
Damnata Numa dixit esse moecham.*

Daß dieser *thelys spado*, ein sich weibisch gebender 'Eunuch' bzw. 'Kastrat', nicht in Frauenkleidung, sondern in der *toga* herumläuft – quasi aussehend wie eine Frau, jedoch in Männerkleidung – weist ihn in der Perspektive Numas, Roms zweiten König, als verurteilte Ehebrecherin aus: Tuntinnen waren ihm in seiner Zeit unbekannt. Hier schließt sich der Kreis: Charisianus, ein *spado*, läuft in der *toga* – in der Tracht einer verurteilten *moecha* umher. Und das ausgerechnet an den Saturnalien, was ihn in Martials Augen zum laszivsten Bürger Roms werden läßt. Indem Charisianus an besagten Tagen im Dezember, an denen die *toga* unüblich ist, ihr sich jeder entledigt und einer *synthesis*, ein leichtes Obergewand, als

⁵ Zur Bildung von *Caecilianus* vgl. Georges I, 895 und das OLD, 249 (mit Belegen); H.P. Obermayer, *Martial und der Diskurs über die männliche Homosexualität in der Literatur der frühen Kaiserzeit*. Tübingen, 1998, S. 177 schreibt in Anm. 152 Irrtümer weiter fort.

⁶ Vgl. LSJ. P. 1978: *chāris* = favour of persons, und P. 1979: *charisia* = free gifts (tautologisch??)

⁷ F. Grewing, *Martial ...* S. 192.

Haus-, Nacht- oder Tischkleid getragen, den Vorzug gibt, sich so (ver)kleidet, signalisiert er, sich als 'Ehebrecherin' gebend, «Ich gehöre nicht einem allein, jeder darf bei mir». Oder etwas direkter: *Baisez-moi!* Deswegen ist auch 'rein gar nichts geiler als Ch.' Allerdings weiß auch der Leser, der Charisianus kennt, daß diesem jene 'Aufforderung' nichts nützt... (vgl. 11, 88)

Somit wird klar, was Charisianus – wen auch immer der Dichter damit benannt haben mag – für Motive hat, sich so darzustellen, weshalb Martial dies als Anlaß zu einer poetischen Bemerkung nimmt und welche Wirkung er damit beim Publikum hervorzurufen gedenkt. (Der Deutungsversuch von A. Heil⁸, allein das Tragen der *synthesis* das gesamte Jahr über mache Ch. zum laszivsten Bürger Roms, ahnt die richtige Richtung, versäumt aber den entscheidenden Gedanken.)

Zwei jener Zweizeiler nebst dem Vierzeiler bezeugen durch ihr Metrum, den Hendekasyllabus, wie sehr Martial sich bei dieser Thematik seinem Vorbild Catull verpflichtet fühlt. Daß ein Verständnis erst durch eine sogenannte «serielle Lektüre» erlangt wird, wie sie E. Merli⁹ nahelegt, mag den knapp zweitausend Jahren geschuldet sein, die uns von dem Dichter trennen. Für Martials (engeren) Leserkreis und seine Zeitgenossen bedurfte es jener nicht: Die Abstände zwischen dem Erscheinen der einzelnen Bücher¹⁰ hätten in *diesem* Fall eine solche 'serielle Lektüre' über Jahre auseinandergezogen.

⁸ A. Heil, *Bemerkungen zu Martial*: 6,24. 6,61. 6,75. 9,35 und 12,5, in: *Philologus* 146, Heft 2, 2002, S. 309f.

⁹ E. Merli, *Epigrammzyklen und «serielle Lektüre» in den Büchern Martials. Überlegungen und Beispiele* // F. Grewing (Hrsg.). *Toto notus in orbe. Perspektiven der Martial-Interpretation*. Stuttgart, 1998, (= *Palingenesia* LXV). S. 139–154.

¹⁰ F. Grewing, *Martial ...* S. 21, der Friedländer folgt. Vgl. ebenso jüngst G. Galan Vioque, *Martial book VII. A commentary*. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 3ff.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ал. Вл. Андреев. Поэтический синтаксис: датив + причастие $\pi\epsilon\iota\theta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ в элегической поэзии.....	3
Е. В. Антонец. Средневековые стихотворные грамматики латинского языка и их фрагменты в Научной библиотеке МГУ.....	17
В. А. Бондарь, М. Л. Кисилиер. О латинском влиянии на древнеанглийские тексты в области местоименного синтаксиса	21
Н. В. Брагинская. Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исая, 19:18.	32
А. Ю. Братухин. Тертуллиан и Климент Александрийский.....	39
В. В. Василик. О некоторых особенностях фонетики италийского диалекта византийского греческого языка по данным триоди IX в. (БАН Р.А.И.К. 109).....	47
А. Ю. Виноградов. <i>Sub specie sapientiae</i> : композиция «Премудрости Соломона».....	50
Н. А. Ганина. Надпись на шлеме В из Негау: проблемы языковой и культурной интерпретации	53
Л. Г. Герценберг. О внутренней деривации.....	63
Е. А. Глебова. Лексико-морфологические изоглоссы италийского диалектного континуума как доказательство генетического родства италийских языков.....	66
А. А. Григорьева. Победа омлета-Протея или к вопросу о роли древнегреческого в образовании латинской кулинарной лексики.....	69
А. В. Грошева. Лат. <i>corpus</i> и <i>truncus</i> (метафорические сближения)	71
А. А. Евдокимова. Была ли “ $\sigma\omega\phi\rho\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta$ ” женской добродетелью? 72	
С. К. Егорова. Гораций в издании Лукиана Мюллера	76
А. Ю. Енбекова. <i>Theogn.</i> 579–582.....	81
Я. Л. Забудская. О возможностях передачи звукописи в художественном переводе (на материале переводов эсхилосского «Агамемнона» Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом)	82

В. В. Зельченко. <i>Sen. Epist.</i> 56, 4: забытое решение.....	86
Е. В. Илюшечкина. Еще раз о датировке поэмы Дионисия Перигета.....	94
М. Н. Казанская. Особенности постановки односложного слова в абсолютном конце гекзаметра у Проперция.....	100
Н. Н. Казанский. Койне до койне (о языке Селинунтского закона об очищениях).....	108
Т. А. Карасева. Дополнительные комментарии к латинской надписи на «бронзе Фуцинского озера».....	111
Н. Л. Кацман. Конструкции с герундием и герундивом (методический аспект).....	114
А. В. Короленков. Прямая и косвенная речь в характеристике персонажей <i>Bellum Iugurthinum</i> Саллюстия.....	118
П. А. Кочаров. О мифопоэтических представлениях, отраженных в индоевропейских обозначениях неба и земли.....	123
А. Е. Кузнецов. «Лирика» и «Метрика» Цезия Басса.....	129
М. В. Ленчиненко, А. И. Любжин. Философские трактаты Цицерона в библиотеке М. Н. Муравьева.....	135
А. И. Любжин. Об одном из способов знакомства русской публики с римской литературой в XVIII столетии (к постановке вопроса).....	146
Б. П. Маслов. Стоический ойкеосис и происхождение понятия обожения (теозиса) у Григория Назианзина	153
А. С. Николаев. Соотношение грамматической и лексической семантики в индоевропейском праязыке: вопросы внутренней деривации.....	158
А. А. Новохатько. <i>Horatii Sat.</i> 1. 2: о преломлении ямбическо-сатирической традиции.....	170
Ю. В. Откупщиков. Заметки к надписи «Дуэноса» (<i>CIL</i> , I, 4).....	172
А. Е. Павленко. На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия	175
М. И. Петрова. Сюжет о смерти и воскрешении брахманского мальчика: Обычай «выставления» по материалам «Махабхараты»: «Шантипарва» (кн. 12, гл. 149).....	183

Л. Б. ПОПЛАВСКАЯ. Эрот древнегреческой трагедии в боях Ареса	190
М. В. СКРЖИНСКАЯ. Отражение некоторых литературных тропов на памятниках античного искусства, найденных на Боспоре	195
В. П. СМЫШЛЯЕВА. Номинация и образ поэтической птицы.....	201
А. И. СОЛОПОВ. Топонимы с элементами <i>castra, castellum, στρατός</i> и <i>castrum</i> в системе греко-латинской географической номенклатуры	204
М. А. СУХОВА. Прекрасное в эпитетах героинь «Илиады» (на материале образа Елены).....	208
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Предикаты необходимости в латинском языке: общее и частное	213
К. Ю. ТВЕРЬЯНОВИЧ. Французская лирика в переводах Бенедикта Лившица: метрика, строфика, ритмика, рифма	218
И. В. ТРЕСОРИКОВА. «Золотая нить»: к вопросу об одном образе Платона.....	227
М. К. ТРОФИМОВА. Понятие «варвары» в коптских гностических текстах.....	232
В. В. ФАЙЕР. Гомеровские строки без цезуры глазами античных и современных ученых.....	247
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. Заметки по исторической морфологии кельтских языков.....	253
В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ. Греч. <i>ταρχύω</i> «погребаю» и малоазийский миф о поражении Бога-Победителя.....	257
Е. С. ЦЫПИЛЕВА. Трагедия Невия «Гесиона» (<i>Aesiona</i>): цитаты у Варрона и Авла Геллия.....	268
А. Б. ЧЕРНЯК. Simplex (<i>contio, oratio, verba</i> etc.) у Аммиана Марцелина (Амм. XX, 5, 2; XXV, 4, 13; XXVI, 2, 7; 5, 10) и в поздней латыни	272
М. Ю. ШЕВЧЕНКО. К этимологии <i>πτόρθος</i>	278
C. SCHMIEDER. Zum Verständnis von Martial. 6, 24 – eine Interpretation.....	281